Молодая гвардия

7 • 1986

КАЧЕСТВО - ВОТ НАШ ДЕВИЗ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

*Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал ЦК ВЛКСМ*

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

«Молодая гвардия», 1986, № 7, 1—288

Наш адрес

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а
Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Владимир Кудрявцев родился в 1953 году в деревне Попово Костромской области, на родине Ивана Сусанина. После окончания сельской школы поступил на факультет журналистики ЛГУ. С 1976 года — на журналистской работе. Стихи его публиковались в периодической печати. В. Кудрявцев — участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей.

СКОРО СОЛНЦЕ ВСТАНЕТ...

ИЗ ДЕТСТВА

Бегу двором. В войну играю.
На прутике скачу верхом.
Ворон растрепанная стая,
Как пепел, падает на холм.
— Такое дело, внук, Победа... —
Дед говорит, вглядевшись в даль.
Я так горжусь, что есть у деда
На старом кителе медаль.

Какой-то свет особый в доме.
Наверно, он — от седины.
И ничего не надо, кроме
Вот этой светлой тишины,

Когда над полем месяц тонкий,
Как первенец весенних гроз.
И мать братишкины пеленки
Развешивает меж берез...

РАЗГОВОР С РЯБИНОЙ

Скажи мне, скажи мне, рябина, окошка касаясь,
Кто гроздья твои обмакнул в огневую зарю,
Кто листья твои, как спички сырые, бросает
На наше крыльцо. С тобой, как с живой, говорю.
Я пробую ягоды, морщась от горечи сладкой.
Я трогаю кисти, ладонь обжигая огнем.
Я радуюсь жизни, я радуюсь ей без оглядки,
Как сын мой, Ванюшка.
Мое продолжение — в нем!
И страшно подумать, представить на миг невозможно,
Что весь этот мир, обнаженный в космической мгле,
Вдруг может сгореть...
Оттого так на сердце тревожно
И так неспокойно приходится жить на земле.

ПЕЧКА

Затопили дружно печку.
Встали с бабушкой чуть свет.
Вышел, съежась, на крылечко —
Где же солнце?
Солнца нет...

Над сараем месяц тает.
Тесто ходит на печи.
В Сумарокове светает —
Просыпаются грачи.

Скоро, скоро солнце встанет
Собирать с травы росу
На Михайловой поляне,
На Антонковском мысу.

А пока светила нету,
Став помощницей ему,

Обогрела нас до свету
Печка русская в дому.

У ЗАБРОШЕННОГО ДОМА

Зачем опять, тревожа память,
Молчу, пугаясь мертвой тьмы,
Где избы, брошенные нами,
Врастают бревнами в холмы.

Мне не забыть до самой смерти,
Когда в краю холмов и гроз
Мы, как птенцы при сильном ветре,
Своих родных лишились гнезд.

Но для меня былое свято,
И дико мне, что дом — ничей.
Пускай высоко и крылато
Растут дома из кирпичей.

Кто нас поймет и кто рассудит?
Но, может быть, у старых стен
Я через боль дойду до сути
Больших и малых перемен.

* * *

Закат краснел, как грудь у снегиря
Зимой краснеет в паутине веток.
И стекла, в окнах яростно горя,
Пугали, колыхаясь нервным светом.
И я входил, волнуясь, в новый дом,
Его рубили долго и упрямо,
Чтоб по утрам и на закате в нем
Играло солнце, вставленное в рамы.
Чтоб и в печи горел
Живой огонь,
Был стол накрыт и чтобы, как бывало,
В него старинной песнею гармонь
Моих друзей на праздник созывала...

* * *

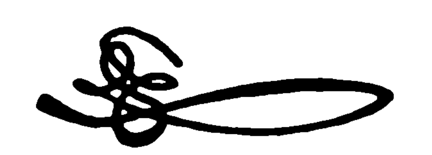
На холме, у кромки дальней,
У кривой, как серп, межи
Липа старая, печально
Ветру кланяясь, дрожит.

Как у той у липы старой,
Там, где сумрак голубой,
У заброшенных амбаров
Целовались мы с тобой!

И по звездам, что чертили,
Будто мелом, черный свод,
Мы загадывать любили
На десяток лет вперед.

Уж не десять лет — поболе
Миновало с той поры.
Заросло кустами поле,
На дрова свезли дворы.

Все сбылось, о чем мечтали?
Или нет? — Смешной вопрос.
Я лежу на сеновале,
В дырах крыши — столько звезд...

ПОЭЗИЯ

Евгений **КАРАСЕВ**

ДУШУ ЧУВСТВУЮ ТВОЮ...

* * *

Не пуля просвистит — пичуга.
Не бомба ухнет — спелый гром.
Душа замрет не от испуга —
от жизни, плещущей кругом.

И я, не думая о смерти —
всего-то девятнадцать лет, —
пойду туда, где небо светит
и наклоняется к земле.

И ветром задохнусь каленым,
и не узнаю все равно,
что ждет меня за окоемом,
что пережить мне суждено.

Но я почувствую всем телом,
но я пойму в дали степной,
что не имеет жизнь предела,
как это небо надо мной.

* * *

Грядущий век,
покуда скрытый мглой,
дохни в лицо — твое дыханье близко.
Увижу ли, как в тишине земной
склонишься ты пред каждым обелиском?

Услышу ли, как ты произнесешь
те письмена, оставленные нами?
А если не услышу я... Ну что ж,
не поминай недобрыми словами.

И все ж я рад, что на моем пути
та боль была, что отживет не скоро.
Я до тебя хотел бы донести
огонь души,
а не огонь разора.

* * *

Ныли ноги, и трескались губы.
И казался немыслимым шаг.
Сапоги до того были грубы,
прикоснешься ладонью — наждак.

Я не ждал от команды гремящей
снисхождения, как доброты.
Чем грубей становился, тем чаще,
тем нежнее глядел на цветы.

* * *

Земля, я душу чувствую твою
и чувствую, как откровенен с нею.
Вовеки ничего не утаю,
во всем тебе признаюсь, как умею.

И если был я в чем-то виноват,
прости, прости...
Другого не желая,
душой откликнусь, каждой ветке рад,
и — знаю — рада мне она, живая.

* * *

Здесь улочка ничем не знаменита.
Здесь подорожник жилист и упрям.
Как хорошо! И родина открыта
задумчивому небу и ветрам.

Здесь жизнь моя. Наличники резные,
цветущая сирень и пыль дорог.
Но, не таясь, проблемы мировые
воспринимает сердцем городок.

Ни муравья, ни веточки не трону.
Я об одном вздыхаю тяжело:
чтоб этот мир не обожгло нейтроном,
чтоб никогда его не обожгло...

И я не знаю улочки дороже,
где хлеб и соль главенствуют в дому,
где борется с камнями подорожник
и торжествует, побеждая тьму.

* * *

...А за окошком от вьюги бело
и никого-никого не видать.
Кто постучал в ледяное стекло?
За голубой пеленой не узнать.
Кто бы сейчас ни стучал,
все равно —
в сердце мое.
— Сыночек, открой, —
не обнимавшая сына давно
мать постучала усталой рукой...

В ПУТИ

Черные ветви на снежном просторе.
Черные ветви вблизи и вдали...
Все-то я помню — и радость и горе.
Жизнь, ты мне радость еще подари!

Ты подари мне денек поприветней
и разбросай по нему снегирей.
Черные ветви на белом заметней.
В памяти черные тропы видней.

* * *

Желанный лист
сегодня страшен снова,
хотя белеет,
как в окне рассвет.
Перед поэтом беззащитно слово,
как беззащитен перед ним поэт.

Евгений ТУИНОВ

Рис. А. Волошина

ЗАЧЕМ ПРИЕХАЛ...

Рассказ

На школьный двор Чубаров пришел, похоже, первым и теперь пританцовывал на повизгивающем, утрамбованном до ледовой плотности сером снегу, поглядывал на ребятишек с портфелями, румяных и шумных, расходящихся после занятий по домам, и чувствовал, что замерзают ноги и нос. День был морозный, ясный, безветренный. По улице Пушкина, прямо за школьными воротами, гулко громыхали трамваи. Домовито ворковали голуби на карнизах. Солнце стояло по-вечернему низко и прощально выглядывало из-за домов своим нестерпимо ярким глазом, но не грело. Его резкий, красноватый свет холодно отражался в узких полосках накатанных рельсов, дробился в стылой паутине проводов. Чубаров, засмотревшись на яркое, чихнул два раза и полез в карман дубленки за носовым платком.

«Неужели она не придет?» — тревожно подумал он. уже волнуясь, и это легкое волнение вдруг напомнило ему то, двадцатилетней давности, ожидание на трамвайной остановке. Тогда, кажется, так же было морозно, и

мерзли ноги, и он приплясывал для согрева. Но тогда он волновался куда сильнее. Все было острее и пронзительнее тогда, в юности был ярче румянец на щеках, тягостнее ожидание, выше полет фантазии, смелее мечты, дерзновеннее планы, разлука непереносимее и страшнее, крепче дружба, яростнее обиды, безутешнее горе, искрометнее радость и глубже душевные страдания. Да что там — небо было выше, чище воздух, пространства шире и просторнее. Даже этот школьный их двор, разве был он таким удручающе тесным, как сейчас? Впрочем, тогда она так и не приехала ни седьмым по счету трамваем, ни десятым, ни даже двадцать третьим, и он, забившись в угол полупустого вагона, дрожа от свирепого озноба и от обиды, отчаиваясь и вдруг на короткое мгновение обретая непрочную, призрачную надежду, долго куда-то ехал по незнакомому маршруту, и было все равно куда. В заиндевевшем окошке он проскреб ногтями щелку и, то и дело бдительно подновляя ее, смотрел всю дорогу в стылое пространство ночи остановившимися, сухими глазами. Как же давно это было!

Они учились в восьмом классе, и он неожиданно тогда понял, что, кажется, любит ее.

В который раз уже, зябко поеживаясь, Чубаров высвободил из-под рукава дубленки часы, машинально нажал пальцем крошечную кнопку подсветки и взглянул на зеленовато-серые цифры в окошке циферблата. До начала вечера встречи выпускников их школы оставалось двадцать семь минут. И что он притащился в такую рань? Еще эти фирменные часы умели показывать месяц и число, пронзительно, въедливо попискивали каждый час, отсчитывали секунды и имели в своем плоском прямоугольном корпусе миниатюрный электронный калькулятор, обученный всем четырем действиям арифметики. В общем-то удобно — всегда можно было, не отходя от кассы, проверить, на сколько обсчитали или не обсчитали тебя в магазине. Чубаров вспомнил, что часы им в школе официально разрешили носить лишь после восьмого класса. Кому-то, наверное все же завучу, казалось почти крамолой, если ученики младших классов, как и учителя, будут знать, много ли времени остается до конца урока.

— Дядь, а дядь, вы в нашей школе учились? — спросил его долговязый, нескладный подросток. Вязаная шапочка закрывала ему лоб и вообще опущена была ниже бровей, и из-под нее поблескивали хитрые глаза.

— Да вот, как видишь, — сказал Чубаров, грустно усмехнувшись. — Хотя что ты там видишь-то из-под своего колпака?

— На вечер встречи, наверное, пришли? — уточнил мальчишка чересчур уж елейным голоском.

— Все правильно, — не желая настораживаться, согласился Чубаров. — Только никого из наших что-то не видать.

Мальчишка зыркнул из-под шапочки на двери школы, шагнул ближе и, приставив ко рту озябшую, красную ладошку, шепотом, будто по секрету, сказал:

— Ваши еще придут. Обязательно! А закурить не дадите?

— Да пошел ты знаешь куда!.. — возмутился Чубаров, даже не тем возмутился, что мальчишка тут ваньку с ним валял из-за всего-навсего паршивой сигареты и он-то, вальяжный дядя в дубленке, столь просто попался на его удочку, а тем, что в их время все же стеснялись так вот клянчить курево у взрослых, — и что это за дети теперь пошли!

— Ладно-ладно, дядь, — пятясь от него, примирительно пролепетал мальчишка. — Я пошутил...

— Давай-давай отсюда, — проворчал негромко Чубаров. — Ну, нахалы!

«Может, он на спор с кем-то?» — немного поостыв, подумал Чубаров и обернулся в поисках соглядатаев подвига, но сзади никого не увидел. Случай, значит, был до обидного рядовой.

Надо, конечно, было позвонить кому-нибудь из бывших одноклассников, заранее узнать, кто придет, а то, может, и зря он сорвался, приехал из Москвы... Неужели и вправду останется он один сегодня? Наивный человек, на что понадеялся? Разве на чудо? Словно на всех сразу может накатить, как накатило на него, такое вот настроение, неодолимое желание повидаться, сойтись в стенах бывшей школы, поговорить, узнать, как у кого сложилась жизнь. Ведь и дата не круглая — восемнадцать лет. Пусть бы двадцать, тогда уж куда ни шло, вроде и положено, и не грех являться.

Первое февраля... Еще прежним строгим директором было установлено именно это число для ежегодных встреч выпускников. Традиция. И никаких объявлений в газетах или по городскому радио, как делается в других

школах: кому надо — вспомнит, кто дорожит, тот и придет, приедет хоть с края света. Не то чтобы Чубаров дорожил, то есть, наверное, дорожил все-таки, и каждый год, когда наступало это освященное традицией первое февраля, он добросовестно вспоминал и однажды, когда еще учился в университете, приехал. Одноклассников тогда собралось много. Все почти где-нибудь учились или только-только пришли из армии, и было хорошо со всеми вместе, как-то особенно грустилось и радовалось тогда. Жаль, не было ее, Вари Насоновой, которую он и сейчас старательно высматривал среди входящих в школьный двор выпускников разных лет. Помнить-то помнил, а приехал лишь один раз. Учился в университете — было некогда вроде. Что уж говорить о том, когда наконец окончил его? Все навалилось кучей: работа, аспирантура, семья, диссертация и работа, работа... Пропустил он десятилетие, не выбрался, послал только телеграмму, нескромно надеясь, что зачитают ее в актовом зале при всем народе. Зачитали — не зачитали? Неизвестно. Совсем забыл о пятнадцатилетии — кажется, приступал тогда к докторской, — а вспомнил поздно, уже в день встречи.

И снова Чубарову почудилась Варя в одной из вошедших во двор женщин. Что же он так волнуется-то в самом деле! Нет, не она... Странно все же устроен человек — терять голову из-за какого-то там прошлого, из-за полузабытого, полусочиненного теперь, но вдруг капризно всплывшего в памяти наивного давнего чувства... Чубаров, кажется, разглядел кого-то в жидкой синеве ранних сумерек, кого-то из своих среди ввалившихся с шумом в ворота дядей и тетей. В стремительных облачках пара от дыхания терялись чьи-то искаженные возрастом знакомые черты. То ли Коля Одноралов, но что-то уж сильно толст, то ли Увакин... Как хоть его звали-то? Миша? Гена? Увакин и Увакин — его все больше по фамилии. Нет. Опять обознался. А этот Увакин всегда был несерьезным каким-то. Учился, вроде бы не выдаваясь, без троек. Или уж он путает его с кем? И все улыбался — рот до ушей. Лицо простецкое и добродушное. Над ним все подсмеивались, как над Иванушкой-дурачком, и он не обижался почему-то. Где он сейчас, этот чудной Увакин? Кем теперь стал?.. Чубаров вдруг спохватился, что ни о ком-то из бывших одноклассников ничегошеньки не знал. Кто? Где? Как? Ведь взрослые люди... Интересно. Он подумал о себе — кому-то и его жизнь будет инте-

ресна. Кто он, где и как? Что скажет им? Социолог. Модная профессия. А он еще занимается социальным прогнозированием, или, как говорят на Западе, социальным проектированием будущего. Выявление социальных последствий от принятых экономических решений, субъект управления, тенденция управления, социально-демографическая политика — это должно заинтриговать бывших одноклассников. Да, ему есть что сказать о себе, если подвернется случай. Уже давно его стали приглашать выступать с лекциями, записывали на радио и телевидении, давали интервью с ним в газетах, уговаривали поучаствовать в дискуссиях... «По мнению социолога Чубарова...», «Чубаров предполагает, что к началу следующего тысячелетия...», «Общая стратагема, как считает Чубаров, такова...». На него уже ссылаются, его цитируют. Дожил! Статья для еженедельника, ученый совет в институте, вычитка корректуры новой книги, ознакомление с данными социологического опроса, запись на Центральном телевидении — все это могло теперь сойтись у него в один день, а еще звонки, просьбы, отказы, утряски и увязки, козни, интриги, всегда ровный, ласковый голос жены в трубке: «Что приготовить к ужину?» — заботы об автомобиле, да не забыть бы про какие-то билеты не то в Большой театр, не то в Дом кино для слесаря станции технического обслуживания, заехать к приятелю на «видик», чем-нибудь умаслить тещу, чтоб в выходной посидела с детьми — старшего пусть отведет в бассейн, с младшей забежит на мультики в «Баррикады»... Но этого уже не расскажешь, конечно, бывшим одноклассникам, это «за кадром», от этого он сбежал, поставив машину на платную стоянку у ВДНХ, смылся, махнул рукой, наплевал на все — подождет! — сел в поезд и укатил сюда, в город детства. Будущее будущим, прогнозы прогнозами, а захотелось вот окунуться в прошлое. Чубаров вспомнил, что по образованию-то он историк, и усмехнулся. Куда только не занесет человека! Ведь когда-то занимался семнадцатым веком, иностранцами в России, дипломную писал по «Путешествию...» Адама Олеария... А собственно, зачем он приехал? Неужели для того лишь, чтобы других посмотреть и себя показать, выяснить, не устроился ли кто лучше, ловчее в жизни? Вопрос оказался для него трудным, хоть и привык он с ходу отвечать на всякие там заковыристые, каверзные вопросы. Приехал и приехал. Соскучился, затосковал, нор-

мальная ностальгия... Да и отец его еще живет в этом городе, и давно они не виделись. Мельком Чубаров устыдился того, что отказался жить эти дни у отца, устроился в гостинице. Все боялся несвободы, не хотел и сам никого стеснять собою. Небось раньше у него и в мыслях такого не появилось бы. Отец все-таки тоже по нему соскучился. Ладно... Что еще? Восемнадцать лет прошло, и если не считать того давнего, в студенчестве, вечера встречи, когда они танцевали до упаду в спортзале, сводили старые, еще школьные счеты, то ведь он легко как-то обходился без этого, без одноклассников, без интереса к ним, без бывших учителей, без самой школы... А сейчас? Сейчас ему тридцать пять, он скоро защитит докторскую, он в моде, он занят своим делом и очень многим нужен, у него все отлично в том смысле, что прекрасная, умная и понимающая его жена, у него сын — девяти лет, отличник в своей престижной английской школе, у него дочери четыре с половиной года — уже читает, рисунки выставлялись в Доме ученых, берет на пианино несколько аккордов, у него хобби — марки, любимые друзья, машина — всего пятнадцать тысяч пробега, свой человек в автосервисе, свой зубной врач, массажистка по субботам, видеосистема, у него половина отпуска зимой на лыжах в Домбае, а другая в Юрмале в самый сезон, загранпоездки почти каждый год, и не по путевкам, а с делегациями, на казенные, и, наконец, уважение, даже почет. Он оказался ловким, сообразительным малым и многого достиг в свои тридцать пять. Зачем же он сюда приехал, черт побери? Неужто без этого не обойтись?

В целлофановом пакете с яркой картинкой мерзли три тощие гвоздики, купленные им час назад на городском базаре за бешеные деньги — кому-нибудь из бывших учителей, — и лежали три экземпляра его последней книги — тоже кому-то, кого заинтересует. У него ведь оказалось еще бойкое перо, и самые сложные, заумные мысли он излагает доходчиво и легко. Может быть, поэтому и нужда в нем повсюду?

Чубаров пошевелил занемевшими пальцами ног в сапогах, растер нос лайковой перчаткой и понял, что пора бы в тепло, но он уже боялся почему-то и в самой школе не найти никого из своих. Вряд ли кто пришел раньше него. Ну, чего, чего он боялся-то? Но будто снова что-то почувствовал он, что-то такое, неясное и тревожное, будто чего-то ему не хватало. Это чувство недавно посе-

лилось в нем, может быть, даже не чувство — предчувствие. И панически чутко отзывалась на него душа, словно разверзалась вдруг бездна перед нею, пустота, неизвестность. Как не любил он размытые, вялые эти словечки, этот почти декаданс, это убежище нытиков и неудачников! В его работе они были лишними, запретными, табу, в его-то положении, да и в остальной своей жизни он привык выражаться и чувствовать определенно.

— Чубаров, ты ли это?

Он вздрогнул, чуть не выронив пакета из рук, и лишь теперь заметил перед собой солидного мужчину в лисьей мохнатой шапке и легкой куртке на искусственном меху с откинутым за спину капюшоном. И, прежде чем узнать его, Чубаров успел с иронией подумать о себе: «А я ли это в самом деле?»

— Ленька? — спросил он. — Трофимов?

— Ты чего, Рыжий, совсем спятил? — удивился не узнанный им бывший одноклассник.

«Рыжий» было школьное прозвище Чубарова. А он уж и забыл о нем напрочь. Сначала его, правда, звали Чубарым или Чубариком, но кому-то показалось это слишком примитивным, и тогда стали звать Рыжим — за веснушки. Прозвище все же должно быть хоть чуточку обидным, чтобы его требовалось терпеть. Иначе что это за прозвище?

— Шульговский? — уже гадал Чубаров.

— Ну! Обижаешь!.. — усмехнулся Илья Шульговский, и лишь по этой снисходительной усмешке и можно, пожалуй, было его теперь узнать. — Давно мерзнешь?

— Давно! — сказал Чубаров, совсем как мальчишка радуясь, что теперь-то он не один, а вот с Шульговским.

— Наши решили на самотек это дело не пускать, — сообщил Илья. — Всем заранее разослали приглашения. И что любопытно, все в основном остались в родных пенатах. Таких ренегатов, как ты, только восемь обнаружилось. Всех сыскали, а твоего адреса не достали. Выбился в люди и скрываешься от народа? Нехорошо! Главное, мы о тебе знаем: слышали, читали, по «ящику» твою образину чуть не каждый день стали показывать, а где его улица, где его дом, квартира — неизвестно. Нормально устроился, да?

Ну, конечно, он за последние три года столько переезжал, решал жилищный вопрос, съезжался с родственниками жены, потом разъезжался... Где уж им было най-

ти его! А Шульговский небось какой-нибудь крупный инженер, может быть, даже главный. В прошлом — склонность к точным наукам, учительницу физики поправлял на уроках, вечный чемпион или призер районных, городских математических олимпиад, надежда класса, всей школы...

— Ты-то как теперь? — спросил Чубаров торопливо. — Где? Кем?..

— ...Сколько? — как бы за него продолжил Илья и снова снисходительно усмехнулся, только сейчас в знакомой этой усмешке его сквозила, пожалуй, болезненная выжидательность, словно тень какая-то пробежала вслед за усмешкой по его лицу, или казалось так в сумерках. — Я нормально! Конечно, не бог весть... Но живу, дубиной не сшибешь. Мне что? Вишь, в валенках хожу, ноги в тепле, значит. Однако здорово ты подгадал. Или предупредил кто? Наши удивятся. Не ждали! Сбор у Натахи Тиньковой. Сейчас все сразу заявятся. А я прямо с работы подкатил. Дела, знаешь...

Он действительно был в черных валенках без галош. Жизнь у него не заладилась, что ли? Что же не сказал о себе ничего, уклонился? А жаль, если так! Хорошо начинал. Чубаров часто вспоминал Шульговского, уверен был, что все у него прекрасно. Когда-то он даже завидовал раскрепощенности Ильи, его способности со всеми ладить, легко сходиться с людьми и так же просто порывать отношения, его умению незло и тонко, как казалось тогда, шутить, не обижаться на шутки других и вообще тому, что был он всегда понятлив и ненавязчив. Хотя, конечно, не столько завидовал, сколько жалел, что сам лишен этих качеств, что все-то у него неуклюже было и тяжеловесно, без артистизма, только всерьез. Илья и учился как бы шутя, без натуги, без видимого напряжения, словно из воздуха улавливал знания, хватал все на лету. Впрочем, раньше они с Чубаровым относились друг к другу прохладно, а ближе к окончанию школы и вовсе разругались в пух и прах. А не Шульговский ли и наградил его тогда этим обидным дурацким прозвищем «Рыжий»? Да, всему виной была, конечно, та давняя ссора между ними из-за Вари Насоновой... Что было, то было. Но отчего же они стояли и молчали теперь, через столько-то лет, друг возле друга? Или не о чем было им говорить?

И вдруг он поймал себя на странной мысли, а может

быть, чувстве, что в общем-то не столь интересен ему теперь и этот Шульговский — что с ним и как? — да и все остальные, еще не явившиеся бывшие его одноклассники, что лишь она, так ведь и есть — Варя Насонова, — волновала его: придет или нет? То есть скорее ради нее одной он и приехал, видимо, сюда, и мерз сейчас около школы, и вообще томился там, мучился неведомым, тревожным предчувствием — там, в своем обозримом и понятном, в уютном и надежном мире. Для нее, но ради себя, ради того только, чтобы узнать, как же она живет теперь, счастлива ли без него, чтобы увидеть и все понять, почувствовать сразу в ней, он и отложил, значит, свои дела, отсрочил встречи, на время оставил, забыл семью. Именно так все и было!

— Вот и наши, — кажется, с облегчением сказал Шульговский.

Видно, очень уж он тяготился компанией Чубарова. Разве и вправду не задалась его судьба, запелась, да не сложилась?.. Ладно, наши так наши. Вари среди них все равно не было.

И в следующее уже мгновение, подчиняясь неясному, вдруг увлекшему его порыву, Чубаров с неожиданным, даже, пожалуй, смешным для него трепетом стал узнавать в этих взрослых мужчинах и женщинах своих бывших, почти забытых им одноклассников: Костя Сабуров, Серега Ковальчук, Наташка Тинькова, Коля Одноралов, Саблукова Светка, Гарик Киленин, Юшков, как же его звать-то, болезного?.. Увакин, ну да, Саня Увакин, а Юшков — Толик, а эта губастая, Лидка, что ли, Ханыкова? Славик Урусов, Теглев Генка, Ваня Воропаев, Ваня Зернов, Суглобова Райка... Сколько же их? Объятья, смех и крики, старые прозвища пошли в ход... Чубаров почувствовал, как что-то сорвалось у него внутри и он провалился будто в звенящую радостную истому, одурел малость, и скорее хотелось спросить каждого о чем-нибудь, что-нибудь вспомнить и ответить сразу на все посыпавшиеся вдруг на него вопросы. Мельком он успел, конечно, удивиться: почему это именно его больше других все спрашивают? Но вроде было и понятно — может быть, он один и не являлся так давно на традиционные вечера встречи выпускников, и потом, они же заранее собрались у Тиньковой, уже небось успели навосклицаться, наговориться, а он как бы новенький, свежий, и все сейчас ему... Илья Шульговский отошел в сторонку и

терпеливо пережидал этот всеобщий шум и свалку. Чубарову стало тепло и весело, согрелись даже ноги, и он, еще не очухавшись от первой волны волнения, поймал себя на том, что вот уже минуту или две рассказывает Светке Саблуковой о своих детях. И кто-то еще слушал его, кто-то пошел уже к дверям школы, кого-то окликнул Шульговский, требуя, должно быть, и к себе внимания... Почему Светке? И почему о детях? Кажется, она сама начала, сказала, что у нее три сына растут-подрастают. И кто-то, наверное, Коля Одноралов, схохмил по этому поводу:

— Ты поднатужься, Светик, не поленись. Еще чуток, и мать-героиня!

И снова, конечно, кругом смеялись. Ковальчук вприпрыжку бегал по двору за Лидкой Ханыковой. Чего это он за ней? Или что было там у них, в прошлом? Орал петухом Славик Урусов. Раньше он любил помяукать из-под парты. Два Ивана, Зернов и Воропаев, — они и в школе были дружны — пытались наскрести в углу двора немного непритоптанного снега, чтобы скатать снежки и исподтишка пульнуть, как бывало, в кого-нибудь из девчонок. Чубаров усмехнулся: какие они теперь девчонки! И пока Светка в ответ ему прилежно расписывала каждого своего сына, начав, разумеется, со старшего, он думал о том, что во всех их, должно быть, вселился тот давний и навсегда, казалось бы, забытый, выветрившийся дух детства, и каждый из них, словно по волшебству, возвратился туда, на восемнадцать лет назад, обретя на время прежнюю легкость тела, озорство мысли и даже старое свое прозвище. И он сам отзывался уже на Рыжего, без обиды, привычно и терпеливо, и кого-то уж тоже окликнул не по имени, и ему охотно ответили. Светка перешла наконец к своему младшенькому — все-таки как была она занудой, все у ней по полочкам, так и осталась — отличница-активистка, — но вдруг Чубарова будто толкнуло что в спину. Он обернулся к школьным воротам и сразу увидел ее. Нет, это была она и не она, но он тут же, мгновенно, без малейших сомнений, понял, что это Варя, и так и остался стоять, беспомощно сознавая, что самым нелепым, самым дурацким ведь образом выдает себя с головой перед всеми, перед примолкшей на полуслове Светкой Саблуковой, перед Шульговским и Килениным, уставившимися на него и, конечно, все понимающими и что-то уж непременно думающими

сейчас о нем... Пришла! Значит, из-за нее он здесь все-таки?..

— В отделе, которым я руковожу, семьдесят три сотрудника! — прозвучал вдруг очень громко голос Ковальчука в наступившей тишине.

Это он поймал Лидку Ханыкову и, невзирая на то, что все кругом молчат, рассказывал ей о том, чего добился уже в жизни. Но Чубаров даже не повернулся в их сторону. Он шагнул Варе навстречу, невольно отмечая каждую новую черточку в ее облике: усталые, мудрые, настороженные глаза, некоторая бравада — оно и понятно, с порога сразу такое внимание, хотя нет, пожалуй, из-за близорукости она чуть щурится и высоко держит голову — это было и раньше; полнота — может, виновата зимняя одежда? — и степенность в движениях. На Варе была меховая, кажется норковая, жакетка по нынешней, вернувшейся моде — с высокими, подкладными плечами, широкополая мягкая шляпка — в этакий-то мороз! — и что-то, не то длинная юбка, не то зауженное книзу платье из плотной черной материи, короткие сапожки с мятыми голенищами. За всем за этим был ее безупречный вкус, не ограничиваемый средствами, и, конечно, обеспеченный мужчина, не сдерживающий себя в тратах на любимую женщину. Так и должно быть, ведь это была она. Чубаров походя, мгновенно отметил все про себя и уже холодным, сторонним умом подумал вдруг, что вот и ладно, достаточно, и повидались, дальше будет неинтересно и можно уходить...

— Прошу любить и жаловать! — забежав перед нею и глядя почему-то на Чубарова, шутовски представил ее Шульговский. — Варя Насонова из параллельного класса, она же, к счастью уже в прошлом, Незнамова и снова Насонова ко всеобщему удивлению и к персональному ликованию Рыжего. Дружно хлопаем, чепчики в воздух. Рот уже можно закрыть. Я тебе говорю, Рыжий. Простудишься. Оркестр, встречный марш! Пропустите счастливых пионеров с цветами!..

Илья, разумеется, ни капельки не изменился, разве что шуточки его стали злее. А собственно, что он так нервничает-то?

— Можно не комментировать, Шульговский, не футбол! — парировал Чубаров с привычной легкостью, почти не задумываясь. Он, конечно, уже пришел в себя и, взяв ее руку в свою, сказал испытанным, обкатанным во

встречах с телезрителями голосом, прочувствованно и с достоинством: — Ну, здравствуй, Варя Насонова! Очень рад...

Через мягкую кожу ее перчатки Чубаров чувствовал тонкие, небось озябшие пальцы. Рукопожатие их было недолгим. Варя слегка кивнула ему и отдернула руку. Краем глаза он видел, как удаляется к дверям школы Шульговский, как и другие бывшие одноклассники вежливо оставляют их одних, тоже уходят. Кинули в кого-то свои снежки оба Ивана, и кто-то из девочек игриво засмеялся в ответ.

— А ты стал злым, — сказала Варя с улыбкой. — Здравствуй!

— Пущай на рожон не лезет, — сказал Чубаров и спросил: — Так ты и замуж сходила и вернулась уже оттудова цела и невредима?

И зачем вот он впал в этот навязанный Шульговским ироничный тон? Ведь еще чуть-чуть, и с водою выплеснет младенца, осмеет святыни и уедет, как не приезжал, таким же нетронутым и довольным собой. Или и вправду будет неинтересно? Чубаров уверенно взял Варю под руку, и они пошли в школу. Что-то она, конечно, ответила ему, кажется о замужестве, или опять удивилась, каким он стал теперь. А он вдруг вспомнил, каким был, робким, зажатым, косноязычным, и вот по этому же школьному двору не посмел бы не то что под руку, а даже просто рядом пройти с нею тогда. И чего он боялся? Он снова ненароком попал в тот холодный, полупустой трамвайный вагон, заглянул обострившейся памятью, и пока шли они с Варей по коридору к гардеробу, задержался в том, двадцатилетней давности времени, проехал несколько остановок. Тогда он пригласил ее в кино, а она не пришла, и он замерз и устал ждать, оцепенел в своей обиде и непереносимой грусти, в безнадежном чувстве того, что все рухнуло — его не любили. Потом она подошла к нему на другой день на перемене и мило извинилась, сославшись на что-то, он не помнил, на что, и снова заполнила его опустевшую душу надежда, и было трудно дышать, было тесно в груди, потому что надежда была велика, а он — мал и глуп еще, чтобы понять, что это же нарочно она обнадеживает его, не отпускает далеко — вдруг да пригодится. И была сладка эта давняя мука. Чубаров помог Варе снять жакетку, принял шляпку и повесил на вешалку.

В зеркале он увидел ее и себя. Как-то непривычно они смотрелись вместе, и вообще уже казалось раньше, что этого — вот так, рядом — не может быть никогда. Ан, нет, случилось. И ничего бы вышла пара... На Варе была новомодная сиреневая блузка: рукав, воротничок, отделка — он-то знал, что сейчас носят, — и длинные волосы шли ей. А ведь она по-прежнему красива! Чубаров с неохотой, вынужденно признал это и пошел следом за Варей по ступенькам наверх из подвала, стараясь не загадывать наперед, как же они будут жить теперь с нею дальше.

— Наших небось никого, — обернувшись, сказала она на ходу. — Да и видеть их кислые рожи... Всегда мечтала учиться в вашем классе. Вы были дружнее, интереснее. Я уже не отойду от тебя. Ладно?

Он кивнул, машинально проверил на ощупь, не сбился ли галстук, и прикинул, что же хотела она этим сказать на самом деле. Если просто оправдать перед ним полное равнодушие к бывшим своим одноклассникам, тогда понятно. Впрочем, что же еще?

— Кто такой Незнамов? Не припоминаю, — спросил он о ее бывшем муже, понимая, что ей это может быть неприятно.

— Один совсем неизвестный человек, не то что ты, например, — ответила Варя с неохотой. — Обыкновенный, рядовой, невыдающийся... Что еще тебя интересует? Отец моей дочери... Вот... Да мы с ним и жили всего несколько месяцев. Удовлетворен?

Он промолчал, досадуя уже, что полез с расспросами. Как-то получилось не очень, будто она оправдывается перед ним.

В актовом зале было уже полно народу. Чубаров, найдя глазами своих, махнул Однорaлову, который тоже делал ему знаки рукой. Их выпуск сел поближе к сцене — явно чувствовался руководящий почерк Шульговского. Илья не любил прятаться за спинами, сзади жаться, всегда лез вперед, на глаза. Когда-то это тоже нравилось в нем Чубарову.

— Варька! — крикнул кто-то с последних рядов. — Мы тута!

Она даже не взглянула в ту сторону, послушно прошла следом за Чубаровым и села рядом. Чуть поодаль расположились нынешние два выпускных класса: белые фартуки девочек, кружева, банты, мальчишки были со-

всем уж юными, губастыми и розовощекими, кое у кого темнел пушок на щеках — скоро бриться. Неужели и они восемнадцать лет назад выглядели так же зелено?

Явился Гарик Киленин с большим бумажным кульком в руках.

— О! Цветики прибыли, — крикнул Шульговский. — Ты машину-то хорошо закрыл, Игоряша?

Киленин бросил ему ключи. Он и раньше был у Ильи на побегушках. Как все же мало меняются некоторые с годами. Вон и Ковальчук до сих пор лишен чувства юмора.

— Налетай, навались! — продолжал руководить Шульговский. — Разобрали цветики! С пионерским задором! Что бы вы без меня делали? А? Розы в феврале!.. Кто устроил? Слышь, Одноралов, ты бумажку-то с цветов сними, скомкай и съешь. Кто в бумаге-то дарит?

Розы были хороши, в бутонах, даром, что ли, Илья не морозил их на улице, держал в машине. Чубаров подумал, стоит ли вообще доставать свои заморенные гвоздики, но решил, что стоит — плевать, мол, на мелочное это соперничество с Шульговским, теперь из-за цветов, надо быть выше, — и достал.

— Ты, наверное, из самой столицы их? Или с лета в книжечке засушил? — пошутил, и довольно удачно, Илья, но появление на сцене учителей и аплодисменты в их адрес были очень кстати, избавили Чубарова от необходимости неуступчиво острить ему в ответ.

Их бывшая классная, уже давно пенсионерка, Тамара Николаевна помахала им из президиума рукой. Шульговский тут же отрядил Гарика Киленина на сцену с букетом для нее. И снова захлопали в зале.

— Спрашивают, кто будет выступать от нашего выпуска, — сказал Гарик, вернувшись.

— Надо думать, — подперев лоб рукой, пошутил Илья. — Одноралов, не вертись! Ты тоже сядь, Игоряша, не мелькай! Какие поступают предложения с мест?

— Чего думать, — сказал вдруг Увакин. — Чубаров пусть от нас.

И так уверенно он это сказал, словно заранее они там где-то решили, и все, даже многодетная Светка Саблукова, загалдели одобрительно:

— Чубарова! Давай, Рыжий! Пускай Чубаров отдувается!..

Странное было единодушие. Чубаров посмотрел на Ва-

рю, но она сделала вид, что ничего особенного не произошло, и даже не ответила на его взгляд.

На сцене начали проверять, работает ли микрофон, оглушительно заверещало в динамиках, заскрежетало и затукало.

— Предложения поступают вяло, — сказал Шульговский с мелочным каким-то умыслом. — Чубаров — раз! Чубаров — два! Чубаров — три! Продано!

— Ты бы заткнулся, что ли? — попросил его Коля Однoралов.

Грубо, конечно, но по существу. Надоел! Чубаров решил не ломаться, не выяснять кокетливо, почему, мол, именно ему доверили, не скромничать. Он привычно попытался прикинуть, что станет говорить, но так сразу ничего не пришло в голову. Ладно, сообразит по ходу. А ведь когда-то, бывало, он мучился у доски, зная урок, но не в силах складно пересказать вычитанное в учебнике. Или уж этого не было вовсе? Больно дико вспоминать!

— Знаешь, почему Илья юродствует тут? — склонившись к нему, спросила Варя шепотом. — Как с Незнамовым развелась, свататься ко мне стал. Звонил одно время каждый день. Все, говорит, ради тебя брошу...

— Он женат? — зачем-то спросил Чубаров.

Варя кивнула.

— А кем работает?

— Разве еще не похвастал? — удивилась она. — Директор мотеля. Там у них свой автосервис, так Илья в городе большой человек...

Жизнь, значит, у Шульговского и вправду не задалась, и он сам это знает. Иначе зачем бы умалчивать о работе? Впрочем, автосервис — это серьезно. Чубаров понимал. Оно ведь кому чего надо от жизни. Задалась, не задалась... И дома небось не все в порядке. То-то он нервничает, дергается, никак не найдет нужный тон, фальшивит. Чубаров пристально посмотрел на Шульговского. Тот шептался как раз со Славиком Урусовым, но взгляд на себе почувствовал и дерзко ответил своими карими блестящими глазами. Так они поглядели друг на друга несколько тягостных секунд, и Чубаров отвернулся.

— Дорогие друзья! — уже говорил с трибуны директор школы. — В этот традиционный, знаменательный день

мы от всей души рады приветствовать в стенах... Собрались здесь сегодня... Как одна семья... Выпустила в большую жизнь...

Чубаров снова взглянул на десятиклассников и почему-то вспомнил о том, что юные эти создания еще не родились, когда они, их выпуск, покидали стены школы и уходили, как говорит директор, в большую эту жизнь. А кажется, словно вчера все было. И время не властно над памятью и над тем, что принято называть прошлым. Но Варя сидела рядом, и почти так же, как тогда, давно, вдруг забилось сильнее сердце. Какое же оно, прошлое? Прошлое — это если прошло. А у него, кажется, еще нет. И у Ильи не прошло тоже. Чубарову сделалось не по себе от маленького этого открытия: все осталось по-прежнему... И снова их соперничество с Шульговским, снова он волнуется как мальчишка. Знакомая родинка на щеке Вари чуть побледнела за эти годы, легкие морщинки сбежались в уголки глаз, и руки ее были не так хрупки теперь, конечно, — пополнели. Но мало, мало что изменилось. Она почти не пользовалась косметикой или уж он совсем ничего тогда в этом не смыслит. Чубаров стал искать скрытую причину ее признания в том, что Шульговский к ней сватается, но слишком был возбужден, пожалуй, и сумел лишь глубокомысленно заключить, что все, видно, не случайно в мире этом.

— Представляешь, только, значит, я пришел, поступает этакое задание... — тихонько басил за спиной Ковальчук кому-то.

О чем он там? Что за задание? Чем вообще занимается в своем отделе? Ближе всех сидел Увакин, и Чубаров спросил его об этом.

— Участвовал в создании нового поколения промышленных роботов, — шепнул Ивакин как подсказку на уроке. — Выдвинут в коллективе на соискание Государственной премии. Газеты писали...

Ну, вот и еще из них один, о котором в газетах. Ковальчук пришел к ним, кажется, классе в седьмом, увлекался астрономией, в баскетбол играл хорошо — длинный... Оно, конечно, не обязательно чувство юмора человеку, чтобы создавать промышленных роботов. А ведь молодец, есть чем похвастаться! Чубаров подумал, говорить ли, когда позовут выступать, что среди них находится без пяти минут лауреат высокой премии, и вдруг ужаснулся: он же ничего толком не знает о них, о бывших своих

одноклассниках! Ну, ладно Ковальчук. А Одноралов? А Наташка Тинькова! А два Ивана? Кто они? Чего добились и добились ли чего? Генка Теглев, Юшков, Райка Суглобова, Славик Урусов, Сабуров вон Костя, Ханыкова... Та же Светка Саблукова, кем она стала, кроме того, что мать многодетная? Да и какая она Саблукова, если замужем-то? Другая у нее и фамилия... Что скажет он с трибуны? И зачем, почему они выбрали его? Неужто просто по инерции — примелькался с экрана телевизора? Вот ведь обыденное, ленивое мышление, стереотип, штамп, клише! И отказаться вроде неловко, поздно уже, и что они все подумают о нем тогда...

Чубаров, чтобы успокоиться, стал разглядывать учителей в президиуме. Кроме Тамары Николаевны, бывшей классной, которая вела у них русский язык и литературу, все были не знакомы ему. Пожалуй, нет, сзади — он его не сразу и заметил — сидел их бывший военрук, с которым у Чубарова вроде раньше были натянутые отношения. Военное дело тогда еще не ввели в школах, только у них, в виде эксперимента, может быть, у единственных на весь город стали преподавать эту суровую науку, прислали военрука из отставников, и тот гонял их по школьному двору строевым шагом, учил развертываться в цепь, окапываться и стрелять на опытном полигоне за городом. Он был строг ко всем одинаково, этот отставной капитан, требовал с них, как с настоящих солдат, тем более, что дело было новое, не причесанное еще параграфами школьной программы, не обремененное методическими указаниями и инструкциями, где предписывалось бы, что можно, а чего нельзя. И как-то Чубаров сразу не глянулся ему тогда, неулыбчивому и молчаливому военруку, что-то не так он сделал, не через то ли плечо повернулся или плохо отстрелял из автомата, и капитан его запомнил и стал особенно цепок и требователен к нему. Чубарову, кажется, грозила тогда единственная тройка в аттестат — по начальной военной подготовке, но каким-то чудом удалось все же избежать ее. Потом, на воинских сборах в университете, он был даже благодарен военруку: худо ли, бедно ли, а чему-то тот научил его, и Чубарову было гораздо легче других, не служивших в армии студентов, справляться с военной наукой. Надо же, еще, значит, работает! Чубаров и фамилию военрука вспомнил — капитан Кондаков. И до сих пор он, что ли, суров и неуступчив?

Наконец директор школы сошел с трибуны, вызвали выступать представителя выпускников двадцатилетней давности — более поздних не нашлось. Следующим, наверное, ему идти.

— Ты надолго приехал? — спросила Варя шепотом, и Чубаров с удивлением взглянул на нее: какая разница?

— На три дня, — все же ответил он.

Варя улыбнулась ему и спросила:

— Зайдешь, может, ко мне как-нибудь? Можно запросто. Ты не подумай!.. В смысле просто поговорить. Тут суета, не удастся ведь толком.

А собственно, почему она с ним так? Чубарова поразила эта простая, но отчего-то сразу не пришедшая ему мысль.

— Может, зайду... — сказал он рассеянно, единственно ради того, чтобы что-то ответить.

Ведь отношения их с Варей никогда не были раньше сколько-нибудь серьезны. Ну, влюбился он тогда в нее, долго набирался смелости и набрался-таки, написал ей глупую записку, попросил свидания. Она не пришла, конечно, и лишь на следующий день, в школе уже, спросила на перемене, что же ему надо, пусть, мол, говорит. И он сказал, вернее, долго заикался и краснел, но все же сказал, что хочет дружить. Для восьмого-то класса это было уж слишком по-детски наивно, и она рассмеялась ему в лицо и назвала бедненьким мальчиком. И было стыдно и безутешно, и он почти возненавидел ее, но отчего-то ненадолго. И снова пришлось собираться с духом, чтобы уже пригласить в кино, снова записка, снова тайком, как злоумышленник, он подбросил ее в почтовый ящик. И это тогда — ожидание, холод, полупустой трамвай с заиндевевшими окнами... Вокруг нее все время кружилось много мальчишек, она выбирала и отвергала, она была безжалостна и капризна. И если бы не та история с Шульговским... Может быть, она нарочно стравила, свела их тогда, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, и позабавиться? Может быть... Может быть... По крайней мере она тогда посмела бы и не такое выкинуть. Ей все было позволено как будто. И они с Ильей, два влюбленных дурачка, впустую прождали ее тогда у драмтеатра, приглашенные ею на одно и то же время, сначала скрывая, кого ждут, а потом, когда ожидание обоим стало невыно-

симо, они признались друг другу, что ждут ее, даже сверили записки, издевательски одинаковые, как под копирку, лишь имена была подставлены разные. Им бы и разойтись тогда миром. Но Шульговский все-таки не выдержал, унизил его, на нем выместил злобу, сказал, что только Рыжего, конечно, возле Насоновой не хватает для полного комплекта и что куда он, Чубаров, лезет со своими конопушками... И у них прямо там, на порожках драмтеатра, чуть не дошло до драки. А может быть, и она была тогда где-нибудь поблизости, наблюдала из укромного местечка? Как забавно, как горько было вспоминать сейчас это! Чубаров взглянул на Варю. Здорово она, конечно, ими всеми вертела! Но он-то ни в восьмом, ни даже в десятом классе, никогда не был главным в беспрестанной ее, беспечной игре, в хороводе ее поклонников, не входил, должно быть, и в первую пятерку... Что же сейчас? Сейчас он был чересчур самоуверен, чтобы сразу задаться этим простым, осторожным вопросом. Много воды утекло с тех пор, и он как естественную дань, как само собой разумеющееся воспринимал ее интерес и внимание к себе, как и то, что именно его все выбрали выступать теперь от их выпуска. Сейчас он был социолог Чубаров, модный представитель модной науки, у него все было прекрасно... А у нее? Уже немолодая женщина, разведенная, с дочерью в придачу... И где-то ведь она работает, и звезд, вероятно, не хватает с неба ни на службе, ни в личной жизни. А тут появился он, подвернулся, шагнул с экрана телевизора. Как же не хотелось ему, чтобы все было именно так, безжалостно и уныло! Но так, кажется, и есть. Чубаров машинально потрогал узел галстука — на месте ли? — уже готовя себя к выходу на публику. Вот и конец сказке. Зачем он только приезжал?

Варя, как в отместку, больно толкнула его острым локтем в бок.

— Иди же, тебя вызывают! — громко сказала она ему на ухо.

И Чубаров, мигом забыв все сомнения, взлетел на сцену, остановился перед столом президиума и расчетливо, заранее надеясь на овации, низко в пояс поклонился учителям, а распрямившись, похлопал со всеми, вполне искренне и счастливо улыбаясь своей белозубой открытой улыбкой. Подошел к микрофону и подождал, когда стихнет в зале.

— Друзья, — наконец сказал он, чувствуя прилив сил и бодрости, — вот я о чем подумал...

Он был уверен, что мысль его всем сейчас интересна, и радостно, в меру взволнованно поделился ею и тут же забыл, о чем говорил. Потом пошутил для разрядки. Затем, выдержав паузу, он трогательно поблагодарил военрука за его «науку побеждать», и тот, краснея, потупил суровый взор. Чубаров взглянул со сцены, с этой высоты, от которой у него давным-давно не кружилась голова, на Варю. Она еще все же была чертовски красива там, внизу, и слушала его теперь, слушала, как никогда, с приятной ему прилежностью и охотой, с легким близоруким прищуром своих очаровательных глаз, с гордо вскинутой головой. Все изменилось, конечно, в оставленном им на восемнадцать скоротечных лет школьном их мире. Шульговский шепнул что-то Юшкову, но тот ему не ответил. Он тоже, как и все, смотрел сейчас на Чубарова. Что же еще? Ах, да, он должен сказать ведь что-то нынешним выпускникам, зеленым этим мальчишкам и девочкам в кружевных белых фартуках, напутствовать, дать мудрый совет.

— Когда-то я занимался спортом, прыгал в высоту. Планка поднималась. Попытка, другая, третья... Высота бралась, покорялась. И планка опять взлетала выше. И был всегда момент, когда уж не верилось, что можно так высоко прыгнуть. И был разбег, был толчок и снова победа. Выше планку, друзья! Выше!

Ну, вот и выкрутился! Чубаров вернулся на свое место рядом с Варей. Ему еще хлопали. Она молча коснулась его руки своей теплой сухой ладонью. Кто-то из бывших одноклассников от всей души щедро саданул ему по плечу сзади.

На мгновение Чубарову стало неприятно от той легкости, с которой все произошло. Неужели всего-то и нужно для них для всех, оказывается, чтобы просто умело он подал те же самые прописные истины, которые наверняка из года в год излагали тут без него?

— Признаться честно, Чубаров, я тебя не разглядела раньше, — шепнула ему Варя вроде бы, конечно, в шутку.

А что, может, и зайти к ней как-нибудь в эти дни, скажем, завтра попозже?

Вечер продолжался. В конце от нынешних десятиклассников вышла голосистая девочка — вот всегда в

активистках девчонки в школе ходят — и очень правильно все сказала, что, мол, спасибо всем, что они постараются оправдать, что не посрамят и сумеют...

— А после небольшого перерыва — концерт художественной самодеятельности, — бойко объявила она напоследок.

Но микрофон взял военрук.

— Минуту внимания! — сказал он, как и раньше говорил, грубо и громко. — Я хочу представить, может быть, самого скромного из присутствующих здесь человека, гордость нашей школы, кавалера ордена Красного Знамени, гвардии майора в отставке Увакина Александра Васильевича. Он честно и мужественно выполнил свой интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Был ранен. Могу добавить, что Александр Васильевич вскоре займет мое место в нашей школе, будет вести начальную военную подготовку...

Увакин уже шел к трибуне, и Чубаров лишь сейчас заметил, что он, их Саня, слегка припадает на левую ногу. И никто ведь не знал! Как мало в жизни стало таких вот открытий, но все же случаются. Чубарову сделалось вдруг очень стыдно перед всеми. Он не успел еще и определить, за что же стыдно ему так, а покраснел. Впрочем, за все: за свое самодовольство, за глухоту, за сытость, за пустую, хоть произведшую эффект речь, за мысли свои о Варе, когда-то любимой Варе... Вот тебе и Увакин!

Он уже стоял на трибуне перед микрофоном и, спокойно глядя в притихший зал, молчал и улыбался.

— Александр Васильевич, расскажите, пожалуйста, о своем подвиге, — попросил из президиума военрук.

И Чубаров с пронзительной грустью вспомнил вдруг, как он, еще пионером, сам произносил эти слова: «расскажите, пожалуйста, о своем подвиге», — обращаясь к ветерану Великой Отечественной войны, к отцу, кажется, Наташки Тиньковой, пришедшему при всех наградах к ним в класс на День Советской Армии. Ну, надо же, их Саня!..

— Это, конечно, никакой не подвиг, это — долг, — чуть склонившись к микрофону, сказал Увакин негромко. — Просто на том месте оказался я. А мог быть любой другой из наших офицеров или солдат. И я уверен, он поступил бы так же. Это мы здесь, в мирном измерении

иногда позволяем себе жить расслабленно, не очень печемся о том, что о нас люди подумают, или сами себе прощаем что-нибудь, чего другому не спустили бы. Не всегда строги к себе. Там все иначе. Там с человека шелуха опадает, и он хорош, наш советский человек, наш русский славный солдат, он по-прежнему отважен и смел, терпелив и вынослив, совестлив. Мы в горах сопровождали колонну машин с продовольствием для дальнего кишлака. Попросили помочь афганские товарищи. Душманы напали неожиданно. Загорелся головной бронетранспортер, перегородил дорогу. Пришлось принять бой. Мы держались до прибытия подкрепления. Вот и весь наш подвиг, если хотите...

Взволнованный военрук подошел к Увакину, взял микрофон:

— Добавлю, что Александр Васильевич ехал на броне головного бронетранспортера, взрывом был сброшен на камни, контужен, получил пулевое ранение в ногу, но из боя не выходил до самого конца, продолжал командовать своим подразделением...

Увакину захлопали. Все в зале встали. Хлопал и Чубаров, потрясенный этой новостью и тем, что Саня никому ведь ничего о себе не рассказал.

— И еще!.. — посветлев лицом, крикнул военрук в микрофон и спросил, когда кое-как в зале угомонились. — Что бы вы, Александр Васильевич, пожелали нашим нынешним выпускникам?

Саня взял микрофон.

— Братцы, — сказал он, — все в жизни серьезно, живем один раз, и надо, чтоб стыдно потом не было...

...А он, Чубаров, какую все-таки чепуху молол сегодня в этот же микрофон! И потом, что думал-то потом!.. Прискакал тут брать реванш на белой лошади... А Сане все хлопали, все не отпускали его с трибуны. И было гадко и стыдно, и Чубаров, ощутив противную слабость в ногах, сел в кресло, и Варя опустилась за ним следом.

— Кто бы мог предположить, — сказала она задумчиво. — С таким человеком в одной школе! Наше поколение. Настоящий мужчина. И орден не надел... — И вдруг спросила: — Ты смог бы так, Чубаров?

Он промолчал. О чем она, об ордене или вообще?

Саня Увакин под несмолкающие аплодисменты сошел с трибуны и, прихрамывая, пробирался на свое место. Чубаров даже не понял, как это у него получилось,

снова небось помимо воли сработала его тренированная, почти профессиональная находчивость. Он протянул Сане три свои ожившие в тепле, красные гвоздики, которые, словно нарочно, очень кстати сжимал все это время в руке.

— Да брось ты! — остановил его Саня. — Вон лучше Варе подари. Правда, Варь?

В перерыве к Увакину было не подступиться. Его окружили выпускники разных лет, учителя и нынешние десятиклассники, и Саня, улыбаясь, отвечал на их вопросы, курил сигарету и осторожно пускал дым в потолок. Чубаров чувствовал странную тягу подойти к нему, к герою, и что-нибудь тоже спросить, он не знал даже, что, просто поговорить — и только. Но Саня мог его не услышать в этом шуме, не заметить в толпе, и это сдерживало. Варя стояла рядом, нервно курила, поглядывая по сторонам. Что же такое произошло с ними со всеми? Или только с ним одним произошло? Будто нельзя было жить и думать теперь как раньше. Снова прозвенел школьный звонок. Все потянулись назад в актовый зал, там звучала музыка и хлопали откидные сиденья кресел.

— Какое все же грустное мероприятие эти встречи через столько лет, — сказала Варя и бросила окурок в урну.

Концерт начался песней «Школьные годы», пели сразу два выпускных класса. Пели когда-то и они эту песню, и Чубарову вспомнилось даже, как он всегда сачковал в хоре, нарочно лишь открывал рот, но не издавал ни звука, потому что считал, что у него нет голоса и музыкального слуха. Он опять подумал об Увакине, попытался вспомнить, каким тот был тогда, восемнадцать лет назад, и снова почти ничего не вспомнил. Разве что простецкую его улыбку — рот до ушей, и то, как и сам, бывало, подсмеивался над ним и удивлялся, что Увакин не обижается. А может, было ему и обидно? Наверное, было.

Какая старомодная, однако, самодеятельность до сих пор в их бывшей школе! И хорошо, наверное. Ни тебе ВИА с барабанами разных калибров, со сверкающими рогатыми гитарами в руках у дрыгающихся под нелепую, оглушительную музыку мальчиков, ни современных аэробических плясок — дозволенная разновидность канкана, с задиранием ног, с головокружительными сальто

на сцене. Все просто и трогательно до умиления: вышел мальчик и, заложив руки за спину, с выражением читает срывающимся голосом стихотворение Пушкина к случаю:

...Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?..

...Уж не за него ли краснел сегодня военрук в президиуме, не за его ли пустозвонство, когда он благодарил за науку, красиво и иронично расписывая, как трудно эта военная наука ему давалась в школе? Нет, что-то и в самом деле, кажется, изменилось в нем нынче, стронулось, стряхнулось, нарушилось невзначай. Чубаров попытался по-прежнему уверенно и прямо взглянуть на мир и, кажется, не смог. То есть смог-то он смог — вон мальчик читает Пушкина, вон сцена, вот сидит рядом Варя... Но будто был он теперь виноват перед кем-то. И в ответном чувстве противоречия он с надеждой подумал вдруг о том, что это наваждение завтра же пройдет, что это все нервы — много работал, давно в отпуске не был — все суета, гонка, спешка, а ведь так он ничего — не убил, не украл, не предал... Откуда же чувство вины тогда? И чем провинился он перед тем же Саней или перед кем еще? Ну, был Увакин в Афганистане, ну, отличился... Что же задело его это так? А сам он что, не баклуши небось бил, тоже вкалывал как проклятый, и прихватывает иногда сердце, не помогло даже то, что бросил курить. Он честно зарабатывает свой хлеб, растит детей и любит жену, он тоже нужен и ничем не хуже...

Ну, ладно, пусть малость похуже, пусть не рискует жизнью, хотя кто знает, если приходится на машине мотаться из конца в конец города в любую погоду, в любом состоянии, больным, невыспавшимся, усталым. Рискует — не рискует... Что сравнивать? Чушь какая-то? И ведь лезет, лезет в голову... Зачем она спросила, смог бы он так же? Кто знает наперед свои возможности? Совершенно обессилев, Чубаров откинулся на спинку кресла, попытался расслабиться, уговорить себя успокоиться. Аутотренинг — давно бы нужно заняться им серьезно. Сейчас же подумать о чем-нибудь хорошем: о семье, о жене, о детях, о том, как вернется и увидит их всех и снова будет уверенно, прочно счастлив... Может, сегодня

и уехать отсюда? Хотя отец — он обидится. А с Варей — это, конечно, глупость, минутная слабость, дань прошлому, это он пошутил. Пускай сама решает свои задачки: Шульговский или кто другой. Ему-то что? Отойти, не ввязываться, держаться подальше. Прошлое прошлым, оно ведь прошло. Отдал дань и уедет. Это Варя верно сказала — «грустное мероприятие». Он тоже в последний раз тут. Хватит! Сколько можно?

Но уже то, что приходилось как бы оправдываться, страшно вдруг разозлило Чубарова. Впрочем, не то чтобы разозлило, а только не мог он никак успокоиться. Какой-то там дурацкий аутотренинг, думать, видишь ли, нужно о хорошем — жена, дети... Оно конечно, если до конца честно, то не столь уж безоблачным было семейное его счастье. Но почему он должен себе в этом признаваться? То есть он сумел, конечно, убедить себя в том, что любит жену, как и ту, первую женщину, когда он был никому не известный историк, каких сотни, и звезд с неба не хватал, и маялись они с ней по общежитиям, по частным квартирам и комнатам, нуждались и еле сводили концы с концами, жили надеждой на призрачные эти звезды с неба, на его способности, на успех. Много мечтали и мало делали. Жена в него верила. Но как-то невзначай он догадался тогда, что одной ее веры мало. Не так уж и невзначай, конечно. Просто в один прекрасный день он пришел к выводу: историк из него никакой. Можно, разумеется, было тужиться, обманывать себя и других, по каплям, по крохам собирать материал на диссертацию, усидчиво и терпеливо подбираться к ученой степени... А ему хотелось быстрее. И еще было страшно, что когда-нибудь и жена перестанет в него верить, начнет жалеть в лучшем случае. И он решился... Детей у них не было. И до сих пор он помнил вопрос, застывший, немой вопрос в ее потухших глазах, там, в казенном том доме, в загсе, где выдали им свидетельства, что они снова чужие. О чем она хотела спросить его? Теперь Чубарову почудилось вдруг, что он знает о чем. Она ведь еще любила его, даже тогда, после развода, любила, и верила, и не понимала, почему он уходит. Но он уходил обдуманно и трезво, уходил к дочери теперешнего своего шефа, уходил в социологию, в модную науку, сулящую ему успех и гарантированное процветание, уходил к своей машине, к коллекции марок, доставшейся в наследство от деда жены, к масса-

жистке и видеосистеме, к своему зубному врачу, к горным лыжам и загранпоездкам, уходил, чтобы стать таким, каким вот стал.

Чубаров взглянул на сцену, и душа заныла снова, бесконтрольно и вопреки здравому смыслу. Ну, что ей было еще нужно, непонятной этой душе? Девочка пела грустную песню на слова Рубцова, пела о горнице, в которой светло от ночной звезды, пела о матушке — вот матери своей Чубаров не помнил, умерла, когда был он совсем маленьким, — пела об увядающих красных цветах, о лодке, догнивающей на мели, пела с надеждой и о надежде на счастливое будущее, хорошо и ясно пела. И было ему, пожалуй, тоже хорошо сейчас, странно хорошо ее слушать, эту юную певицу из нынешнего десятого класса в кружевном опрятном форменном фартуке, в строгом платье и в легких Золушкиных туфельках на дозволенном в школе каблучке, слушать и думать о себе, о ней: как-то сложится ее счастливая жизнь, а его — увы! — уже сложилась. Она же совсем ребенок, все впереди... Чубаров подумал о своих детях и снова о жене, не о первой, о теперешней. Любит ли он ее в самом деле? Да, он дальновидно и мудро, как старичок, рассчитал все в своей жизни, он поставил на ту лошадку, он выиграл, сорвал куш, победил, он научился всему, чего желал, добился, справился, одолел. Но все же любит ли он ее? Нет, он боялся отвечать себе на этот вопрос. Детей, конечно, любит, уважает тестя... И снова вопрос — или укор? — застывший, как непролитые слезы, вопрос в тихих глазах той, которая в него просто верила. Значит, он предал ее, что ли? Как же все эти долгие, одним махом прожитые годы удавалось ему не вспоминать ее глаз, не произнесенного ею вопроса? Так, значит, вот зачем он приехал — чтобы вспомнить!

На сцену уже вышли две танцевальные пары. Бальные танцы — это что-то новенькое, раньше никто в школе ими не увлекался. Все понеслось, закружилось, замелькало перед глазами: белые платья, стройные ножки, плавные обнаженные руки, волнующий локон у виска... И были прекрасны и легки эти девочки, стремительны, подтянуты и мужественны были мальчики, их кавалеры. И совсем недурно в углу сцены играл на пианино «Амурские волны» рыжий, веснушчатый мальчишка с алым пионерским галстуком на шее и в синей школьной форме. И снова представилось Чубарову воображаемое бу-

дущее этих танцующих, беспечно играющих детей, счастливых в своей молодости и в светлом, святом неведении. И все у них впереди: вопросы, ответы, страдание и счастье, как было и у него когда-то. Как сладко было начинать, как страшно ему теперь оглянуться! И ничего-то они не ведают... Но за этого рыжего — его тоже так дразнят? — было спокойней. Выпускников выпустят, а к нему в класс войдет еще, слегка припадая на левую ногу, их новый военрук Саня Увакин. А что Увакин?..

Чубаров взглянул на него, светло и мирно смотрящего с улыбкой перед собой, и подивился вдруг несправедливости. Он, опаленный огнем справедливого, героического дела, прошедший через это, отличившийся и уцелевший, — будет лишь простым военруком в провинциальной их школе? Он рисковал, он заслужил, имеет право на большее! А в чем оно, большее? Чубаров нечаянно спохватился, что, кажется, ставит себя невольно на Санино место, представляет, как сам распорядился бы его теперешними возможностями, открывшейся перед ним перспективой, как сумел бы он, не продешевил... И в азарте подмены он допустил, конечно, ошибку. Ведь Саня был Саня. А он?.. Не он же был там, на пыльной броне бронетранспортера, не в него целились душманы, не он был ранен, контужен, не он награжден. Все было не с ним и вообще не так, как привык он в своей жизни. Продешевил, не продешевил... Они же с Саней совершенно разные люди, как с разных планет, хоть и учились в одном классе. Да, Увакин выбрал всего лишь школу, сам выбрал. И Чубарову стало вдруг по-настоящему страшно оттого, что он, кажется, действительно не понимал, почему Саня так выбрал. И что же за неведомая ему правда — или истина? — непредусмотренная, не учтенная им ни в работе, ни в личной, как говорится, жизни? И Саня был к ней подпущен, к истине, был посвящен, и сам был истиной, наверное. А он его не понимал. Он, неглупый и удачливый, бойкий и дальновидный, упорный, хваткий и ловкий... Как же стал он таким? Когда? Из-за чего? Ведь все одинаково: возраст, школа, класс, учителя — одни и те же исходные...

Концерт уже кончился, и было позволено разойтись по своим бывшим классам, уединиться на час-другой, погрустить, повспоминать уже в тесном кругу. Потом ожидались танцы. Варя решила заглянуть к своим — «как они там, может, тоже в героях?». Как в бреду, поднимался

Чубаров по лестнице на третий этаж, и все казалось ему, что чего-то он не учел, пропустил в своих рассуждениях, все было против него: не так жил, не тем занимался. Шутил, не переставая, Шульговский, хоть Варя и ушла. Впереди, опершись на руку Сани Увакина, шла Тамара Николаевна. Сейчас они войдут туда, в бывший класс, рассядутся по партам, как раньше сидели, вернутся к началу, к исходным, а он все не решил, все мечется и ищет чего-то. Может быть, там найдет?

— Товарищ Чубаров! — окликнули сзади.

Он обернулся тревожно и увидел ту девочку, что пела в концерте, в руках у нее был целлофановый пакет со знакомой яркой картинкой и его книга.

— Вы в зале забыли, — сказала она, почему-то краснея. — Пришлось заглянуть. Простите! Тут ваша фотография...

— Спасибо, — сказал ей Чубаров.

— Ну-ка! — опередив его, выхватил книгу Шульговский и заорал дурашливо. — Похо-ож! Нет, ну, какие скромники среди нас! Этот афганец подвиг чуть не зажал, награду. Рыжий издал книжонку и помалкивает...

Светка Саблукова взяла у девочки пакет, бесцеремонно заглянула в него, вынула еще один экземпляр книги и тут же, прямо на лестнице, стала читать с первой страницы. Все остановились, зашумели о чем-то. Говорил и Шульговский что-то, размахивая книгой перед лицом Чубарова.

— ...Не, правда, Рыжий, заметано, — понял наконец он, о чем говорил Илья. — С дарственной надписью. Посмотрим, чего ты там пишешь.

— Надпиши! — оттеснив Шульговского, потребовала Светка Саблукова.

— Ей без очереди как ожидаемой матери-героине, — пошутил, кажется, Коля Одноралов.

— И мне! И мне!.. — неслось уже снизу и сверху.

Его пакет с последним, третьим, экземпляром книги был почему-то у Ковальчука, и тот размахивал им и орал счастливо:

— Мне же на весь отдел. Покажу! Один герой, другой писатель... В одном классе учились. А то не поверят же!..

Ну, вот и опять к нему интерес. Их с Саней на одну доску... Как в телепрограмме, только по разным каналам. Чубаров не знал, что и ответить им всем. Уж лучше

бы они и в самом деле потерялись, эти книги, что ли? И Саня Увакин смотрел на него сверху и улыбался сочувственно.

— А ты фотогеничный, Чубаров! — на всякий, наверное, случай польстила ему Саблукова и все совала, совала раскрытую на титуле книгу: — Подпиши! Подпиши!..

— Он рыжий, — крикнул Шульговский. — Рыжие все такие...

Надо было выручить у них хоть один экземпляр, чтобы подарить Тамаре Николаевне. Чубаров почти беспомощно огляделся, не зная, как это сделать, и встретился глазами с девочкой, что принесла пакет. Наверное, их впавшая в детство орда со стороны смотрелась смешно и жалко: такие большие, а как первоклашки. Девочка отвернулась и тихонько пошла вниз.

— Чего стали-то? — резонно заметил кто-то.

В классе расселись по своим местам, и, пока рассаживались, все шумели, спорили о том, кто, где и с кем раньше сидел.

Когда наконец утихли, сразу стало заметно, как мало их все-таки собралось. В полупустом классе было неуютно, и ноги не вмещались под парту. Со стен смотрели все те же портреты: Достоевского, Толстого, Шекспира, Чехова, Горького, Маяковского... На доске, небось Тамарой Николаевной загодя, было выведено мелом: «Привет выпускникам нашей школы!» Гарик Киленин уже карабкался на учительский стол с фотоаппаратом, чтобы сделать снимок на память.

— Я моргнула, я моргнула! — закричала Светка Саблукова с задней парты. — Пересними!

И Гарик переснял.

— Крышечку убери! — пошутил Одноралов.

Все засмеялись.

— Там у тебя нет ли еще книжечки для меня? — спросила Наташка Тинькова. — Все-таки за одной партой сидели...

Чубаров сказал, что нет, что не знает даже, как раздобыть экземпляр для Тамары Николаевны.

— Это мы мигом, — успокоила его Тинькова. — Светик, а Светик, дай-кась книгу-то сюда на минуточку.

— У Ковальчука вон возьми, он ближе сидит, — кажется, заподозрила Светка подвох.

— Не бойся, не съем! — сказала Тинькова.

Книгу Светка дала только после того, как Наташка по-

обещала вернуть ее с дарственной надписью автора. Чубарову было неловко от всего этого, от коварства Тиньковой.

— На, подписывай Тамарушке, и все дела, — шепнула ему Тинькова.

Чубаров смутился:

— Может... Неудобно как-то...

— Пиши, пиши, писатель! — приказала Тинькова. — Неудобно знаешь чего? Я бы тебе сказала...

И что уж она так-то? Чубаров подписал книгу и протянул Тамаре Николаевне.

— Ограбили! — закричала Светка тоскливо. — Я не себе, я ж детям хотела! Ну, Наташенька!.. Вот всегда она...

Пришлось уступить и Шульговскому с Ковальчуком, чтобы покончить уж с этим скандальным делом. Ни тот, ни другой своих книжек из рук не выпустили, так Чубаров и подписывал их на весу. А ведь хотел еще Сане Увакину подарить!..

— К вам можно? — заглянула в дверь Варя.

— Ну, я пошла... — со значением шепнула понятливая Тинькова и отсела к Одноралову.

Варя прошла к нему через весь класс и села рядом.

— Ничего героического и выдающегося. Откуда? — сказала она, наверное, о бывших своих одноклассниках. — В общем, как я и предполагала...

Вдруг кто-то вспомнил о любительском фильме, который в десятом классе они, одни мальчишки, сняли в подарок своим девочкам к Восьмому марта, — цел ли он? И снова зашумели, наперебой стали припоминать, что в фильме было, кто кого играл, и как бы его все-таки посмотреть сейчас, если сохранился.

— А куда он денется? — сказал Илья. — Естественно, у меня дома валяется. Цел. Что б вы делали без Шульговского?

— Слышь, Шульга, — позвал его Одноралов. — Ты же на машине, ну! Сгоняй, а? Одна нога здесь, другая там. Хоть поглядим, что ли, какие мы были.

— Можно, — согласился Шульговский, глядя почему-то на Чубарова. — Если общество слезно просит, отчего же и нет?

Он встал из-за парты.

— Мне с тобой, Илья? — спросил Киленин услужливо.

Шульговский был уже у двери и вдруг остановился, сказал:

— Посиди, Игоряша. Пусть Рыжий со мной. А? Прошвырнемся?

И зачем он понадобился ему? Ах, да — Варя. Чубаров пожал плечами и покорно пошел к выходу.

О чем они станут говорить с Шульговским по дороге? Но, знать, надо ему, раз позвал. Чубаров подошел к зеркалу, словно желая убедиться, а он ли это. Какие были, какими стали... А стоит ли бередить душу?

— Долго ты там? — поторопил его Шульговский.

На улице похолодало. Они прошли через школьный двор. Илья смешно косолапил в своих валенках. Пищал снег под ногами. Из заиндевевших, сияющих окон спортзала уже доносились звуки музыки. Начинались танцы. Улица Пушкина была безлюдна. Вдалеке, в сходящейся перспективе холодных рельсов светились красные огоньки убегающего от них трамвая.

Шульговский долго возился с замком, никак не мог открыть. Ничего была у него машина — «Жигули-семерка», такая же, как у Чубарова, только не голубого, а бежевого цвета. Наконец замок поддался. Илья залез в машину и изнутри открыл дверцу Чубарову.

— Накинь для видимости, — бросил он ремень ему на колени, надел кожаные, в мелкую дырочку перчатки и повернул ключ зажигания.

Ремни безопасности были у него западногерманские, автоматически фиксирующие тело при любом резком движении на сиденье. Чубаров недавно привез такие из Бельгии, еще не успел поставить.

— Сколько набегала? — чтобы не молчать, спросил он, перекидывая ремень через плечо.

— А-а!.. — отмахнулся Шульговский. — Еще годик покатаюсь на этой и сдам. Возьму «восьмерку».

Заработала печка. Илья вставил в щель магнитофона, — кажется, «Сони» — кассету, но включать не стал, передумал, наверное. Так, в молчании и тишине, они проехали по улице Пушкина и дальше, на Красный мост через замерзшую, заснеженную Оку, вдоль Торговых рядов, мимо старого драмтеатра, на ступеньках которого и разыграла их столько лет назад Варя Насонова, и уже по Новому мосту переправились через Орлик. Значит, Шульговский жил теперь в Советском районе. Ночной город был холоден и печален, каким-то он стал малень-

ким, город его детства, и при новых-то скоростях, при машинных, можно промчаться из конца в конец и не заметить. Чубаров снял шапку и положил на колени. Что-то устал он уже от этого вечера встречи, и, может быть, оно и недурно прошвырнуться с Ильей до его дома и обратно, прийти немного в себя. Шульговский молчал. Машину водил он лихо, и изнутри оформлена она была у него вполне изысканно. Болтался талисман на зеркале заднего вида — хвостатый чертик с рогами, набалдашник рычага переключения скоростей был в виде крошечного аквариума с золотой рыбкой внутри, фирменные подголовники с индивидуальной подгонкой приятно, ласково касались темени, солнцезащитный фиатовский козырек успокаивающе-зеленого цвета на лобовом стекле и пижонские, имитирующие пулевые пробоины наклейки сбоку подтверждали Варины слова о том, что Илья большой человек тут со своим автосервисом, ну и, конечно, поляроидное заднее стекло с едва заметной сеточкой обогревателя — все говорило о возможностях владельца. Такую машину на улице страшно было бы оставить без присмотра.

— Посиди, — затормозив возле нового кирпичного дома у городского стадиона, сказал Илья и вышел.

Назад он вернулся скоро, поставил кинопроектор в чехле на заднее сиденье, взялся за руль и круто тронул с места. Когда же он начнет задавать вопросы? Впереди Чубаров увидел свой старый дом по улице Тургенева с закрытым в столь поздний час гастрономом на первом этаже. Здесь, в этом доме и в этом дворе, прошло почти все детство Чубарова. Кто-то ведь занимает бывшую их однокомнатную квартиру на третьем этаже, незнакомые какие-то люди. Вон и свет горит в окошке, и желтые шторы задернуты наглухо.

Вдруг Илья прижал машину к обочине и резко затормозил. Резину не бережет! Чубарова кинуло вперед, он чуть не ткнулся лицом в лобовое стекло, в паутинки этих самых наклеек, имитирующих две пулевые пробоины, но успел подставить руку — зря не пристегнул ремень.

— А знаешь, поговорим все-таки... — сказал Шульговский решительно и откинулся на спинку сиденья, не снимая рук в перчатках с руля. — Ты зачем, Рыжий, приехал? — вдруг спросил он, взглянув на Чубарова.

В холодном свете уличного фонаря лицо его было бледным и злым. Ровно, неназойливо тихо гудела печка, вы-

катывая под ноги клубы теплого сухого воздуха. Мигал настырным желтым глазом светофор на углу, и еще приплясывал, как живой раскачивался на резинке игрушечный чертик. Чубаров не знал, что ответить. Теперь уже казалось, и не напрасно приехал. По крайней мере что-то повернулось в нем здесь, в городе детства, стронулось с мертвой точки, открылись, что ли, глаза, и он притих, сжался в комок, оцепенел весь, не ведая пока, чем это для него обернется, и вообще страшась заглядывать в будущее. Зачем приехал? Чубаров себе-то не мог ответить, что скажет он Илье?

— Молчишь? — не выдержал Шульговский. — Важного из себя корчишь? Ладно, молчи. Я и сам тебе скажу. Лавры приехал пожинать. Что, не так, да? Та-ак! Выбился в люди, судьба улыбнулась, теперь надо получить свое, законное, положенное по праву. Вот и приехал ты за своим. Скажешь, нет?..

Наверное, он был прав, проницательный этот Илья, и Чубаров согласился бы с ним, пожалуй, кабы не Саня Увакин. А может быть, ради него он приехал, ради смуты в душе, ради непокоя? За этим не приезжают, конечно, а вдруг?..

— Все путем, — продолжал Шульговский напряженно. — На твоем месте я бы так же небось поступил. Что мое, то мое, отдай, не греши. Короче, покрасовался, и будет! — вскрикнул он и ударил кулаком по колену. — Не трожь ты ее, Рыжий. Она не твоя. И не моя еще, правильно. Разинула, дура, рот на столичного денди. Ах, это он! Прынц явился. Запоздал, правда, лет на десять. Но не его ли ждала? Сошел, как с неба, с экрана телевизора, ну и вали назад, передача твоя окончена. Следующим по программе я. Понял? Ты сюда на гастроли, погрустить, покейфовать приехал. Фигаро здесь, Фигаро там. А мы не рады. Нам твоей морды и по «ящику» поглядеть достаточно. Звук вырубаю и любуюсь: вот с кем в одном классе десять лет штаны протирали! Молчи, молчи, Цицерон... А то больно прыток ты на язык там стал, в своих столицах. «Выше планку, ребята!..» Что, сбил тебе холку Увакин? Осадил? Охолонул малость? Вот он — настоящий, а мы с тобой так — одному больше, другому меньше пофартило — оба суррогаты, выскочки...

— Да не пойдет она за тебя! — перебил его Чубаров устало.

— А вот это уже не твоя забота! — огрызнулся Шуль-

говский. — Ты, главное дело, не мешай. Тут судьба, может, решается, а тебе что, баловство, потеха, еще один листик в лавровый венок...

— Кажется, не там мы с тобой счастье ищем, — сказал Чубаров и надел шапку.

Шульговский усмехнулся недобро, щелкнул пальцем чертика в морду и попросил:

— А ты все-таки давай. Уж я сам как-нибудь.

— Дерзай, — сказал Чубаров и, сбросив ремень с плеча, открыл дверцу, опустил ногу на снег. — Я доберусь, кати один, счастливчик.

Он вышел из машины и захлопнул дверцу. Просто Чубаров решил заглянуть в свой старый двор, раз оказался рядом. Как-то там без него теперь?

Взревел мотор сзади, и опомнившийся наконец Шульговский умчался навстречу своему сомнительному счастью. А странно, ведь и он слышал сегодня Увакина, и ему ничего...

Чубаров вошел во двор, остановился возле бортика нового — по крайней мере раньше его у них не было — хоккейного корта с провисающими гирляндами горящих в ночи электрических лампочек над расчищенным льдом. Двое усталых, припозднившихся мальчишек гоняли шайбу, норовя загнать ее в ворота друг другу.

— Вы не из восьмой квартиры? — окликнул мальчишек Чубаров.

— Нет, а что? — спросил тот, что был постарше.

— Да жил я там когда-то, — зачем-то признался им Чубаров и повернулся уходить.

Назад в школу он приехал на такси, и фильм уже посмотрели без него. А жаль! Все собирались на танцы.

— Где ты был? — спросила Варя раздраженно.

— Там, где меня уже не помнят, — загадочно и грустно ответил ей Чубаров.

Он уже и не знал, зачем вернулся. Впрочем, надо же было поговорить с Увакиным. А о чем? О подвиге своем он уже рассказал. Чубаров совсем запутался, кажется. Спрашивать Саню, женат ли он, есть ли дети, сколько им лет и как учатся? Может быть, и так. Во всяком случае, все об этом спрашивают друг друга, если долго не виделись в жизни. Или о работе. Но о работе Саниной он тоже знал.

— Танцевать-то пойдешь? — нетерпеливо спросила Варя.

Чубаров совсем забыл о ней, глядя на то, как Шульговский собирает и упаковывает в чехол кинопроектор. Саня Увакин сидел на подоконнике и разговаривал о чем-то со Светкой Саблуковой. Все как-то стихийно разбились на пары, на небольшие группы, и между ними сновал с фотоаппаратом Гарик Киленин и щелкал, щелкал на память.

— Не пойду, — ответил Чубаров.

Варя улыбнулась ему в последний, наверное, раз.

— Тогда прощай, Чубаров, — сказала она и вышла из класса.

Цветы, что подарил он ей, три тощие гвоздики, остались лежать на парте.

— Спасибо, Рыжий, — шепнул ему Шульговский и, прихватив проектор в чехле, кинулся догонять.

Вот и все. Он подошел к доске, взял тряпку, еще сырую, и стер эту грустную надпись: «Привет выпускникам нашей школы!»

— Ты что, Леня? — спросила его Тамара Николаевна. — Пускай бы еще...

Он вздрогнул: не Чубаров, не Рыжий... Тамара Николаевна была нынче первой и единственной, назвавшей его по имени.

— Да и хватит уже... — сказал он тихо.

— Ты совсем другим стал, — застенчиво сказала Тамара Николаевна, подойдя к нему. — Вот уж кто изменился, так изменился. Ну, ничего от прежнего Лени! Женат, конечно. Дети?

— Двое, — ответил Чубаров. — Мальчик и девочка. В том-то и дело, что ничего от прежнего...

Он увидел, что Увакин выходит из класса, испугался вдруг его потерять и, извинившись перед Тамарой Николаевной, выбежал следом. Саня, оставшись наконец один, шел по коридору.

— Погоди же, — окликнул его Чубаров. — Я с тобой...

— Да я не на танцы, — сказал Увакин и улыбнулся.

●

ПОЭЗИЯ

Николай АЛЕШИН

ПОЛДЕНЬ ЖИЗНИ

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Ее душа настолько широка,
Что всякий зал невероятно тесен.
Она звучит по городам и весям,
И в ней живут и нивы и луга.

Она раздумьем за сердце берет,
Где б ни был ты: над Зеей иль
над Бугом,
И крепко дружит с севером и
с югом —
И празднует ее всегда народ.

И нежность просится из наших
глаз,
Когда ее, знакомую, услышим.
Мы рядом с нею и сильней и выше,
Поскольку это песня и о нас.

Она, как полноводная река,
Сквозь даль несет взволнованные
мысли
О светло-русой матери — Отчизне,
Не зная, что такое берега.

* * *

Улетели журавлиной стаей
Облака за утренний курган.
И в низине чистым снегом тает,
Убывая на глазах, туман.

Месяц в речку поплавок забросил.
Побледнели звезды в синей мгле.
Выдыхая ранний дым, бульдозер
Ходит по разбуженной земле.

Говорят лебедки-балагуры.
Самосвалы радостно фырчат.
Принесли на стройку штукатуры
Молодое утро на плечах.

И прораб, взглянув на стрелы улиц,
Нянчит на коленях чертежи.
Солнышко, родившись в звонком гуле,
Щупает лучами этажи.

ТУМАН

Отцвел закат, как будто бы подсолнух.
Под ним туман вздохнул в долине сонной.

Вот он пополз среди пахучих веток
Через сады, овраги и кюветы.

Пошел к осоке, спотыкаясь в тине.
Над родником задумался в низине.

Потом поднялся, русый, над лугами.
Округу обнял добрыми руками...
Не будь его, не знали б мы, пожалуй,
Ветров, дождей и даже урожаев.

...Встало солнце над холмом былинным,
И он ушел, пригнувшись, по долине.

* * *

Высоким солнышком апрель
Просевший лед растопит скоро.
И на краю села свирель
Поет.
А мне сегодня сорок.
О память! Сквозь твое окно
Сейчас нахлынут сорок вёсен,
Пылая, как в цветном кино,
Зелеными свечами сосен.
А вслед за ними — сорок зим,
Замешенных на бурях снежных
Средь горных круч и средь низин
В огне тревог и грусти нежной.
И заблестят лучи дорог
В красе уральской и чукотской,
Где я взлелеял и сберег
Цветок любви земли отцовской.
Потом услышу, как апрель
С небес янтарным светом брызнет
И звонко запоет свирель:
Сорокалетье — полдень жизни.

Валерий ГАНИЧЕВ

Рис. Ю. Макарова

РОСС НЕПОБЕДИМЫЙ

Историческое повествование

СОЖЖЕНИЕ «ЗОЛОТОЙ КНИГИ»

В южной части Адриатического моря рядом с побережьем Мореи и Сули, составляющих собственно Грецию, протянулись ниткой жемчугов Ионические острова. Они и были долгое время драгоценным украшением в ожерелье Венецианской республики, корабли которой, ведомые искусными мореходами, бывшими одновременно дипломатами и торговцами, делали здесь обязательную остановку при следовании в Венецию и обратно. Ухоженные местными крестьянами оливковые рощи и виноградники террасами спускались к морскому побережью, красивые бухты давали приют рыбакам, небольшие мануфактуры занимали городское население. В Венеции и Южной Италии высоко ценили вина и оливковое масло, изюм и фасоль, которые привозили туда живые и разговорчивые греки, составлявшие основную часть населения островов.

Много веков владела Венецианская республика островами, твердой и жестокой рукой устанавливала там далеко не республиканский порядок. Губернатор острова — проведитор — всегда был из венецианских патрициев, его высшие чиновники тоже. Говорили между собой они только по-итальянски, этого же требовали и от всех, решавших свои дела в местных органах власти. Но это было бы можно стерпеть, если бы не постоянная рознь, которую разжигали иноверцы-венецианцы. Их поборы, десятина и монополия на некоторые промыслы ущемляли крестьян, рыбаков, торговцев, а итальянизация сдерживала просвещение. Надменные нобили — так звали на островах потомственных дворян, находили общий язык с венецианцами. Представители же «второго класса» — греческие купцы, судовладельцы, судостроители, художники и учителя, врачи и ювелиры — мириться с неравенством и ущемлениями не хотели. И уж совсем взбунтовались в конце века голодные ремесленники, безработные моряки и обнищавшие крестьяне, которых называли «низкий народ»...

Но вот, кажется, пришло их освобождение. В 1797 году на островах высадились войска Французской республики.

Продолжение. Начало в № 6.

* * *

...Высокий, седой, красивый той гордой красотой, которая только и присуща независимому аристократу да благородному разбойнику, Сикурос ди Нартокис стоял в проеме лоджии и, слегка отодвинув портьеру, смотрел на площадь острова Корфу, где, наверное, с довенецианских времен не было такого веселья. Сотни факелов осветили город и крепость, в воздух возносились тысячи ракет, искры от костров летели в сторону моря и там соединялись с темнотой. Толпа за толпой подходила на площадь, на которой в центре стоял большой помост, украшенный флагами Французской республики. Безо всякого строя вокруг него стояли французские солдаты. Они весело смеялись, хлопали в ладоши, пускались с белозубыми гречанками в пляс. Вдруг на помост выскочил трубач, несколько раз переложил пальцы на клапанах и издал протяжный и призывный звук. Площадь постепенно замерла. К трубачу поднялись французские офицеры и несколько корфян. «Кто это?» — всматривался Сикурос. Нет, он их не знал, этих растрепанных людей. Француз поднял руку и начал что-то быстро и суетливо говорить. Потом вперед вышел опять какой-то незнакомый Сикуросу человек. Он громко стал переводить француза.

«Иониты! Вы потомки первого народа, прославившегося своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблести ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск, и вы обретете вашу доблесть античных времен, права, которые вам обеспечит Франция, освободительница Италии, благодеяния, которые я вам обещаю от имени генерала Бонапарта и по воле Французской республики, естественной союзницы всех свободных народов...»

Площадь закричала, вверх полетели шапки, шляпы, косынки: «Да здравствует свобода! Слава Франции! Долой тиранов!»

Пламя факелов запрыгало, тени удлинились, пиками ударили во дворец Сикуроса. Он отступил вовнутрь, уже оттуда услышав новый взрыв восторга. Затем кто-то громко заговорил по-гречески. Старый патриций сделал снова шаг вперед, напряженно вгляделся в резко взмахивающего руками человека... Постойте, да это Карантонис, жал-

кий ремесленник из нижнего квартала. Что он там говорит?

А Карантонис говорил ужасные вещи. Он осатанел! Он призывает свергнуть нобилей! Забрать их земли и их богатства.

«В ознаменование сего радостного и возвышенного дня! Дня освобождения и революции, мы, свободные граждане будущей Ионийской республики, должны покончить с ненавистным поклонением тиранам и кровопийцам, сотни лет сосавшим кровь и богатство нашего народа, — гремел его сатанинский голос. — От имени временного совета революции мы предлагаем уничтожить символ тиранической власти и сословной напыщенности — «Золотую книгу»! Мы предлагаем сжечь ее в этом очищающем костре революции!»

Площадь ответила восторгом и криками не сразу. Холод и страх коснулись толпы. Ведь «Золотая книга» — это то, чем гордились самые богатые, могущественные люди Корфу. Там обозначены их родовые корни, записаны их сословные связи, там зафиксировано то, почему несколько поколений нобилей не занимались низким трудом...

Но вот поддерживаемая французскими солдатами, толпа зашумела, задвигалась и издала одобрительный крик. Он все время креп и превратился в мощный шквал одобрения Карантонису. Подняв вверх «Золотую книгу» и подержав для того, чтобы жители последний раз могли увидеть это священное достояние феодалов, он швырнул ее в костер. Искры, взметнувшиеся вверх, казалось, уносили навсегда память о величии и родовитости славных нобилей Корфу.

По четкому, как бы вырезанному из камня, профилю одного из старейших и богатых дворян острова тихо ползла слеза. В комнату в распахнувшемся от быстрого хода плаще вбежала дочь Сикуроса Милета, несколько дней назад приехавшая из поездки по Италии и Швейцарии. Отец не успел заметить в ней перемен, а она была другая, полная революционных фраз и свободолюбивых мыслей. Откуда у патрицианки оказались они? Почему она, воспитанная в аристократических салонах Венеции и Рима, Корфу и Милана, сразу и беспрекословно стала на сторону республиканской Франции? Был ли тут виной Масэн, француз-учитель, нанятый ей несколько лет назад, или виною тому были встречи в миланских театральных

ложах с молодыми и восторженными поклонниками генерала Бонапарта, а может, виной тому зоркий и внимательный ее взгляд, видевший лохмотья и нищету там, где отец видел лишь невежество и хамство?

— Отец... ты плачешь... не стоит, мы свободны. Смотри, все жители острова пляшут вокруг Дерева свободы, которое посадил народ. А ту мишуру, которой мы лишаемся, жалеть не стоит.

— Как не стоит, моя дорогая! Ты не знаешь, вчера они захватили сокровища нашего самого святого храма Спиридона и наши земли на Закинфе, сегодня уничтожили наши привилегии, завтра возьмут твою жизнь. Это не мишура, Милета.

Сикурос обладал невиданным самообладанием, он верил в предопределение божье, в судьбу и звезду свою. Но какая там звезда, когда все рухнуло. Он давно слышал о стоглавой гидре республиканизма, но она казалась ему столь далекой, как времена рождения Христова. И вот апокалипсис пришел на его землю. Рушится все, и он как-то не удивился тому, что говорила дочь, наверное, это означает конец мира — дети предавали веру своих отцов!

ПРОЛОГ ВТОРОЙ

1798 год. Вот и снова Европа расколота. Как и прежде, несутся проклятия в адрес революционной Франции, еще покушающейся на вековечный порядок. Но революционной ли? Не звучат ли там слова, которым никто не верит? Не затих ли голос бунтующих и требующих изменений? Не залез ли в старые одежды санкюлотов жирный раскормленный буржуа?

Действительно, у ее державного кормила становились люди, мыслившие не понятиями свободы, равенства, братства, а захвата, приобретения, прибыли.

Но искры пламенного Конвента, якобинской страсти были еще столь горячи, что, несмотря на то, что костер революции погас, монархи Европы продолжали видеть во Франции главного врага, а Англия — основного соперника по дележу колоний, господству на морских просторах.

Новый и мощный толчок, который получила французская держава в начале девяностых годов, энергия многих

тысяч несла ее вперед вопреки предсказаниям и предположениям о ее крахе.

В Европе образовалась антифранцузская коалиция: Англия, Австрия, Неаполитанское королевство, Россия. К ним присоединилась Турция, боявшаяся за свои колонии в Египте, на Балканах, в Леванте.

Загремели новые бои, полилась кровь солдат на полях Бельгии, Голландии, Италии, Швейцарии.

Франция Бурбонов потеряла колонии в Индии и Америке. Новая буржуазная Франция хотела взять реванш у Англии в Средиземноморье.

В восточном Средиземноморье и столкнулись все гиганты коалиции, обнажились их истинные мотивы и намерения монархов и лидеров буржуазии.

История конкретна, и здесь, в Средиземноморье, пересеклись пути выдающихся военачальников и флотоводцев, умудренных деятелей и дипломатов — Наполеона Бонапарта, Горацио Нельсона и Федора Ушакова.

Исторические личности и выразители своего времени представляли власть своих стран. Но за каждым из них были нити, тянущиеся от их бедного детства и незнатного происхождения, от их часто неосторожных усилий ослабить сословные предрассудки, от попыток сломать устаревшие догмы и представления в их деле, деле ведения войны.

И еще, конечно, каждый следовал морали, утвердившейся в обществе, иногда преступая ее в силу своей натуры и характера.

Они представляли разные страны и даже системы и были подлинные революционеры стратегии боя на суше и на море, где важная роль отводилась солдату и матросу.

Российские корабли были в Средиземноморье не впервые. Плавали тут и торговые суда. Блистательную победу одержал российский флот под командованием адмирала Спиридова в Чесменской бухте. А сейчас андреевский флаг развевался над эскадрой Ушакова, что по рескрипту Павла I остановилась у входа в Босфор.

Но был еще узел в Европе, в котором решалась судьба коалиций и стран. На итало-швейцарском военном театре действовал великий Суворов. Его победы были так ошеломляющи и стремительны, что сразу изменили военную обстановку.

Талейран, хитрейший, умнейший и подлейший поли-

тик Франции, взывал к находящемуся в Египте Наполеону Бонапарту: «Суворов ведет себя, как шалун, говорит, как мудрец, дерется, как лев, поклялся положить оружие только в Париже. Приезжайте, генерал, скорей».

Лишь робость, непоследовательность и просто предательство австрийцев и англичан не позволили решить судьбу войны в то время. Но судьбу заморской экспедиции Наполеона она решила. Бонапарт внимательно следил за действиями Суворова и говорил о просчетах своих коллег. Суворов еще при первых больших победах Наполеона сказал, что пора его остановить.

История не дает ответа на вопрос, а что было бы, если бы они встретились на полях сражений. Она не свела их. С Бонапартом встретился ученик Суворова Кутузов.

А сейчас был 1798 год.

ПЕРЕД ДАЛЬНИМ ПОХОДОМ

В новом городе — Одессе жизнь возгорала и затухала. То наводняли ее до краев строители, солдаты и моряки, то отсылали их куда-то на другие стройки и в дальние походы. А то вдруг заполняли город иностранцы, становясь вроде бы полновластными хозяевами набережных и гостиниц, складов и портов, и внезапно опустевало все: уплывали вдаль корабли, сселялись семьи, тощие собаки выли по ночам, ожидая возвращения хозяев.

Одесскую строительную экспедицию лихорадило. Мордвинов непрестанно напускал проверки и комиссии, офицеров арестовывал еще до расследования, может быть, за дело, а может, с тем, чтобы утихомирить их рвение по строительству. Всех, кто ехал через Николаев и Богоявленск в Одессу, задерживали, даже обыскивали. Некоторых поворачивали назад. Умеют же в России мешать делу!

Но город все-таки рос и строился. Ясно, что Мордвинов и николаевские торговцы хотели, чтобы порт вырос у Очакова. Водный путь подходил туда по Днепру и Бугу. Тракт, проложенный через Екатеринославль, Никополь до самого Николаева, мог пройти и до моря. Воду пресную можно брать из Буга, лес доставлять по рекам, материалы подвозить удобно. Все ведь было за то, чтобы

развернуть здесь большой порт. Но какая сила превзошла логику смысла, какая фортуна улыбнулась новому порту более ясной, белозубой улыбкой, чем уже известному по громким победным реляциям и многочисленным посещениям высоких особ городу? Было ли тут главным соображение оборонное: крепость и город строились ближе к границе, как база для армии и флота, — или же коммерческое, где новые негоцианты и предприниматели завоевывали себе незамерзающий порт, из которого должны были потянуться нити торговли в Азию, на Балканы, в Средиземноморье? А может, сработало здесь провидение и перстом судьбы указало на место, которое должно было явиться будущим поколениям пышным цветком, распустившим свои лепестки под светом промышленности, коммерции и просвещения.

Обо всем этом думал Селезнев, прохаживаясь по набережной и наблюдая, как шумные и говорливые иноземцы собирались у знаменитой, оставшейся еще с турецких времен кофейни. Он уезжал из Одессы, покидал родину. Все тяжелей становилось ему со своими думами, все меньше было людей, кто хотел бы открыто вести беседу о бедах отечества, выражать сочувствие. Он видел, и с каждым разом все больше, что бытие российского жителя несчастно, повсюду человек мучит себе подобных, царит беззаконие. В Вознесенске бросил начальнику канцелярии, что не будет рабом и хочет свои мысли не скрывать, а высказывать свободно. И если кому вольность мысли страшна, то это будет причиной их гибели. Начальник оторопел, пообещал познакомить с казенными домами.

Селезнев спешно уехал тогда из Вознесенска, ждал расправы. Но наместничество ликвидировали — видать, было не до него, и, пожив немного в Одессе, решил уехать в Европу. Может быть, проникнуть во Францию, откуда громыхают залпы над всеми империями. Предложение пришло с неожиданной стороны. Мовин, которого Селезнев величал Шарлем, предложил поехать на снаряженном им коммерческом судне в Неаполитанское королевство, на Мальту и Ионические острова. Отправиться за границу при новом российском императоре было совершенно невозможно, существовал запрет на все путешествия и выезды, где российские граждане могли соприкоснуться с «республиканской заразой». Мовин же сие разрешение получил. Как? Никто не знал. И Селезнев,

не задумываясь, согласился, чтобы, исполняя на корабле роль судового лекаря, приблизиться к тем местам, где явственно слышится голос свободы. До Константинополя ехал с ними и Карин, совершающий паломничество в святые места Палестины. Мовин же, наконец без страха занявшийся своим старым ремеслом доносчика, с радостью пригласил Селезнева, надеясь через него проникнуть к республиканцам. Их в России за последнее время он выявил немало. Далеко не все они были шпионами Конвента, как доносил Мовин, но проверять — это уже было дело Тайной экспедиции. Вот ведь помог он раскрыть французского агента Ивана Вальца, советника из коллегии иностранных дел, перехватив его письмо у зазевавшегося мальтийского коммерсанта. А совсем недавно, объяснившись в любви певице французского театра в Петербурге, узнал от поверившей земляку девицы, что она, общаясь с русскими вельможами, регулярно сообщает в Париж о положении в столице и при царском дворе, о передвижении флота и созревающих замыслах. Девица была заключена в Петропавловскую крепость, а Мовин получил разрешение на выезд. Дело было выгодное: можно было поторговать и получить награду, выявив связи республиканцев в России. А если и не выявишь, все равно получишь награду. Мало ли их, безродных и бесплеменных французов, немцев и русских, на которых можно указать. Грех невелик, а прибыль ощутимая.

Торговать же он собирался хлебом, икрой, солью, полотном, салом да еще кое-чем, что собрал в своих складах неподалеку от моря, скупив у русских купцов, польских помещиков и зажиточных украинских крестьян. Многие торговцы после воцарения Павла в его пренебрежении к южным завоеваниям матери заколебались, стали покидать Новороссию. Мовин же чутьем почувствовал: небреженье пройдет, поймут снова в Петербурге, в царских покоях и новых министерствах, что края эти сулят большие богатства, здесь может быть налажена богатая торговля. И вот, кажется, ветры начинают меняться. Ведь до Константинополя здесь по прямой под парусом сорок восемь часов.

Перед отъездом они втроем решили пройти по улицам города, постоять у знаменитых трех груш, оставшихся от старого Гаджибея.

— Сейчас немало деревьев посадили. Акацию предпочитаем. Воды много не надо, а весной, когда зацветает, —

благодать. Я бы в герб города поместил ее цвет, — как-то лирически заговорил Мовин.

— Да, славный город, может сотвориться... новая полуденная Пальмира, — басил Карин.

Действительно, еще четыре года назад на обрывистом скалистом берегу у крепости лепилось несколько хибарок, а сейчас почти тысяча каменных домов вытянулась вдоль набережной, окружила себя высокими заборами, длинными складами, редкими садами. Сотни мазаных хаток бывших запорожцев, глинобитных домишек отставных солдат, землянок прочего простого люда теснились в знойной степи.

Дома состоятельных одесситов строились из добротного местного ракушечника, с многочисленными чуланами, складскими помещениями, с мраморным бассейном для сохранения дождевой воды внутри дворика. В уровень с крышей тянулся вокруг дома балкон. Каждый уважающий себя одессит должен был видеть по утрам море. А там, внизу, вытянулся большой мол, высилась уже известная своей покладистостью одесская таможня, протянулись корпуса складских магазинов, лабазов, в которых накопилось немало товаров, всяких воинских и морских запасов.

Тянуло сюда как русских купцов, так и иностранцев. Их новый город не пугал. Они являлись в него, как в знакомый, удачливый средиземноморский город, место прибыли и надежд. Греки и албанцы, болгары и валахи, армяне и арабы, евреи и поляки, венгры и французы, итальянцы и корсиканцы наполняли его улицы.

Соотечественников в узде держала императорская власть, комендант крепости для иноземцев учинил свой, особый магистрат. А отдельный магистрат, да при капиталах, был силой серьезной — все, что нужно для города, мог приобрести, своим интересам подчинить, убедить, ссылаясь на европейский опыт. Кого надо, можно и подкупить.

Русские и другие отечественные купцы, разные обыватели поначалу не могли успеть за юркими и «спрытными» иностранцами, только руками разводили и приговаривали: «Я не знаю, не знаю, как он меня обошел». Жест этот перешел к хитрюгам иноземным, которые теперь часто обращались к военным управителям, русским коллегам, наивно поднимали брови вверх, разводили руки в стороны и, кивая головой, сокрушенно говорили: «А я знаю-ю?» Знать-то они, хитрюги, знали, но зачем показывать свое

знание, ведь лучше выглядеть бестолковым и непонимающим, неумелым и не очень разумным. Вот уже когда накопятся большие деньги, тогда можно и свое истинное лицо показать, знание особое. А теперь надо было быть благоразумным и учтивым с местными властями. Ну да что на это сетовать — это лицо всех торгашей мира.

У небольшого домика дым коромыслом, шумливые греки вынесли из погреба стулья, поставили между ног кружки с вином и, что-то выкрикивая, выбрасывали друг перед другом руки.

— Морру! Греки играют, отгадывая, кто сколько пальцев покажет. Веселый народ!

Чуть дальше пахло кровяной колбасой, там была немецкая колбасная, в конце улицы шумели у трактира своего земляка быстрые французы, а напротив на желтой вывеске величиной со змею протянулись бледноватые макароны.

— Зайдем, — как бывалый житель пригласил их Мовин. — Тут макаронная, итальянцы пьют вино, песни поют, слушают скрипку.

Карин покряхтел, но согласился: все постичь надобно.

В полутьме подвальчика на пустых бочках горело и оплывало несколько свечей. Посетителей было двое: не снявший широкополую шляпу человек и седой старик в простой рубашке, с повязанным на шее платком. Стоявший за стойкой хозяин, увидев спускающихся в подвал русских, поднял палец и крикнул:

— Вина! Макароны! Пармезан.

Карин тоже поднял палец:

— Вина — два.

Погребок как-то быстро заполнялся. Торговцы, моряки с кораблей, строительные мастера, цирюльники и просто люди без определенных занятий, прихлебывая терпковато-кислое вино, через полчаса составили единую компанию, хотя и виделись-то, может, в первый раз. Селезневу такое быстрое единение понравилось.

Принесли еду, он попытался разрезать макароны. Старик с платком на шее, увидев, что он делает, схватился за голову: «О, мама миа!» — и молниеносно выхватил вилку из его рук. Затем накрутил несколько макаронин на нее, макнул в соус и отправил себе в рот. Потом так же быстро крутанул вилкой еще раз и второй комочек воткнул в открытый от изумления рот Селезнева.

— Макарон ломать, резать нет! Грех!

Через минуту он сидел рядом и щелкал пальцами хозяину, прося вина для гостей. Объяснил, мешая все языки. Плавает помощником капитана. Родители живут в Ливорно. Жена в Неаполе. Любовницы во всех портах Средиземного моря. Дал адреса негоциантов в Ливорно и на Мальте. На Мальту пообещал послать письмо своему знакомому Ломбарди, у которого в России воевал брат.

Уходили поздно после грустной песни о Неаполе, что в тишине исполнил их новый знакомый Джузеппе.

— Вроде и не итальянская, а русская, — вслух подумал Селезнев.

— Везде люди печалятся, — ответствовал Карин.

Над ночной Одессой уже зажглись звезды, а в городе еще разносились песни. Невдалеке хором пели французы. Бравый марш, пытаясь попасть в ногу, несколько раз начинали расходившиеся раньше всех немцы. Выбивал тоскливый такт греческий барабан, протяжную царапающую мелодию тянула болгарская гайда, и лихо, но со слезой выходила из себя молдавская скрипка. А с окраин, вплетаясь в степные ветры, уносились вдаль размашистые и печальные русские и украинские песни.

Горе, страдания, усталость трудового дня, грех обмана и боль от разлуки с родными и близкими людьми смывали эти ночные мелодии Одессы. С дыханием моря уносили они в дальние края надежду на скорую встречу и близкую удачу, предутренним трепетным ветерком достигали Салоник и Рагузы, Пловдива и Генуи, Ливорно и Марселя, Родоса и Мальты. А когда ветер поворачивал с моря, летела задумчивая песня по степным просторам, задевая верхушки кустарников, шепотом трав и деревьев входила в полтавские хаты, орловские избы, в дома черниговских мужиков, могилевских плотников и архангельских корабелов, где знали, что их кормильцы — отцы и братья — ушли в дальние земли в поисках счастья и вольной жизни.

...Ранним утром были на корабле. Светлая прозрачная волна прихлопывала чистый песочек. Быстрые ветерки пробегали по прибрежным холмам и, как бы взявшись за руки, спрыгивали с них уже крепким забористым ветром, пробующим своей упругой рукой паруса готовившихся плыть в далекие края кораблей. Море ждало.

ВЕЛИКИЙ ГОРОД

Селезнев и Карин смотрели на сотни лодок, фелюг и каиков, пересекающих Золотой Рог. Великий город жил суетливой и самопоглощающейся жизнью. Неторопливые турки, бойкие греки, сумрачные болгары, меланхоличные персы, говорливые валахи, шумные сирийцы, юркие евреи, напуганные шумом большого города крестьяне и создающие этот шум жители городских ремесленных слободок, вельможи, проплывающие на носилках, и султанские гонцы — все кружилось в круговерти.

Греческий священник из церкви святой Марии Монгольской только что поведал им историю падения Второго Рима.

— 29 мая 1453 года город Византий, столица великой восточной православной империи, пал. Его жители, боровшиеся, сберегавшие мудрость Древнего Рима и Греции, были уничтожены, те, кто сдался, подчинились власти исламских владык. — Священник медленно обвел вокруг взглядом и тихо продолжал: — Наши единоверцы не потеряли веры, но потеряли силу и уронили нравы. В этой державе все берут взятки, подарки, подношения. Мои верующие, спасая жизнь свою, должны лгать, хитростью противостоять силе. Интригу пресекая интригой. Мы прощаем им эту зловредность, мздоимство и лихоимство.

Карин сопел, шумно вздыхал и потом упрекнул грека:

— Пошто не воззвали тогда к христианам, не поклонились соседям для спасения?

— Поклонились Европе, но у нее свои заботы. Она бросила своих братьев в беде. Злорадно не простив нам нашу веру. В Священной Римской империи все содрогались при этом известии, но боялись турок, хотя ничто не мешало им вести войны между собой, с соседями. Наши предки поняли, что ждать помощи неоткуда. Ее надо искать внутри себя. Есть, правда, Россия единоверная, но она далеко. И вот, говорят, теперь и она замирилась с нашим правителем. Может, нам будет от этого легче, но не свободнее.

Селезнев смотрел на святую Софию, вызывающую трепет у многих его соотечественников, и думал не о замене полумесяца крестом, хотя античные формы на портиках имели новые украшения. Он думал, что еще каких-то триста лет назад на этих землях раскинулась великая империя. Здесь перед падением великого эллинского го-

рода расцветало просвещение. Любой римлянин, франк, генуэзец и венецианец всегда, когда хотел подчеркнуть свою образованность, говорил, что он учился в Константинополе. Тут возвышался дух красоты, полыхали золотосветные иконы, обволакивали глаза цветными хитонами темноликие святые с фресок, переливались немыслимыми красками мозаики. Италийские мастера-живописцы, русские богомазы, балканские иконописцы вели свое умение отсюда, из второго Рима. Где все это? А ведь тогда, когда уже подошла беда, здесь еще кипели споры и трепетали страсти. В университетских тесных комнатах, на открытых площадках, под сводами храмов, приставив палец к груди, спрашивали: кто выше, Платон или Аристотель? Всераспространяема ли божественная энергия? Богословы обрушивались на западное христианство за его представления об исхождении святого духа. Они били об полы и воздевали руки к небу, обращаясь к богу с молитвой покарать тех, кто там, в Риме, дает при причастии пресный хлеб. «Как сие должно быть противно святому духу! — кричали они. — Ведь именно дрожжи суть животворного начала святого хлеба!»

Селезнев думал: как не чувствовали они грозы, как не ведали о великой беде, идущей к ним? О чем спорили, в чем имели несогласие? Но и не спросишь никого, не узнаешь, пошто не слышали их уши топота конницы Махмуда, пошто не видели их глаза зарева походных костров, окружающих кровью багряною Византию. Отсеченными головами и забвением великой эллинской культуры обернулись ученые споры и богословские сомнения.

Да известно еще, что коварство и интриги пронизали тогда всю державу. Подкуп и взятки заменили долг и честь. А перед кем долг? А кому была нужна честь? За что было сражаться земледельцам? За тех, кто их грабил?

— Были мудрецы, — продолжал священник, — чувствовавшие дыхание тлена и пожарищ, и они советовали не разжигать распри, обходить мелкие разногласия, чтобы сохранить порядок. Но Рим не хотел идти ни на какие уступки, да и среди византийских богословов, попов и монахов, несмотря на занесенную кривую саблю, твердили только о традициях и великом прошлом. Грезы виделись вместо яви. А вокруг императора не осталось верных и честных. Царил обман. Ведь недаром вошло в пословицу византийское коварство.

Селезнев смотрел на священные камни и думал, как все идет прахом, если не скрепилось духом, верой и силой, неистинно, если покрылось пеленой наживы — если нет подлинного знания, широкого просвещения.

Священник, увидев, что он погружен в свои мысли, быстро закончил:

— То был страшный день. Пришел судный час. Константинополь пылал, на пики поднимались головы осажденных и младенцы. Жены и мальчики, связанные одеждами, толпами шли в гаремы. Среди тысяч бездыханных тел где-то лежал обезглавленный император. Империя пала. Греция не имела больше своей государственности, погас очаг ее державности.

— Говорят, что великий город пал, наказанный господом богом за роскошь, гордыню и вероотступничество?

— Сие будто бы верно, но... — вздохнул монах и закончил: — Во вторник, второй день недели, что все мы греки дурным днем с тех пор считаем, они сражались и погибли, как истинные витязи и богатыри, хотя и покинутые своими братьями во Христе из далекой Европы. Мир их праху. А мы должны сей урок помнить. Аминь!

Селезнев и Карин поклонились и тихо пошли вдоль набережной к своему кораблю.

РЫЦАРИ УХОДЯТ В ПРОШЛОЕ

В предутреннем тумане мимо скользящего по волнам небольшого купеческого судна проплывала столица Мальты Ла-Валетта. Ее крепостные башни, форты, орудийные площадки то закутывались хлопьями тумана, то вдруг сбрасывали их, обнажая каменные мышцы. Неприступная крепость еще не проснулась, и Мовин с опаской поторапливал капитана, чтобы быстрее проскочить мимо стен столицы рыцарей ордена святого Иоанна Иерусалимского. Они спешили в бухту Святого Павла, где их должен был встретить брат Джулио Ломбарди, мальтийского капитана, офицера русской службы, героя последней русско-турецкой войны.

У изогнутого, заросшего морской травой причала стоял крепкий загорелый мальтиец. В ухе у него висела большая серебряная серьга. Он хлопнул по протянутым рукам и быстро заговорил по-итальянски, потом по-испан-

ски; видя, что гости не понимают, перешел на французский.

— Хотите, я и по-гречески скажу, по-арабски? Нам, мальтийцам, надо знать все языки Средиземноморья. Вот будет Россия средиземноморской державой, мы и по-русски заговорим. Меня зовут Умберто. — И он, живой, энергичный, увлек их в небольшой городок у бухты. В домике, недалеко от моря, был накрыт обед с большим количеством зелени и вина.

— Мы, мальтийцы, все моряки и любим дальние походы. И еще мы все немного пираты. — Он захохотал, увидев, как дрогнул Мовин. — Да нет, мы этим занимаемся только в море. Те, кто приехал к нам в гости и торговать, могут спать спокойно, если, конечно, не обдерут и не оставят без штанов наши негоцианты. — И снова сочно засмеялся. — Вообще-то мы, захватив корабль, никого не убиваем, а просим выкуп у владельцев и родных.

— Но ведь ваш остров принадлежит рыцарскому ордену госпитальеров. Неужели и они участвуют в таких делах? — спросил Мовин.

— Конечно. Рыцари владеют островом уже больше двухсот пятидесяти лет. Но лев состарился, в Европе у него вырывают зубы, и он не прочь поживиться добычей с моря. Хотя европейские короли предписывали ордену защищать их побережье от варварийских пиратов, рыцари сами стали хорошими грабителями, их уже не интересуют подвиги. А милосердие проявляют только к собственному брюху. Ладно об этом. Я хочу завтра показать вам наш прекрасный остров. Его старую столицу — знатный город Нотабиле. Потом мы посетим дворец Великого Магистра. Я уже говорил с его служителями, и он ждет вас.

Утром Мовин невероятным чутьем обнаружил невдалеке торговый дом, где занимались скупкой и перекупкой многих товаров, где называли адреса всех торговых контор Средиземноморья — никакие красоты его больше не прельщали.

Селезнев же отправился вместе с Умберто в небольшой двухколесной тележке осматривать остров. Они поехали прямо к Ла-Валетте, высившейся на горе Скаберрас. Внизу, у крепостной стены, где весело раскинулось небольшое поселение, кружилась толпа одетых в разноцветные одежды и маски людей. В центре усиленно обхаживал барабан длинными палочками зыркающий во все стороны барабанщик.

— У них тут сегодня свой праздник, нам его не обойти, — флегматично, попыхивая трубкой, сказал Умберто.

Хоровод расступился, затем окружил их, и подбежавшая козлиная маска что-то проблеяла в лицо путникам.

— Он спрашивает, кто ты и с чем пожаловал. Я ответил, что ты из дружественной России и ваш император объявил свое покровительство нам.

Козлиная голова склонила рога вперед. Казалось, хотела забодать и вдруг твердым мужским голосом по-французски сказала:

— Если ваш император собирается покровительствовать острову, то пусть поддерживает не эти трухлявые рыцарские гнилушки, не эти бурдюки кислого вина, не эти спотыкающиеся клячи, а всех достойных жителей острова, и у него не будет недостатка в храбрых моряках и воинах. А пузатых бездельников у императора, наверное, без наших ослов хватает.

Умберто нагнулся к Селезневу и шепнул:

— Однако эта козлиная борода заболталась. Он, по-видимому, из ополченцев, и у них с рыцарями вечные раздоры. Не надо забывать, что и у барабана имеются уши.

Козлиная голова подмигнула и кинулась, дико хохоча и блея, в гущу танца. Толпа закружилась, запрыгала, и весь этот вихрь масок, лент, дудок, тамбуринов и скрипок понесся дальше.

Селезнев и Умберто поднялись в крепость, ко дворцу Великого Магистра Гомпеша. Селезнев внутренне заволновался, подтянулся. Он читал про рыцарей Мальтийского ордена, да и про других носителей бескорыстия и самоотверженности. Так, по крайней мере, их воспринимали по многочисленным романам. Дамы и сегодня самых благородных мужчин называют рыцарями.

Он слышал, что госпитальеры-иоанниты владеют таинствами проникновения в сердца людей. Для них нет преград ни в хижине бедняка, ни в кабинете министра, ни в спальне королевы. Об их богатствах и связях ходят легенды, их недовольства боятся, союза ищут.

Селезнев знал и то, что наследник, а ныне император Павел увлекался мальтийцами. Все чаще и чаще восьмиконечный мальтийский крест мелькал во дворцах и царских покоях. Что привлекало царя в рыцарях-монахах? Их тайное всевластие? Ритуалы в сумерках? Четкая организация и подчиненность?

Он слышал, что Павел объявил свое покровительство

ордену, создал Великое Волынское приорство, разрешил рыцарям владеть землей в России. Правда, тут, на Мальте, жители говорят о покровительстве и защите всего острова. Ну сие понятно — небольшая страна хочет иметь надежного и сильного союзника.

У входа во дворец, окруженный красивыми зданиями и фонтанами, стояли, лениво опершись на мушкеты, ополченцы. Они не обратили внимания на приближающихся и продолжали неторопливую беседу. Однако же, когда Умберто шагнул на ступеньку, мушкеты склонились и скрестились перед ним.

Умберто быстро заговорил, жестикулируя и размахивая руками, обернулся к Селезневу и с возмущением помахал головой.

— Они требуют оплатить за вход.

— Но мы же идем по приглашению Великого Магистра. Скажите им, что я из России.

— Магистра? Вот пусть он и вернет вам деньги, — сказал один по-французски. Но второй отодвинул мушкет и похлопал по плечу Селезнева.

— Я желаю тебе добра. И если вы действительно из России, то можете пройти бесплатно. Ведь вы будете покровителями острова.

Подоспевший высокий седой и какой-то печальный монах повел их в палаты Великого Магистра. В сводчатых коридорах гулко раздавались шаги. Сколько тайн и загадок скрывает этот дворец? Вот в дальнем конце показалась процессия, которая несла гроб и тихо распевала молитву. Группа монахов в малиновых плащах с восьмиконечными белыми крестами на груди держала длинные свечи и, не глядя на гостей, прошествовала мимо.

— Значит ли что-нибудь сей восьмиугольный крест? — тихо спросил Селезнев. — Что за кости несут они?

— Восемь благ ждет праведников в раю, восемь концов имеет наш крест. Рыцарь-монах непорочен и целомудрен. Таков же его крест. Он белый и чистый.

Когда шествие скрылось, монах добавил:

— Они переносят останки рыцаря в другой склеп. Святые отцы обнаружили, что он более праведный, чем думали раньше.

— Бедняга, как страдали его косточки от несправедливости! — подмигнув одним глазом Селезневу, смиренно поддержал разговор Умберто.

— Не кощунствуйте, сын мой. Ибо истинное призна-

ние достойных сынов бога нередко блуждает по чужим дорогам и наступает чаще всего после смерти.

Умберто стал серьезным и несколько смущенно пробормотал:

— Человеку все-таки приятнее признание при жизни.

Монах покачал головой:

— Нет. Мы не должны забывать, что многое из того, что кажется приятным при жизни, обернется в том истинном мире в тяжелую ношу. Вы попали к нам в нелегкое время. Рушится веками выстроенное здание ордена госпитальеров.

— Орден существует давно?

— Да, восемь веков. Его история полна высоких устремлений и падений. Не знаю, поднимется ли он вновь к своей чистоте, какая была у тех далеких монахов-рыцарей из Палестины. Первый госпиталь — пристанище для приезжих — построен был французом Жераром де Мартигом вместе с торговцами из Италии в Иерусалиме в 1070 году. Они построили там же, рядом, монастырь и посвятили его александрийскому патриарху Иоанну Элеймону. В его честь, а также в честь возведенной тут же церкви Иоанна Крестителя мы стали носить название госпитальеров-иоаннитов. Монастыри надо было защищать от неверных, были приглашены рыцари. Они же стали и монахами. Орден защищал и покровительствовал всем, кто ехал поклониться гробу господню. У него по всей Европе, Византии, на Востоке появились странноприимные дома, госпитали, монастыри. Паломники ехали на судах, закупленных орденом, рыцари защищали их от разбойников и неверных, монахи молились в госпиталях и, отпуская грехи, погребали. И все рыцари были тогда воинами и братьями милосердия. Орден был не зависим ни от кого на тех землях. Ни правители Иерусалимского королевства, ни местные епископы не могли властвовать над ними. Они совершили тогда много добрых дел вопреки власти и церкви. В госпиталях ордена лечили всех и даже отлученных, отправляли обряды в городах, проклятых епископами, принимали в свое лоно отринутых. В тяжелую минуту приходим мы к ближнему, и поэтому не рвалась нить с сердцами людскими, слава о делах истинно праведных широко шагала по земле христианской.

— Почему же не удалось остаться на восточных землях? — спросил смутно знавший то время Селезнев.

— Много причин, — вздохнул монах, — но одна — та, что грозит нам сегодня. Забывать стали святые отцы свои обязанности. Тянутся к богатству. И раздоры. Рядом с нами существовал орден тамплиеров, что стал претендовать на главенство. А ведь милость к человеку не имеет рангов. — Монах закрыл глаза и, как бы вспоминая, продолжал: — Прав неизвестный автор «Коллекции скандалов», когда писал: «Они не могут терпеть друг друга. Причина к тому — жадность к земным богатствам. Что приобретает один орден, вызывает зависть другого. Члены каждого ордена по отдельности, как они говорят, отказались от всякого имущества, но зато хотят иметь все для всех». Вот отсюда и были поражения, отступления и отдаление от гроба господня. Сначала в Тир, потом в Маргет и Сент д'Аржак, а затем на Кипр и Родос. На Родосе рыцари держались больше двухсот лет, но и оттуда вытеснили их османы. В 1530 году Карл V, император Священной Римской империи, пожаловал землю, посадили деревья, прорыли колодцы, сделали дренаж. А самое главное — построили самый большой в Европе госпиталь, который принимает четыре тысячи больных.

— Никак не пойму, — перебил Умберто, — зачем так много. Разве это назначение ордена — врачевать?

— О, великое это дело, лечение. Исцеленный верен тебе навеки, приносит подношения, следует твоим указаниям. Говорят, кто кормит — хозяин. Нет, кто лечит, тот властвует над духом и телом и тот истинный хозяин на земле. Лампады гаснут от незаботливости! Госпитальеры-иоанниты не забывали этого. Конечно, были еще битвы, рыцари не давали османам превратить Средиземное море в свое озеро. Оборонялись. Нападали. Самой жестокой была битва в 1565 году, когда Великий Магистр Жан Паризо де Валетта отбил со своими восемью тысячами рыцарей пятидесятитысячную армию турок. На следующий год и была основана в честь этой победы новая столица острова Ла-Валетта. Флот наш был в то время непобедим, корабли самые быстроходные и большие, некоторые со свинцовой, непробиваемой и непрожигаемой обшивкой. Важными должностями на острове после Великого Магистра стали адмирал и инфирмерарий — главный санитар. Однако же все стало затем снова покрываться жиром. Папа отдал еще раньше нам имущество тамплиеров, орден приобрел новые земли, стал заниматься ростовщичеством. Но за прегрешения посыпались наказания. Земли

ордена сузились, отделились англикане, евангелисты. Свихнулась Франция. Там у ордена забрали земли, отдали их мужикам. Наш бывший магистр де Роан взывал к верховным правителям Европы, призывая прекратить грабеж. Никто не откликнулся, и только ваш высокочтимый император поддержал его и даже объявил о покровительстве иоаннитам.

Селезневу все было интересно, он не представлял, сколь давно существует это объединение религиозных рыцарей, не слышал о догмах, которыми скрепляли они свой орден, дивился этой маскарадной таинственности, которой окружали себя госпитальеры, их изобретательству в улавливании душ.

— А откуда эти званья или чины: бальи, командоры?

— Все оттуда же, с земли обетованной, из дальних веков. Они имели там, да и в Европе, владения, усадьбы с крестьянами — командорства, те объединились в большие командорства — в бальяжи, бальяжи — в приорства, а те в языки — провинции: Овернь, Франция, Прованс, Арагон, Кастилия, Италия, Германия, Англия. Так и заседают в совете Великого Магистра восемь столпов провинций, их заместители: лейтенанты, бальи, великие приоры, командоры и другие рыцари, имеющие благородное происхождение.

Селезнев направился в Европу, чтобы постичь суть жизни, познать истину бытия, и столкнулся с теми, кто, как и Карин, искал ответа у бога. Но у бога ли? Не именем ли бога создавали они себе приятную и сладкую жизнь на земле, не тайной ли недопущения к знанию отгородились они от мира, пугая незнающих, торгуя божеским товаром. Нет, не они, рыцари-госпитальеры, спасут погибающий мир. Они могут только спеть молитву над его прахом.

— Кого же сейчас защищают рыцари? От кого берегут прихожан?

— Они служат богу. Их усердие сталкивается с натурой человеческой, с волею сатаны. Искуситель мешает нам, но мы не дадим ему проникнуть в тайны нашего ордена. Они закрыты для всех непосвященных.

Селезнев понимал, что и он, случайно оказавшийся на этом острове, не проникнет в орденские тайны, которые хранятся для еще более могущественной и хитрой силы. А тайн обольщения, невидимого заступничества, накопления богатств, проникновения к вершинам власти, устра-

нения и низвержения соперников орден, судя по всему, накопил немало. Но кто их нынче откроет? Разве с годами.

Покружив по двору, они подошли к высоким кованым дверям в зал магистерского совета. Монах склонил голову, приглашая входить.

— Сегодня заседание Большого совета, но Великий Магистр вас ждет. Заходите.

Дверь растворилась, и они оказались в длинном зале с высокими витражными окнами. За столом сидели в малиновых мантиях и строгих накидках с узкими рукавами члены совета. Селезнев удивился, потому что один ряд полностью состоял из лысых, второй — из седых. Он не успел подумать, какой в этом кроется смысл, как густой голос с конца зала пророкотал:

— Наш орден и я, Великий Магистр, приветствуем представителей далекой страны, император которой объявил о покровительстве над нашим орденом, терпящим урон и притеснение от безбожных и кровавых сатанинских сил. Мы видим в вашем присутствии здесь добрый знак, мы думаем, что уйдут раздоры, и рука вашего императора защитит созданный волей божьей орден. Наш орден перенял пальму служения богу у госпитальеров и тамплиеров, которые охраняли Иерусалимский храм, и проводил паломников, идущих от Антиохии, Акры, Сайды и Яффы ко гробу господню. Неверные потеснили нас. Сначала на Родос, а потом на Мальту. Но своим ревностным служением господу богу, исполнением святого долга по защите храмов и народов Европы от османов и пиратов, усердным молением и милосердной деятельностью по лечению больных и облегчению душ страждущих орден завоевал благосклонность божью и признание людское. Антихристова сила хочет нас изгнать с острова. Но мы пребудем здесь вечно. Аминь.

Великий Магистр Гомпеш поднял в молении руки и долго молился.

— А теперь разрешите вручить вам памятную медаль «Возрождающаяся Мальта» в честь победы великого де Валетты и продолжить совет.

Селезнев принялся рассматривать медаль, а совет заструился речами. Говорили о многом: о тяжелом финансовом положении, о непослушании ополченцев, о недостатке продовольствия, о новых расходах для бежавших из Франции. Обсуждение всех вопросов кончилось про-

клятием в адрес безбожного Конвента, кровавых якобинцев и всякого безверия.

Высокий монах зашел и что-то прошептал на ухо Гомпешу. Тот вскочил, и оказалось, что Великий Магистр не так уж велик. Его густой голос с немецким акцентом стал тонким.

— Сообщаю, что близ острова показалась французская эскадра. Что? Что делать? Если они потребуют разрешения на вход в порт, на что решиться?

Великий Магистр снова опустился в кресло. Замешательство длилось недолго.

Медленно и величественно встал князь Камилл де Роан.

— Рыцари славного Мальтийского ордена! Наши победы известны в веках. Пред нами склоняли знамена несметные полчища османов и арабов, разбегались, как муравьи, тучи варварийских пиратов. Неужели мы не можем остановить новоявленного варвара? Нам есть что охранять, и мы можем еще раз показать свою доблесть, защищая славную столицу и имя великого рыцаря де Валетты. Я предлагаю загородить цепью вход в порт, взяться за оружие и объявить остров на осадном положении. Думаю, что, зная о славных подвигах рыцарей, главнокомандующий французов минует остров.

В зале воцарилось молчание. Потом встал взволнованный командор Буаредон де Рансюэ. Он опередил многих славных и знатных рыцарей и зачастил:

— Назначение ордена вести войну с неверными да с пиратами, а не с христианами. Поднять тревогу — это значит уравнять полумесяц и европейцев. Кроме того, — голос его стих, — я, будучи французом, никогда не подниму оружия против Франции.

Раздалось несколько возмущенных выкриков:

— А кто отобрал наши земли там и в Италии?

— Кто лишил привилегий, ренты, замков и земель?

— Какую Францию имеет в виду уважаемый командор? Францию законного и убиенного монарха или Францию кровавых сапожников?

— Обороняться! Закрыть порт!

— Да, но мои ополченцы при первом выстреле перейдут на сторону французов.

— Ну так заставьте их! Заставьте!

Рыцарь Вален медленно подошел к окну, раздвинул шторы и, резко обернувшись, почти выкрикнул:

— Господа, они уже здесь!

Медленные и сановитые рыцари, приоры, бальи, командоры побежали к окну, распахнули узкие створки. Выскочивший из кресла Гомпеш не мог протолкаться сквозь толпу, сразу превратившись в небольшого старого человека.

А перед крепостью вставали в ряды один за другим корабли французского флота. Они подошли к порту на расстояние пушечного выстрела.

— Один, два, пять, десять... — начал считать кто-то, — двадцать пять, тридцать. О-ля-ля! Да тут их целая армада, спаси нас, господи, и помилуй!

Все молча глядели, как четко и организованно выстраивался французский флот, как подходили новые и новые линейные корабли, фрегаты, корветы и транспорты.

— Пойдемте отсюда, — негромко обратился к Селезневу Умберто. — Они ничего хорошего не придумают. Кажется, кончилась их власть.

Они торопливо уходили по наполненной остатками чьих-то жизней, страстей, подвигов галерее. В нишах тускнели скелеты и гробы. Из разнобойной светло-серой пирамиды холодили спины темнотой пустых глазниц черепа. Одиноко горела свечка у выхода. Казалось, здесь судьба ордена была уже решена.

Через два дня Ла-Валетта пала перед флотилией Бонапарта.

«ЭСКАДРА ДВИЖЕТСЯ К ДАРДАНЕЛЛАМ...»

На второй день после взятия Мальты генералу Бонапарту доложили, что к французскому командующему просятся двое русских. Они были с небольшого торгового корабля, застигнутого молниеносным французским десантом в бухте Святого Павла недалеко от главного города острова — Ла-Валетты.

Наполеон немного подумал и велел пригласить их после обеда на борт своего «Ориона». Он встретил приглашенных у порога каюты. Нет, это было не дружеское рукопожатие, вежливый поклон, гостеприимный жест. Это был холодный пружинистый взгляд, на который они натолкнулись у входа и который остановил их движение

вперед. Он не ощупывал их, не рыскал по деталям костюма и фигур. Взгляд сразу проник внутрь, и было понятно, что он знает о вошедших все и нельзя ничего утаить от него, не надо ничего скрывать, ибо сидящему за длинным столом молодому генералу все было ясно.

Подержав их некоторое время в состоянии полной и необъяснимой подчиненности его воле, Бонапарт с нескрываемой иронией спросил:

— Чем могу служить?

На щеках у Мовина сквозь пепельную бледность стал появляться румянец, он оттаивал, оживлялись части его тела. Голос возник сначала где-то внизу, в животе, и потом несмело выскочил пискливой змейкой наружу. Наполеон слегка улыбнулся:

— Вы по коммерческой части. А что вас привело ко мне? — Он, не переводя взгляда, который вмещал в себя обоих русских, обратился к Селезневу. Тот уже освободился от оцепенения. И, медленно подбирая французские слова, ответил:

— Господин генерал Французской республики, я хотел давно выразить свое восхищение великими деяниями французов, свергнувших тиранию и написавших на своих знаменах: «Свобода, равенство, братство». Вся просвещенная Европа, лучшие люди России уверены, что тираны падут повсюду. Мы склоняем голову перед вами, несущими освобождение и благо народам!

Генерал сразу понял, что перед ним восторженный поклонник революции. Из таких он формировал свое окружение, постоянно перемещая их восхищение на цели своих военных операций и на себя. Он понимал, что идейный боец, солдат, офицер превосходит по своей стойкости и мужеству наемника или просто завербованного солдата. Наполеон всегда старался поддерживать веру в высокие устремления его войска. Сражаться с такой верой, да и умирать было легче.

— У нас обращаются «гражданин», а не «господин». Если вы шпионы, мы вас расстреляем, — бесстрастно сказал он. — Если вы в восторге от нашей революции, окажите ей несколько услуг, она вас отблагодарит. Нам нужны сведения о том, не появились ли русские корабли в Средиземном море. Не знаете ли вы что-нибудь об этом?..

Мовин облизал сухие губы. Селезнев сделал шаг вперед и с достоинством сказал:

— Гражданин генерал, я не могу шпионить за действиями своего отечества, но я готов принять участие в ваших революционных походах и умереть за свободу.

Левый уголок губ Бонапарта иронически поднялся:

— Однако вы не прониклись идеями свободы до конца. Ибо под ее ноги должны быть брошены все предрассудки и все патриархальные знамена. — Он помолчал и отрывисто закончил: — Впрочем, я возьму вас в поход... А вы, — его зрачки снова, нисколько не переместившись, приковали Мовина, — вы сегодня же выедете в направлении Константинополя и сообщите там русскому консулу, что французская... что французская эскадра движется к Дарданеллам. Пусть передадут императору Павлу, что его флоту нечего делать в Средиземном море и что я освободил его от излишних забот о мальтийском ордене и сберег ему четыреста тысяч рублей, которые он обязался выплачивать этим бездельникам.

Мовин рассыпался в благодарности, уверениях в том, что он все выполнит, но казалось, еще чего-то ждал. Наполеон снисходительно хмыкнул и добавил:

— Наградой вам будет жизнь. Обычно мы вешаем всех подозрительных. Я приказал казнить всех греков с Мальты и Корфу, плавающих под русским флагом, и потопить их суда. Идите.

Голос у Мовина опять пропал, снова что-то заскользило внутри. Но на этот раз уже не снизу, а сверху ото рта, холодной змейкой мертвя живот. Он пяткой ударил дверь и, кланяясь, попятился из каюты, забыв о своей просьбе и не пытаясь поблагодарить.

— Вас же, гражданин...

— Селезнев, — подсказал инженер.

— Я прошу через три дня прибыть на «Орион», вы включаетесь в Великую экспедицию...

НА «ОРИОНЕ»

Европа затаила дыхание, ожидая, куда бросится французская морская армада из Тулона. Почти все были уверены, что экспедиция Бонапарта обогнет Пиренеи и нанесет беспощадный удар по Альбиону — самому опасному, коварному и энергичному противнику республики. Уверены в этом были и жители Марселя, через который проследовали боевые полки, махавшие платочками своим

отплывающим в экспедицию мужьям солдатские жены и мимолетные подруги в Тулоне, иностранные послы в Париже и всякого рода наблюдатели, попросту говоря, шпионы, доносившие кто за деньги, кто в отмщение за короля, что 19 мая 1798 года почти триста больших и малых судов и барок покинули порт. На кораблях находились отобранные генералом Бонапартом чуть ли не поодиночке боевые солдаты прежних его походов. Они были уверены, что он любил их беззаветно, и потому были преданы ему беспредельно. Наполеон случайно проговорился, что высадится в Ирландии, где давно кипела ненависть к Англии. А оттуда... Все это под страшным секретом докладывалось английскому правительству. Английские сквайры спешно бежали на восточное побережье. Были приняты меры по укреплению морских берегов, англичане молились за удачу адмирала Нельсона. Только его боевой талант мог спасти империю от стоглавой беззаконной гидры Французской республики.

Нельсон, мрачно попыхивая трубкой, ждал кровопролитного сражения. Он собирал свои корабли у Гибралтара, именно сюда должен был подойти Бонапарт со своей экспедицией, чтобы прорваться к берегам Англии.

Были, конечно, и другие предположения: Греция, Египет, Константинополь, Черное море. Надо было все узнать точно. Но неудачная разведка потеряла Бонапарта из виду.

...А республиканский генерал захватил Мальту и, еще не проявляя радости — впереди много дней пути, устремился в Египет. Да! Египет был его целью, туда двигалась его испытанная и закаленная почти сорокатысячная армия... С облегчением отпустила в пески этого популярного и честолюбивого генерала французская Директория. Возможно, он завоюет новые колонии, добудет такое необходимое золото и драгоценности. Ну а если поход окончится неудачей, слава генерала развеется и он снова будет только «саблей», а не «головой» республики. Но голова Наполеона работала напряженно. Он умел принимать неожиданные и даже ошеломляющие противника решения. Удар по Англии надо нанести издалека. И он выбрал Египет. Конечно, умы во Франции были к этому подготовлены. Особенно нашумели знаменитые «Путешествия в Египет и Сирию», «Письма из Египта» Савари. Египтом и Левантом, как называли восточное Средиземноморье, бредили, Египет надо было взять под видом

освобождения, тем более что Англия захватила часть французских владений. Да, колония. Но у Наполеона были более грандиозные планы. Он не со многими делился ими. Египет — это древнее царство Птолемеев — он покорит. Молниеносный поход в Левант и Сирию, груды золота и склонившиеся страны, обращение к порабощенной Индии — и его победоносное войско проходит стремительно путь до Инда. А затем возвращение в Европу, он утверждается в Константинополе. Двумя ногами он станет в мире — в Азии и Европе. Все уже забыли о победах Македонского, а он напомнит о великих людях.

Наполеон стряхнул наваждение и подумал, что сегодня хорошо было бы обсудить с учеными и полководцами предопределенность и случайность судеб человеческих, причины краха государств и правительств.

Эти дни, проведенные на «Орионе», запомнились Селезневу на всю жизнь. Ему казалось, что в кают-компании командующего была подлинная академия. Здесь собирались умы пытливые и острые, здесь ставились самые неожиданные вопросы, предлагались потрясающие воображение проекты, здесь низвергались самые устойчивые авторитеты и возникали возбуждающие всех идеи.

После обеда в кают-компании у командующего армией собирался цвет экспедиции. Казалось, Бонапарт хотел забыть то не такое далекое время, когда он записал в своем дневнике: «Всегда один среди людей». Он хотел встреч. бесед, споров. Наполеон любил атмосферу интеллектуальных турниров. В них он удовлетворял свою неистощимую любознательность. Его быстрый ум уже имел часто ответ на вопрос, осмысливаемый его собеседниками, и он испытывал тонкое удовлетворение, когда они приходили к такому же выводу, хотя несколько позднее. Если же вывод был иной, Наполеон ставил несколько вопросов и как бы подчинял спорщиков своему ответу. Если же этого не случалось, он ненадолго задумывался, где и почему допустил ошибку. А его собеседники радовались возможности высказать на этом торжестве разума, дуэли остроумия то, что интересовало здесь всех, проявить себя или заявить о себе.

Командующий неплохо знал Расина, Лафонтена, Боссюэ, Фенелона, Вольтера, Корнеля, Руссо. Их томики стояли у него за спиной, в его каюте. Возможно, его разум выбирал у великих поэтов и писателей только то, что служило его идее, его самовозвышению и самоутвержде-

нию. Образы, обращения великих, их мысли о гуманизме, о всеобщем равенстве и братстве, о терпимости и любви просеивались в его сознании, не задевали его воображения. Нет, он не отрицал их, но они не нужны были ему в деле, они сдерживали бы его, создавали неустойчивость. А Бонапарт не любил колебаться.

— Достопочтенные ученые мужи, смелые воины Франции, сегодня я желал бы с вами обсудить, отчего рушатся великие империи. Как, казалось бы, вечные государства рассыпаются в прах? Почему погибло французское королевство? — обратился он к приглашенным.

За столом, тесно прижавшись друг к другу, сидели гордость и слава Франции: механики и инженеры, астрономы и натуралисты, археологи и математики — его знаменитая комиссия ученых. С другой стороны стола расположились сподвижники Бонапарта, его генералы и офицеры: Бертье и Мену, Мюрат и Даву, Бон и Ланн, Мармон и Жюно, сорокашестилетний богатырь Клебер и коротышка Дезэ, одноногий Каффарелли. Первыми говорить неожиданно стали военные.

— Империя рухнула из-за королей, — резко отрубил Клебер. — Бесправие народа, на шее которого сидели высокородные паразиты, лишило короля опоры.

— Крестьянин был полностью ограблен. На нем лежали все государственные налоги и барщина. У несчастного опускались руки с отчаяния. Четверть земель была заброшена, его гнали в армию, лишили всякого просвещения.

— Общество разложилось. Буржуа ненавидели дворян, крестьяне ненавидели господ, духовенство преследовало просвещение. Все сословия были на ножах.

Разговор закипел. Математик Фурье счел возможным объяснить падение империи с помощью законов механики.

— Вопреки естественным законам, — сказал он, — в государственной пирамиде наверху оказался самый тонкий, но самый тяжелый слой, который не мог не перевернуть ее.

Пылкий архитектор Лэпэр, изучавший прошлое и знавший по археологическим остаткам, сколько рухнуло империй и царств, объяснил крушение не столь материальными причинами.

— Дух, дух, граждане, вот что сокрушило Людовика. Вольтер и энциклопедисты разбудили общество. Слезами

и кровью жег Руссо сердца. Он породил неугасимую ненависть к притеснителям. Слезы и кровь тысяч французов смыли монархию.

Спор длился долго. Селезнев не очень внимательно вслушивался в разговор. Он весь был поглощен изучением Бонапарта, а тот переводил взор с одного на другого. Его умные глаза то вспыхивали, то становились неприступно холодными. Он протянул руку за плечо и вытащил томик Руссо. Но не стал читать, а тихим, спокойным голосом сказал:

— Где короли, там нет людей. Там только раб, угнетатель — существо более низкое, чем раб угнетенный. Конечно, все тираны будут в аду, но туда же попадут и их рабы; после угнетения нации самое большое преступление — терпеть это преступление.

Его голос становится жестче. Селезнев был весь захвачен магнетизмом и внутренней страстью, исходившей от генерала. А он как бы для него одного продолжал:

— Лишь немногие из королей не заслуживают быть свергнутыми с престола... Предрассудки, привычки, религия — все это плохие оплоты. Все троны рухнут, если народу скажут: «Вы тоже люди!» Общественное мнение — путь свободы, революция — спасительное движение. Как больно видеть, что история стала «суха и мелка», что нации «прикованы к угрюмому покою рабства», что это униженные рабы, которые убивают друг друга своими цепями в угоду фанатизму своих господ. Сегодня пришел конец этим чудовищам.

Почувствовав, что он полностью овладел Селезневым, внезапно спросил:

— Ну а вашу империю может что-нибудь сокрушить?

Селезнев упивался всей этой освежающей, вольнолюбивой, раскрепощенной атмосферой спора. Ему нравились слова, позы, манера говорить убежденно и страстно. Так могут говорить только люди, лишившиеся подлого страха перед знатностью, чинами и богатством. Они говорят то, что думают. И думают, когда говорят. В тот момент он не примерял их слова к жизни, к тому, что знает о ней, не стремился давать оценку дел в России. Он, как усталый путник, припал к источнику вольнолюбия, жадно пил слова о свободе и равенстве, ощущал холодный пот и освежающий вкус призывов к разрушению рабства и несправедливости. Он полностью был во власти личности Наполеона, его блестящего ума, феноменальной па-

мяти, необъяснимо притягивающего магнетизма его воли.

Бонапарт ощутил это и еще раз обратился к Селезневу:

— А вы, гражданин русский инженер, можете предсказать, когда рухнет Российская империя? И какие силы могут ее сокрушить?

Селезнев смешался, он не ожидал, что ему придется о чем-то говорить на этом блестящем собрании умов и талантов. Обычно собеседникам нравились его откровения и оценки, но он-то знал, что обдумывал их в тиши одиночества. А здесь, на виду у людей, щекочущих острием своей мысли будущее, вонзающихся ею во все слои прошлого, он был не готов говорить. Все молча глядели на него.

— Думаю, господа, — начал он и смутился снова. — Думаю, граждане свободной республики, главное зло нашей страны — это рабство. Многие люди уподоблены скотине. Наше общество лишено во многом просвещения, безгласно. Большинство людей света живет «старым обычаем», а молодые часто усваивают только поверхностную моду, новый костюм да испорченный французский говор.

— Неужели в вашем народе нет ничего хорошего? — перебил его Клебер.

— Боже, да я не о народе, — твердел голосом Селезнев. — Народ наш трудолюбив, честен, тянется к правде, но на нем же оковы. Освободи его, он тоже до Египта дойдет.

По лицу Бонапарта пробежала тень. Теперь он перебил Селезнева:

— А кто же тогда освободит ваш народ? Ведь у вас почти нет необходимого образованного сословия?

Селезнев на мгновение задумался, но быстро ответил. Чувствовалось, что вопрос для него не новый.

— Просвещение и образованность — только они способны освободить нацию.

— Ну и революционные армии Европы могут подтолкнуть империю? — упорно задавал вопросы Клебер.

— Навряд ли. Штык — не лучшее орудие для внедрения свободы.

Все опять замолчали, а Бонапарт как бы про себя сказал:

— Неверно. Штык гарантирует свободу. Военная сила — вот что держит все государства. Она как обруч, скрепляющий бочку. Сними обруч, и бочка рассыплется

на отдельные дощечки — сословия и группы людей. — И как бы спохватившись, резко закончил: — Благодарю вас, мои друзья. Мы многое сегодня постигли и узнали, о многом еще подумаем. За дело!

ВЕТЕР ПУСТЫНИ

Вот уже несколько дней Селезнев был в Египте. Казалось, какие-то сказочные картины мелькнули перед его глазами. Наполненные зноем пески, до горизонта раскинувшийся Нил, тянущиеся к небу тонкие руки минаретов, выныривающие из миражного марева белые восточные города — было ли все это? Или это сны во время коротких и недолгих привалов?

Наполеон и его солдаты почувствовали себя уверенно, вступив на египетский берег первого июля. Их больше не мучила неизвестность, не мутила качка, не страшила египетская даль. На суше им не страшны любые англичане. Сюда, на древнюю землю, заявил солдатам генерал, они несут идеи великой революции, освобождение египетскому народу от тирании злобных мамлюков. Эти бывшие охранники султана захватывали власть и угнетали местных крестьян-феллахов. Солдаты Франции, сами бывшие крестьяне, не возражали помочь египетским феллахам — тоже ведь страдали раньше от феодалов. Еще генерал обещал богатую добычу после взятия Каира. Так что можно повоевать и поосвобождать попутно.

Однако Египет встретил «освободителей» не так, как Италия, где тысячи горожан осыпали цветами солдат с трехцветными кокардами революции, а веселые итальянки, беря под руку громыхающего деревянными башмаками санкюлота, долго сопровождали его по улицам города. Здесь Александрия безмолвствовала, когда французы овладели городом. Лишь нищие старики, которым терять было нечего, низко кланялись завоевателям да бездомные собаки боязливо полаивали на идущих по пыльным улицам солдат.

Птолемеева столица не произвела впечатления на Селезнева. Он с какой-то необъяснимой тревогой приглядывался к ее закрытым окнам, прислушивался к жалобному скрипу маленьких песчинок. Молчаливый город лежал у ног революции...

На улицах висели прокламации на французском, араб-

ском и турецком языках: «Кадии, шейхи, улемы, имамы, чербаджии *, народ Египта! Довольно беи оскорбляли Францию, час возмездия наступил... Бог, от которого зависит все, сказал: царству мамлюков пришел конец... Вам скажут, что я пришел погубить религию ислама... отвечайте, что я люблю пророка и Коран, что я пришел восстановить ваши права. Трижды счастливы те, кто выскажется за нас! Счастливы те, кто останется нейтральным; у них будет время, чтобы узнать нас. Горе безумцам, которые поднимут на нас оружие, они погибнут!!!»

А потом началось движение в глубь страны. Ветер пустыни иссушал кожу и, казалось, испарял кровь из жил. Песок скрипел на зубах, забивался в башмаки, за ворот, в волосы и уши. Глаза слезились от солнца, горло пересыхало и издавало хриплые лающие звуки. Деревни по дороге, если можно было назвать дорогой слегка обозначенные тропы, были сожжены. Города были нищими. Если находили спрятавшихся недалеко жителей, то узнать от них почти ничего не удавалось. Они со страхом смотрели на французов и с ужасом кивали на маячивших у горизонта конников-мамлюков.

— Да они боятся всего, а в нас видят очередных завоевателей, — хмуро взглянув на оборванных феллахов, сказал на привале Селезневу генерал Каффарелли, возглавлявший инженерные службы и научную экспедицию. Русский инженер ему понравился прямотой суждений и высокой верой в справедливость. Генерал подсаживался к нему во время привалов, ехал рядом, когда спадал зной, и вел откровенную беседу.

— Они нищи, а мы добавляем дыры к их лохмотьям. Они лишены пищи, а мы отбираем последнее. Мы предлагаем им землю, а они боятся, что мы уйдем и их голова будет той платой, которую мамлюки возьмут за полученное поле. Мы попали в пекло, и кто выберется отсюда, будет считать, что ему повезло, — окончил он, понизив голос.

Вскоре стали роптать солдаты: «Зачем мы пришли сюда? Директория сослала!» Наполеон их уговаривал, утешал, обещал богатства и развлечения в Каире. Солдаты молча слушали и жалели своего командующего. «Это от него хотели отделаться... Но вместо того, чтобы вести нас

* Судьи, вожди племен, знатоки мусульманского права, духовные лица.

сюда, почему он не дал сигнал выгнать его врагов из дворца!..»

Живой и энергичный генерал Каффарелли, подпрыгивая на своей одной ноге, отчаянно жестикулируя, убеждал, что их подвиг нужен родине и она не забудет их побед, ибо это будет великое завоевание, важное для истории. Забудьте трудности и невзгоды! Мрачный и здоровенный гвардеец флегматично заметил: «Ей-богу, вам на это наплевать, потому что у вас одна нога во Франции». Дружный хохот скрасил уныние. Громче всех смеялся генерал.

Прошло уже много суток с тех пор, как они покинули Александрию и шли по пустыне, а мамлюки все время терзали их атаками, хотя главного боя не принимали.

Утром на горизонте показались вершины гладких и отточенных гор. Откуда они здесь, в этой ровной пустыне, перерезанной мутной водой Нила? И только к полудню всем стало ясно, что это рукотворные громады. Это великие египетские пирамиды древних фараонов. Чудо, о котором каждый знал только понаслышке. В тихом сипении песка, в легком шуршании ветерка, исходящего от них, казалось, слышался далекий стон тысяч согбенных рабов, поднявших высоко к небу глыбы мертвого камня, призванного возвысить уже мертвых деспотов. Вдали кружились, все увеличиваясь и обрастая новыми всадниками, отряды конницы мамлюков. Чувствовалось, что они готовятся к решающему бою. Дальше отступать было уже некуда. Здесь, у этих камней, должно было решиться, кто будет владеть Египтом. Или их верховный бей Мурад и они, мамлюки, грозные потомки свирепой охраны султана, освободившиеся от его прямой власти, или этот невесть откуда свалившийся бледный генерал с его обтрепанными солдатами.

Бонапарт весь преобразился, сменил непроницаемость и неприступность на своем лице на вдохновение и страсть. Еще утром, когда вдохнул свежий горьковатый воздух пустыни, понял: сегодня будет решающий бой. Он вообще любил свежий воздух и чувствовал в нем много оттенков. Его всегда давил спертый и дурной запах, ему всегда было противно от примесей. Но здесь, в песках, казалось, что воздух пустыни, едва остывшей за ночь, смешался с ожившим дыханием многих веков. Наполеон чувствовал запах оружия непобедимого Александ-

ра Македонского, аромат побед Юлия Цезаря. Его обращение к войску было коротким и выразительным:

— Солдаты! Сорок веков глядят на вас с высоты этих пирамид...

Мамлюки, возглавляемые богатейшим беем и главой Египта Мурадом, отчаянно бросились в бой. Но Бонапарт был в ударе, его звезда светила ему ярко в этом сражении. Он замечал любое передвижение врага, охлаждал ярость натиска точными ударами артиллерии, находил противоядие от коварных фланговых рейдов. И долго будут передавать друг другу оставшиеся в живых, что французский султан-волшебник держит своих солдат связанными толстой белой веревкой, и от того, в какую сторону он ее тянет, солдаты поворачиваются направо или налево. Действительно, его знаменитое каре, ощетинившееся штыками, рассеяло туманом конницу Мурада, растворило самого бея в песках Нубии, а его войско или осталось лежать на поле боя, или погибло в Ниле.

Крокодилы не успели растерзать загнанных в реку и расстрелянных мамлюков, солдаты вытаскивали их трупы штыками. Не для того, чтобы похоронить несчастных, нет. В их поясах было зашито богатство, они были набиты червонцами. Впереди лежал павший ниц Каир с его богатствами и развлечениями.

— Армия начала примиряться с Египтом! — бросил Наполеон Клеберу уже позднее в Каире. Тот, однако, ничего не ответил. Селезнев уже знал, что этот великан неодобрительно относится ко многим действиям Наполеона. Он был против казней для устрашения и против лести командирам, раздуваемой среди солдат. Революция была его матерью. Он поклонялся ей, а не личностям. И не любил почестей, которые обожал Бонапарт. Солдаты вспоминали, как они хотели выложить огнями: «Клебер — наш всеобщий отец». Генерал запротестовал: «Нигде не должно быть моего имени! Пишите лучше: «Отечество бодрствует над нами».

Но сейчас здесь, у пирамид, была победа, и одержали ее они под началом главнокомандующего.

...Египет был в их руках.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОГОНЯ

Лоб контр-адмирала Горацио Нельсона покрылся испариною. Он крепко по-матросски выругался. Да... фран-

цузов в Александрии не было. Обман, бессилие разведки, невезенье сжали сердце. Английская эскадра, вихрем промчавшаяся по Средиземному морю вслед морской армаде Наполеона, шла по ложному пути? Ошиблись? Значит, Греция? Или Константинополь? Не Черное же море? А может, повернул от Мальты на Сицилию или на Неаполь, разгромить злосчастного неаполитанского Фердинанда? Конечно же! Конечно! Франция решила вывести последнего огрызающегося монарха на Апеннинах из игры. А кто владеет югом Италии, тот контролирует море, Мальта и Сицилия будут держать в петле центральное Средиземноморье. Стратегически и политически верно. Пожалуй, туда повернул флот французов...

Нельсон, своим горбом, умом и храбростью добившись столь высокого положения, дорожил им и не мог себе позволить ошибаться — упустить врага. Ему не простят этого ни его покровитель и начальник адмирал лорд Сент-Винсент, ни другие адмиралы, как и первый лорд адмиралтейства Спенсер. Да и его величество король, когда вручал ему орден Бани, многозначительно сказал, что страна ждет от него еще кое-что. Кое-что! А что?

Дежурный офицер, съезжавший с командой моряков на берег, выжидательно смотрел на Нельсона.

— Значит, они ничего не слыхали о французах? О десанте? О планах Бонапарта?

Офицер терпеливо кивнул, повторяя уже сказанное.

— Да, египтяне встревожены и удивлены. Но они ничего не знают о французах. А о Бонапарте они и не слышали, кто это.

— Вы свободны. Идите.

Нельсон устало опустился в кресло.

В голове билось: «Сицилия?! Сиракузы?! Крит?! Константинополь?!»

Задергало в правой руке. Да, в несуществующей руке, потерянной еще у Канарских островов. Так бывало всегда, когда Нельсон проигрывал. А выигрывал он пока не так уж часто, как хотелось.

Константинополь?! Греция?! Сицилия?! Неаполь?! Куда?

Константинополь! Взять Европу в клещи? Проткнуть насквозь Австрийскую империю?

Греция! Да! Поднять греков против турок! Сделать Балканы наковальней и расплющить Европу с запада и юга.

А если Англия? Ирландия? Холодный пот прошиб спину. Нет, нет, там, у Гибралтара, Сент-Винсент с его флотом. А вдруг?

Черт бы побрал всех этих дипломатов, всех этих шпионов, что сосут денежки из казны, но не дают самых важных сведений, от которых зависит судьба Англии! Все они оказались беспомощны перед интригой Наполеона. Тот сумел все скрыть, запутать, сохранить в невероятной тайне. Горько подумал: детям дьявола дьявольски везет.

А теперь, что делать теперь? Ведь он все-таки считал: Бонапарт движется в Египет. Да и не один он так считал: доносил консул из Ливорно, предполагали в адмиралтействе. Его доблестные и опытные капитаны Трубридж, Белл, Дерби, Сомарец тоже поддерживали его на совете. А что сейчас? Какое принять решение? Снова делить ответственность с капитанами? Но ведь они сломаются, ошибившись еще раз. Нет, надо отдать приказ самому. Голова кружилась, молоточки стучали вразнобой. Сильно болела правая рука...

Через несколько часов эскадра повернула к Италии. Ветер был встречный, мешал движению, и судьба еще раз криво усмехнулась Горацию Нельсону, но он этого тогда не знал.

Предутренний туман скрыл от зорких глаз его вахтенных наблюдателей змеей кравшийся караван французов. Утром, когда слабеет взор, клонится в сон голова, притупляется слух, он второй раз проскочил южнее лавирующей против встречного ветра английской эскадры. В яростной надежде встретиться с врагом контр-адмирал приблизился к неаполитанским Сиракузам. Там царили страх и уныние. В королевстве ожидали десант, боялись французов, но где их флот, не знали. У Нельсона стало мерцать в единственном глазу. Он так же ничего не знал о местонахождении врага, как и двадцать семь дней тому назад.

Драма в центре Средиземноморья продолжалась.

На эскадре появились недовольные, глухо зароптали моряки. Было от чего. Вода в бочках загнила, мясо покрылось червями, зашатались зубы.

Женщина, которая станет потом самым близким человеком для Горацио, сделала первый шаг к душе адмирала, спасая его моряков от цинги. Эмма Гамильтон, жена английского посланника в Неаполе, близкая подруга королевы Каролины, добилась секретного разрешения попол-

нить запасы английской эскадры. Французский посланник протестовал: нарушается нейтралитет, но тщетно. Через три дня в бочках англичан плескалась свежая вода, на палубах дергали ноздрями кольца упитанные быки; в клетках, вытянув шеи к проходившим матросам, шипели гуси. Цинга отступит, но где Наполеон?

И вновь короткий совет. Не без колебания курс снова был взят на Египет. Все-таки туда по немногочисленным, но тщательно собранным свидетельствам двигался Бонапарт. Туда, наверное, тащил честолюбивый генерал всю эту кучу геологов, химиков, археологов, ученых, о которых Нельсону сообщили самые надежные шпионы. Туда, наверное? Именно туда устремилась армия французов.

Контр-адмирал еще в первом рейсе погони не поверил дрожавшему, с дергающимся лицом русскому торговцу, сказавшему о том, что Наполеон сообщил ему сам: он идет к Дарданеллам. Подлые обманщики: и он, и этот купец, и десятки осведомителей, приносивших слухи о показавшихся французских судах в Адриатике, у Родоса, в Алжире, на Кипре. Вранье все! Но где же Бонапарт?

...Адмирал вышел на палубу. Третий день дул попутный ветер. Может, это знак? Как всякий моряк, он был суеверен, верил в судьбу больше, чем в знания. Горацио немногому учился в школе. Походил до двенадцати лет, и хватит. Его истинным учителем было море, классной доской — палуба, а экзамены принимали шквалы, штормы и штили. Морские сражения стали его стихией, дальние переходы лечили душу. Он не любил высший свет английского двора и всю жизнь стремился туда. Он был холоден с матросами, но они любили его, потому что Нельсон не наказывал зря.

Спереди на корабельном носу свистнула плетка, раздались ругательства.

— Не болтай, мерзавец!

— Ты сам мерзавец, ты сам взял нашу порцию!

Плетка свистнула еще раз.

— Эй, Джон! — крикнул Нельсон не заметившему его боцману. — В чем дело? Почему ты с утра распускаешь руки?

Боцман обернулся и, вытянувшись, сипло пробурчал, глядя снизу вверх:

— Господин контр-адмирал! Он сеет смуту.

— Врет дудочник! Он сам забирает у нас наши порции грога!

Боцман развернулся, намереваясь ударить жалобщика еще раз.

— Стоп, Джон! — Нельсон крикнул вахтенному: — Лейтенант Перси! Разберитесь по справедливости. Порция грога свята на британском флоте. И передайте сигнал: не употреблять девятихвостку в эти дни. Нам предстоит великая битва, а поротые не очень-то хорошо сражаются.

...На четвертый день показалась Александрия. Контрадмирал молил бога ниспослать ему врага. Подзорная труба его рыскала по бухте, набережным, высоким минаретам, пыльным площадям и опять по бухте... но пусто.

Снова крах! Французских кораблей нету. Драма погони превращалась в трагедию Горацио Нельсона.

Эскадра медленно продвигалась на восток. Застучали молоточки в голове, два раза дернулась правая рука. Рушилась морская карьера человека, созданного для морских битв. Адмирал Сент-Винсент, лорд Спенсер, адмиралтейство, премьер Питт, да и вся придворная светская сволочь, которую он презирал и которая платила ему тем же, подпишут ему приговор неудачника. Все-таки зря он тогда не пробился в парламент. Заседал бы себе, болтал, получал денежки. До чего же несправедлива к нему судьба...

Мрачные мысли перерезал откуда-то издалека пронзительный голос вахтенного:

— Вижу справа в бухте много кораблей! — И через минуту: — Французы! — И уже спокойней, с обращением к командующему: — Вижу неприятеля!

Голова у Нельсона светлела, очищалась, лишь в закоулках мозга клубилась обрывистая тьма. Из правой руки уходила боль. Он кивнул дежурному офицеру, вбежавшему с докладом о том, что в бухте Абукир обнаружен французский флот.

— Ясно! Прикажите накрыть в моей каюте. Пусть поставят серебряные приборы и китайский фарфор. Приглашайте всех офицеров. Для многих это будет последний обед.

...Ели с английской педантичностью, не спеша. Планы не обсуждали. Сигналы были отработаны раньше. Вставая из-за стола, он знал, что пришел его день. Офицеры затихли. Перед ними был снова их несгибаемый, сверка-

ющий единственным глазом, их любимый однорукий контр-адмирал. Взявшись рукой за большую морскую пуговицу на шитом золотом мундире, который он не снимал никогда, Нельсон покусал губу и гордо вскинул голову:

— Завтра к этому времени я заслужу или титул лорда, или Вестминстерское аббатство! *

Контр-адмирал получил позднее титул лорда, а французский флот под Абукиром перестал существовать. Египетская экспедиция Бонапарта оказалась в мышеловке.

...Драма завершилась. Как быстро меняются маски на подмостках истории...

НОВЫЙ СОЮЗ

23 августа русская эскадра встала у входа в Босфор. Грозный Ушак-паша — вице-адмирал Федор Федорович Ушаков по рескрипту Павла Первого привел корабли к Константинополю.

Столица сиятельной Порты была в великом возбуждении. Еще бы! Грозный северный сосед — Белый царь прислал свои корабли под стены города. Что будет дальше?!

...На следующий день эскадра вошла в Босфор и стала в Бююкдере, напротив резиденции русского посла, авторитет которого за одну ночь вырос невиданно. Из прахоподобного он превратился в друга и брата.

К набережной потянулся люд со всего города: чайханщики и ремесленники, оружейники и торговцы, янычары и нищие, дервиши и падшие женщины. Одни толпились на берегу, другие, чтобы подъехать поближе к кораблям, торговались с лодочниками, сразу поднявшими цену.

Турки и армяне, сирийцы и греки, айсоры и болгары, курды и албанцы, волохи и египтяне. Каких только народов не знал этот кишмя кишащий людьми город. Одни угрюмо смотрели на хлопающие парусами корабли, другие взирали на них с надеждой, третьи с любопытством, четвертые со страхом.

— Скоро эти неверные заберутся в султанский гарем...

— Может быть, прекратятся наконец эти вечные войны?..

— Слышите, слышите, они поют!

...Великий султан, громоподобный и блестящий

* Место захоронения выдающихся англичан.

Селим III, переодевшийся в одежду боснийца, пересел из своих носилок в яхту задолго до стоянки русских кораблей в Бююкдере. Окна яхты были плотно занавешены. Весла гребцов быстро мелькали над водой, однако ход постепенно замедлился. Вокруг русской эскадры, куда тайно направился Селим, сновал целый рой фелюг, кайяков, одноместных лодочек, гребных яхт и парусников. Находившиеся в них кричали, махали руками, предлагали яблоки и груши, табак, вино и воду. Красавица на небольшой фелюге покачивала бедрами и «обнажалась животом», зазывала, обещая радость в домах, где обитали сладкозвучные, луноликие и резвые дочери радости. Матросы с любопытством поглядывали. Ну не вплавь же бросаться! Да и служба. Вот на суше такую бы не упустить.

Султан отодвинул занавеску и молча глядел на русские корабли... Он, он должен возродить Турцию, разбудить ее. Ленивые подданные заботятся только о чалме и столе. Нужны реформы, нужна твердая воля, нужны союзники...

Ту-ту-ту! — врезался в его мысли резкий звук. Селим вздрогнул. Отовсюду: с нижних и верхних палуб, с бака и кормы зазвучали вдруг боцманские рожки, заиграли трубы. Вслед за этим на палубы русских кораблей выбежали сотни моряков и солдат. Одни из них карабкались вверх по мачтам, другие поползли по реям, отвязывая паруса. Солдаты выстраивались в ряд вдоль бортов, взбирались на возвышения, изготавливаясь к стрельбе. Порты для пушек раскрылись, жерла орудий холодно взглянули на город. Казалось, еще мгновение, и они обрушат всю свою мощь на улицы, площади, мечети — сметут их, обратят все в прах.

Султан забеспокоился, а Юсуф-ага, кяхья — распорядитель дворцовых дел султанши, склонившись, сказал:

— Сиятельнейший в веках! Ты видишь умение русских и их страшную силу. Они мощные союзники, — он засмеялся тонким смешком, — и притом двенадцать русских кораблей производят меньше шума, чем одна турецкая лодка. Нет, нет, они большая гроза для врагов, свет и сияние Порты!

Селим смотрел и думал. Думал о том, что Порта на глазах трещит, рассыпается. Только что отпал Египет. Али-паша Янинский вел шашни с французами. Паша Шкодры предложил французскому командующему крепости Корфу помощь ополчением. Видинский пашлык

был ненадежным. Льстивые письма грекам слал Бонапарт. Нет, без России не обойтись...

Султан погладил несколько раз правую щеку и еще раз внимательно посмотрел на главный корабль, где, приложив руку к русской чалме, стоял громадный русский командир. Не отворачивая от окна головы, бросил Юсуф-аге:

— Пошлите завтра от моего имени паше Ушакову табакерку с бриллиантами, а матросам тысячу, нет... десять тысяч пиастров!

— О великий! Щедрость твоя беспримерна, и гнев твой покарает изменивших нам!

Гримаса перекосила лицо Селима. Она превратилась в кривую улыбку, и эта улыбка в щепки разнесла уже почти вечный союз Порты с Францией.

Через несколько дней последовал манифест, объявлявший Францию врагом. Ее посланник Рюффен со всем посольством был брошен в тюрьму, которую, как он считал, готовили для русского посла Томары. Все отвернулись от бывшего союзника, еще недавно восседавшего в главных султанских покоях. Ныне же, как говорили турки, и ишак не поворачивал к его жилищу. Во всей Порте громили дворы французов, грабили их имущество, торговля с республикой прекратилась. «Французская партия» при дворе султана рухнула, а только что всесильный визирь Иззет-паша, сторонник Франции, был смещен. Так не раз бывало в сиятельной Порте, да разве там только: был дерьмо — стал правитель, прошло время — из правителя снова дерьмо.

...Русский посланник Василий Степанович Томара принимал сегодня в своей резиденции влиятельных и важных турецких сановников. Хотелось пощупать их мысли, разузнать планы дивана, посоветоваться и воспользоваться весом этих важных советников султана.

Гости приехали почти одновременно, и Томара вместе с Ушаковым встречал их в приемной, приложив по-восточному руки к груди. Всегда красный, обветренный, вице-адмирал стоял за ним и размеренно кивал головой, с интересом рассматривая недавних противников, а в сей час новых союзников. Каковы они ныне?

Пожалуй, тут, на встрече, были друзья. По крайней мере люди, желавшие примирения и совместных действий против Франции.

В зале гости расположились на подушках и коврах,

а Томара и Ушаков сели в низкие кресла. Разнесли ароматные трубки, небольшие чашечки кофе, и после этого Томара, подняв высоко голову, торжественно начал:

— Светлые сыны Высокой Порты, мы немало побили посуды в прошлом, и я рад видеть вас здесь, в этой резиденции, в сем очаге, где куется дружба, милая сердцу наших верховных правителей. Ваши души и умы принадлежат светоносному Селиму Третьему, мы склоняемся перед волей и словом нашего венценосного Павла Первого. Рождается так угодный богу союз. Мы каждый день обсуждаем дополнительные статьи договора и приходим к новым и новым соглашениям. Скоро наши эскадры двинутся в дальний поход в Средиземном море. Наш победоносный вице-адмирал Ушаков вместе с храбрым Кадыр-беем, — Томара отвесил поклон, — решат судьбу всей кампании, одернут и разгромят коварных властолюбцев. В предвкушении полезной беседы и совета я хочу преподнести вам знаки благосклонности нашего императора.

Томара хлопнул в ладоши, и высокий штабс-капитан внес поднос, на котором лежали усыпанные драгоценными камнями табачные рожки. Испытанный дипломат знал, чем развязать языки, как смягчить сердца. Да, в те времена, а может, и позднее, это не считалось зазорным или стыдным. То была благодарность и плата, протянутая рука и желание знать больше, чем знает супротивный посол.

Капудан-паша, глава турецкого флота Кючюк Хюсейн и заместитель великого визиря кяхья-бей Челеби Мустафа поклонились. Табакерки моментально исчезли в широких карманах их халатов.

Затем долго говорили, гости не отказались от водки, послушали русскую песню.

Павла Первого больше всего беспокоил вопрос о проходе эскадры, о ее независимости и возможности беспрепятственного возвращения назад. Томара уже несколько раз заводил разговор об этом, и, кажется, ныне телега стронулась с места.

— Россия и Порта владеют Черным морем, и надо сговориться, дабы наши военные суда могли беспрепятственно входить и выходить из оного!

— Но тогда и другие государства захотят сие сделать, и будет ли это полезным для наших стран? — многозначительно сказал Кючюк Хюсейн. — И, внимательно по-

смотрев на Томару, добавил: — Особенно для вашей империи.

Было ясно, что он намекает на таковые же просьбы и даже требования ранее со стороны Франции, ныне — Англии.

— Однако сии притязания нескладные, ибо оные страны на сие права не имеют, расположены они вдали от границ Черного моря. Владетели же оного между собой все и порешить могут. Как говорят на Руси: не купи двора — купи соседа. Мы с вами должны в добрых соседей заделаться.

— Достопочтенный посол знает, что у России здесь еще немало врагов. Распри наши помнят... Боятся, — раздумчивый кяхья-бей Челиби Мустафа делал маленькие глотки кофе, кивал головой в такт своим словам. — Великий султан желает как можно быстрее помощь России на суше и на море получить и договор о сем заключить. Однако другая партия его пугает и отговаривает от больших обязательств. Наш добрый хозяин знает, что я говорю о Махмуд Раиф-эффенди, бывшем после Порты в Англии, коего и кличут в народе Инглиз, так он привержен порядкам и обычаям той страны. По этой привязанности с ним согласен наш капудан паша и патрона, что по-вашему контр-адмирал, Шеремет-бей. Ну и ваш заклятый враг, — кяхья-бей иронически улыбнулся, — бывший посол в Петербурге Расых-эффенди.

Томара забеспокоился, понял, что надо втолковать, убедить, донести до ушей султана заверения в том, что Россия не стремится к захватам, особенно за счет Турции. Понимали в Петербурге, что Турция не все хотела бы раскрыть воочию в новом союзе.

— Наш император Павел Первый твердо говорит, что союз наш оборонительный и никаких приобретений Россия не желает и взаимно хочет гарантии всех границ и владений! — Посол даже встал и, походив, доверительно прошептал, хотя известно было, что сам бы он на сие не решился: — Ну так вот, высокочтимые господа, давайте мы часть нашего договора сделаем открытой, направленной против вредных властолюбивых замыслов, а часть, чтобы враг не все знал и внутреннего неспокойства не было, — секретным. — Турки одобрительно закивали головами. — И коль вопрос о проходе наших кораблей будет решен, то немедля следует, чтобы адмирал и кавалер Ушаков вместе с вашим доблестным Кадыр-беем двину-

лись в Белое * и Средиземное моря. К Египту, а потом к Ионическим островам. — Решил подсыпать сахару и халвы в разговор: — У России появился долгожданный союзник, и пусть будет мир наш вечным и непоколебимым.

Ушаков, что внимательно слушал Томару и толмача, вдруг встрепенулся и резко ответил:

— В Египет не поеду. Там Бонапарте в мешке. Выгуливаться нам ни к чему. Не для сией комиссии посланы императором. Идем на Корфу. Там у французов ключ от всего Средиземноморья, Адриатики и Балкан. А потом на Мальту. В Архипелаге будем дозорную службу нести, чтобы Директория не высадилась в Морее. Англичан обслуживать не буду!

Кючюк Хюсейн неодобрительно посмотрел на русского адмирала, помолчал и, повернувшись к Томаре, выдохнул с дымом:

— Египет — наша боль. И неизвестно, куда направится француз оттуда. Надо следить за ним и предупредить движение его войск. — Подумав, добавил: — Мы знаем, доблестный адмирал хорошо разбирается в морском деле, но хотелось бы, чтобы он выбрал главное. Известно, что приморские крепости с моря не берутся. А осаждать можно долго. Время потеряем. Мальта перед англичанами не пала. Французы умеют оборонять крепости. Может, не спешить туда, в Венецианскую Албанию? Зачем нырять в пучину вод, коль нету там жемчужины?

В словах Кючюк Хюсейна проскользнула какая-то неуверенность, словно он вспомнил вчерашнюю встречу с английским посланником Спенсером Смитом, о которой Томаре было известно. Василий Степанович хлопнул Ушакова по плечу и по-свойски заметил:

— Да, батюшка, да! Придется уступить.

— Уступать не буду, император не велит, — снова зло горячился успокоившийся было Ушаков. — Ну, может, несколько кораблей пошлю. Господин капудан-паша прав: морские крепости брать тяжело, так и позвольте это сделать всей наличной силой. И командующий Бонапарте значение сих Ионических островов хорошо понимает. Год назад он сказал, что острова Корфу, Занте и Кефалония дают ему господство в Адриатическом море и в Леванте и имеют для французов значение большее, чем вся Италия!

* Белое — Эгейское море.

Турок слова Бонапарта поразили и убедили. Стали соглашаться. Балканы были тоже болью Порты.

Поговорили еще немного. Повосхищались трапезундскими арбузами и грушами, таявшими во рту, похвалили водку и кофе, стали прощаться. Гостей проводили до ворот, у которых юркий продавец сладостей — шекереджи, всем предлагал свой товар, подобострастно заглядывая в лица. Кибитки разъехались в разные стороны. Томара посмотрел им вслед и кивнул на шекереджи.

— Шпионит. Спенсер Смит, поди, подослал. — Вздохнул. — Ну мы тоже безопасство соблюдаем. Он нас за неповоротливых болванчиков почитает, а мы все его шаги знаем. — Посмотрел вверх на тихо шуршащий кипарис, круто изменил разговор, дружелюбно и покровительственно обратился к Ушакову: — Любезный Федор Федорович! Мы на вас надежду имеем. Талант морской ваш знаем. А политикой уж вы себя не утруждайте, время не расточайте. Сие нам доверьте.

Ушаков еще больше покраснел, набычился, повел головой, как бы размягчая воротничок. Дружелюбства не принял. Ответил, как будто тяжелые камни в морскую пучину сбросил. Там им и лежать вечно.

— Флот, он без политики не бывает! Оный везде, где находится, державу свою продолжает. Мои матросы лучше некоторых петербургских вельмож о благе Отечества в походе пекутся. У моряков Россия за спиной, и они оную защищают. Вот вам и политика. А командир морской стратегему общую должен знать, взрывы и вражду народную предупреждать, снабжение наладить, дабы ни у населения, ни у войска недовольства не вызывать. И все сие соображения политики!

Томара озадаченно промолчал.

ПИСЬМА С ДОРОГИ

Любезный мой друг Петр!

Вот и покинул я берега нашего Отечества. Едем мы к туркам как дружки и вкупе с ними и англичанами будем воевать с французами, а может, употребят нас в каких других планах и стратегемах. Воевать я готов, ты сам знаешь, что я ничего не боюсь. Да и обстоятельства таковы, что мне в баталии ввязаться хочется.

Ты, старинушка, знаешь, что отец мой всю эту мою

болезную страсть к картам не любил. Хотел, чтобы я книг больше читал. Но мне оные пустою и лживою забавою казались. С таким количеством правил и наказов, что их всю жизнь не выполнишь, а человек книгу жизни читать должен, ее мудрость постигать. Правда, мудрости-то я особой не постиг, а пристрастился к забавам острым и опасным: охоте, картам. Что со мной происходило там, в Николаеве, Херсоне, Одессе, я и сам не пойму. Ты мой друг, и я, зная твою симпатию ко мне, доверяю свой страх и беду свою о сией дурной привычке и страсти. Все игры переиграл тогда: и в вист, и в камбер, и в тресет, да и другие. Как сяду до обеда играть, то играю и после обеда, и почти всю ночь, и так почти каждый день. И хочу-то не деньги выиграть, а игру. Ты ведь знаешь, что я не того сродства, чтобы на неправедности наживаться, хотя, кроме жалованья, ничего не имею. А в игре на меня какая-то шаль находит, весь из себя выхожу и вижу только карты. Во сне снится, как могила моя усыпана оными, да на памятном монументе стоит валет пиковый. Командир порта меня предупреждал несколько раз, что сие увлечение плохо закончится. Я же, зная расположение его нрава к отцу, все отмалчивался. Но вот у нас стал новый император, и велено было составить на господ с французскими якобинскими симпатиями и легким непотребным поведением списки. Что до французов, то я их не люблю, а поведение мое, ежли вспомнить карты, может и не понравиться. И сей мой начальник, который за службу осыпал меня похвалами, посоветовал подать рапорт о переводе на корабль, который с адмиралом Ушаковым в Турцию пойдет. Я сие и сделал. Да вот еще штука. Познакомился я с девушкой красивой, ладной, нраву хорошего, стана гибкого и стал у ее родителей бывать часто, а она сказала, что мамушка ее что-то худого про меня слышала: что я-де повеса и игрок. И тут я понял, что в Одессе мне не жить старой жизнью. И надо снова овладать собою где-то в дальнем походе.

Уехал я отсюда с тоской и печалью, но с надеждой. Пишу я тебе, любезный, из Константинополя, где наша эскадра стоит и жители оного города нас лелеют и славно приветствуют. Обещают от нас в Россию корабли посылать и оные наши письма отвозить будут. Так и ты мне пиши, советы давай. Сим заканчиваю. И уверяю тебя в неизменной дружбе, остаюсь Ваш и прочее лейтенант Андрей Трубин.

Дорогой мой родитель Егор Петрович!

Дорогая моя матушка Екатерина Ивановна!

Во первых строках сообщаю, что жив и здоров. Во вторых, прибыли в город Царьград — Константинополь. Зело красив он и шумен. Батюшке купил тут трубку турецкую, а тебе, матушка, плат, птицами разрисованный.

Батюшка, ты не ропщи и не думай, что меня за какие-то погрешности сюда отправили. Федор Федорович Ушаков самолично отбирал офицеров для похода. И когда узнал, что я Трубин, то зело интересовался, где ты служишь, и сказал, что, наверное, я своего отца не подведу, а он, то бишь ты, был верным и храбрым слугою Отечества. Я ему обещал и тебе обещаю, что чести твоей не посрамлю.

Матушка, я вас целую и обнимаю, и если вы встречались с Козодоевыми, архитекторами, то отпишите мне, что кто из них передавал.

Вспоминаю сточасно Вас и наше обиталище,

Андрей, сын ваш.

Любезная Варвара Александровна!

С тех пор как виделись мы у вашего папеньки в доме, забыть я этой встречи не могу. Вы мне о том памятью. Мы люди морские и военные, тонкостям ухаживания не обучены, прошу прощения за неловкость мою. В мыслях своих я вам все время любезности оказываю и нежные слова говорю, любовную страсть проявляю все больше с романтической стороны. Сейчас я в походе славном, и неудобство от оного лишь одно — Вас не вижу. Прибыли в Константинополь, где я увеселяюсь красотами и прелестями оного, мешая дело с бездельем. Конечно, тут и нищих в рубищах много, и женщин непотребных, да других мы и не видим, они сокрыты от взоров мужчин.

Готовимся в бой против французов, ждем приказа нашего славного адмирала Федора Федоровича Ушакова, чтобы напасть на них. И уж тут-то, Варя, позвольте мне по причине искренней симпатии Вас так называть, мы свою отменную храбрость покажем, и Вы узнаете, что ежели во мне какие пороки есть, то они или со мной в пучину морскую уйдут, или славою смоются.

Пишу вам, а кровь моя взволновалась и бурлит, и надеюсь на нескорую, но желанную для меня встречу.

Я есмь навсегда Ваш Андрей Трубин.

ВЕРА В ИЗБАВЛЕНИЕ

Греки и славяне... видят в России свою естественную покровительницу.

Ф. Энгельс

Колокольный звон окутал остров, закружил его в своих медных объятиях, протянул дорогу к белопарусным кораблям, соединил ликовавших, праздничных жителей и усталых, гордых победой русских моряков в единый торжествующий лагерь. Нежаркое октябрьское солнце било лучами в бирюзовые волны Адриатического моря. На улицах города, в селах, у стен крепости, на всем острове Закинфе шло невиданное братание греков и русских. Не было дома, на котором не трепетал бы андреевский флаг.

Жители острова выплеснулись навстречу солдатам и морякам. Они крестили их, смахивали светлые слезы, посылали добрые приветствия и благодарную любовь. Вдоль улиц выстроились дети, махали проходящим колоннам, протягивали конфеты, а затем кинулись целовать руки солдатам. Те были ошеломлены, засмущались: «Что это они? Чай мы не барышни! Не господа!» — «Вы для наших граждан больше, чем господа! Вы избавители наши! — кричал им выпущенный недавно из тюрьмы Мочениго, которого многие офицеры уже знали как организатора восстания местных крестьян. — А целуют руки по греческому обычаю старшему и почитаемому человеку!»

Солдаты благодарили за почет, но рук целовать не давали. Обнимали ребятишек, ставили их в строй. Так и шли по улицам освободители и освобожденные, которым надолго, а может, и навсегда запомнились эти добрые руки, это дружеское объятие пахнущих табаком и порохом солдат из России.

Федор Федорович Ушаков был не сентиментален, на внешние чувствования себя не расходовал. Но то, что почувствовал, увидел здесь, на Закинфе, потрясло и обрадовало его. Еще раз укрепило в вере, в стойкости сказанному слову, освятило дело, которое ему поручили.

— Плачут! Обнимают. Значит, ждут и хотят нашей помощи. — Закрыл глаза, задумался. Вспомнил как было.

...Два русских фрегата капитан-лейтенанта Шостака позавчера подошли к острову, но каменистый берег и мелководье не позволили высадиться десанту. И тут произошло то, чего никто не ожидал. В воду высыпало не-

сколько сот крестьян и стали на носилках, на руках переносить оружие, припасы и солдат на берег. Ушаков открыл глаза и стал дописывать письмо царю:

«Жители острова... бросились в воду и, не допустив солдат наших и турок переходить водою, усильным образом и с великой ревностью неотступно желали и переносили их на берег на руках». Вспомнил, как доложил Шостак, что несколько тысяч греческих ополченцев, завидев его фрегаты, начали наступать на город, захватили тюрьму, сожгли дома «французских друзей» и долговые документы. То ли мятеж, то ли революция? Но нет, пошли в атаку вместе с русскими солдатами и заставили отступить французов в крепость. Вчера на флагманском «Святом Павле» принял их и вручил им, как боевое знамя, флаг русского адмирала и предложил готовиться к совместным боевым баталиям. Но сие не понадобилось. Французы сдались, и ему ж пришлось уговаривать руководителей повстанцев не проявлять «ярость к уничтожению» французских солдат.

И вот великий праздник! Послал сюда еще раньше обращенные к жителям «Пригласительные письма», то есть воззвание, подписанное совместно с Кадыр-беем. Письма призывали все население острова выступить против французов и обещали установить правление на островах по предпочтению жителей, для приобретения прямой свободы, состоящей в безопасности особенной и имения каждого под управлением, сходственным с верою, древним обычаем и положением их страны, которое с их же согласия на прочном основании учреждено будет». Обещали учредить правление даже по образцу Рагузы. В местных церквах тайно читали послания константинопольского патриарха Григория V. Патриарх крепких слов по поводу богоотступников-французов не жалел. «Эти искусители свободой, равенством и братством несут только страдания», — усиливали его голос с амвонов городские и сельские священники.

Истинную свободу и спасение от безбожия, говорилось в посланиях, несут островам эскадры Турции, России и Англии.

«Иониты! Пришел ваш час спасти веру, нравы и порядок! Не допустите греховодников в храм святого Спиридона! Не дайте осквернить свои души!»

Патриарх был самый высокий авторитет для богатых и бедных, для жителей Сули и Мореи, Турции и Кандии,

Македонии и Ионических островов, но сердце ионитов не делилось на три части, и оно было, как и у большинства греков, полностью отдано русским.

Несчастная Греция, некогда светоносная Эллада, вся была разорвана на куски, ее жители едва ли помнили, что они потомки аргонавтов и Аристотеля, и были рассеяны по многим городам и островам Средиземноморья. Греки только во снах видели свою независимость. Оттоманская империя — их извечный враг, казалось, была столь чудовищно сильна, что ее мертвящая тяжесть не позволяла шевельнуться. Под стать туркам была торгашеская цепкая власть венецианцев, полузадушившая ионитов. Породили надежды высадившиеся на островах французы, но и они ввели непосильные налоги, стали бессовестно грабить население, глумиться над традициями и обычаями, сажать в тюрьмы и расстреливать. Что оставалось бедным грекам? Оставался еще дух. Дух, неподвластный гнету и насилию. Дух, неподвластный тлену и забвению. Дух, живущий в живом. А ведь убить всех рабов нельзя, они должны работать на господ. Работать — значит жить. И эти суетливые неопрятные греки, как считали их господа, эти землепашцы и торгаши, пастухи и сапожники явили невиданную стойкость и презрение к смерти. И они нашли себе большого и почитаемого покровителя. Они увидели его в русских! Не во французском офицере Директории, не в венецианском торговце, австрийском посланнике, английском адмирале, а в русском простом солдате, в парусном флоте России, в далеком, немного миражном Петербурге...

Да, эту любовь почувствовал самый простой моряк и он, грозный, суровый адмирал, чьей воле подчинялась мощная быстроходная эскадра, чья слава была известна на Черном и Средиземном морях.

ЧУЖЕЗЕМНЫЕ ЕДИНОВЕРЦЫ

Все малые и средние Ионические острова в октябре и ноябре 1798 года были взяты объединенной русско-турецкой эскадрой. Французы сопротивлялись недолго. Мощная русская артиллерия, молниеносные штыковые атаки, устрашающий вид турок и море повстанцев делали свое дело. Гарнизоны Китиры, Закинфа, Кефаллония, Левкаса и других островов капитулировали. Перед эскад-

рой оставалась одна крепость. Одна, но какая! Бастион Франции в Средиземноморье, база египетской армии Наполеона, опора Директории между Апеннинами и Балканами. Цену ей знали как французские власти, так и новые союзники. И тем желаннее было господство над ней.

Генеральный комиссар Франции Дюбуа объявил осадное положение, гражданское управление было распущено, был срочно создан комитет общественного спасения только из французов. Генерал Пиврон, возглавивший его, разделил сферу обороны и сферу внутренней безопасности, передав заботу о возмущенных греках Военному комитету по делам о государственной измене. Треск ружейных выстрелов, осевшие в лужи крови тела у крепостных стен подвели черту под революционными фразами директорийских военных. Корфиоты окончательно переходили на сторону союзников.

...В адмиральской каюте у Ушакова собрались русские командиры кораблей и руководители греческих повстанцев. Турецких союзников не было. Решили сегодня посоветоваться, узнать возможности мятежных корфян.

Тут был и недавно прибывший с эскадрой из Ахтияра контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин, капитан первого ранга, командир «Святого Петра» Дмитрий Николаевич Сенявин, командиры русских линейных кораблей и фрегатов капитаны второго ранга Григорий Тимченко, Иван Селивачев, Тимофей Перский, Александр Сорокин и другие высокие и менее высокие чины русского флота. Морские командиры похлопывали друг друга по плечам, вспоминая боевые эпизоды, громко говорили, не особо заботясь об этикете, заразительно смеялись и шутили с греками, которые почти все знали русский. Да и немудрено: большинство из них прошло службу в русской армии. Вон стоят два высоких статных красавца капитаны первого ранга Алексиано и Сардонаки. Последнему сам Ушаков поручил ныне командовать флагманским кораблем «Святой Павел». Доверие безграничное. А доверял седой адмирал не сомневаясь, ибо знал бесконечную преданность греков России, их тоскливую надежду на избавление с ее помощью. Вот эти — изящно одетый, энергичный, подвижный Булгарис и уже старый, дряхлый граф Макрис, с острова Закинфа. Он еще в экспедиции Алексея Орлова участвовал, увлек за собой тогда две тысячи ополченцев. А напротив, в толпе незнатных, стоит живо жестикулирующий аптекарь, который

тоже служил в России и был первым, кто выбросил русский флаг и с возгласом «Да здравствует Павел Первый!» повел за собой толпу на этом же острове.

А рядом отставной русский майор Георгиос Палатинос, тоже воевавший в последней войне, а ныне волонтером пребывающий на «Святом Павле». С ним отличившийся в боях на Китире отставной капитан Киркос.

Особо много было в этой экспедиции в составе русского флота кефаллиниотов. Графы Метаксы, имевшие там владения, приписывали это своей пропаганде. Но было это не совсем так. На Кефаллинии жило тридцать отставных офицеров русской службы. Вон стоит лейтенант Глезис и капитан-лейтенант Ричардопулос — говорят молодо, задиристо. А ведь Измаил брали с самим Суворовым. Офицеры рассказывали Сардандинаки, как, уйдя в отставку, по утрам поднимали у своих домиков маленький андреевский флаг, а по вечерам в окружении восторженных мальчишек вели беседы, вспоминая о своих истинных и мнимых подвигах. Или же все вместе собирались в винной лавке у купца Аврамиотиса, где, подогреваемые красным вином и по русскому обычаю не разбавляя его, громко говорили о славных победах и скором приходе сюда «дяди Ивана». Лавку обходили стороной не только местные «карманьольцы» — сторонники Франции, но и патрули солдат Директории, зная буйный нрав отставных офицеров русской службы.

Удивительное это и трогательное явление — греческие добровольцы на русской службе. Большинство из них пошло, уже имея некоторый морской и военный опыт, другие учились в знаменитом Корпусе чужеземных единоверцев в Петербурге, где и было подготовлено немало морских офицеров. Греческие добровольцы верили, что победы России были победой их веры, их победой. Они хотели, жаждали, стремились к службе в русском войске. Они были храбры, неподкупны и очень полезны во время боевых действий, ибо знали Средиземное и Черное моря, знали все бухты и укромные укрытия, где сотни, а может быть, и тысячи лет назад прятали свои сокровища, сберегали жизнь ближних их предки. Они знали врага России — Турцию. Это был их враг. С недоумением приняли нынешний союз, но не отчаялись, ждали своего часа.

Обстрелянные турецкими пушками, осыпанные державными почестями России, они подолгу оставались на службе, тоскуя и скорбя о своей родине и о близких.

Но вот снова повеяло пороховым дымом, пахнуло грозой войны, и потянулись на русскую эскадру бывшие ветераны. Уже давно увидели они в Директории очередного тирана и поработителя.

Ушаков зашел, поздоровался и сразу увидел, что греки заметно разделились на две группы. В одной — хорошо, со вкусом одетые нобили, а в другой — разномастные, с голубыми косынками на груди представители других сословий. Адмирал, как бы объединяя их, обратился к тем, с кем бывал в баталиях, кто уже воевал под флагом империи.

— Как, господа, зажили ваши раны российских походов?

Ветераны выступили на полшага вперед, зашумели:

— Те раны нам награда! А непрестанная боль в сердце от врагов наших. От пьющих кровь венецианцев, разбойных французов. — И уже тише добавили, зная союзные обязательства: — От кровавых османцев страдаем и кровоточим.

Вперед выступил священник, в длинной черной рясе, приехавший из Китиры. Ушаков вспомнил, что это Андонис Дармарос и он уже виделся с ним у острова, когда тот в составе делегации жителей заявил, что «все островские жители охотно желают и готовы оказывать всевозможную соединенным эскадрам помощь».

Священник дождался тишины и неторопливо сказал:

— Наши соотечественники знают, что единая защита и надежда — ваша великая держава. С утренней молитвой гречанки обращают свой взор на север! С надеждой на лучшие дни смотрят туда землепашцы и священники, судовладельцы и моряки! Только Россия может дать нам свободу и защитить веру!

— Мы ваши друзья! Но не будем забывать, что еще недавно здесь кое-кто ставил свечку Бонапарту. А после взятия Мальты некоторые молодые люди подались в греческий легион его египетской армии.

Лейтенант Глезис, вроде бы защищая честь земляков, быстро проговорил из-за спины священника:

— Немногие! А среди них были и искатели приключений, и те, кто здесь отчаялся получить свободу. У многих потом после поборов и налогов, которыми их обложил генерал Жантильи, головы протрезвели.

Георгиос Палатинос язвительно добавил:

— Да и граждане высшего класса вели себя часто не-

достойно. Им следовало бы поучиться у простых пахарей, которые бросали все и шли на приступ крепостей, не жалея жизни.

Не поворачивая головы, холодно и небрежно, как подобает говорить истинному нобилю, граф Сикурос ди Нартокис заметил, глядя на Ушакова:

— Кому нечего терять, тот спешит потерять голову. Многие шли на французов, имея в виду чужое добро. Посмотрите, что творится кругом. Горят дома, на улицу невозможно выйти. Чернь требует имущества и власти! Надо немедленно учреждать законную власть.

Греки еще более четко разделились. Одни отжались к Сикуросу и подошли ближе к нему, другие встали рядом с Палатиносом, который нервно крутил кончик пояса. Лишь Дармарос остался посредине, не совершив шага ни влево, ни вправо.

Ушаков поднял руку, внимательно вглядываясь в лица, оперся на подзорную трубу и густым крепким голосом пророкотал:

— О власти мы с вами, господа, поговорим позднее. А я всякое данное мною слово стараюсь сдержать верным. И хотел вас просить оказать всяческое содействие во взятии Корфу. Командиром повстанцев назначаю графа Булгариса и в знак его заслуг перед Россией, которой он почти тридцать лет служил, произвожу его в бригадиры. От наших совместных дел зависит виктория над неприятелем и возвращение независимости. Прошу вас соединить все силы для сего великого дела.

Греки снова как-то незаметно подвинулись и соединились через седого чернорясого Дармароса, составив единую группу.

ВО ДВОРЦЕ БЕЯ

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились.
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились...

Ф. Тютчев

Казалось, Каир был полностью во власти французов. Наполеон торжествовал. Он сделает из него центр великой культуры, центр и столицу французской колонии.

Уже создавался Египетский институт — этот очаг наук здесь, на Востоке. Его бывший школьный товарищ возводил в центре города, к радости офицеров и солдат, египетский Тиволи. Здесь будет кипеть веселье, уже крутится карусель, вздымаются качели. А там, подальше от центра круга, готовятся деревянные кони и на недостроенном помосте играет военный оркестр.

Селезнев дивился этому умению французов везде устраиваться красиво, с комфортом, после дел полностью отдаваться отдыху и веселью. Он да, пожалуй, и большинство его соотечественников, не умели так. После сделанного он еще долго мучился, думал, правильно ли поступил, осуждал себя за промахи, а тут и новое дело наплывало. Вот и сегодня он хмурился, задумывался, хотя пришел сюда, в этот каирский Тиволи, чтобы развлечься, поесть мороженое, которое по настоянию Бонапарта продавали во всех углах. А хмуриться он не имел права еще и потому, что с ним рядом шла замечательная девушка Милета — патрицианка и революционерка, сторонница свободы республики Ионических островов и Великой Эллады, участница греческого легиона, действовавшего в армии французов. Услышав о великом походе Бонапарта, она снарядила торговое судно отца и кинулась вслед флоту Великой экспедиции. Она горела идеей повернуть суда на Грецию, войти с покорителями Италии в Константинополь, освободить от тирании Элладу, принести ее жителям равенство и свободу. Армию Бонапарта и греческий легион Милета догнала лишь в Каире. Ее мечты были благородны и достойны века. Однако флота французского к тому времени уже не было, хотя щепки от него и прибивались волнами к морскому берегу Пелопоннеса. Нельсон под Абукиром оставил от французского флота лишь воспоминания. Милета поняла, что ее первая мечта растаяла, и решила бороться за просвещение своего народа. Здесь при оборудовании типографии в Научном институте и встретил ее Селезнев. Милета, часто спокойная и задумчивая, вдруг вся наполнялась живостью и внутренней энергии. Ее горение, знания, устремленность, красота удивили и поразили Селезнева. Ведь он знал женщин, которые обладали многими из этих качеств, но не соединяли их вместе. Они были тоже красивы, милы и не бездеятельны, но бежали от обыденности и страдания.

Красота Милеты не боялась жизни. Ее глаза видели весь мир, сердце чувствовало горе ближнего. Черты ее

лица напоминали камею и, казалось, вырезаны были из мрамора. Но особенно поражали ее глаза — одновременно серые, бирюзовые и желтые, с большими черными зрачками, мерцающими светом далеких времен. Когда Милета говорила особенно вдохновенно, ее глаза, казалось, занимали треть лица, пылая святым огнем. Селезнев думал, что вот так, наверное, зажигали на подвиг против тиранов и врагов нерешительных афинян их жены и сестры.

Он тайно восхищался ею и был готов всегда оказаться с ней рядом. И вот уже и сам горел священным огнем ненависти к поработителям Греции и восхищался свободолюбием и возвышенностью Древней Эллады. Она горячо настаивала на публикации книг, воззваний на греческом языке.

— Греция принадлежит Средиземному морю. Ее народ угнетен. Он впал в опасный сон самосохранения. Если не разбудить его, он отуречится, растворится, совсем забудет великие идеи Эллады. Сейчас здесь, в Средиземном море, решается судьба свободы в Европе. Тирания или вольность! И мы должны помочь выбрать грекам вольность.

Селезнев не возражал. Он кивал и с внутренним восхищением слушал свободную и страстную речь гречанки. Он уже слышал от Милеты, что греческая типография оборудуется в Александрии, а на Ионических островах, где идет борьба между низшим и высшим классом, ждут книг, прокламаций и воззваний на греческом языке.

— Однако, друг Селезнев, вы сегодня невнимательны и задумчивы. О чем думаете?

— Да о многом, Милета! Я думаю, а чем помогаю своему народу здесь, в этих песках? И есть ли польза от меня на этом свете.

— О! Эти мысли приходят и мне. И я хочу скорее возвратиться на Корфу. Любовь породила людей, справедливость должна окружить их, а братство и дружба должны возродить жизнь в ее полноценности.

— И я уже хочу в Россию, но не знаю, как примирить свой разумный идеал с неразумной действительностью. Да мне и не с чем возвращаться туда. Я, кажется, не смогу привезти туда ни новых идей, ни войск. Любые войска там погибнут, а идеи могут жить только близкие народу. — И он резко переменил тему разговора. — Посмотрите! Что это?

На площадь, на которой собралось много каирцев, всту-

пила колонна, во главе которой шли французские офицеры, а за ними, подгоняемые солдатами, ишаки с мокрыми мешками, из которых что-то стекало на дорогу. За колонной шла рыдающая толпа женщин и детей. Замыкала шествие группа французских кавалеристов. В центре площади колонна остановилась. Селезнев и Милета подошли поближе. Забили барабаны. Толпа зарыдала еще громче. Погонщики ишаков отвязывали мешки и, отвернувшись, вываливали содержимое на землю. Из мешков покатились обвязанные чалмами и обнаженные, лысые и с густой шевелюрой головы. А потом снова раздался женский плач.

— Так будет со всяким, кто будет покушаться на французских солдат! — грозно выкрикнул офицер, переводчик перевел.

— Боже! Я видела уже это в Греции, когда турки вырезали мирных жителей, но те же — варвары! А вы солдаты революции и свободы!

— Но, гражданка, мы же должны образумить непокорных, — несколько смущенно пожал плечами офицер. Милета, закрыв глаза ладонями, быстро побежала.

...Следующий раз Селезнев встретился с ней на приеме, который проводил Наполеон во дворце Эльфи-бея. Приглашены были ученые, военные, местные богатеи и несколько женщин. А их так не хватает боевому воинству Бонапарта. Лишь наиболее храбрые из представительниц прекрасного пола, надев солдатский мундир, пробрались за своими возлюбленными в Египет. И тут уж они были вознаграждены за свое бесстрашие всеобщим обожанием.

Милета появилась во дворце позднее. Селезнев пришел, не особенно заботясь о туалете. Он знал, что революционные генералы и офицеры, за исключением Наполеона, относились к одежде презрительно.

Селезнев представился и пошел на второй этаж, где в гостиной любил вести беседы Наполеон. Там снял по восточному образцу башмаки и присел с краешку, где на коврах сидели гости. Беседа, судя по всему, уже заканчивалась. Бонапарт, которого здесь звали султаном Кебиром, полулежал и, обращаясь к египетским беям, медленно говорил:

— Ведь и мы мусульмане! Не мы ли уничтожили папу, который проповедовал войну с исламом, и мальтийских рыцарей, которые безумно воевали с мусульманами? Пока существует всего две трудности, чтобы я и моя армия

сделались мусульманами: первая — это обрезание, вторая — вино. Мои солдаты приучены к вину с детства.

Беи молчали.

Бонапарт положил руку на Коран и сказал:

— Клянусь... нашим... пророком: мы ваши верные друзья! Я приказал своим солдатам преследовать католических священников и поклоняться только муллам и раввинам! — Понял, что о раввинах сказал зря, и быстро заговорил о ценности этих земель: — Восток — вот великое место! Здесь живет 600 миллионов человек. Здесь можно совершить великие деяния. Мы не имеем намерения приобретать здесь территории, мы не стремимся унизить на берегах Нила полумесяц, а преследуем там английского леопарда и намечаем удар в его индостанское брюхо.

Беи молчали.

Глаза Наполеона возгорались.

— Мы на основе главных религий создадим здесь великую религию всех народов.

Беи молчали.

Наполеон вздохнул, сложил руки, встал и поклонился им:

— Прошу через тридцать минут в зал.

Командующий вышел через двадцать девять минут строгий, чистый, в военном мундире, в белых панталонах, ботфортах со шпорами и величественным жестом показал на дверь зала. Стол был накрыт по-европейски на пятьдесят кувертов. Повара блеснули в этот необычный солнечный день рождества. Четыре супа, два мясных блюда, двадцать закусок, четыре сорта салатов вызвали веселый блеск глаз не только у гурманов.

Селезнев был посажен рядом с говорливым художником де Ноном, а слева, к его радости, оказалась Милета. Она пришла в черном красивом платье с трехцветной кокардой в волосах. Когда все уселись, Наполеон встал, придавив зал своим взглядом.

— Граждане Франции! Воины! Ученые! Наши друзья! Сегодня, в канун старого 1799 года, мы не можем не задумываться над тем, кто мы. Пленники или победители? Обрек ли нас Абубакир на гибель или зовет нас к новым победам? Нет! Мы не сокрушены. Мы в Египте! Мы в Каире! — Бонапарт остановился, взглянул вверх и, как бы увидев там знамение, вдохновенно продолжал: — Перед нами маячат новые блистательные походы, грядут новые битвы; везде нам будет сопутствовать удача. Англи-

чане заставят нас совершить более великие подвиги, чем мы предполагали.

Здесь, в победоносном для Франции месте, я объявляю, что мы выйдем скоро в новый поход. Мы разрушим походя Турецкую империю, вероломно нарушившую мир и трусливо бросившуюся в объятия Англии и России. Я создам на Востоке новое великое царство. — Он подумал и немного исправился: — Царство свободы. Мы достигнем Индии, и оттуда я возвращусь через Константинополь, Адрианополь и Вену, уничтожив и Австрийский дом! Мы даруем всем народам на нашем пути братство и помощь. Это откроет нам все границы и склонит перед нами все знамена!

В зале царила восторженная тишина. У многих навернулись слезы на глаза. Лишь Клебер нахмурился и, нервно постукивая ножом по тарелке, тихо сказал:

— Войско революции не жертва для приключений.

Наполеон быстро взглянул на него и с легкой улыбкой сказал:

— Кое-кто очень хочет есть. Я прошу вас приступить к обеду. Речей больше не будет.

Через мгновение за столом воцарился веселый шум, усиливающийся с каждым новым глотком вина.

— Генерал пьет только шамбертен. Это пяти-шестилетнее вино хорошо утоляет жажду. Он возит его повсюду с собой. Ну и, естественно, разбавляет водой.

Селезневу вино понравилось. Он вполуха слушал болтовню де Нона. Ему очень хотелось заговорить с Милетой, но она была увлечена разговором с Клебером, рассказывая ему о свободолюбивых традициях греков, о многоидейности Древней Эллады.

— Эллада прошлого — вот образец свободы и развития. Греки не терпели насилия, свобода была их богом. А боги были люди свободные. Они любили Красоту и Разум, они знали Просвещение и Труд. Они не склоняли голову перед деспотами, как их старшие братья-египтяне.

Генерал скупо отвечал:

— Я плохо знаю историю, но наш командующий предпочитает Рим с его легионами, миродержавием и космополитизмом. У него везде когорты, легионы, триумфы. Революционные праздники мы не отмечаем. Вот вздумали отметить старый Новый год.

Словоохотливый и бойкий де Нон, похожий на древнего сатира с толстыми губами, громко хохотал, набрасывал

эскизы, подливал себе и Селезневу шамбертена, перебрасывался репликами с соседкой Наполеона.

— Кто эта женщина? — осмелился спросить Селезнев.

— О, вы не знаете? Это же знаменитая Беллилот! Ну, если вам ничего это не говорит, то могу сказать, что она жена офицера Фурэ Маргарита-Полина, модистка или швея из Каркасона.

— Как же она здесь оказалась?

— О, это замечательная история. Юная красавица надела мундир своего мужа и, добыв пропуск, в трюме прибыла сюда, в Египет. Здесь же такая красота в редкость. Швея стала нашей Клеопатрой, — ехидно улыбнулся художник.

Наполеон наклонился к Маргарите-Полине, чтобы налить ей воды из графина, но неловко выронил его и облил скатерть и ее платье. Громко сокрушаясь о неловкости, он увлек ее в свои комнаты, чтобы поправить беспорядок в ее туалете, совершенный по его вине. Все бывает и у генералов!

За столом на мгновение установилась тишина.

— А где же муж потерпевшей? — поинтересовалась Милета.

— Муж? Муж выполняет великое поручение генерала. 17 декабря он на квебеке «Охотник» поехал доставлять депешу Директории. — Де Нон захохотал. — Я бы не советовал ему скоро возвращаться.

— Да, наверное, мужу было бы неприятно наблюдать это кудахтанье.

— Ну полноте, мадемуазель. Тут все полно приличия и рыцарской галантности. Для исправления туалета и для того, чтобы высушить платье, нужно не менее получаса. Генерал не любит долго возиться... с тряпками.

Милета больше не поворачивалась к услужливому суетливому художнику и обратилась без всякого перехода к Клеберу:

— Не знаю, хватит ли у вас, у вашего войска духа для утверждения революции?

— Да есть ли она? Жива ли она, наша революция? — горько ответил тот. — Когда я был последний раз в Париже, то видел сытых юнцов, издевавшихся над пролетариями, кричавших славу республике богачей. Роскошь дворцов снова била в глаза. А в хижинах, которым мы обещали мир, — снова уныние и нищета. Кто думает там нынче о принципах? Кто борется с безнравственностью и

хищениями? Кто отстаивает идеал? — В его голосе была боль и горечь, он развернул стул к Милете и, тоскливо взглянув на нее, сказал: — Наш генерал, кажется, раньше всех догадался, что революция погибла. Поэтому он громче всех восхваляет ее и кричит о ней. Но солдаты верят ему. Правда, и они уже не свободолюбивые волонтеры. У них в обозах черные рабыни, верблюды, бурдюки, страусовые перья, кость, а кошельки набиты золотом. Тут уж не до революций. Поэтому одни со слезами тоски поют «Марсельезу», другие кончают жизнь самоубийством.

— Нет! Это неправда, — горячо запротестовала Милета. — Свобода должна жить, иначе мы погибли!

— Должна. Но, кажется, она остается только в виде идеала. — Генерал горестно вздохнул. — И мы должны за нее сражаться. Я не побоюсь отдать за нее жизнь, даже если революция уже погибла.

Дверь раскрылась, и в зал не спеша вошла ушедшая пара.

— Ну что я вам говорил, дорогие гости, — фамильярно стукнул Селезнева по колену де Нон и щелкнул крышкой часов. — Всего тридцать две минуты, а как все чистенько! Только личико чуть красненькое!

Но за столом, казалось, никто ничего не заметил.

— Надеюсь, вы не нарисуете меня в мокром платье, — хихикнула Фурэ, обратившись к де Нону.

— Нет, нет, мадам, вы будете сухенькой.

Прием продолжался.

РЕСКРИПТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Всадник, бросив поводья, ехал, безжизненно опустив руки. Был неморозный февральский день с сыроватым туманом, птичьим беспокойством и предчувствием чего-то большого, важного. В природе накопилось всего в избытке: снега, льда, влажного воздуха, и все это скоро должно было пуститься в весенний хоровод, изменить свои очертания, а то и вовсе исчезнуть. Природа готовилась к новому и вечному возрождению.

Всадник изменений не ждал. Опальный русский фельдмаршал Суворов прощался с Кончанским, этой новгородской землей, готовился уйти в монастырь, от забот и суеты, а может, и от жизни.

В лицо пахнул ветерок, а в память вползал другой

день... Он стоит на крепостной стене и видит, как подходят корабли, спускают шлюпки, и в них прыгают, как горох из мешка, отодвинув в сторону руки с ружьем или саблей, солдаты противника. Тогда он не стал дожидаться окончания высадки, а, удовлетворенно крякнув, к удивлению многих, повернулся и пошел в церковь на молитву.

...Наплыла голова в зеленой чалме, немигающе смотрела, но он так и не вспомнил, откуда она. Может, из этой толпы идущих перед ним пленных турок, втянувших головы в плечи и ожидающих кары. Бахвалистый их паша тогда заявил: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил». Но Измаил пал. Суворову до боли было жаль своих погибших солдат, но на пленных он зла не держал — подчинялись приказу, хотя и неразумному.

...Вот и он подчинялся приказу, гоняясь по бескрайним волжским степям за пугачевскими бунтовщиками или штурмуя варшавскую Прагу.

...Приказ-то приказ, но и сам он считал, что державу надо беречь и блюсти от врагов внешних и внутренних. Может, чего-то и не разумел в царедворстве, но в военном ремесле знал точно, что нет ему равных. Знали ли другие? Да знали, наверное. Знали и боялись его. Нужен был им только для побед, для спасения империи. А он, казалось, не заботился о таланте, об авторитете, юродствовал вроде бы, впадал в детские забавы, кривлялся, сыпал замысловатыми мужицкими поговорками, порхал как воробей, кричал петухом. При дворе сановитые и вельможные, раздутые от зависти и чванства, готовые подставить ножку при случае, успокаивались при виде свихнувшегося. «Шут, скоморох, петрушка». А он, успокоив их, снова одерживал победы. Солдатам его шутки нравились, словечки запоминались, правила и прибаутки повторялись. «Герой, орел, отец родной» — по-иному и не называли.

...Новый император, Павел Первый, всех, кто при матушке имел отношение к победам, невзлюбил. Удалял, чтобы не вспоминать, от дворца и власти. Изгнал семь фельдмаршалов и более трехсот генералов. О, каков! Суворову не мог простить отвергнутой дружбы, недоверия к уверениям, что принц его понимает. Запомнил, что старый фельдмаршал, уходя из дворца вприпрыжку, в залах напевал по-французски: «Принц восхитительный, дес-

пот неумолимый». Да он и сам увидел, что Павел в ненависти к затянувшемуся царствованию матери решил сломать армию, изменить ее законы. Напялил на солдата неудобный и некрасивый мундир, навесил букли и косу, менял строй по прусскому образцу, устранял тех, кто воинские чины в боях добыл, менял их на гатчинцев и блюдолизов. Тогда и подумал он о бесполезности своей, об отставке. Но дождался не отставки, а грубого отстранения, без права ношения мундира. Не давал ему двор императорский напомнить о былых своих заслугах. В Кобрине, под Брестом, где Екатерина пожаловала ему имение и замок, не успел оглядеться со своими сотоварищами-офицерами. По какому-то навету, по именному указанию выдворили его одного под надзор сюда, в Кончанское. Обида была горька. Его за честное служение Отечеству от армии отставили. Отставили от того, что он знал лучше всех, от того, без чего не мог. А другие могли. Им это только для чинов и продвижения по службе надобно. А ему для духа и, естественно, для жизни и для высокого долга. Но так уже повелось в нынешнем Отечестве — на высокие должности ставят самых мелкоумных, непосвященных и незнающих. Говорят, вице-канцлер вызвал с кавказской границы генерала, что там уж думал и остаться до конца жизни, и приказал принять под Петербургом расквартированную, несущую охрану дивизию.

— Помилуйте! Ведь я никого не знаю в столице! Кого пропустить, кого задержать.

— Не знаете никого? Хорошо. Нам такой и нужен, — ответил вице-канцлер.

Ну там-то, на контроле, у запора, такой, может, и сгодится. Но в армии на просторах великих нужен не немогузнайка, а знаток, не вельможа, а работник, не созерцатель, а устроитель.

Его отставили, сослали сюда, в Кончанское. Фельдмаршал, а денег не накопил. Сельцо разваливается, дом господский обветшал, сад в запустении. Но пуще всего мучил старого воина надзор.

— Позор! Гадость какая! Да неужели побегу из Отечества? Неужто заговор плести буду? Недоумки, недомерки! Лживки! Это они все придумали.

А надзирательским ремеслом не все тяготятся. Боровический городничий Алексей Львович Вындомский совестился. Стыдно было за славой российской следить. Но указ был высочайший. Увиливать тоже нельзя бы-

ло — голову потеряешь. И он приходил к фельдмаршалу сам, смущаясь и краснея, спрашивал, что можно передать в столицу. Потом прислали другого. Этому что слава, что подлость — скорее бы выслужиться. Нетерпимы сии безжалостные и тупые соглядатаи и служаки. А тут еще склоки пошли вокруг его прошлых распоряжений, денежные претензии появились. Ох уж эти затаившиеся гадины! Врагов уважал. Он — твой неприятель, и ты с ним благородно сражаешься, а здесь приятели подло бьют в спину. Дворяне называются. Да, поди, ничего он не понял в людях. Вот только с солдатами и было легко. Души открытые, и он им все отдавал. Солдат для него человек истинный. Для него писал «Науку побеждать», к нему обращался в разделе «Разговор с солдатами их языком». Но вот все кончилось. Нет ни солдат, ни генералов. Один Прошка — его верный слуга и товарищ остался.

А император почувствовал вскоре, что не все, кто в любви клянется, полезными трону бывают. Словами льстивыми свое худомыслие, подлость и безделие прикрывают. Решил милость проявить к Суворову. Затребовал в прошлом году в Петербург. Но поздно было, фельдмаршал обиду императору не простил. Виделось, как стоял Павел посреди зала, губы нетерпеливо кривил, ожидал признательности и благодарности от вытащенного из небытия Суворова. А тот шел навстречу подпрыгивая, чуть не растянулся на полу, поскользнувшись. В приемной громко попросил фаворита Кутайсова отвести его в уборную.

Павел морщился. Нельзя же торжественно обращаться к человеку, не умеющему себя вести. Император мало сталкивался в прошлом с независимыми людьми, не имел умения властвовать над ними, а главное, не умел властвовать над собой. Тогда видно было, что он уже досадовал, вызвав из глуши выжившего из ума старика. Пригласил все-таки на военные учения, развод и атаку, ожидал просьбу о возвращении на службу. Фельдмаршал же хлопал себя по бокам, выкрикивал невнятно, бормотал.

— Что ты там говоришь? Не слышу, — с раздражением спросил Павел. — Что это значит?

— Читаю молитву, государь. «Да будет воля твоя...»

На следующий день Суворов во дворец не явился, сославшись на боли в животе, и вскоре был выдворен обратно...

...Спокойно, почти отрешившись от окружения, ехал

всадник, готовился в монастырь в Нилову пустынь, просьбу на высочайшее имя уже послал. Мысль о тихом уединении, о поклонении памяти своих славных чудо-богатырей, соратников, воинов, да и врагов, попавших под удар его таланта, не покидала его.

Всадник спустился в ложбинку и поплыл в волнах тумана. В лицо веял ветерок, ноздри слегка расширились, и он почуял запах далеких солдатских костров, горьковатую пригоречь пшенной каши. Слегка сжал конские бока, приостановил ход, прислушался. Из соседней деревни пошел радостный перезвон. Один удар колокола догонял другой, вжимался в третий, обнимал четвертый, и все звуки вместе скоморошьей толпой заплясали, запрыгали по верхушкам деревьев. А навстречу из-за холмов, из далеких далей вдруг рванул гром. Да гром ли зимой? А может, это из-под Очакова, Измаила, Рымника донеслись артиллерийские гулы, расчищавшие дорогу его чудо-богатырям, и, облетев мир, докатились сюда, в Кончанское... Нет, он послужил Отечеству и здесь, тем, что перед чванством не согнулся, не дал русский дух унизить.

— Здравствуй, батюшка Александр Васильевич, — приостановил розвальни у обочины староста. — Вона за вами кто-то скачет и гром за собой тянет!

Староста вылез, снял шапку и всматривался в быстро приближающуюся тройку.

— Вот тебе гром-то. Тяжко, знать, будет нонче. Заберет бог к себе многих!

Из кибитки, подлетевшей к ним, выскочил офицер, бросил быстрый взгляд на всадника и громко выкрикнул:

— Ваша светлость! (Видать, знает в лицо.) Велено вам передать срочный пакет из Петербурга! (Вот и разрешение в монастырь.) По прочтению приказано немедленно выехать в столицу. (Нет, тут другое, хуже что-то.)

Взял пакет, медленно оторвал угол, вынул бумагу, скосил глаз на подпись — сам Павел.

«Надлежит срочно принять командование союзными войсками в Италии. Для чего срочно приехать в Петербург».

Староста, доселе по-свойски говоривший с господином, оробел, увидев, как на глазах изменился Суворов. Взор того засиял, спина выпрямилась, он привстал в стременах. Конь, до этого сам выбиравший путь, напрягся, готовый повиноваться каждому повелению седока.

Император в частном письме склонил голову, умолял

фельдмаршала. «Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого бог простит. Римский император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда, и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия вас видеть».

Суворов крякнул и живо повернулся к старосте:

— Вот что, Михеич, займи-ка мне двести пятьдесят рублей. Из Петербурга вышлю. Мундир срочно пошью, Европу спасать надо!

ЧАС НАСТАЛ

Вот и пришло время штурма... Не штурмовать больше было неможно, Ушаков сие понимал лучше других. Безрассудно броситься на стены не хотел. Тут можно оставить все: и солдат, и корабли, и славу. Но и вести осаду дальше было тяжко, накладно и невозможно. То ли из-за постоянного турецкого неразумения, то ли из-за препятствий противных союзу сил, но Порта сухопутных войск для десанта, а особливо продовольствия не поставляла, припасы оружейные и пушечные иссякли.

А у французов палило больше чем шестьсот пушек, склады были заполнены еще со времен венецианцев порохом, бомбами и ядрами.

Вице-адмирал учил раньше стрелять проворно, «скорострельными спышками», а сейчас одергивал за быструю стрельбу — припас надо беречь. Поскочина приструнил еще в начале осады: «Снарядов не будет, да и вовсе нет, поэтому и не стреляйте, кроме важной необходимости».

Ну что за война, когда продовольствие не шлют, пороха не хватает, патроны на счет. С тяжелым сердцем написал Томаре: «Мы последними крошками уже довольствуемся и при всей бережливости едва еще одну неделю, делясь от одного к другому, пробыть можно». А купить продовольствие было не за что. Денег не было. Жалованье в эскадре не платили. Мундиры, мундирные деньги не выдавали. Моряки ходили в странной обувке из кусков кожи внизу и парусины, обвернутой вокруг ноги. Хороша эскадра — голодранцы!

Ну наконец-то поступили деньги из конторы Ахтиярского порта, так еще по первоначальному звали Севастополь. Вскрыли сумки. Ушаков пришел в ярость — при-

слали русские ассигнации. Куда их? В нужники? Печи топить? Болваны или нарочно? Что сие все значит? Где тут политика, где небрежение своими обязанностями? Почему вор и дубина с полномочиями облачен властью?

Отвечать на сие Ушаков не мог, да и не хотел. Не его дело. А его дело было, стиснув зубы, вести осаду, готовиться к штурму, штурмовать. И иногда думал, а не будь сих преград, кои в Отечестве всякому большему делу чинят, чего бы он добился, какие бы новые виктории одержал? Отгонял сии пустые мысли. На каждую препону отвечал новым рывком, на каждую трудность — вспышкой энергии, на каждую обиду и подлость сжимал крепко зубы, скрипел ими, не давал обиде вырасти больше дела. Но уж больно часто приходилось ему сжимать зубы, мрачнеть в этом походе, верша безотсрочно массу дел. Но сейчас ясно, надо решать главную задачу: взять Корфу! И тем самым авантаж, то есть пользу получить во всей кампании, перескочить через невзгоды, через трудности, прорваться к желанной победе, возвратиться домой с приобретенной викторией.

Из Петербурга вместо разносов разгильдяям и ворюгам неслись лишь окрики, недоумения или взбалмошные приказы отрядить корабли то к Рагузе, то к Мессине, то к Бриндизи, то к берегам Калабрии. Павел все спасал почти развалившееся Неаполитанское королевство. Но французы, те не петрушки на машкарате, кои своим наивством удивляют. Они сами нападают, терзают как тех, что вокруг крепости укрепились, так и эскадру. То один, то другой корабль, распустив паруса, вроде бы бросался на прорыв. Эскадра взбудораживалась, матросы зависали на реях, отвязывали канаты, артиллеристы вываливались из висящих кроватей, бросались к пушкам, стрелки занимали места у бортов, укладывали поудобнее ружья. Тревога!

Но французы, сделав пару выстрелов, взбудоражив, выманив русских на холодный пронизывающий воздух, поворачивали под защиту своих береговых батарей.

— Вот бестия! Все пробует, нельзя ли прорваться.

Вначале стреляли вдогонку, а потом только подготавливали пушки к бою — заряды берегли.

Французские генералы Директории хотели вдохнуть в гарнизон уверенность, сообщить о планах деблокады или, по крайней мере, прорыва группы кораблей. Большая операция намечалась на март. А малую операцию Ушаков

неусыпным бдением пресек. Пытавшиеся прорваться со стороны Италии в конце декабря были рассеяны, а восемнадцатипушечный бриг и три транспорта были прижаты к берегу и захвачены моряками адмирала.

Он, однако, не успокоился. Усилил наблюдение — не должна выскочить ни одна мышь. Мышь и не выскочила, а проскочил целый корабль. Не к крепости проскочил, а оттуда...

— Смотри, паруса-то черные. Темнее ночи, — говорили в тот вечер солдаты. — А пошто они черные? Вера, поди, у них такая? Скажи!

Обескураженный боцман разводил руками:

— Не знаю... Может, капитана предупредить.

Тот внимательно посмотрел, приложил бинокль.

— Да, не в ночные ли плаванья готовятся? Турок предупредить надо.

Турок предупредили, усилили наблюдение. Ночью русское сторожевое судно обнаружило темные силуэты скользивших без шума кораблей. Дали сигнал турецкому линкору, стоявшему на траверзе французов: «Внимание! Враг!» Турки молчали. Силуэты чуть изменили направление. Со сторожевика выстрелили. Турки молчали. Доложили Ушакову: «Линкор уходит!» Он послал на шлюпе лейтенанта Метаксу к Кадыр-бею: «Понуди преследовать». Русские фрегаты стреляли, но силуэт был уже далеко. Турки так и не сдвинулись. А линкор «Женерос» бросился на всех своих черных ночных парусах в сторону Италии.

Ушаков ярился, ругался на турка. «Ну, берложный муж. — Потом успокоился: — Ладно, ведь оборона тоже ослабла. Чуть ли не на сотню пушек».

Не так уж им сладко тоже было там, за крепостными стенами, на выдвинутых фортах, в которые постоянно врезались ядра. Лишь генерал Пиврон на своем острове Видео и в бухте перед крепостью храбрился. Постреливал в сторону русской эскадры, в виду которой постоянно проводил учения, подъем флага, стрельбы.

...Сегодня Ушаков собирал совет. Все продумал, но надо обсудить вместе, каждому знать свой маневр. В его адмиральскую каюту собрались все боевые сподвижники, все его орлы-капитаны, пришли турецкие командиры, командиры батарей и штурмовых групп с суши, руководители греческих повстанцев. Было тесно, но перед адмиралом образовался широкий полукруг, все как бы ожида-

ли, что вот сюда от командующего эскадрой устремятся упругие, весомые слова, указания, соображения, до предела должные заполнить все кругом.

— Мои боевые други, адмиралы, капитаны, доблестные союзники, командиры греческих ополченцев! Настал час! Завтра корабли и войски наши штурмуют бастионы крепости. Предстоит беспримерная морская операция. Флотом своим мы должны взять крепость приморскую. Войска сухопутные помочь в сем должны. Изо всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, чтобы какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабженцев и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Осадной сухопутной артиллерии, пушек, гаубиц, мортир и снарядов совсем ничего мы не имеем, не имеем пуль ружейных для войска, которое без них ничто: что есть ружье, ежли в нем нет пули. Но для дерзостного одного решающего штурма у нас есть все. Есть испытанные командиры, меткие стрелки, точные артиллеристы, не знающие испуга, неустрашимые моряки наши. План всех действий расписан. Каждому кораблю, отряду, батарее определена своя диспозиция, свой маневр в часы штурма. Всем розданы карты и расписан порядок действия военного. Суть первого этапа: взять ключ, да не взять, а вырвать у французов остров Видео, а с ним и решить судьбу кампании.

Прошу всех уважаемых участников совета высказать свое соображение о достижимости цели и возможности штурма завтра...

Установилось молчание. Все понимали, что с этого часа начинается новый отсчет времени, за которым было уже сражение, и смерть, и небытие, и ордена, и слава.

Первым из морских офицеров, как младший по званию, встал лейтенант Тизенгаузен. Речь была пылкой и короткой.

— Мы обращались к французам с предложением от командования нашего: дабы не было ненужного кровопролития, крепость сдать. Они в гордыне и в надежде на вызволение отвергли сии человеколюбивые предложения. За сие наказание получить должны. Все в плане разработано до мельчайших подробиц. Сейчас нам самим команды привести в порядок, сообразный предписанию, надо. К утру к бою готовы будем и мы. Веди нас к победе, славный адмирал наш, Федор Федорович!

Ушаков виду не подал, что доволен, ибо выступление

началось не с сомнений и отговорок. Но первое одобрение принял за добрый знак.

Встали сдержанный Селивачев, быстрый Сенявин, рассудительный Тимченко, медлительный Салтыков, да все русские капитаны и командиры и Булгарис — глава греческих повстанцев, — поддержали план, внесли уточнения, заверили в боевом настроении и своих экипажей и команд.

Шеремет-бей слушал переводчика недоверчиво и потом, не глядя на Кадыр-бея, зыркая на Ушакова, встал и развел руки:

— Я не знаю, как достопочтенный адмирал думает взять саму крепость Корфу? Пусть даже, истратив боевой запас артиллерии, он возьмет Видео. Но как штурмовать бастионы? Наши матросы еще не научились летать, чтобы вспорхнуть на стены с кораблей. А с суши вряд ли можно с нашими силами штурмовать неприступные стены. Надо продолжать осаду, пока противник не истощится. Не придут на помощь другие наши союзники — англичане. Таково мнение наших турецких капитанов, ибо мы знаем, что камень деревом не прошибешь.

Турецкие начальники кивали головами. Кадыр-бей дремал. Туча находила на лицо Ушакова — без турок атаковать бесполезно, сил не хватит. Он остановил свой тяжелый взгляд на Кадыр-бее, от него многое зависело. Капудан-паша под его взором открыл глаза, тяжко вздохнул и медленно, позволяя переводчику переводить каждое слово, стал говорить:

— Предприятие сие кровавое и опасное. Однако мы знаем, что удача всегда сопутствует нашему доблестному другу адмиралу Ушак-паше. Отдадимся же без оглядки под его командование. И да сбудется воля аллаха!

Турецкие командиры снова нерешительно кивнули. Шеремет-бей, насупившись, молчал.

— Как я понял, господа, большинство за штурм. И за штурм немедленный. Прошу именем Отечества нашего, нашего императора Павла, святостью союзнических уз и волею султана Селима высокой целью: принесения многострадальным сим островам освобождения, — явить завтра доблесть и мужество. Не жалеть живота своего, но понапрасну людей не губить. Не безрассудство надобно, а малокровный успех. Виктория принесет вам славу, чины и ордена. А матросам нашим награды и возвращение к себе домой, как сказал мне недавно один корабельный слу-

житель: «Война — дело! И дело безоплошное». Я сие слово люблю и прошу все, все подготовить безоплошно, правильно, как следует быть на русских военных кораблях и, конечно, у наших союзников.

Завтра по установлению ветра подниму на «Святом Павле» флаг, что будет означать: «Всей эскадре приготовиться к атаке острова Видео». Сигнал к общей атаке — два пушечных выстрела. С богом, друзья! И будет завтрашний день вратами к славе и доблести многих. До свидания в крепости!

* * *

Вот уже седьмой месяц гуляли по волнам Средиземноморья корабельные плотники Никола Парамонов и Павло Щербань. Да не гуляли, конечно, а трудились с утра до вечера. Чистили днища кораблей, конопатили, заменяли сгнившие доски, исправляли реи, а недавно даже мачту новую ставили после того, как та переломилась от французских ядер. Свет повидали, так что расскажи кому дома — не поверят. И Царьград, что в сказках да песнях деды помнят, и греческую и италийскую земли видели, и город Рагузу, и люду всякого познали. Видели, что края сии богаты и красивы, но и тут люди живут по-всякому. У кого густо, у кого пусто. Но некоторые то ли баре, то ли тщащиеся себя такими представить, пыжились. В общем, дела на алтын, а крику на рубль. А много и хорошего люда. Особливо радостно встречали их на острове Закинф, да и здесь, на Корфу, по-доброму привечали. Их, плотников, собрали в команду и прикрепили к порту Гуви, еще в ноябре взятому, на севере от Корфу. Поселок французы сожгли, бревна и доски изрубили, спалили, сбросили в море. Но все равно они, выловив бревна из волн, у греков взяв деревья для распиловки, стали ремонтировать здесь корабли. Эллинг маленький, но нос можно было завести, обчистить, днище проверить, доски набить новые. А вот недавно их перебросили сюда, к Оливетовой горе, на северную русскую батарею. Они рыли здесь траншеи, затаскивали на холмы пушки, сбивали длинные лестницы, готовили шесты и багры с крючьями. Знамо дело, готовился штурм. Холодно было, ветер студеный. Одежда совсем обхудилась. Выдали какие-то женские платья — капотом называются. Никола надел, не замерзать же.

Несколько дней назад появились здесь знатные господа, лазили на бруствер, смотрели в трубу дозорную. А он, Никола, на них внимания не обращал, ладил и ладил лестницу, пробовал отесанные ступеньки на изгиб, становил на камни, стоял на них, и только потом вгонял в боковые стояки. Каждую пробовал, поднимая лестницу. Один морской чин все поглядывал издали на его работу, потом быстро подошел и спросил:

— Здравствуй, служивый! Что и для какой надобности готовишь?

Никола распрямился неспешно, отвесил поклон и внятно сказал:

— Здравствуй, наш батюшка, Федор Федорович.

— Знаешь, кто я?

— А кто ж вас не знает из русских?

— Ну так сказывай, что готовишь?

— А то штука простая — лестница штурмовая.

— А пошто так возишься с ней?

— Так всяко дело надо ладно и крепко ладить. А война для нас — дело. И тут безоплошно все надобно творить. Иначе убьют, ильбо сам помрешь.

— Безоплошно! Правильно говоришь. Вот и вас, господа, — обратился адмирал к подошедшим офицерам, — прошу всю подготовку вести безоплошно. — И, снова с радостью взглянув на плотника, сказал: — А ты ведь, братец, под Калиакрией сражался. И там плотничал?

Никола поклонился.

— Спасибо, что признали, ваше благородие.

— Ну а ныне что? К чему стремление имеешь?

— Так всякий солдат хочет быть генералом, матрос адмиралом. А мы плотники — плотниками хотим остаться.

Адмирал захохотал.

— Ну, братцы, плотника выше генерала ставит. А как у нас быть стал?

— Нас из Одессы нынче-то прислали укрепления делать против французов в Ахтиярской бухте. А тут набор был в плотницкую команду на корабли. Ну мы с моим другом Павлом, — он кивнул в сторону засмущавшегося, покрасневшего Щербаня, — и попросились. И тут все делаем помаленьку, и воюем и плотничаем.

— Ну что ж, служивый, спасибо за дело, за ревность твою. А награду, извини, получишь за сие, как крепость возьмем. Сейчас ни полушки в кармане. — Адмирал еще

раз, но уже невесело, захохотал, похлопал Николу по плечу. — Впрочем, постой, вот у меня перстень, что визирь подарил. На, носи. Жене отдашь потом. Капот-то на тебе не воинская одежка, но у русского воина мужества не убавит! Живи только! Под пулю не попади зря... Так и далее безоплошно дело делай! — И, повернувшись, быстро зашагал к небольшому шлюпу вдали у берега. Никола хотел сказать вслед, что он не за награду старается, но промолчал, а может быть, не успел. Задумался.

— От дывысь, яка ты людына, Микола, сам адмирал главный тэбэ побачив та похвалыв, награду дал.

Никола не ответил. Смотрел, как адмирал садился в шлюп. А когда гребцы взмахнули веслами, раздумчиво протянул:

— Эх-хе, вот с таким бы всю жисть...

На душе было светло и хорошо.

* * *

У русских батарей тихо и напряженно копошились люди. Старая крепость слушала даль. За островом подковой охватили ее корабли. Позвякивали якорные цепи, хлопали флаги и полотнища парусов. В ее же стенах тревожно засыпал город. Тяжело храпели солдаты. Сторожко затаились жители. Недовольными возвращались с вечеринок французские офицеры — их подруги стали холоднее. Но им, бесшабашным гражданам республики, наплевать на холодные северные ветры, на прохладу красавиц, боящихся мести русских. Наплевать. Они сильны, молоды, бесстрашны.

Скрипнула калитка, черные тени скользнули вдоль улиц, то сливаясь с ночной темнотой, то возникая своими очертаниями на сквозных перекрестках.

— Стой! Кто идет?

Темнота.

Республиканец не верит в привидения. Клацнул затвор. Кто?

Темень. Темь.

Тихий шепот в дверную щель: «Завтра... Огни... Тайный ход. Минное поле. Свобода...» — «Да, да, а если?.. Но у меня дети... Хорошо... Хорошо. Буду». И снова тьма.

Крепость привыкла к осадам. Знала толщину своих стен, мощь своей артиллерии и неприступность выдвинутых вперед фортов святых Авраама, Рока и Сальвадора.

Морской слабый ветер гладил ее шершавые каменные щеки, волны омывали подножие скалы, сшитой жилами и венами подземных ходов, штолен, казематов, обрамленной буграми бастионов и зубцами стен.

Знаменитый Микеле Санмикеле создал ее в шестнадцатом веке, и с тех пор она была самой надежной защитой Венеции от турок. Помнит она и самую жестокую осаду в 1715 году. Но и тогда не пала. И недаром возвышается в городе из белого мрамора памятник маршалу Шуленбергу, увенчанному лаврами.

Кому вознесется памятник после этой осады? Упорному и немного мрачноватому русскому адмиралу или веселому и грустноватому французскому генералу?

Крепость слушала.

ШТУРМ КОРФУ

Великий Петр наш жив!
Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: «Природа произвела Россию только одну; она соперниц не имеет», — то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом».

Суворов

Ветер, ветер беспокоил всю ночь Ушакова. Сам выходил на палубу три раза, подставлял щеку. Почти не заснул. В пять часов вахтенный слегка царапнул дверь. Привстал с кресла, где, расстегнув мундир, дремал: «Ну что?» — «Зюйд-вест погас, вроде задувает с севера». — «Вроде?!» Вскочил, почти выбежал на палубу.

Да, да! Начинал одолевать норд-вест. Задул северянин, с западной влагой, так нужный русской эскадре. Пошел привести себя в порядок. Побрился, надел чистое белье, новый мундир. В шесть часов стало ясно: ветер поймали! На флагманском корабле подняли сигнал: «Всей эскадре готовиться к атаке острова Видео...». Сигнал был первый. А подготовил и заставил выучить сто тридцать для всех маневров и направлений, для кораблей, батареи и сухопутных войск, для атаки и для изменения курса, для высадки и штурма, для помощи соседу и скорострельной стрельбы. Все нити держал в руках. Но уже не думал, не

терзался, как сработают. Все! Должны, обязаны сработать. Все пришло в движение следом за двумя выстрелами из пушки с его флагмана. Сие был сигнал береговым батареям: «Начать обстрел крепости». Пушки бухнули. Тут же на мачте взвился другой сигнал. Сразу же с якорей стронулись три фрегата, они стремительно двинулись к северной части Видео, к его первой батарее. Генерал Пиврон уже понял: наступает решительный бой. Бой насмерть. Бой за жизнь. Остров окутался дымом. Нет, французы и не думали сдаваться. Они умели воевать, умели поражать цель. Со времен тулонской победы Бонапарта, расстрелявшего из пушек роялистов и англичан, расчистившего точным огнем орудий путь к своей славе, артиллеристы в республике были в почете. Они и сейчас без паники, четко сделали первые выстрелы, норовя угодить в палубные надстройки и мачты фрегатов. А те, не обращая внимания на огонь, развернулись и подставили борт. Да не подставили, а ударили изо всех пушек! Смерть со смерчем! Покатился заряжающий, хватаясь руками за сухую траву, последний раз мелькнуло в его глазах небо, вспомнил милый Прованс, небольшую деревушку, теплый ночной поцелуй и затих, затих навеки.

Но уже встал рядом у пушки рыжеватый Жан из Гавра и точным выстрелом вогнал ядро в боковые перегородки фрегата. Смерч со смертью! И полетел, растопырив руки, в морские волны для своего последнего смертельного объятия светловолосый Петр, моряк из молодого города Николаева, не дождавшись ответа от любимой. Сколько еще примет их, молодых и веселых, темное и прохладное море?..

Падали люди, рвались паруса, щепились доски, загоралась прошлогодняя трава. И уже по новому сигналу почти каменного и неподвижно стоящего на мостике адмирала стронулась с места вся эскадра, набирали скорость линкоры, устремляясь к Видео, выходили на свой курс транспорты, заревом горела от разрывов бомб земля вокруг фортов Сан-Сальвадора и Авраама.

Генерал Шабо не знал, что делать, бросить ли свои оставшиеся корабли на помощь Видео или дать отпор приближающимся к фортам союзникам. Русский линкор «Святой Петр», фрегаты «Наврхия» и «Благоявление господне» неслись на всех парусах к мысу Дезидеро, где прижались его суда. Развернувшись бортом к крепости, они засыпали ее бомбами и ядрами, а потом перенесли

огонь на корабли. Не на абордаж ли мчатся эти русские? Сигнал тревоги вывел воинские команды на палубы. А здесь был кошмар. Горели просмоленные паруса, ломали реи, переборки, рвали тросы и канаты соединенные цепями ядра, катились головешки, руки и головы. На линкоре «Леандр» рухнула мачта, и он тихо стал выходить из линии, прижимаясь к берегу, к пушкам крепости, а через несколько минут стал захлебываться.

Шел бой. Флагманский корабль занял свое место в строю и ударил всей мощью по второй батарее. Да, это для нее уже был не бой с фрегатами! Огневой смерч доставал за каменными парапетами и насыпями. Все русские и турецкие корабли заняли места, отведенные адмиралом. Подкова сдавила остров. Генерал Пиврон понял: или он поразит русский флагман, или тот задавит его, прижмет пушками эскадры к земле, вышвырнет его солдат с батарей. Он приказал перенести весь огонь на корабль адмирала. Точнее целиться в верхние пристройки. Дуэль принесла немало жертв. Добавили флагману несколько ядер и турки, стрелявшие из второй линии. Ну умельцы!

К одиннадцати часам артиллеристы Пиврона не выдержали, стали отходить в глубь острова, подальше от смертельных ударов русских ядер.

Ушаков слушал бой. Он смотрел в трубу и, повернув ухо к берегу, казалось, считал количество выстрелов, гремящих оттуда. Его музыкой был бой, и он сразу почувствовал, что огонь батарей ослаб. Взвился очередной сигнал: «К свозу десанта».

Роем полетели к берегу баркасы и шлюпы с сидевшими в них моряками и солдатами. Волна была небольшая, но частая, захлестывала лодки, мочила порох, омывала всех сидящих. Один транспорт напоролся на подводные колы. Пошел ко дну. Другой не смог пристать к берегу. Остров встретил десант в штыки. Но тут русским не занимать отваги. Тогда и надломилась окончательно оборона, французы стали отступать за подготовленные валы и заграждения, но это не помогло. Русские матросы рубили завалы, тащили крючьями треугольные крестовины, перебрасывали доски через волчьи ямы.

— Федор Федорович, смотрите! На третьей батарее наш флаг!

Началось! Одна за другой сдались батареи. Выхода не было. Пиврон, увидев, как несколько турок бросились к

его офицеру и отсекли голову, понял — надо сдаваться, и сдаваться русским, как можно быстрее.

В два часа дня русские и турецкие корабли, подняв свои флаги на Видео, отошли от острова. Транспорты высаживали солдат у фортов Сан-Сальвадора и Авраама. И там после жестокой схватки были подняты русский и турецкий флаги.

К вечеру Ушакову доставили письмо от генерала Шабо.

«Господин адмирал! Мы думаем, что бесполезно жертвовать жизнью многих храбрых воинов, как французских, так и русских и турецких, находящихся перед Корфу. Поэтому мы предлагаем Вам перемирие, на сколько времени Вы рассудите необходимым для постановлений условий о сдаче этой крепости. Мы приглашаем Вас к сообщению нам намерений Ваших об этом и, если Вы желаете, то составим сами пункты предлагаемых нами условий.

II Вентоз VII года Французской республики. Генерал Шабо».

Ушаков с чисто французской учтивостью ответил:

«Я всегда на приятные разговоры согласен».

...20 февраля гарнизон Корфу капитулировал.

* * *

Никола приставил лестницу и покарабкался вверх, в правой руке у него была пика. За ним полз Павло, он тащил длинный багор. У кромки стены форта, когда Никола лег на живот, чтобы вскарабкаться на нее, раздался громкий крик, и французский солдат занес штык над ним. Конец! Но удар крючковатого багра сначала вышиб из рук француза ружье, а потом стащил вниз в набегавшую толпу турок.

...Форт взяли. Никола с исцарапанными руками с ссадиной на лбу и плече приобнял Павла и, прихрамывая, возвращался к старой батарее.

— Ну, спасибо, браток, спас. Поживу еще.

— Та шо там, Микола! То ж бой. Сегодня я тэбэ, а вчора ты мого батька спасал у Очакова. Помнишь?

— Да кто там кого спасал! Бились да дело делали. Слава богу, живем! Ты посмотри, что они творят! — Он схватил здоровой рукой Павла и махнул вперед, где три турецких солдата, поставив на колени французов, рубили им головы.

Голова первого покатилась, багря кровью землю. Албанец Али-паши схватил ее за волосы и приподнял, любуясь.

— Стой! Стой! — крикнул Никола и бросился к турку. Тот недоуменно посмотрел на Николу.— Стойте, стойте! Басурманы чертовы! Да они же в полоне. Что ж вы делаете! — Подоспевший Павло, работавший в Херсоне с пленными турками, быстро сказал что-то по-турецки. Солдаты Али-паши переглянулись. Один ответил.

— Он говорит, что это его пленные, и за каждую голову француза командир обещал награду. Если мы дадим больше, он продаст его нам.

Никола пожал плечами:

— Чертов сын, да где мы возьмем денег? Вот разве после штурма.

Турок тоже пожал плечами, и, размахнувшись, со свистом махнул саблей. Голова стукнулась о сапоги и покрыла их кровью.

— Стой! Стой! — уже не кричал, а хрипел Никола. — Стой, подожди. — Он, тяжело дыша, полез за пазуху и, вывернув рубаху, разорвал сшитый уголок. — Прости, адмирал. Не сохранил награду. Извини, Настя, не довез подарок. — И он протянул турку кольцо. Тот поглядел на него, подбросил на руке и, удовлетворенно щелкнув языком, кивнул в сторону француза.

— Развяжи руки! — сурово сказал Никола. Турок понял и саблей разрезал веревку, опутавшую пленного. Тот не вставал, не зная, что ждет его вновь.

— Идем, дуралей. Башка целая. Жить будешь! — ласково понукая, потащил Никола француза к стоящей вдали у берега моря группе пленных под охраной двух русских часовых.

— Ами! Мон ами! Мерси! Спасибо, — лопотал француз.

— Вот тебе и мерси! Скажи мерси адмиралу, а не то кататься бы твоей голове в мешке у турка, — довольный, ворчал Никола.

Пленного подвели к толпе. Он тихо встал в потеснившуюся группу и еще раз поклонился Николе.

Плотники подошли к морю. Никола, сбросив рубаху, обмывал поцарапанное плечо. Павло что-то думал и потом, решившись, негромко сказал вслух:

— А сдается мне, ты того солдата выкупил, шо в тебя штыком метил на стене.

Никола натруженно вздохнул, обтерся рубахой и как-то нехотя сказал:

— А в бою никто никого не жалеет. Или ты, или тебя. Но после боя-то человеком быть надо. — Он зачерпнул в ладонь воды, пополоскал во рту. — Соленая, чертяка!

* * *

Старая крепость, насупив бойницы, глядела вдаль. А там, у Видео, полыхало. Чиркали по небу проносящиеся ядра, клубы дыма лепились друг к другу, образуя уступчатые горы, которые тут же распадались и превращались в длинные сизые языки, тянущиеся к берегу над водой.

На берегу же засверкали частые вспышки у горы Оливетто и монастыря святого Пантелеймона, заревели оттуда втащенные на холмы пушки русских батарей.

Чах-х-х-а! Чах-чах-х-а! — крошили их ядра форты. Трескались на зубцах бомбы, содрогались толстые стены. То был убийственный ад войны, где и над грешниками, и над праведниками чинили страшный суд ее боги и дьяволы.

Городские лазареты заполнялись ранеными. Ветер не уносил дым от разрывов и пожаров. Пороховой горечью забивался он в узкие городские улицы, застывал в подвалах, обвивался тонким удушливым шарфом вокруг шей солдат и жителей. Крепость стала задыхаться.

Видео уже умолк. Оттуда тянуло горелым запахом прошлогодней травы, пахло кровью. Флаги победителей хлопали на ветру, разгонявшем остатки дыма, сползавшего с развороченных холмов, с раскинувшихся в последнем движении мертвых тел, с опрокинутых колесами вверх пушек.

Пришла очередь и выдвинутых вперед фортов крепости. Перед ними, странно петляя под шатром проносившихся ядер и пуль, двигались колонны русских и турок.

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Василий СИДОРЕЙКО,
бурмастер, лауреат Государственной премии СССР,
делегат XXVII съезда КПСС

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ!

ПРИШЛО ВРЕМЯ с полной ответственностью спросить у себя: хозяин ты или нет? Конечно, не только дома, а и в государственном масштабе. О высокой должности хозяина просто и точно сказал в Политическом докладе на партийном съезде Михаил Сергеевич Горбачев: «Нельзя быть хозяином страны, не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме. Трудовой коллектив обязан за все отвечать, заботиться о приращении общественного богатства».

Один из путей воспитания не только качеств хозяина, но многих других человеческих качеств — это бригадный подряд. Мы на собственном опыте убедились в том, что труд по конечному результату формирует умение вести строгий учет, в свете взятой ответственности здраво оценивать свои возможности. Знаем: что посеешь, то и пожнешь. Отсюда заботливое, расчетливое отношение к технике, стремление в полной мере и творчески овладеть технологическими процессами. Из самих условий труда в бригаде родилась потребность создать своеобразный «университет» специальностей: слесари, электрики учились у бурильщиков, бурильщики — у электриков и слесарей. В результате мы добились полной взаимозаменяемости, что, естественно, сказывается в труде всего коллектива, а потребность знать больше стала необходимостью. Многие мои товарищи, да и я сам, учимся на заочных отделениях институтов или техникумов. Полученные знания также идут в «общий котел».

Особо скажу о бригадной прессе, нашем «Буровике» — стенгазете и серьезной и сатирической. Она помогает определить свою значимость в коллективе. Рубрика «Путь к миллиону» рассказывает о личных ежемесячных вкладах буровиков в общий задел: бригада наметила пробурить на тюменской земле миллион метров промышленных скважин и уже близка к этому рубежу. Рубрика «Потерянный метр» выявляет причины допущенных просчетов, их конкретных виновников. А в сатирическом приложении справедливо, по-товарищески достается тем, кто забывает о рабочей чести.

В прошлом году бригада добилась самого высокого в отрасли результата — 120 тысяч метров проходки — и наращивает скорости бурения. Отмечу, что без смежников не было бы успеха. Мы заключили договоры с вышкомонтажниками, тампонажниками, геофизиками, водителями спецтранспорта, взяли взаимные обязательства и определили способы взаимодействия. Сейчас продолжаем «обкатывать» сквозной поточный межбригадный подряд — дело пока еще новое в строительстве нефтяных скважин. И, думается, после решений XXVII съезда партии «сквозной подряд» станет более масштабным, обретет новые формы. Возможно, будет межотраслевым.

У нефтяников Тюмени уже есть опыт сотрудничества с учеными и

конструкторами НИИ «Уралмаша», с коллективами цехов и бригад уральского гиганта машиностроения. Наши пожелания и предложения уралмашевцы реализовали, создав конструкцию комплексных установок, с помощью которых пробурено большинство скважин в Западной Сибири. Но время выдвигает новые требования. Партийный съезд поставил задачу ускорить развитие нефтяной промышленности в регионе, а для этого, как указано в Основных направлениях экономического и социального развития СССР, необходимо «расширить выпуск высококачественного нефтегазопромыслового, бурового, геологоразведочного... и другого оборудования».

Понятно, что требования к качеству полнее всех выразит практик. Он ближе, чем кто-либо другой, знаком с недостатками и возможностями своего технического арсенала. Поэтому, как и прежде, уралмашевцы обратились к нам за советом. На совещании в Свердловске бурмастер В. Воловодов выразил общее мнение бурильщиков: кроме высокой производительности, необходимо обеспечить лучшие условия труда. Представьте себе буровую вышку, открытую всем ветрам, да еще при сорокаградусном морозе. Каково там бурильщикам! Уралмашевцы учли наши предложения: в новой модификации буровой установки все рабочие места и узлы обеспечены разборными укрытиями, внутри установлены утеплители, кондиционеры. В любое время года бурильщики могут трудиться в условиях, близких к заводским. Есть много ценных новшеств: повышена скорость и обеспечена возможность почти на тысячу метров увеличить глубину бурения, улучшены рабочие возможности нососов, механизмов трубоподачи и других агрегатов установки, которая станет основной в техническом переоснащении нефтедобычи. С обновленными орудиями проходки мы, несомненно, сможем бурить и быстрее и лучше.

Подобный, образно говоря, «сквозной подряд», рожденный общей целью, скрепленный рабочей совестью, возможен во всех сферах нашей жизни. Но развитие его тормозит инерция равнодушия, бесхозяйственности. Затрону эту острую проблему как депутат областного Совета.

Нефтяники и газовики Тюменской области едва ли не главные потребители труб. После отработки они оставляли их где-нибудь вблизи отстроенных месторождений, перебирались за десятки и сотни километров на другое место, получали новые трубы, а об использованных старых чаще всего забывали. После постановлений партии и правительства об экономии в области развилось, получило поддержку движение бережливых. Облисполком обязал предприятия взять под строгий контроль расход металлоизделий, упорядочить сбор металлолома. Народные депутаты организовали широкий общественный поиск «трубных залежей». Результаты? Они и радуют, и заставляют серьезно задуматься: общими силами собрано 40 тысяч тонн «бросовых» труб. И все это без пользы ржавело в тайге и болотах!

К сожалению, такие примеры не единичны. В прошлом году народные депутаты, группы рабочего и партийного контроля установили, что в нефтегазодобывающих управлениях Ханты-Мансийского округа находится неустановленного оборудования на... 600 миллионов рублей. Чего-то «выжидали» руководители предприятий, в то время как тысячи рабочих трудились вручную. Конечно, руководителей НГДУ обязали

задействовать законсервированную технику. Но инерцию «выжидания» еще приходится одолевать во многих местах.

Жилое и культурное строительство у нас в основном ведомственное. Между деятельностью Советов народных депутатов, общественности и администрации предприятий возникает некая незримая «межа»: у Советов — власть на местах, у администрации, хозяйственников — материальные возможности. Зачастую для руководителей предприятий на первом месте стоит выполнение плана, а быт людей остается делом побочным, «вневедомственным». Несостоятельность такого «межевого» раздела очевидна. Приведу пример. В поселке Радужный сложилась критическая ситуация: люди замерзали в домах. При расследовании выяснилось: в Радужном еще с весны многие теплосистемы находились в аварийном состоянии, по сигналам жителей администрация местного управления буровых работ обещала провести ремонт, но так ничего и не сделала. Хозяйственники оправдывались: на нас, дескать, никто не давил, а в управлении были дела поважнее. Такой же позиции придерживались в поссовете: авось теплосеть перезимует, зачем портить отношения с администрацией? Отопление в поселке восстановили. Но чем оплачен «режим выжидания»? Нетрудно представить, как отразилось на работоспособности людей проживание в холодных квартирах и во что обошелся управлению буровых работ авральный ремонт теплосети в условиях суровой зимы! Нет, настоящий хозяин не станет ждать манны небесной. Тем более теперь, когда для развития хозяйской инициативы, социалистической предприимчивости открыты самые широкие возможности. Ведь сумели же перепахать ведомственную «межу» общественники поселка Лангепас, в облике которого уже явственно видны черты будущего города.

Есть уже в поселке пяти- и девятиэтажные здания, общеобразовательная и музыкальная школа, спортивный комплекс, фондовая библиотека. Все это построено на средства предприятий, но при самом активном участии общественности. В помощь народным депутатам в Лангепасе создан совет взаимодействия, в который входят представители от трудовых коллективов и жителей. Кроме вопросов благоустройства и снабжения, совет вырабатывает и контролирует осуществление планов комплексного развития поселка.

Избиратели дали наказ — нужна больница с поликлиникой и профилакторием. Хозяйственники было уперлись: не имеем средств. Но прижимистый хозяйственник не всегда хороший хозяин. Ведь дело касалось самого дорогого и невозвратимого капитала — здоровья. Совет настоял, и средства нашлись. Молодежь Лангепаса направила на стройку своих лучших специалистов, обратилась за помощью к шефам — комсомольцам Белоруссии. Оттуда поступило новое медицинское оборудование, и комплекс здоровья открыл свои двери намного раньше намеченного срока.

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ — это не ждать сложа руки, когда «наверху» обсудят и решат поднятые вопросы. Это действовать без промедлений, во всю меру своих сил добиваться конечного результата. Поддержка всегда будет, потому что хозяйская инициатива в наши дни стала государственной необходимостью. Не случайно в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии особо отмечено, что успех любого дела в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем массы.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

СЕМЬДЕСЯТ лет назад, 2 июля 1916 года, в письме М. Н. Покровскому Владимир Ильич Ленин сообщил: «Высылаю Вам сегодня заказной бандеролью рукопись». Речь шла о рукописи книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Этот день — 2 июля — и считается официальной датой завершения работы над книгой.

Работа потребовала широких научных исследований, глубокого изучения фактического материала, содержащегося в статьях, брошюрах, справочниках, сборниках, книгах по экономике и технике, внутренней и внешней политике, колониализму, рабочему движению и многим другим вопросам. Ленин дал глубочайший анализ нового этапа мировой истории, основных закономерностей капитализма на его последней стадии развития. Классический ленинский труд явился выдающимся вкладом в сокровищницу творческого марксизма.

БОЕВОЕ ОСТРОЕ ОРУЖИЕ

В КОНЦЕ 1915 года М. Н. Покровский, находившийся в Париже, предложил Владимиру Ильичу написать брошюру об империализме для сборника под общим названием «Европа до и во время войны». Сборник должен был выйти в легальном петроградском издательстве «Парус», недавно созданном при литературном, научном и политическом журнале «Летопись», одним из основателей которого был А. М. Горький. В целях конспирации, а также вследствие весьма сложных условий военного времени вся переписка по вопросам издания сборника велась через Покровского. Ему предлагалось привлечь к работе заграничных авторов — русских эмигрантов, которые в своих очерках должны были дать представление «самым широким кругам» читателей о воюющих странах и о смысле самой войны. Предполагалось, что серию статей откроет общее введение — брошюра об империализме, дающая смысл и освещение всему сборнику.

Ленин немедленно ответил согласием. Крупская вспоминает: «Этому вопросу Ильич придавал громадное значение, считая, что настоящей глубокой оценки происходящей войны нельзя дать, не выяснив до конца сущности империализма». Всесторонним исследованием империализма, глубоким анализом его экономической и политической сущности Ленин занимался на протяжении многих лет. Он изучал и обобщал многочисленные данные, содержавшиеся в обширной литературе, делал выписки и заметки. Все они вносились в тетради, составившие впоследствии знаменитые «Тетради по империализму». Заметим, что к концу работы над книгой «Империализм» объем этих тетрадей составил около 800 книжных страниц! И это лишь заметки и выписки, сделанные при работе над библиотечными источниками, а сколько еще пометок, закладок, отчеркиваний содержалось в книгах и журналах, составлявших личную собственность Владимира Ильича.

В то время Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в швейцарском городе Берне. В середине февраля 1916 года они переехали в Цюрих — там находились прекрасные библиотеки, располагавшие большим количеством книг, журналов, других периодических изданий, необходимых для работы над брошюрой. Как вспоминает Крупская, они приехали в Цюрих «на пару недель», да так и остались там до возвращения в Россию в апреле 1917 года.

Напряженная работа над рукописью продолжалась до конца июня. Не следует забывать, что на протяжении всего этого времени Ленин не оставлял без внимания партийные дела — вел обширную переписку с товарищами-большевиками, выступал с рефератами и докладами, писал статьи и заметки, проводил совещания, принимал участие в работе второй международной социалистической конференции в Кинтале...

Между тем издательство /естественно, через посредство Покровского/ ставило авторам сборника жесткие требования — соблюдать чрезвычайную осторожность в изложении материала, касающегося России, стараться писать «поискуснее» в цензурном отношении. Конечно, в равной мере это относилось и к автору вводной брошюры.

Сжимались и сроки работы над рукописью. В самом начале июня Владимир Ильич получил открытку из Парижа, в которой Покровский просил подготовить рукопись к отправке в Петроград в начале, в крайнем случае в середине июля. Ленин 8 июня ответил: «Я работаю усиленно, но в силу сложности материала и болезни опаздываю. Очень боюсь, что не успею к этому предельному сроку. Надеюсь, редакция и издатель даст мне тогда хоть небольшую отсрочку. Буду торопиться». А через несколько дней в Цюрих пришло новое требование издательства: довести объем рукописи до трех печатных листов — вместо предполагавшихся и утвержденных ранее пяти... это было немыслимо! Ведь дело шло к завершению работы, большая часть книги была написана — и не было никакой возможности сжать рукопись до трех листов, не подвергнув ее коренной переработке. Это письмо Покровского Ленин оставил без ответа, он продолжал работать по своему плану.

2 июля заказной бандеролью рукопись была отправлена в Париж. В сопроводительном письме Ленин уведомлял Покровского, что сократить объем было немыслимо, убедительно просил сохранить в рукописи все примечания, предлагал варианты псевдонима автора и названия книги применительно к требованиям цензуры. Письмо заканчивалось постскриптумом: «Изо всех сил применялся к «строгостям»: трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!»

Ленинское письмо Покровский получил. Но рукопись не дошла до адресата! Покровский уведомил об этом Ильича, и тот в ответном письме выразил полное недоумение: «Все у меня вполне цензурно, так что я не понимаю совсем, из-за чего и как могло это выйти».

«Ужасно грустное известие о пропаже заставило автора известного Вам плехановского по духу произведения прибегнуть к способу Г. З.»,— писал Владимир Ильич Покровскому 5 августа 1916 года. Да, второй экземпляр рукописи ушел в Париж необычным путем: ее спрятали в переплетах французских книг.

В конце августа рукопись дошла до петроградского издательства. Горький, прочитав только что полученную рукопись, писал Покровскому: «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком..., но — вне серии... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!»

К сожалению, Горький не мог сам решать вопрос об издании книги. В издательстве были еще другие сотрудники, формировавшие «общественное мнение». И в редакционно-издательских кабинетах рукописи предстояло пройти еще одно нелегкое испытание — тщательный «досмотр» со стороны редакторов-меньшевиков, основателей будущей газеты «Новая Жизнь». Они прежде всего устранили все примечания, всю критику Каутского, Мартова и других «теоретиков» империализма. Будущие «новожизненцы» возмущались разоблачением оппортунизма «величайшего теоретика марксизма», их оскорбляло утверждение о том, что пацифист Каутский — ренегат. Напечатать такое «неприличие» меньшевики просто не могли.

Об устранении из рукописи критики Каутского Ленин узнал от Покровского в декабре. «Грустно. Ей-ей грустно,— писал он в Париж 21 декабря.— Зачем? Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: мы, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю,— отметил Ленин и добавил:— Ну, я в другом месте посчитаюсь с Каутским».

(Ленин выполнил свое обещание. Защищая от искажений и опошления марксизм, Ленин через два года написал знаменитую работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в которой до конца разоблачил ревизионизм и предательскую политику, чудовищную теоретическую путаницу, мошеннические фальсификации и увертки Каутского!)

Существенной «обработке» подвергся весь текст рукописи.

Внесенная рукой редакторов правка не только нарушала ленинский стиль, но искажала мысли. Так, слово «перерастание» (капитализма в империализм) заменили словом «превращение», «реакционный характер» (теории «ультраимпериализма») — словами «отсталый характер», и так далее в том же духе.

Первое издание книги под названием «Империализм, как новейший этап капитализма (Популярный очерк)» вышло после Февральской революции, в сентябре 1917 года.

Жесткие цензурные условия, рамки ограниченного объема, естественно, затрудняли для автора возможность откровенно высказать мысли по теории империализма. При изложении политических вопросов приходилось пользоваться эзоповским языком. В предисловии к первому, русскому изданию книги, датированному 26 апреля 1917 года, Ленин писал: «...я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения».

Издательство затягивало выход книги в свет, а когда она наконец вышла, на обложке не оказалось издательской марки, стояло лишь: «Склад издания: Книжный склад и магазин «Жизнь и Знание». Между тем выход книги вызвал столь большой интерес, что первоначальный тираж ее был увеличен втрое!

Окончание на стр. 152

ПО ВЕЛЕНИЮ ВРЕМЕНИ

СУМСКОЕ научно-производственное объединение имени М. В. Фрунзе — флагман отечественного химического и нефтяного машиностроения. Оно выпускает технически сложную, высоконадежную продукцию: комплексные технологические линии для получения слабой азотной кислоты, главные циркуляционные насосы и насосы второго контура для атомной энергетики, мощные газоперекачивающие агрегаты, компрессоры сверхвысокого давления, свыше ста видов различных центрифуг, установки извлечения гелия из природного газа, другие современные машины и агрегаты для народного хозяйства. Продукция экспортируется почти в 30 стран мира, свыше 60 процентов изделий отмечено государст-

венным Знаком качества. Четыре раза за XI пятилетку фрунзенцы выходили победителями социалистического соревнования и награждались переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. За годы этой пятилетки прошло значительное техническое обновление производства, намного расширен станочный парк, создано более 60 комплексно-механизированных участков и 30 автоматических и полуавтоматических линий. Не без гордости фрунзенцы говорят о том, что в механообрабатывающих цехах объединения внедрено 247 агрегатных специальных станков, 148 станков с числовым программным управлением, в том числе 19 типа «обрабатывающий центр», 32 робота и автоматических манипулятора. Освоена электронно-лучевая и импульсная сварка специальных сплавов, действуют агрегаты плазменного напыления узлов износостойкими и антикоррозийными материалами.

Пятилетний план по основным показателям объединение выполнило за 4 года и 7 месяцев, получено 126 миллионов рублей прибыли, рост объема производства и производительности труда составил соответственно 176,5 и 158,3 процента! Построено 164 тысячи квадратных метров жилья, пять детских комбинатов, создано высокомеханизированное подсобное хозяйство — посильный вклад в решение Продовольственной программы.

Солидный опыт не только позволял, но и требовал идти дальше, создавать в коллективе заинтересованность в высоком уровне эффективности труда. Прогрессивный поворот к новым оценочным критериям, суть которого состоит в переходе от стимулирования за уровень плана к стимулированию за прирост, был осуществлен благодаря включению объединения с января 1985 года, последнего года XI пятилетки, в углубленный экономический эксперимент.

Главная отличительная черта его — перевод объединения на полный хозрасчет на основе самофинансирования. В таких условиях все затраты на техническое перевооружение, реконструкцию и рас-

Оператор Алексей Марков (в центре снимка) знакомит бригаду с новой программой станка с ЧПУ.

Оператор Владимир Раевский.

Наставник Николай Гаврилович Цыганок (с л е в а) и ученик токаря-карусельщика Николай Олейник.

ширение действующих предприятий, образование фонда заработной платы и фондов экономического стимулирования, развитие науки и техники, на другие нужды обеспечиваются за счет собственных или заемных средств. Это либо собственная прибыль, либо долгосрочные кредиты Стройбанка СССР.

Далее. В условиях нового эксперимента конечный финансовый результат производственной деятельности оценивается уровнем эффективности — объемом полученной прибыли. Прибыль — основной утверждаемый показатель и пятилетнего и годового плана!

Посредством образования фондов экономического стимулирования по стабильным нормативам непосредственно от объема прибыли устанавливается прямая связь между уровнем эффективности работы и размерами средств на развитие производства, поощрение работников и социальные нужды.

Оператор сварочного аппарата Владимир Примов.

Идет наладка насоса для АЭС.

Таким образом, объединение, приняв на себя финансирование расширенного воспроизводства, становится полным хозяином своей прибыли и других средств. Эти средства, кроме отчислений по стабильному нормативу, ни в государственный бюджет, ни в министерство не могут быть перечислены.

Условия эксперимента создают дополнительные возможности развития научно-технического прогресса, существенного перевооружения предприятия и повышения качества продукции. В объединении образуется значительный по объему фонд развития производства за счет отчислений от прибыли и амортизационных отчислений в 1985 году — примерно 30 миллионов рублей, в 1990 году — 60 миллионов рублей... Условия эксперимента обеспечивают право перераспределять средства между фондом развития производства и единым фондом развития науки и техники, благодаря чему расширяются возможности финансирования мероприятий по техническому прогрессу.

Принятый в эксперименте механизм распределения прибыли прост и понятен каждому рабочему. Из рубля прибыли по стабильному нормативу отчисляется: в госбюджет 26 копеек, министерству 3 копейки, на собственные нужды 71 копейка, из которых большая часть (45 копеек) идет на развитие объединения. На материальное поощрение работников тратится 15 копеек, на социально-культурные мероприятия и непроизводственное строительство 11 копеек.

Простота и доходчивость механизма распределения прибыли и принятые условия расходования средств фонда материального поощрения — важнейшие преимущества эксперимента. Они позволяют довести суть эксперимента до каждого человека в трудовом

Бригадир токарей-карусельщиков Валерий Паляница.

Сварщик плазменного напыления Сергей Никонов.

коллективе, обеспечив в социальном развитии оптимальное расходование средств на потребление и накопление, нацелить внимание людей на конечные результаты труда.

Естественно, экономический эксперимент потребовал значительной перестройки системы внутреннего хозрасчета, усиления роли качественных показателей работы и бригад и производств, повышения ответственности каждого за конечный результат труда.

Работая в условиях эксперимента, объединение выполнило план 1985 года по всем технико-экономическим показателям. И вот что важно: темпы роста по основным показателям — объему производства, производительности труда, снижению себестоимости, прибыли — в минувшем году значительно превысили средние за четыре предыдущих года пятилетки! Только отчисления в фонды экономического стимулирования выросли в 2,5 раза, а выпуск продукции высшей категории качества увеличился на 15,3 процента...

Безусловно, внедрение углубленного экономического эксперимента потребовало большой организационной и разъяснительной работы. Совершенствовалась бригадная форма организации труда. Создавались комплексные и сквозные бригады. Повсеместно внедрялся хозрасчет. Особое внимание обращалось на более полное использование производственных мощностей, повышение сменности работы оборудования. Механизм эксперимента изучался в системе политического и экономического образования. Большую разъяснительную работу провели агитаторы, политинформаторы, многотиражная газета «Фрунзенец» и радиовещание. Для заводчан тысячными тиражами были отпечатаны специальные памятки и плакаты.

Началось социалистическое соревнование под девизом: «Поставки — в срок, производительность — наивысшую, качество — отличное, затраты — минимальные, прибыль — максимальная!» А девиз соревнующихся «Научно-техническому прогрессу — максимальное ускорение, поставкам — безусловное выполнение, производству — рост эффективности, социальному развитию — высокий уровень!» стал основополагающей целью достижения высоких результатов труда.

Заметно повысилась роль трудовых коллективов в организации работы на прогрессивной основе, в рациональном использовании производственных ресурсов. Сегодня, например, 400 бригад открыли коллективные счета экономии, личные счета экономии завели почти 6 тысяч производственников. Более 85 процентов работающих на объединении приняли обязательства жить и работать без нарушений трудовой и общественной дисциплины.

Большие задачи наметили фрунзенцы на XII пятилетку. Работая в условиях новых методов хозяйствования, они определили свои возможности приведения в действие резервов производства, повышения его эффективности и, одними из первых поддержав инициативу вазовцев, обязались за 1986—1990 годы обновить не менее чем на 70 процентов выпускаемую продукцию (сократив при этом в полтора-два раза сроки создания новой техники!), освоить 98 новых линий и агрегатов повышенной заводской готовности, наладить серийный выпуск 62 наименований нового, прогрессивного оборудования, в том числе автоматизированных установок для интенсификации добычи нефти, новых насосов для атомных электростанций.

Сотни тружеников объединения поддержали почин прославленных бригад фрезеровщиков А. Кудрина, токарей А. Приймченко, котельщиков Героя Социалистического Труда И. Коваленко, то-

В музее объединения. Анна Борисовна Красовицкая знакомит школьников с историей предприятия.

карей-расточников А. Козинчука, кузнецов Н. Колесника, а также комплексных бригад В. Мазного и Н. Галушко: каждый год двенадцатой пятилетки выполнять к празднику Великого Октября, а пятилетнее задание завершить к 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

По примеру коммунистов более пяти тысяч комсомольцев объединения включились в борьбу за успешное проведение экономического эксперимента. Комсомольцы достойно продолжают славные традиции комсомольцев старших поколений. Если комсомольцы 20-х годов освоили выпуск первых компрессоров, то молодежь 80-х принимает активное участие в изготовлении такого сложного оборудования, как компрессорные станции для газоперекачивающего агрегата на трассе Уренгой — Помары — Ужгород. В выпуске этой весьма важной продукции занято 70 комсомольско-молодежных коллективов из 140, имеющихся в объединении.

Комитет комсомола объединения, комсорги цехов и отделов объясняли молодежи систему хозрасчета, суть нового эксперимента, перспективы развития предприятия. Развернулось комсомольско-молодежное социалистическое соревнование. В середине 1985 года были внесены изменения в стандарт, который определяет условия соревнования, в требования, предъявляемые молодежным коллективам. Право оценивать их работу теперь предоставлено комсоргам цехов, а не профоргам, как было раньше. Комсорги подводят ежемесячные, а комитет комсомола ежеквартальные итоги.

Сейчас все комсомольско-молодежные коллективы имеют лицевые счета экономии, по которым оценивается их деятельность. По итогам 1985 года на лицевых счетах 140 таких коллективов появилась солидная сумма — более полумиллиона рублей! Это конкрет-

ный вклад заводской комсомолии в дело углубления и развития экономического эксперимента.

Молодые рабочие ревниво относятся к результатам своего труда и объединения в целом. Они, например, заинтересованы в снижении себестоимости продукции. Нередко бригады по своей инициативе обращаются к администрации с предложением снизить стоимость выполняемой работы, уменьшить количество нормо-часов. Рабочие порой сами, без участия технологов, определяют и снижают трудоемкость той или иной операции. Во многих комсомольско-молодежных коллективах понятие «общее» выше понятия «мое». И когда в такие коллективы попадают 18-летние ребята из СПТУ или школы, они начинают воспитываться в традициях коллектива, и сам процесс трудового воспитания проходит естественным путем. Кстати сказать, практика показывает, что такой путь трудового воспитания хоть и хорош, но проходит замедленно, и комитет комсомола ищет сейчас пути его интенсификации...

В комитете комсомола считают, что его задача — научить бригадиров, групкомсоргов работать с молодежью, причем работа должна начинаться не в трудовом коллективе, а раньше, на первом курсе СПТУ, в старших классах общеобразовательных школ. Те, кто решил связать свою судьбу с заводом, должны заранее иметь представление о выбранной профессии, о продукции, выпускаемой в цехах, о богатых традициях, накопленных фрунзенцами за всю историю существования предприятия.

На счету комсомольцев много замечательных дел. Всем хорошо известна комсомольско-молодежная бригада токарей-карусельщиков цеха № 8, которую возглавляет Николай Баня, лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена «Знак Почета». Его бригада — одна из тех, кто досрочно закончил XI пятилетку. Кроме производственной, они ведут большую воспитательную работу. Так, коллектив выступил с инициативой «Каждой бригаде — трудновоспитуемого подростка!» и первым взял шефство над одним из таких парней. С ним поддерживалась тесная связь, когда он служил в армии, и, естественно, уволившись в запас, парень вернулся в свой, ставший ему родным, коллектив. Инициативу бригады Бани широко поддержали за пределами объединения, в городе и области.

Большим авторитетом пользуется комсомольско-молодежный коллектив фрезеровщиков цеха № 22, который возглавляет Владимир Мазной. Молодой коллектив — инициатор многих новых инициатив. Задание первого квартала 1986 года они выполнили досрочно, ко дню открытия XXVII съезда партии. Фрезеровщики ведут большую воспитательную работу в подшефной школе. С их помощью там создан сатирический театр «Фреза», пользующийся широкой популярностью, участвующий во всех смотрах художественной самодеятельности. Члены бригады проводят большую работу по профилактике правонарушений, многие — бойцы оперативного отряда.

В объединении действует совет молодых специалистов. Ему удалось найти эффективную форму совместной работы молодого специалиста с молодым рабочим и тем самым соединить, так сказать, теорию с практикой. Комитет комсомола совместно с советом выступил с инициативой: «Каждому молодому рабочему — инженерную поддержку!»

Активно участвует молодежь во всесоюзной операции «Внедре-

ние». Бывает так: молодой рабочий подает первое в своей жизни рацпредложение. Возможно, иной раз оно и не дает большого экономического эффекта. Но важно другое — внимательно отнестись к такому рационализатору и побудить его к дальнейшей работе, не класть его предложение под сукно.

Во всех цехах действуют школы молодого рационализатора. Ими руководят начальники технических бюро. Создание таких школ дало ощутимый экономический и социальный эффект.

Работая в условиях углубленного экономического эксперимента, молодежь, равняясь на коммунистов, на ветеранов труда, открывает в себе новые способности, с энтузиазмом принимает и применяет на практике все новое, прогрессивное, передовое. С другой стороны, эксперимент предоставляет много возможностей, чтобы реализовать свои таланты и способности, почувствовать себя способным внести свой вклад в интенсификацию производства.

ПРАВДА О РАЛЛИ ПАРИЖ — ДАКАР

Гонки машин по маршруту Париж — Дакар устраиваются ежегодно. Преподносятся они как спортивное мероприятие, где могут посоревноваться лучшие гонщики Европы, а машины — показать свои технические преимущества на трудной трассе в песках.

Для освещения ралли приглашаются знаменитые кинооператоры, фотокорреспонденты, спортивные журналисты. Гонорары тут всегда самые высокие. Что касается автомобилей, то подбираются новейшие, наиболее дорогие, сложные, с марками ведущих фирм. Словом, мероприятие престижное, организованное с размахом и дающее неплохую прибыль.

Популярность ралли подогревается умело. Любая критика недопустима, упреки воспринимаются с усмешкой превосходства, поощряются лишь слова о доблести автотранспорта, выносливости водителей, торжестве современной техники.

Но все-таки, как говорится, шила в мешке не утаишь. Автомобильное состязание по странам Африки раскрыло свое истинное лицо.

Реклама приглашает участвовать в гонках буквально такими словами: «Это ралли для тех, кто не боится погибнуть. Мечтателей о легкой славе не приглашаем. Встреча с пустыней — это всегда шок. Ни один не возвращается оттуда таким, каким он был до старта. Слабым предлагается остаться в Париже и совершать конные прогулки в Булонском лесу. Итак, зовем с собой в дорогу по пескам сильных, дерзких, отважных!»

Культ сильной личности, между прочим, выдает тот факт, который организаторы ралли в первую очередь тщательно скрывают. Приглашая только смелых автомобилистов к гонкам с приключениями, они использовали пружины современной рекламы, советы опытных менеджеров. Ведь ныне культ суперличности, жестокой и решительной, пропагандируется на Западе повсеместно. Это модно и выгодно. Следовательно, барыши от ралли ловко планировались. Дело

«Молодых людей 80-х годов,— отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— отличает широкий кругозор, образованность, энергия. Они... заряжены на действие, ищут возможности проявить себя во всех областях общественной жизни. И комсомол должен всемерно поддерживать это стремление везде — в народном хозяйстве, в науке и технике, в овладении знаниями и культурой, в политической жизни и защите Родины».

Заряжены на активное действие и комсомольцы, и вся молодежь научно-производственного объединения имени М. В. Фрунзе. Отдать все силы на ускорение научно-технического прогресса, решение долгосрочной программы преобразования всего народного хозяйства — веление времени!

О. СЕМЕНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

ПАНОРАМА

ставили на широкую ногу. В глубокой тайне проводили совещания с воротилами автопромышленности, получали авансы за рекламу новых машин. Словом, все это не было открытым спортом. Достаточно сказать, что первые рекорды скорости по пескам намеренно снижались до 120 километров в час, чтобы потом поднять их до 220. Постепенно поднимались и взносы за участие и цены за рекламу. Организаторам ралли щедро платили фирмы, выпускающие высокосортный бензин, кофе, шины, сигареты, спортивную одежду, пиво, термосы и прочее. Действительно, это не спорт, а шоу-бизнес.

Сам по себе стал разоблачительным тот факт, что для придания «светской окраски» на ралли приглашали знаменитых кинозвезд, певцов, нашумевших участников рок-ансамблей. Каждый раз присутствовали различные принцы, шейхи, банковские воротилы. Это была открытая реклама для законодателей моды, фабрикантов дорогих украшений. Ведь элита давала интервью перед объективами фотокамер, чтобы продемонстрировать покрой роскошных платьев, блеск колье с бриллиантами, электронные часы последних марок.

Итак, реклама всего дорогого, престижного, особенного. И все это происходит на фоне нищеты местного населения. Именно об этой стороне ралли рассказал недавно на страницах французской прессы писатель Мишель Турнье. Он как бы приподнял завесу и показал все в истинном свете.

Писатель утверждает, что ралли — позорное явление, блеск его обманчив и дразнит низкие вкусы обывателей. Западная культура выплескивает на пески Африки свою плесень и грязь. В странах так называемого «третьего мира» дороги строятся с затратой огромных человеческих сил, а люксозные машины их безжалостно разбивают. И все это ради широкой рекламы автомобильных и иных концернов!

Посмотреть на перипетии ралли не случайно приезжают сливки парижского общества. Это тоже реклама, но бесстыдная и пошлая. Фото- и телерепортеры показывают принцесс и кинозвезд, но ни разу на страницы газет не попали снимки, как гибнут дети африканцев, когда мощные

европейские машины, потеряв управление в азарте гонки, врезаются в хижины бедняков. Подобными «случайностями» стараются не омрачать блестящий фасад ралли.

Устроители гонок заслуживают всеобщего порицания, а не восхваления, говорит писатель. Он приводит факт, когда ради собственной рекламы организаторы ралли подарили жителям засушливого района один насос! Но почему газеты умалчивают, что вдоль трассы водители выбрасывают сотни изношенных шин, пустых канистр, охапки промасленных тряпок, консервных коробок. Загрязнение окружающей среды просто ужасающе. Однако до сих пор это ралли называется «отважными приключениями рыцарей XX века».

Да, организаторы ралли пропагандируют рыцарство и выносливость, дух приключений и находчивости в пустыне. Но они не брезгуют ничем, чтобы раздуть выгодную славу своего предприятия. Не стесняются они бросить тень на народы тех стран, где проходит ралли. Не так давно они ловко организовали «похищение» сына Маргарет Тэтчер и знаменитой спортсменки Кики Карон. Сперва распустили слух, будто они заблудились в пустыне. Затем стали утверждать, что их похитили «людоеды» из диких племен Африки. Паника подогревалась изо всех сил, а затем (в нужный момент!) все закончилось, как в мелодраме.

Почему нужен был именно этот момент? А дело в том, что на трассе произошло столкновение машин и один из гонщиков погиб. Счастливым возвращением «звезд» постарались закрыть это досадное происшествие.

Итак, завеса приподнята. За ней оказался не спорт, а обычный для Запада бизнес со всеми его неприглядными последствиями.

ЧТО ПОМОГАЕТ вам быть одетым модно и современно? Конечно же, собственный вкус, скажете вы. Это очевидно. Это правильно. Но следует признать, что немаловажное значение имеют и усилия художников-модельеров, и старания мастеров швейного дела, претворяющих в жизнь идеи конструкторов одежды... Так говорят на Таллинском производственном швейном объединении имени В. Клементи.

ИЗДЕЛИЯ этого объединения не задерживаются в секциях и отделах готового платья наших магазинов. И это самый верный признак их отменного качества. Они модны, элегантны, прекрасно сшиты, отличаются добротной отделкой, наконец, сшиты из самых современных тканей — отечественных и зарубежных.

Два года назад объединение отметило свое 40-летие. 25 сентября 1944 года, вскоре после освобождения Таллина от фашистских захватчиков, в доме № 5 по улице Виру открылась небольшая швейная фабрика «Оста» — от нее-то коллектив швейников и ведет отсчет времени, определяя общий трудовой стаж объединения. Тогда первые 97 работниц шили рабочую одежду, белье, мужские сорочки... С годами коллектив рос, расширялся ассортимент изделий, выполнялись и спецзаказы — на фабрике шили, например, костюмы для спектаклей театра «Эстония»...

24 ноября 1954 года швейной фабрике, на которой к тому времени работало уже более 300 человек, было присвоено имя Вильгельмине Клементи — революционерки, одной из организаторов Коммунистического союза молодежи Эстонии, безвременно ушедшей из жизни в возрасте 25 лет... К 1970 году фабрика стала экспериментальной, а через год, в результате слияния воедино таллинской фабрики и швейных цехов в

МОДНО, СОВРЕМЕННО, УДОБНО

Тюри и Лавассааре, возникло производственное объединение. В конце 1973 года, когда было завершено сооружение производственного корпуса, все рабочие, трудившиеся ранее в разных районах города, получили возможность собраться под одной крышей — в прекрасных условиях труда и быта.

Обо всем этом нам рассказала Эльма Вээнсалу — главный технолог объединения, трудовой стаж которой исчисляется с 1955 года. Мы прошли по всем цехам и отделам. Как радушная хозяйка, Эльма познакомила нас и с подсобными, так сказать, службами, к которым она, как специалист, прямого отношения не имела. Эти службы нужны и полезны, они многое дают работникам объединения — удобства, экономию времени, возможность хорошо провести досуг или позаботиться о своем здоровье: столовая, кафетерий, домовая кухня,

Главный технолог объединения Эльма Вээнсалу.

Идет демонстрация новых моделей.

парикмахерская, библиотека, здравпункты...

Мы спросили, велик ли ассортимент изделий.

— Сейчас объединение, в которое входят не только головное предприятие в Таллине, но и швейные участки в Кейла, Вазалемаа, Лавассааре, Тюри, а также филиал в Пярну, выпускает платья, халаты, женские блузы, костюмы, легкие мужские, женские и детские куртки, ветровки, детские комбинезоны, спальные мешки для новорожденных... Что ни день — тысяча шестьсот платьев, семьсот блуз, триста юбок, тысяча пальто и курток, двести комплектов школьной формы и сто изделий для малышей.

— И все эти изделия можно считать модными, современными, удобными?

Эльма улыбнулась:

— Создавать такие изделия — наша задача. Мы стремимся к этому. Художники-модельеры нашего объединения вместе с коллегами из Таллинского Дома моделей следят за современной модой, учитывают ее капризный характер. В объединении ежегодно обновляется до семидесяти процентов всей выпускаемой продукции. Остальное — так называемые переходные модели не снимаются с производства, потому что продолжают пользоваться хорошим спросом покупателей.

— А как создается новая модель... ну, скажем, платья?

— Работу начинает художник. А для него первооснова — материал, ткань. Ведь эскиз будущего изделия — это не набросок вообще, безотносительно к тому, из чего, собственно, будет сшито платье. В работе учитываются, естественно, и требования моды — без этого в наше время в швейном деле не сделать ни шагу! А художники у нас народ квалифицированный, думающий, требовательный, они в курсе всех новинок, появляющихся и у нас в стране, и за рубежом. Они прекрасно осведомлены о том, что хочет покупатель, ибо часто бывают в магазинах, интересуются запросами покупателей. У нас тесная связь с модельерами Москвы, Ленинграда, Киева...

— Итак, художник предложил эскиз...

— Эскиз мы рассматриваем на техническом совете в присутствии главного инженера, а нередко и генерального директора объединения. После утверждения эскиза

за дело берется конструктор. Он создает самый первый экземпляр изделия — естественно, со множеством примерок, в ходе которых возможны какие-то изменения, но все «поправки» обязательно согласуются с художником. Затем готовый образец утверждает малый художественный совет. Тут тоже возможны замечания. После доработки (если в них есть надобность) образец рассматривает большой художественный совет — в него входят, кроме работников объединения, представители нашего фирменного магазина «Силуэт» и других магазинов, а также модельеры Дома моделей. На этом совете тоже могут быть замечания, но, как правило, они незначительны. Ну а после утверждения на всех инстанциях составляется необходимая документация. Главную часть предварительной работы выполняет экспериментальный цех. Там делается раскладка, изготовляются лекала для выкройки. А после раскроя детали поступают в швейный цех. Готовые изделия идут на склад, а оттуда прямым ходом, минуя «перевалочные базы»,— в магазины.

— От эскиза до готового изделия путь непростой и, видимо, долгий по времени? Пока то да се, эдак месяцев шесть-семь?

— Нет. Покупатель может приобрести новое изделие через месяц. Иначе нельзя, иначе нам не успеть за модой. Такой малый срок работы над новинкой объясняется во многом оперативностью наших работников, но главное — тем, что мы включились в экономический эксперимент. Теперь нам не надо согласовывать новые модели в различных высоких инстанциях, вплоть до министерства. Нам доверяют! А доверие — великий стимул.

ДА, ОБЪЕДИНЕНИЕ оправдывает доверие. Оно работает четко, слаженно, ритмично. И не случайно ему присвоено звание предприятия высокой культуры производства. С конца 1973 года таллинским швейникам постоянно вручается переходящее Красное знамя Министерства легкой промышленности СССР и ЦК работников текстильной и легкой промышленности, а в 1981 году объединение было награждено орденом Дружбы народов. Высокой оценкой продукции являются медали ВДНХ СССР, участие в международных выставках в Измире, Дамаске, Брюсселе, Будапеште, Алжире, Токио...

В объединении много высококвалифицированных работниц с солидным стажем. Они охотно передают свой богатый опыт молодежи. Под их руководством только что пришедшие в цех будущие швеи получают обширный багаж теоретических знаний и практических навыков. Хорошие кадры для объединения готовят учебный комбинат, а также базовое профтехучилище.

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР, принятых на XXVII съезде КПСС, ставится задача: более полно удовлетворить разносторонние запросы населения в тканях, одежде, обуви, других товарах массового спроса, значительно улучшить моделирование и конструирование швейных изделий, расширить ассортимент модной, красивой одежды высокого качества.

У таллинских мастеров швейного дела умелые руки. Уже сейчас изделия с государственным Знаком качества составляют 60 процентов выпускаемой продукции, эта доля отличных товаров будет расти. Можно надеяться, что современная, модная, удобная одежда, выпускаемая мастерами объединения, будет соответствовать самым высоким требованиям времени.

Н. СЕРГЕЕВ
Фото автора

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

КОМАНДИР ПОДРЫВНИКОВ

— Боец Коновалова! Ползите как положено, по-пластунски! За нечеткое выполнение команды буду наказывать!.. Быстрее, еще быстрее! — подавал команды командир взвода.

По свежевспаханному полю Таня поползла с «миной» к откосу полотна «железки». Комья рыхлой земли набивались в рукава бушлата, западали в широкие голенища кирзовых солдатских сапог.

— Отставить! Повторить сначала! — требовал строгий командир.

И боец Таня Коновалова, которой было всего семнадцать лет, кусая губы от обиды, вновь бежала на исходный рубеж и опять ползла к полотну.

Иногда хотелось бросить все — ведь никто не заставлял идти учиться на подрывника, сама долго этого добивалась. Но в памяти вставали страшные картины, увиденные в сорок первом между Боровском и Москвой: убитые на обочинах дорог женщины, плачущие дети, надсадный рев немецких пикировщиков, взрывы, взрывы, взрывы...

Занятия велись по жесткому графику и в условиях, приближенных к боевым. Было очень тяжело: девушки так уставали, что после занятий, вечером, сразу же падали на свои койки.

Пролетали месяцы учебы, курсанты сдали последние экзамены.

Таню направили во вновь формируемую 10-ю Калининскую партизанскую бригаду.

В конце сентября 1942 года Таня Коновалова прибыла в штаб бригады. И стала партизанкой.

Начальник штаба Захар Леонтьевич Дорош поручил ей подготовить диверсионно-подрывную группу в пять-семь человек из добровольцев. Желающих было хоть отбавляй. Отобрала 6 человек: Лебедева, Лапшева, Коваленко, Иванова и еще двух бойцов. Командиром этой группы Дорош по совету комбрига Вараксова назначил Коновалову. Обучение начали сразу же. Занятия проходили в прифронтовой зоне.

Бригада перешла линию фронта и направилась в свой район действий. Шли в основном по бездорожью, лесами. У каждого за спиной вещмешок, оружие, боеприпасы, а у Тани и бойцов ее группы еще и взрывчатка. Усталость валила с ног, но надо было идти, чтобы быстрее вступить в бой с врагом.

Наконец добрались до места — в Красногородский район Псковской области. Разведчики собирали сведения, вели поиск уязвимых мест вражеской обороны. На боевые задания уходили отдельные отряды и взводы.

В январе подрывникам группы Тани Коноваловой командование бригады поручило взорвать немецкий воинский эшелон на железнодорожной магистрали Москва — Рига, на территории Латвии, неподалеку от станции Резекне. По этой дороге днем и ночью на большой скорости к фронту шли вражеские поезда с войсками и техникой.

Начали готовиться к операции. Подрывники уложили в вещмешки все, что было нужно для проведения диверсии.

Перед уходом комсомольско-молодежную группу напутствовала секре-

тарь подпольного райкома комсомола Мария Сауликова. А Коноваловой сказала:

— Я больше всего волнуюсь за тебя, Танюша. Но и надеюсь... Думаю, не подведешь!

Из лагеря вышли вечером. Шли всю ночь. Утром подошли к хутору. Ребята расположились вдоль стен дома. Таня пошла к хозяевам. Они с недоумением и интересом смотрели на девушку в полушубке, с автоматом, которая неожиданно появилась на пороге и, улыбнувшись, сказала:

— Здравствуйте!

— Лабриен! Здравствуй! — последовал ответ.

— Мы партизаны. Нам нужно дойти до станции Резекне,— как можно внятнее пояснила Таня, надеясь, что латыши поймут ее.

— Я проведу вас! — сразу же предложил молодой красивый парень, хозяйский сын.

Ночью он провел подрывников по лесным тропам к месту операции. Но подойти к железнодорожному полотну оказалось не просто. Лес по обе стороны дороги был вырублен почти на полкилометра, а местами и больше. Из дзотов, оборудованных на откосах насыпи, простреливались все подходы, часто взлетали осветительные ракеты — полотно было видно словно днем.

Таня поняла, что обстановка на этом участке не такая уж благоприятная, как говорили на базе. Поэтому четко распределила обязанности между членами группы.

— Миша Лапшев поползет со мной на «железку» закладывать взрывчатку, Андрей будет прикрывать нас с правой стороны, а Лебедев — с левой!

Двое в белых халатах поползли к полотну, волоча за собой мешок с толом. Поначалу все шло хорошо, как на учебных занятиях. И тут на какой-то миг Татьяна вспомнила своего сурового наставника, часто кричавшего: «Боец Коновалова — повторить!» Каким добрым, всепонимающим и спокойным казался он ей теперь, казалось, что и сейчас был где-то рядом и с опушки наблюдал за ней. И она ползла быстро, сноровисто, уверенно приближаясь к полотну.

Вползли на колею, выбрали место для установки толовых шашек и начали под рельсом откапывать мерзлый грунт... Отрыли. Уложили шашки. Осталось только вставить взрыватель. Но тут внезапно в воздух взметнулась зеленоватая ракета и, рассыпаясь яркими брызгами, упала к ногам Тани.

Партизаны прижались к земле. Ракета догорела... Таня моментально вставила взрыватель.

Вчетвером стали отползать, разматывая шнур, привязанный к взрывателю. Собрались на опушке леса, отдышались и стали ждать состав. Прошел остаток ночи. Мороз крепчал. Алая полоска над лесом начала медленно бледнеть. Рассвело.

Первой по дороге промчалась дрезина с солдатами, державшими на изготове автоматы, потом прошел паровоз, толкая впереди себя несколько открытых платформ с песком. И опять все утихло. И наконец-то, час спустя, показался длинный состав: одна половина — крытые вагоны, другая — платформы с зачехленной техникой. От волнения у Тани забилось сердце. Но когда паровоз наехал на мину, Татьяна резко рванула шнур. На дороге раздался страшный взрыв. У подрывников заложило уши. Казалось, что лопнули перепонки. Паровоз, таща за собой вагоны, катился по откосу насыпи. Вагоны громоздились друг на друга, их мяли, корежили платформы с техникой...

Партизаны начали отход. Они попросили своего проводника-латыша

БОЕВОЕ ОСТРОЕ ОРУЖИЕ

Окончание. Начало на стр. 133

В КНИГЕ «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин дал всесторонний и глубокий анализ экономической и политической сущности империализма, показал неизбежность обострения при империализме всех противоречий, присущих капиталистическому обществу.

Научный анализ противоречий капитализма на последней его стадии позволил Ленину сделать вывод: *империализм есть канун социалистической революции!*

На новой, империалистической стадии развития капитализма усиливается реакция, продолжается обнищание масс, подавляется рабочее и демократическое освободительное движение, обостряется национальный гнет, усиливается стремление монополий к аннексиям, нарушениям национальной независимости народов. «Гнет немногих монополистов над остальным населением,— отмечал Ленин,— становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее», растет народное недовольство, а это создает объективные условия для упрочения союза рабочего класса и непролетарских трудящихся масс. Вместе с тем порабощение всех наций мира горсткой «вели-

---

вести обратно другой дорогой — так было надежнее. День клонился к вечеру, а партизаны все шли и шли лесом. Потом отпустили проводника, так удачно выведшего их к «железке», сердечно поблагодарив этого безвестного патриота. А сами направились в сторону Себежа. Старались идти перелесками, оврагами, заболоченным кустарником. Так добрались до лагеря целыми и невредимыми...

— Товарищ комбриг, задание выполнено, вражеский эшелон с техникой и живой силой взорван! Потерь личного состава нет. Старший группы — боец Коновалова! — четко отрапортовала Татьяна комбригу Вараксову.

В ответ комбриг по-отечески сказал:

— Благодарю весь состав группы за отлично выполненное задание! Даю пять дней отдыха!

Потом были новые задания. За два года эта группа партизан-подрыв-

ких держав», усиление национального гнета вызывает рост национально-освободительного движения, способствует созданию единого фронта пролетариата капиталистических стран и народов колониальных и зависимых стран против империализма.

Ныне буржуазные идеологи выдвигают «теории» и проповедуют мифы о «народном капитализме», обществе «всеобщего благополучия», «индустриальном», «постиндустриальном» и иных обществах, пытаясь доказать, что в условиях научно-технической революции развитие индустрии ведет к стиранию коренной противоположности между социализмом и капитализмом. Острейшим, нестареющим боевым оружием в борьбе против этих «теорий» остается книга «Империализм, как высшая стадия капитализма».

ТВОРЧЕСКИ развивая учение Маркса и Энгельса в новых исторических условиях, Ленин пришел к выводу, что неравномерность экономического и политического развития капитализма ведет к разновременности революций в различных странах и к возможности победы социализма первоначально в немногих странах или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Великая сила и жизненность ленинской теории доказана историческим опытом Советского Союза и других социалистических стран.

«Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-политической формацией»,— говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXVII съездом КПСС.

Социализм, первоначально ставший реальностью в нашей стране, превратился в мировую систему, утвердился на необозримых пространствах планеты.

Сотни миллионов людей вышли на светлый путь, широкую дорогу созидания коммунистической цивилизации!

Н. ВАСИЛЬЕВ

ников пустила под откос восемь вражеских эшелонов, уничтожила 26 автомашин, участвовала в разрушении железнодорожных и шоссейных дорог, истребила не один десяток фашистов. За успешное выполнение боевых заданий члены группы были награждены орденами и медалями. А ее командир, Татьяна Коновалова, одной из первых девушек — калининских партизанок — была награждена орденом Красного Знамени. В то же время она стала кандидатом в члены КПСС.

...Бывший командир подрывной группы Татьяна Сергеевна Коновалова-Лаврова живет в Москве. Много времени и сил она отдает общественной работе, встречается с молодежью, уделяет большое внимание военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

О. СМИРНОВ

ПЕРЕСТУПИТЬ ПОРОГ

— Нет ли лишнего билетика?

Такой вопрос многие задают у входа в Московский драматический театр имени К. С. Станиславского всякий раз, когда идет спектакль «Порог», поставленный по пьесе белорусского драматурга, лауреата Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола Алексея Дударева.

Прошло уже более 400 представлений, а интерес к спектаклю не ослабевает. В чем же притягательная сила спектакля, поставленного на сцене театра режиссером Владимиром Портновым?

В первую очередь в том, что спектакль — это как бы своеобразное приглашение к разговору всех зрителей о вечно существующей проблеме нравственности. Проблема эта всегда волновала и продолжает волновать наше отечественное искусство.

Сюжетная линия пьесы поначалу вроде бы не предвещает той напряженности, с которой ее герои будут отстаивать свои жизненные позиции. Внешний рисунок спектакля на первый взгляд как будто не лишен черточек комедийности... Судите сами. Один из главных персонажей пьесы, Андрей Буслай, просыпается в незнакомой городской квартире с дикой головной болью и никак не может понять, как и почему он здесь очутился. Появившаяся в квартире Алина объясняет изумленному Буслаю, что его, пьяного, замерзавшего в снегу, подобрал писатель-сказочник и привез в свою квартиру. Мы не видим писателя в спектакле, но хорошо представляем его по рассказам действующих лиц. Он один из тех, кто неравнодушен к негативным явлениям, встречающимся в жизни. Такие люди всегда бескорыстно подают руку помощи оказавшимся в беде. Писатель-сказочник умеет найти ключ к каждому человеку, пробудить его достоинство, заставить поверить в себя, в свои силы. И не только это. Люди, соприкоснувшиеся с ним, становятся лучше, чище, они делаются его единомышленниками, заряжаются его неуспокоенностью, его неравнодушием.

Пьеса «Порог» направлена прежде всего против бездуховности, против тех, кто свое благополучие ставит превыше всего и нередко строит его на несчастьях других. Порог — это как бы граница, резко разделяющая настоящих людей, живущих интересами общества, и людей, замкнувшихся в своем мирке, где процве-

Режиссер Владимир Портнов.

тают стяжательство, вещизм, нищета чувств и мыслей.

— Пустые, мертвые глаза,— говорит Алина, впервые увидев Буслая.

— У тебя мертвые глаза,— произносит она в разговоре со своим бывшим мужем, который способен и жену рассматривать как принадлежащую ему вещь и уверен, что может поступить с ней, как ему заблагорассудится.— Ты, Красовский, преступник. Ты из меня, живого человека, сделал красивую удобную вещь, которая изредка нужна тебе... Изредка!

Люди, подобные Красовскому, соблюдают лишь внешние черты приличия, лишь на словах проповедуют высокие принципы.

Действие пьесы, столкновение идей, жизненных позиций развертываются вокруг центрального персонажа — Андрея Буслая. Перед нами сорокалетний опустившийся человек, хронический алкоголик. Он не живет, а существует, и ничего, кроме спиртного, его не волнует. «Спит моя душа, убаюкал я ее, чтобы не страдала...»

Может быть, так и существовал бы он, ни о чем не задумываясь, если бы волею случая не оказался в квартире своего спасителя, где встретился с другими людьми — Алиной и Драгуном, которые тоже в свое время испытали на себе благотворное влияние писателя-сказочника и теперь стремятся понять чужие беды, чужую боль и прийти человеку на помощь.

Спектакль заставляет зрителя задуматься: всегда ли мы добры, внимательны, отзывчивы друг к другу? Всегда ли правильно живем и поступаем по закону совести, всегда ли в состоянии отличить ценности истинные от мнимых?

В роли матери — Елизавета Никищихина.

В том, что спектакль вызывает большой интерес, заслуга не только драматурга, но и режиссера-постановщика Владимира Портнова и актерского ансамбля. Сложный образ Андрея Буслая создал Владимир Стеклов. Вновь приятно поразила своим многогранным талантом актриса Елизавета Никищихина, сыграв роль матери Буслая.

Спектакль проходит на одном дыхании. Яркая игра актеров вызывает в зале сильные эмоции — равнодушных среди зрителей нет!

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии говорится: «Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства... Богаты традиции у наших творческих союзов, значительна их роль в жизни искусства, да и всего общества. Главный итог их работы измеряется... талантливыми, оригинальными, нужными обществу книгами, фильмами, спектаклями... которые способны обогащать духовную жизнь народа».

К таким произведениям искусства относится и спектакль Московского драматического театра имени К. С. Станиславского «Порог».

О. ЛОБАНОВА

Фото А. ГЕОРГИЕВА

Листая западные газеты и журналы, можно увидеть почти в каждом издании безудержную рекламу как самой рок-музыки, так и ее исполнителей — различных групп и «звезд», выделившихся на краткий миг из общей безликой массы. Громкая музыка, состоящая из одних ритмов и лишенная зачастую осмысленной мелодии, превратилась в крупный шоу-бизнес.

ШИРМА НЕ ПОМОГАЕТ

Почему же сейчас, когда уже стало заметным ужасающее однообразие ритмов, а публика разобралась в маловыразительных голосах «звезд» эстрады, реклама стала нарочито настойчивой! Бизнес есть бизнес. В погоне за доходами рок-лошадку, на которую сделали солидные ставки, пытаются искусственно омолодить, пока она совсем не свалилась на бок. Стараются как-то видоизменить сложившийся стереотип. В первую очередь, не надеясь на хорошие голоса в грохоте ритмов, предприниматели придумали пестрые ширмочки для рок-групп. Если они уже не могут радовать уши, то пусть хоть немного позабавят глаза. И на первое место выдвинули характерные костюмы. Ведь за такой ширмой легче скрыть отсутствие музыкальной культуры. На сцене появляются юноши с электрогитарами, но в кожаных тужурках на манер американских мотоциклистов-хулиганов. Они создают образ людей сильных и беспощадных. К такому же устрашающему типу музыкантов относят себя и те, кто принимает личину сицилианских мафиози. Но есть и такие, которые наряжаются в белые балахоны ангелов и разыгрывают фарс фатальной безнадежности жизни. Другие стараются надеть изящные костюмчики с жабо, но показать себя бездушными, холодными, относящимися к жизни с желчностью скептиков. Некоторые выступают в одежде клоунов, ярмарочных цыган и даже маляров. Одни стараются показать себя уставшими от современной жизни, другие — как можно дальше от любой интеллектуальности.

Публику эти искусственные образы сперва привлекают, но быстро наступает пресыщение, ибо стереотип навязчив. Придуманная ширмочка не спасает, ибо костюмчики новые, а шумное кривляние на сцене старое, надоевшее. Группы рассыпаются, певицы уходят в манекенщицы, а оркестранты превращаются в мелких рантье или наркоманов.

Как писала недавно бельгийская газета «Соар», истинных новинок на 1986 год не ожидается. Индустрия грампластинок в отчаянии. Агенты по рекламе разоряются. Серьезный кризис в рок-музыке очевиден, и напрасны все попытки его преодолеть.

МОЛОДЦЫ БОГДАНА

В МОСКВУ приехал из Румынии турист Тиберий, сын Моисе Богдана. Он хотел разыскать пятерых русских товарищей своего отца — юриста.

За это взялся полковник в отставке Лаврентий Саратовский, некогда заместитель командира румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску. Дивизия была сформирована в Советском Союзе и героически воевала вместе с частями Красной Армии.

Я пришел к полковнику, интересуясь антифашистским движением в Румынии, когда он раздумывал, как выполнить просьбу Моисе Богдана.

— Вот материал для вас,— сказал Лаврентий Саратовский, узнав о цели моего визита.

Он показал мне фотографию, оставленную Тиберием. На снимке Богдан и советский офицер Иван Дерикот, положив руки на плечи друг другу, улыбаются. Не менее интересным был документ, оставленный гражданину Румынии Иваном Дерикотом и его четырьмя товарищами. Я прочитал:

«Сердечно благодарю Вас, Моисе Богдан, и Вашу семью за помощь при освобождении от лагерного заключения и в борьбе против нашего общего врага — фашизма...»

Внизу стояли подписи: Иван Дерикот, Владимир Бахмет, Филипп Лещенко, Александр Галкин, Анатолий Миловидов.

Я тотчас принялся за поиски. В Министерстве обороны СССР мне дали адреса военфельдшера Миловидова, капитана Дерикота и старшего лейтенанта артиллериста Лещенко. Мое письмо к Миловидову вернулось, к сожалению, обратно: он куда-то переехал. Пришел ответ от Дерикота, однако не от Ивана, а от старика отца, Андрея Федотовича. «Ивана нет в живых,— с горечью сообщил он.— Очень больно об этом вспоминать. Я и сам участник сначала гражданской, потом Великой Отечественной, все пережил — да еще утрату сына... В Литве, где я живу, после войны зашевелились банды националистов. Мой Иван поехал в командировку и был убит из-за угла...»

Андрей Федотович просил передать печальное известие Моисе Богдану и поблагодарить за помощь в тяжелое время сыну и за то, что не забыл Ивана.

С не меньшим волнением откликнулся инвалид войны Филипп Лещенко из города Каменка-Бугская. «Вы меня растревожили,— писал он.— Все, что мы испытали в когтях фашизма, рассказывать не буду, а как боролись — напишу... Кое-что знаю о наших русских богатырях, не уронивших чести в неволе».

Вскоре Лещенко прислал мне еще одно письмо: «Нашел одного из нашей пятерки — Галкина Александра. Только он не Галкин, а Галыгин! Был у нас связным. Энергичный, толковый парень...»

Главный бухгалтер завода строительных материалов в Волгограде Галыгин изменил фамилию в концлагере. Он приехал по служебным делам в столицу и зашел ко мне. Высокий, худощавый, моложаво выглядящий ветеран войны рассказал мне о некоторых событиях августа 1944 года в городе Тимишоара.

Лагерь военнопленных стоял на окраине. Группа подпольщиков, руководимая военврачом Павером, пыталась дать о себе знать югославским партизанам через нелегальную организацию Южнославянский союз. Однако связаться с партизанами не удалось. Тогда пятеро решили бежать к антифашистам города, рассчитывая с их помощью освободить лагерь. Ефрейтор Ковач, батрак с

Добруджи, проклинавший Антонеску и Гитлера, повел русских «на рентген» и... потерял их в городе. Беглецы скрывались у рабочих, затем — в доме Богдана, выходца из крестьян, всю жизнь терпевшего от гнета бояр...

А чуть позже пришло письмо из Тимишоары, от Моисе Богдана. Румынский патриот дополнил то, о чем мы говорили с Галыгиным.

«Моя дочь Сильвия работала на обувной фабрике «Филт». Через нее я поддерживал связь с русскими. Двое приходили ко мне ночью слушать Москву. Они сказали, что нужно укрыть пятерых товарищей, бежавших из лагеря. Где укрыть? В домах справа и слева располагались фашистские офицеры. Рядом жила немка, которую посещал гестаповец. Я переговорил с рабочим Илие Шогором, и мы отвели советских товарищей в конюшню возле его дома, за чертой города. На третий день Шогор сказал, что русских увидели во дворе соседи. Мы перепрятали беглецов, но и на новом месте им угрожала опасность. Оставалось одно — взять их к себе. В дождливую ветреную ночь они перебрались ко мне. Все шло хорошо, но 19 августа 1944 года русские товарищи, я и моя семья оказались на краю гибели. В городе началась облава. Что делать? Мы решили, что я буду дежурить на улице и, если кашляну, беглецы должны оставить дом и уйти огородами.

К середине дня показалась банда солдат и чинов полиции во главе с полицейским комиссаром, которая рыскала по дворам. Я был готов уже подать условный сигнал. Полицейский комиссар, завзятый игрок в кегли, обычно предпочитал мою компанию.

— Как дела? — спросил он, подойдя к дому.

Я беззаботно ответил, что собираюсь после обеда сразиться с кем-нибудь в кегли.

— Прекрасно! Я непременно буду.

Один из солдат хотел войти во двор. Я весь напрягся.

— Не будем терять времени даром,— сказал комиссар.— За Богдана ручаюсь...

Они ушли. После обеда я сыграл со своим компаньоном в кегли. Капитан Дерикот и остальные беглецы, не желая, чтобы я и моя семья поплатились за них, хотели вечером уйти, но я удержал их. А 23 августа, включив радиоприемник, я услышал обращение короля к народу...

— Мир, мир! — крикнул я товарищам, находившимся в соседней комнате. Выскочив оттуда, они бросились обнимать и целовать меня. Соседи, собравшиеся на кухне у приемника, были поражены, увидев русских».

После освобождения пятеро друзей вновь воевали. В бою погиб Владимир Бахмет. Филипп Лещенко и Иван Дерикот были ранены. Подлечившись, Дерикот навестил Богдана, сфотографировался вместе с ним и снова ушел на фронт. Старшина Александр Галыгин форсировал Тису, освобождал Будапешт и Прагу. Он шлет братский привет Моисе Богдану и всем румынским товарищам по антифашистской борьбе.

М. ИСКРИН

Первая страница обложки «Товарища». На тысячи предприятий придут в двенадцатой пятилетке выпускники профтехучилищ. Рабочий класс страны получит достойное пополнение. На снимке — будущие электромонтажники, учащиеся СПТУ № 180 Дмитрий Зубков и Игорь Петров. Фото С. СОБОЛЕВА.

Рисунки
Ю. МАКАРЕНКО

ПЛАВАТЬ РАНЬШЕ ЧЕМ ХОДИТЬ

Валерий ГАНИЧЕВ

РОСС НЕПОБЕДИМЫЙ

Продолжение. Начало на стр. 49

Впереди, осторожно ступая, обходя установленные мины, шел высокий седой грек. Он шептал, изредка поднимая руки вверх: «Боже, пронеси и спаси! Не дай ступить в бездну... Ведь у меня же дети!» Солдаты на фортах стреляли отчаянно. Но пули обходили его.

...Взрыв потряс основание башни. То ли взорвалась последняя мина, на которую неосторожно наступил идущий, то ли врезалась сюда недолетевшая бомба, поражая своих... Не дождутся дети отца своего.

Но уже карабкаются по лестницам русские солдаты, цепляют баграми, выскакивают на стены, и остатки защитников бегут по траншеям в крепость. Да, все было уже ясно, и гонец, направляющийся срочно в шлюпке к Ушакову, тянул невидимую нить из кровавого месива сегодняшнего дня к желанному и почетному миру.

...Перед строем союзников с лязгом падали ружья. И освободившиеся от них увальни из Шампани и лихие парни из парижских предместий беззаботно шли к кораблям, обещая не воевать против русских и турок целый год и один день. Офицеры, придерживая шпаги, старались держать строй.

Гора оружия росла. Победители чувствовали тяжесть победы.

...Крепость выдохнула затаившийся дым и, вздрогнув стенами, сбросила французский флаг с башни.

«АЗИЯ СЛЕВА...»

25 сентября 1798 года

Мои дражайшие родители, желаю Вам здравствовать!

Вот и проследовали мы со всею нашею эскадрою и турецкими кораблями под парусами через Дарданеллы — пролив и вышли в море Белое.

В Константинополе был я всего несколько раз. Город сей зело разукрашен, торговли много, медные тазы везде и блюда сверкают, люди все в чалмах, а женщины в черных покрывалах, хотя и с открытым обличием тоже есть. А весь другой час я провел безотлучно от корабля. Ибо еще в Черном море он пришел в худость от долгого плавания. Нам из местного адмиралтейства привезли потребный лес, железных ершей, пеньки, и мастерили своими мастеровыми служителями мы новый руль, что раскололся ранее. Фрегат наш «Святой Николай» мне все больше и больше нравится.

Тебе, батюшка, он, конечно, ведом, ибо он участвовал в битве Калиакрийской, где и ты имел счастье быть.

А настроен он в Вашем городе Николаеве в 1790 году подмастерьем Соколовым и, как известно, был первым кораблем, там возведенным. Отсюда и город так назвали, ибо святой Николай покровитель всех в пути идущих, то есть и наш покровитель — моряков, хотя во всех списках и ведомостях наш корабль называется просто «Николай». Командир нашего корабля, капитан-лейтенант Марин Павел Петрович, аккуратен, любезен и незлоблив. Случилась, правда, со мной некоторая конфузия. Офицеры наши собрали денег и отрядили меня на рынок для приобретения дополнительных вин и фруктов. Сумма сия была немалая, в мое двухмесячное жалованье. В сопровождении двух моряков отправился я на торг здешний, что базаром зовется. Много я всякого торгового дела видел, но такого буйного и говорливого рынка не доводилось.

Нам навстречу кинулись сотни зеленщиков, чеканщиков, шукереджи, торговцев материей и чувяками, да и кто все сии люди-торговцы, или зазывалы, или просто плуты отменные, — ибо, пока мы глазопялили и думали, на какой крик пойти, кошель мой с деньгами отрезали, а словно внасмех камень привязали. И как я ни лютовал, куда я ни кидался, тот злоумышленник проворнее меня оказался и дал стречка. Пока я на корабль возвращался, он уже,

поди, с дружками своими дуван дуванили, то бишь добычу делили.

Капитан наш Марин со мною посокрушался сиему моему остолопству и дал взаймы денег, дабы я офицерам не должен был. Тайну же моего головотяпства обещал не раскрывать. Однако же через день офицеры мою конфузию знали и шутили над сим. И что им за барыш от сего? А один даже говорил, что тем «деньгам дал ухо», по дороге в город промотал, в карты проиграл и пропил. Сии зловредные слухи, правда, прекратились, как только у офицера Похвиснева документы и карты слямзили на улице. Тут уже не головотяпство, а нарушение великое. И капитан Марин нас уже с корабля не отпускал. Вот так с Азией и с сим городом известным и его ушлыми жителями мы познакомились.

На корабле, помимо флотской команды, есть еще артиллерийская и батальонная из пехотинцев и их армейских командиров.

Я вместе с другими двумя мичманами имею поручение обучать под командою флота лейтенанта Заостровского парусному делу как новых матросов, так и прикомандированных к нам батальонных служителей. Сие наш адмирал приказал, дабы моряки могли заменить фузелеров * с ружьями на суше, а те морскому делу способны были.

Артиллеристы наши похваляются, что они здорово стреляют и своими пушками нанесут урон французским гарнизонам. А пушек у нас сорок две на деке, шканцах и баке. Да еще единорогов четыре. Я и тут приставлен под команду Заостровского.

...Вот и вышли мы в море, где слева у нас Азия, первое пристанище человека и колыбель наук от халдеев до персов. А справа Греция, что в древности была очагом и светильником разума и культуры. Что-то не идут они из мест сих, зачахло все под гнетом и тяготением к торгашеству и бессовестностью правителей мест сих. Сейчас уже ясно, что идем мы не к Египту и Кандии **, а на острова греческие в Венецианском заливе, занятые французами. Ночью и днем стоим на вахте, держим ветер в парусах, смотрим зорко, дабы французы не могли сюрприровать нам и напасть внезапно.

Устаешь так, что вечером и животу не рад своему. А выспишься — и утром снова бодр и дерзостен духом.

* Стрелков.
** Криту.

Но я, батенька, не жалуюсь, и честь офицера не уроню, и вашу доблесть постараюсь продолжить. Что касается дяденьки нашего, что болен, то я с вами взгоревал тоже и слезы соединил с вашими. Конечно, дядя жил наш раньше по пословице: ни шатко ни валко, ни на сторону. Но, может, сейчас угомонится и будет здоров и спокоен в мыслях и делах своих. А каковы еще новости? Не передавали ли мне от Козодоевых что-либо?

Пришел с вахты, и хоть у вас в России уже, наверное, осень глубокая, тут погода теплая, солнечно. Лоцман местный говорит, что бурливый сезон скоро начнется. Но он нас не пугает, всё видели уже и с нетерпением и жаждою ждем освобождения братьев греческих.

Желаю, впрочем, чтобы вы были здоровы и веселы.

Покорнейший и верный сын ваш

мичман Трубин.

1 марта 1799 года

Мой дорогой и любезный друг, Варвара Александровна!

Шлю Вам низкий поклон и почтенье, а тако же радость от нашей великой виктории.

Может, Вам уже ведомо то, что под командованием нашего адмирала и кавалера Федора Федоровича Ушакова взяли мы крепость Корфскую и все острова бывшей венецианской Албании.

В достопамятный день восемнадцатого февраля сказал нам наш адмирал: сердце у вас должно быть к победе больше расположено, чем сердце врага вашего. Так оно и было. Сердце мое в оный день билось сильно и особливо, когда корабль наш стал в батальную линию напротив второй батареи на острове Видео. Барабанщик наш корабельный ударил в барабан, и звук его позвал нас в бой. Французская батарея стреляла дерзко и умело. Были повреждения у нас: снесло несколько надстроек, полетели стеньги, порвало паруса. Одно ядро ударило в батарейные порты, где я находился, обдало нас щепою и окалиной. Слава богу! Пронесло!

Но и наши пушки творили Марсово дело под командою моего друга Заостровского Ивана Яковлевича. Канониры бегали как ума лишенные, заряжающие не разгибались, ядра калились в жаровнях и летели красными чертями в сторону французов. То была для нашего врага адская буря. Весь остров мы засеяли ядрами и картечью, породив у врага смятение, и тогда на шлюпках бросились десанти-

ровать. И мне, друг мой, хотя я и моряк, пришлось ступить на сушу как солдату. Скакал я там через ямы потаенные, переползал через канавы по доскам, карабкался по рву, стрелял, орудовал шпагою. Прокололи мне руку штыком, ногу ободрал во рву. Единая невидимая рука господа спасла меня. Положил трех французов, а еще двух выкупил у турок, кои головы пленным резали. Варварство подлинное.

Так что пороху я понюхал, смерти в глаза поглядел, кровь пролил и сам потерял. А где же те игры картежные? И вспоминать смешно. Где та шаль азартная? Видно, все сие было ненатурально.

С почтением и дружбою.

Прощайте и помните, что я Вам всегда искренне предан.

Ваш Андрей Трубин.

ПАСТУХИ, ТОРГОВЦЫ И АРИСТОКРАТЫ

Ушаков как никогда был доволен. Звучали вокруг громы блестящей виктории. Знал ей цену. Еще не брали с моря крепость в искусстве военном ни разу. За столь короткий срок овладел он островами с сильными гарнизонами, над неприступной фортецией русский флаг водрузил. Потерь было немного. Сумел дружбу и признательность ионитов завоевать, с турками не рассориться, даже французов спасти от гибельной мести жителей и изуверства османов. Хорошо благо людям приносить, державную пользу блюсти!

Сегодня намечалось три встречи с представителями разных сословий. Как жалко было ему тех дней, когда в атаке на французов все греки были едины, не сторонились друг друга. Подумал и вздохнул: «Не все все-таки, не все...»

Принимать решил с русским посланником на острове Бенаки, своим боевым сотоварищем, которому доверял бесконечно, Георгиасом Палатиносом, с дружелюбным толстым Кадыр-беем, контр-адмиралом Шеремет-беем и недавно назначенным президентом сената нобилей графом Орио.

Первыми решил принять поселян, рыбаков, руководителей сельских повстанцев, местных священников. Те вошли робко, кланяясь, крестясь, с восторгом глядели на

адмирала. Затихли. Никто не начинал. Ушаков улыбнулся, встал и низко поклонился:

— Здравствуйте, православные! Спасибо вам, добрые люди, за помощь. За то, что верно послужили царю православному и союзной эскадре. Живота не жалели. Французикам спуску не давали. Спасибо! Мы вас не забудем и в обиду не дадим.

Крестьяне выслушали, что перевел переводчик, перекрестились, поклонились, о чем-то тихо поговорили между собой и замерли.

Гулко, как бы исполняя вечернюю молитву, заговорил выступивший вперед священник. Ушаков удивился: опять Антонис Дармарос. Он возил его воззвание на Корфу, он поднимал своими призывами, зачитывая прокламации Григория, прихожан на Китире для встречи русских. Он уже был на встрече боевых командиров.

— Бессмертный герой и кавалер! — загудел священник. — Достопочтенный адмирал Ушаков! Вы призвали нас к восстанию и штурму крепостей на островах. Вы достойно наградили отличившихся. Вы призвали народ управлять. Воля превосходительнейшего адмирала, как мы понимаем, ограничить произвол, дать всем волю и возможность трудиться во имя господа нашего! Вручаем вам наше прошение об учреждении прав поселян, рыбаков и пастухов. Просьбу о прощении в случаях былого неповиновения. И об оставлении имущества, забранного у нобилей и других имущих, родину предавших и веру.

Ушаков постучал трубкой о стол, подумал и строго сказал:

— Да, трудиться надобно. И пора прекратить неповиновение. Работы и выплату денег помещикам и все прочие повинности, как быть должно, производить без всяких отлагательств непременно, а равно и слушаться сенат. — Он взглянул при последних словах на Орио. — Мы объявили о прощении за предыдущие погромы и сожжения. И за сие благодеяние должны обыватели восчувствовать, должны брать внимание за благосклонность, им оказанную. Обещаем, что обитатели деревни ни в чем не будут отвечать за зло, ибо понимаем, что они сами ранее были обижены.

Крестьяне закланялись, заговорили наконец все разом, обращаясь к нему.

— Благодарят вас, надеются на дальнейшее покровительство. Просят оградить от насилия нобилей, их разбоя

и грабежа, — быстро переводил Георгиос. — Еще просят взять под прямое покровительство России.

Ушаков снова встал и, добродушно погромыхивая, призвал к порядку, воздержанию от погромов и расхищений. Новую конституцию, то есть план временного правления островов, блюсти. На утверждение в Константинополь и Петербург послали. Оная конституция разврат, споры и непослушание прекратит. Все введет в русло спокойствия и правосудия.

— Сейте, пасите овец, ловите рыбу, и вы найдете покровителей и заступников в кораблях под русским флагом и всей союзной экспедиции. Да будет труд ваш благословен, а заботы не тягостны. Ступайте с богом и трудитесь, а мы позаботимся о спокойствии, законах и порядке!

С добрым блеском в глазах, расправив спины, степенно и уверенно выходили от адмирала низшие люди Ионических островов.

До приема другой группы жителей, второразрядных, оставалось полчаса. Ушаков попросил принести кофе, штоф русской водки и стал потчевать Кадыр-бея. С этим турецким адмиралом у него как-то сразу установились дружеские теплые отношения. И тому Ушаков нравился, он восхищался его военным умением, нравились турку и неторопливость, основательность русского адмирала. Видел, что Ушаков всерьез принимает их союз, сам пытался следовать этому. Еле сдерживался, когда в походе, на корабле, Шеремет-бей наговаривал часами о коварстве русских, о лживости Ушакова, об извечной вражде России, о необходимости держать союз с Англией. Кадыр-бей закрывал глаза, дивился ничтожеству и злобе человеческой, с беспокойством думал о своей близости с Ушак-пашой. Но при встрече с ним снова успокаивался душой, чувствовал себя увереннее, брезгливо вспоминал о нашептываниях Шеремет-бея. Вот и сейчас он не отказался от русской водки, горячо разлившейся внутри. Нет, с этим русским адмиралом можно иметь дело. Он настоящий мужчина. Ушаков говорил ему о том, как важно, что он поддержал временный план, что это обеспечит разумное и благонамеренное правление. Кадыр-бей согласно кивал головой. В политику снова пускаться не хотелось. Все равно там, в Константинополе, решат по-своему.

...Второклассные вошли, да не вошли, а прямо-таки ворвались в зал шумной, говорливой, разноцветной толпой. Ушаков жестом приглашал всех садиться. Они присажива-

лись, обменивались местами, перебрасывались репликами с сидевшим за столом Палатиносом. Тот тоже хохотал вместе с ними. Орио с иронической улыбкой обернулся к Ушакову, развел руками, как бы извиняясь за суетливых ионитов. Адмирал, казалось, не обратил внимания на этот жест, но чувствовалось, что тоже с нетерпением ждал тишины. Тишина так и не наступила, но встал высокий, тонкий, как юноша, Мартинигос, боевой и храбрый представитель повстанцев на Закинфе, преданный друг России.

— Господин великий превосходительнейший адмирал! Уважаемые союзные руководители! Мы склоняем головы перед вашим подвигом, перед вашей победой. Мы чтим ваши усилия, направленные на создание народной власти на наших многострадальных островах. Мы благодарим вас за то, что вы позволили избрать нас в сенат и другие органы правления. Время покажет, что не родовитость, а деловитость лучший знак власти. — Голос Мартинигоса зазвенел на самых высоких нотах. — Мы просим великого покровительства России и готовы поднять ее флаг над нашими островами.

Ушаков молча слушал и изредка кивал головой. Палантинос с восторгом глядел на пылкого оратора. Орио опустил глаза и сидел спокойно с венецианской непроницаемостью, лишь указательный палец методично постукивал по столу. Кадыр-бей после выпитой водки дремал. Последние слова, однако, его разбудили, а может, это был толчок ноги Шеремет-бея, который все слушал внимательно.

Встал и Ушаков. Он недовольно нахмурился и перебил говорившего:

— Довожу до сведения высокие слова его императорского величества Павла Первого: Россия не имеет в мыслях приобрести здесь владения. Она воюет здесь совместно с Портой против тиранической Директории французской и способствует установлению власти жителей острова по древним обыкновениям и по их желанию. Никто из союзных держав свою власть здесь устанавливать не желает.

Шеремет-бей склонился на ухо к Кадыр-бею и что-то зашептал.

Мартинигос смутился, склонил голову и менее уверенно кончил:

— Вручая сию петицию, мы просим, чтобы в правлении островов было обеспечено равноправие и правосудие, чтобы рядом с нобилем был избран и представитель народа и была исполнена воля адмирала, высказанная им в

прокламациях, обеспечивающая собственность, безопасность. — Он подумал, взглянул на Орио и твердо закончил: — Мы просим оградить нас от венецианской заносчивости и гордыни. Пусть опустится под сенью вашего флага на остров свобода и благодать.

Затем говорили и другие. Сказал несколько слов Кадыр-бей. Он вспомнил, что еще недавно они с уважаемым адмиралом Ушак-пашой сражались друг против друга. Но то войны были обыкновенные, из-за границ и территорий. Теперь же сии французские разбойники стремятся разрушить, превратить в прах всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете. Они хотят разорить Мекку и Медину, восстановить власть иудеев в Иерусалиме. И мы стоим здесь твердо и их сюда больше не пустим.

Второклассные занервничали, в памяти всплывали картины резни в Превзе и других приморских городах, вырезанных войсками Али-паши, старые воспоминания о погромах матери-Греции. С надеждой остановили взор на Ушакове. Тот, понимая всю державную ответственность, снова встал и пророкотал:

— Союзные державы несут вам мир и порядок. Просим поддерживать его согласно новому закону. Сие устав жизни добропорядочный и мудрый. — Чувствовалось, что он гордится своим покровительством разработанному документу. Сказал еще несколько успокоительных и бодрых слов. Закончил: — Слово у нас твердое. И я не люблю им бросаться. Что обещали — исполним. — Поклонился и сел, показывая, что встреча закончилась.

Нобили опоздали на пятнадцать минут.

— Все судят, рядят, чей род старше, кому первому заходить, — хмыкнул острослов Палатинос.

— Вы, почтенный Палатино, — переделывая его фамилию на венецианский лад и чувствуя необходимость поставить на место разошедшегося второразрядного, заметил Орио, — конечно, уже во втором колене не помните родства, а многие нобили ведут его от древнейших римских и венецианских родов и греческих аристократов.

— Только и ума, что от рода, — вспомнил греческую пословицу Георгиас. Но Ушаков спору не дал разыграться, обратился к Орио:

— Как же все-таки, высокочтимый граф, относятся высокородные жители островов к нашему новому закону?

Орио начал издалека.

— Они, ваше превосходительство, возносят свои молитвы к богу и благодарят императора Павла Первого и союзников за избавление от безбожников и якобинцев. Они хотят восстановления старых добрых порядков и их коренного первородства.

— Но неужели они не чувствуют, что многое изменилось? Все надо решать мирно, ведь иначе возникнут беспокойства народные.

Орио расстегнул верхнюю пуговицу воротника и тяжело вздохнул:

— Не чувствуют, господин адмирал. Не чувствуют. А пора бы уже почувствовать, я с вами согласен, ибо имения имел в Пьемонте и видел, как оные горели и расхищались чернью. Думаю, что ее держать в узде надо, но и не допускать до безвыходности.

Дежурный офицер доложил, нобили пришли. Аристократы заходили по одному, Орио называл фамилию. Они кланялись и рассаживались по неуловимому для русских старшинству и знатности.

— Словно бояре допетровские, — шепнул Тизенгаузен Ушакову. Тот и бровью не повел, внимательно вглядываясь в знатных и родовитых, от которых многое зависело на островах. Находившийся в центре граф Сикурос ди Нартокис слегка вытянул шею, нобили положили левую руку на колени, правой взялись за ленты и повернулись к нему. Граф встал и двинул руку вперед, поднял пальцы, как будто в них положили шар мудрости. Замер почти на минуту. Поза была великолепна, достойна истинного нобиля и древнего эллина. Ушаков раскашлялся. Табачинка, поди, не туда пошла! Сикурос пережидал долго. Рука задрожала, потом сделал еще шаг вперед и начал:

— Высокочтимые представители царственных дворов, сиятельнейшего правителя России императора Павла Первого и блистательного вершителя судеб народов Порты султана Селима Третьего! Мы, высокородные и знатнейшие, представляем народ Корфу и всех остальных Ионических островов! Мы правили тут столетиями под покровительством Венецианской республики. Злобные якобинцы, одуревшая чернь лишили нас естественного правления. Союзная эскадра спасла нас от уничтожения! Спасибо воле императора и султана!

Сикурос ди Нартокис опустил руку, отступил ближе к

соратникам и потом, как бы решившись на что-то великое, медленно и значительно, чеканя каждое слово, продолжил:

— Однако же мы и ныне продолжаем терпеть урон Якобинцы и всякие прочие карманьолы возбуждают ненависть к дворянству. Как можно давать амнистии всему преступному, всему беспокойному! Ведь сие прощение даваемое мятежникам, скорее вознаграждение неблагонамеренных и преследование благонамеренных, их наказание. И мы просим царскую корону и полумесяц султанский, достойных адмиралов оградить нас, да и себя, — он полоснул острым своим взглядом по Палатиносу, — от плохих людей, представляющих как благо вещи самые вредные.

Тучи ходили по лицу Ушакова. Палатинос нервно кусал ногти, Тизенгаузен качал сокрушенно головой. Орио сидел спокойно, изучающе рассматривал одежду Сикуроса — венецианский аристократ не должен чересчур волноваться.

— Мы считаем временный план возвращением ко французским правилам. Мы просим передать нашу просьбу высоким монархам и выработать новый порядок и устав для островов.

Шеремет-бей что-то быстро записывал, кивал головой, попыхивал трубочкой. Ноздри Ушакова широко раздувались, он нервно потирал щеку и подбородок. Не выдержал, встал и, не дав окончить графу, загромыхал:

— Если бедняки восстанут и вас вырежут, они очень хорошо сделают, и я прикажу моим солдатам не вмешиваться в это. Как можно так умножать недовольство как второго класса, так и простого народа? Как можно надеяться на силу внешнюю, сословную гордыню ставить выше блага всего вашего отечества?

Сикурос ди Нартокис смешался, отступил, наткнулся на стул, не удержался и сел, дернулся, махнул рукой, решил больше не вставать. Встал же, да и не встал, а вскочил, собственно, молодой граф Метакса.

— Вы правы, уважаемый адмирал, и пора многим нашим неразумным аристократам понять, что времена изменились. Пора спасать жизнь нашу согласием и доброжелательностью. Иначе не минует всех нас доля французского короля!

Напоминание о грозной гильотине утихомирило всех.

Успокоился и Ушаков. Стал говорить о том, что все сделает, чтобы ввести на островах мир и согласие, благоденствие многих, и для сего просит нобилей поддержать меры союзных командиров, обещая им защиту и покровительство.

Аристократы молчали. Слабая улыбка тронула губы Орио. Кадыр-бей вытер пот рукавом халата и просительно взглянул на Ушакова: «Пусть идут!» Русский адмирал кивнул, нобили вышли, не смешиваясь и не наступая друг на друга. На кресле графа осталась лежать петиция.

В ГОРНОЙ ПЕЩЕРЕ

Селезнев очнулся. Над ним склонилась красивая черноволосая женщина. Она улыбнулась и одобрительно похлопала его по плечу.

А у него перед глазами плыли желтые пески, мерно колыхались спины впереди идущих солдат и крошево из пленных турок. Вот, пожалуй, тогда он и сорвался, когда Наполеон дал команду: уничтожить. Перед глазами пошли какие-то круги, часто билось сердце, он хотя и обессилевал в пути, но засыпал плохо. Когда все-таки забывался во сне, кричал, просыпался и больше уже не засыпал. Да и было от чего сойти с ума в этом походе из Египта в Сирию. Изнурительный марш, мелкие стычки с кочевниками-бедуинами — арабскими войсками турок, жажда и бросившаяся из Яффы за войском чума.

Досадно и тяжело было от того, что Милета осталась в Каире, завершала перевод и печатание книг Руссо на греческий. Договорились, что встретятся после завершения сирийского похода Бонапарта. Но не пойдет ли дальше генерал?

Еще там, в Каире, приходили сведения о новых восстаниях арабов, их неповиновении, все знали о жестоких казнях и расправах с восставшими. Египет не принял освобождение на штыках. И вот новый поход, который должен вывести из тупика экспедицию Наполеона.

9 февраля армия вышла из Каира. Солдаты были радостны и полны бодрости и здоровья. Да и кому победить эту непобедимую когорту, когда во главе ее идут лучшие генералы — Клебер, Бон, Жюно, Ланн, Мюрат,

Кеффарелли, Ренье. Вместе с ними ехал сам непобедимый Наполеон. В его звезду верили, его талант был неоспорим, он не ведал неудач, а о поражениях при высадке на Корсику и Сардинию, кроме него, никто не помнил.

Французов тянуло на эту ближневосточную землю. Здесь где-то родился Христос, здесь был гроб господний. И хотя об этом не было речи в выступлении их командующего, они чувствовали, что кому-то, какой-то находящейся за пределами их разума силе надо, чтобы французский солдат стал здесь, в Леванте, на Ближнем Востоке, твердо и властно. Турецкие отряды были разбиты под Эль-Аришом и Газой. Несколько затянулась осада Яффы. Оставлять ее в тылу было нельзя. Кто владеет Яффой, тот владеет Палестиной. Гарнизону и жителям обещали жизнь. Но те не доверились слову генерала. Штурм был беспощадный. Трупы солдат, женщин, стариков лежали на мостовых, висели на заборах, валялись в канавах.

Селезнев первый раз почувствовал здесь тошноту и приступы необъяснимого удушья. Он все меньше понимал, чего добивается здесь революционный генерал. Как можно в этих пустынных песках защитить и установить свободу, когда ни египтяне, ни сирийцы, ни другие арабские племена не принимали его за освободителя. Правда, христиане Сирии с надеждой взирали на него, а среди евреев Палестины ходил слух, что после взятия Акры он отправится в Иерусалим и восстановит храм Соломона. Эта идея льстила им. Но до остальных, а их тут было большинство, его призывы не доходили, в пришельцах они видели очередных завоевателей, о чем бы те ни говорили. А Наполеон обещал им то свободу и равенство, то приобщение к великим ценностям Европы, то провозглашал себя сторонником ислама, то говорил о новой религии, то хотел сделать здешние земли центром новой державы, то провозглашал освободительный поход сирийцев, друзов, палестинцев в Индию. Но они в этот поход, как становилось все яснее и яснее, не собирались. Они все ожесточеннее атаковали немногочисленную колонну, растянувшуюся вдоль побережья. Из Яффы за армией тихо поползла чума. Соскользнув с разлагающихся трупов, она прицепилась к солдатским сапогам армии Наполеона.

Под столицей сирийского паши крепостью Сен-Жан

д'Акр, или просто Акрой, известной со времен походов крестоносцев как ключ от Палестины, Египта и Индии, Наполеон топтался шестьдесят два дня. Гибли солдаты, меньше стало офицеров, пал храбрый генерал Кеффарелли, может, и позавидовавший на этот раз своей ноге, лежащей во Франции. Лишь один раз отвлекся Наполеон, молниеносным ударом нанеся спешащим на помощь Сен-Жан д'Акру туркам сокрушительное поражение. В городе было полно припасов, да и англичане подвозили постоянно людей, снаряды, продовольствие. А у французов даже осадных орудий не было, их в море перехватили английские корабли.

— Создается впечатление, что ваш командующий потерял волю, — сказал Клеберу Селезнев.

— У него есть для этого причины. Жюно зачем-то сказал ему то, что известно было всем, — Жозефина ему изменяла, а мы должны за это расплачиваться.

— Не думаю, что на хладнокровного генерала это действует.

— На генерала действует все. Особенно то, что сейчас происходит во Франции.

Дальше Селезнев помнил лишь какие-то отрывки их отступления от крепости. Да, это был ужасный путь. В начале отступления произошла ужасная драма: четыре тысячи пленных были вырезаны на глазах безмолвных солдат.

— Тащить дикарей с собой ни к чему...

Главнокомандующий обратился к солдатам со страстным приказом, пытаясь вселить в них бодрость: «Солдаты!.. Через несколько дней мы можем надеяться захватить пашу в его же дворце. Но в это время года взятие Акры не стоит потерь нескольких дней. К тому же храбрецы, которых мне пришлось бы тут потерять, необходимы сегодня для более важных операций!!!» И чтобы все видели, что он с ними, Наполеон мерно зашагал впереди в своем сером сюртуке.

И снова пустыня. Падают один за другим идущие рядом солдаты, и над всем этим летят птицы с громадными клювами. Селезнев упал, потерял сознание. Резкий удар по ноге заставил его очнуться. Он открыл глаза и увидел склоненную над ним голову грифа. Селезнев сел, осмотрелся и увидел вдалеке у горизонта пыль от уходящей колонны французов. Нет, нет! Надо идти вслед за ними. Иначе хищники растащат по кускам... Он не пом-

нил, как оказался здесь, в этой темной пещере. И как здесь оказался Карин. А может, почудилось ему все это в бреду?

— Нет, человече, ты жив и будешь жить благодаря сей страстотерпице и врачевательнице. Она христианка из айсоров. А я, брат, отмолился у гроба господня, иду в Россию.

— Что ж ты искал там и нашел ли?

— На русской земле ни Христос не учил, ни пророки не пророчествовали и ни апостолы верой не сияли. И я решил припасть к исходищу мудрости.

— Ну и знаешь ныне ответ на все? Иль нужны тебе еще книги для понимания происходящего?

— Не книги, не книги, а простое понимание вещей суть главное. А может, по праздникам книги, а в будни житейское раздумание. Философию ниже очима видех.

Селезнев подумал, сколь много людей в мире ищут ответа на главные мысли свои, и раздумчиво возразил священнику:

— Ты, как раб из Евангелия, ленивый и лукавый. Не про тебя сказано, что закопал вверенный ему талант. чтобы тем вернее сберечь ему хозяйское добро, да и самому не работать? Так и ты от людей скрыть хочешь, что собрано в книгах, боишься мысли пытливой.

Карин возразил не думая:

— Вера, вера — вот что защитит нас. Веруй! Не умствуй. И так от безверия везде войны, суета, бедность. Одни утопают в роскоши, другие впадают в нищету и дичь. Молиться надо, брат, молиться.

Молиться Селезневу не хотелось. Он повернулся и в свете пылающего светильника увидел женщину в красном платке, поднявшую вверх руки и внимательно на него смотревшую. За ее головой то ли от светильника, то ли от мелких камешков стены светились и переливались радужные огоньки. Они то вспыхивали, то сливались в одну линию, то рассыпались искорками и постепенно уходили в темноту. Женщина тихо засмеялась, опустила руки и что-то сказала.

— Будешь здоров, — пояснил Карин, — говорит, рана заживает, воля окрепла. Пора в Россию, брат мой!

— Нет, нет! Я буду добираться в Александрию. Я дал обещание.

В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Я от трудов истинно насилу на ногах. А чуть опустить напряженные струны, арфа будет балалайкою...

Мы здесь на несколько остановились, а что мы здесь, то ни вам, ни мне такового и грезиться не могло...

А. В. Суворов русскому посланнику в Вене А. К. Разумовскому после взятия Турина мая 17, 1799 г.

Стрелой пронесся сквозь пространства России и Австрии Суворов. Вонзился в Вену, в ее благополучие и спокойствие. Император Священной Римской империи, военный совет — гофкригсрат, руководитель оного барон Иоанн Тугут, фельдмаршалы, маршалы, генералы приготовились со всей тщательностью и усердием разработать ход кампании. Расписать все диспозиции, прописать все маршруты, определить досконально маневры в разных обстоятельствах. Потом, в строжайшей тайне, не доверяя нижним чинам, начинать прорабатывать на подступах к позициям противника. Суворов же торжества заседательского не дождался. Кампанию вел с супротивником со дня выезда из Петербурга. Сотни ходов военных, стратегию будущих сражений продумал под свист ямщицкий, под скрип полозьев да под ухабные подскоки. Не заполненного мыслью времени не было. Все надо было решить быстро. В этом видел успех. В минуту умещал час, а в сутки месяц. Вот и в кибитке можно лежать, отдыхать, да и спать неплохо, а можно изучить все территории, где воевать должно, составить схемы боев, подсчитать, с какой силой перевеса добиться над противником возможно. Что и делал...

По прибытии в Вену насторожил австрийцев скоростью своих заключений, а отказ от длительных рассуждений даже напугал. Нельзя же так, без подготовки, без раздумий, без обмена мнениями. До курьезов доходит фельдмаршал граф Суворов-Рымникский, якобы для оперативности в разговорах и бумагах к сановитым и именитым упускал половину титулов. Ну разве это порядок? Если так дальше командовать будет, все перемешается в армии, изменит свой вековечный вид, как и у республиканских французов.

Однако приходилось армию подчинить согласно воле

двух императоров русскому фельдмаршалу. Подчинить-то подчинили, но как нелегко тем, кто с ним рядом. Он требовал знания, проверял остроту ума и умения принимать быстро решения.

Полетели в стороны разные немогузнайки, а их-то по немецким, австрийским меркам было немало. Да и у русских хватало тугодумов. Ведь это же достойно уважения — перед лицом высокого командира, сиятельной особы — не знать. Вот им, высоким-то, и положено знать. А офицеру австрийскому перед полковником или полковнику перед генералом — им знать больше вышестоящего и не положено. Новый же командующий сам хотел знать все, требовал точных донесений, исчерпывающих сведений, да и от других нижестоящих требовал знания. Гневался, смеялся, ехидничал, если ел его глазами боевой офицер и не ведал, что ответить, не думал, что сказать, не умел изложить увиденное.

Не выдержала его напора машина австрийской армии: дернулась, крутанулась, стронулась с места и медленно еще, но совсем неплохо заработали жернова мысли у тех, кто приготовился сражаться, кто был в войсках и на походных маршах. Нет, не у тех, кто остался в Вене, кто восседал в тугутовом гофкригсрате. Те продолжали глубокомысленно морщить лбы. Суворов же не возражал: «Пусть морщат, лишь бы не мешали». И завертелось все при нем на итальянском фронте быстрее в два раза...

Славно, слаженно шли с днестровских зимних квартир русские дивизии генерала Германа, а в пределах Австрийской империи находились уже войска генерала Розенберга. И вдруг приказ от Суворова ускорить шаг в два раза. Что за выдумки! Куда в два раза-то! И так здорово шли. Но оказалось, можно. А там, где не получилось, зоркий глаз Суворова увидел причину. Вольготно ехало войско у Розенберга, каждый обер-офицер имел по нескольку повозок с добром всяким. Да почти у каждого солдата при полках женка была. Куда уж тут спешить от барахла всякого да теплого бабьего тела. Последовал приказ неукоснительный: оставить по одной повозке для офицера и одной солдатской жене в роте «для мытья белья». Быстрее зашагали полки — облегченье все-таки без баб-то!

И тут же поступил новый приказ русским и австрийским войскам: в походе отрабатывать всякие экзерциции,

то есть упражнения всякие — обучать рассыпному строю, движению в колоннах и поворотам, командам всяким. «Невозможно же сие на ходу совершать!» Нет, оказалось, и это возможно.

Запарился при Суворове приставленный к его штабу от австрийцев генерал-квартирмейстер Шателер. По дороге к Вероне, куда отправились с главнокомандующим, Шателер думал время провести или в приятственной беседе, или в сладкой дремоте. Но фельдмаршал дремать не дал, расспрашивал, уточнял маршруты, запасы провианта, сумму жалованья, количество зарядов. Был доволен, что Шателер многое помнил, и стал диктовать инструкцию о способах действия в бою.

Генерал-квартирмейстер приготовился писать длинную вводную, обычную в таких документах.

— «Надо атаковать!!! — холодное оружие — штыки, сабли!» — Суворов посмотрел на недоумевающего генерала. — Пиши! Пиши! С этого начинаем. И дальше: «Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека».

Приподнялся, посмотрел в окно кареты и, взглянув на казаков-сопровождающих, продолжил:

— «Казаки ловят бегущих и весь их багаж, без отдыху вперед, пользоваться победой. Пастуший час! Атаковать, смести все, что встретится, не дожидаясь остальных...»

— А как же, ваше превосходительство, ведь порядки смешаются? — вслух осмысливал последствия сего действия Шателер.

— Вот, вот! Пиши: «Восстановить боевые порядки — дело Шателера, поменьше перемен». И вот что еще, надо обучать действию холодным оружием. Запиши: «Генералу Шателеру постараться послезавтра, а может, в тот же день показать результаты Суворову».

— Мы должны будем остановиться, господин фельдмаршал? Выбрать плац?

— Нет. Пиши: «Показать отдельно по частям, как армия расположена, не расстраивая этим порядка наступательного марша. Атака должна начинаться за час до рассвета...»

Подиктовал еще, взглянул на насупленного, вспотевшего генерала и добавил:

— «Забавлять и веселить солдат всячески. Но ника-

ких сигналов, ни труб, ни барабанов. Говорить вполголоса», — пояснил, — чтобы тем самым не раскрыть намерения. Подчеркни! А впрочем, тут все важно. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск! Поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам, — показал пальцем на Шателера. — Не отставать друг от друга!

Генерал удивился: все, все предусмотрел русский главнокомандующий. Ничего не упустил, ни жалованья, положенного к выдаче, ни упражнений, ни порядка атаки, ни места кавалерии, ни цели для артиллерии, ни количество повозок в обозе.

— А говорили, ваше превосходительство, вы не любите немецкую педантичность?

— Я, друг мой, люблю точный порядок. Но быстрота и натиск — душа настоящей войны! А где ей взяться, коли все хотят предусмотреть вдали от битвы? Все инструкциями зашорить да документами. И потому да будет проклято педантство, прочь мелочность и копанье!

Шателеру было необычно слушать критику столь высокого для него органа, как гофкригсрат, но фельдмаршал все больше заражал его уверенностью, возбуждал к действию и наступлению. Да и не его только. Еще подходили к речке Адда, за которой укрепились после первых стычек французы, основные силы союзников, а казачьи полки Денисова, Грекова и Молчанова окружили местечко Лекко, где засели французы. Подоспевшие для атаки егери генерал-майора князя Багратиона и гренадеры подполковника Ломоносова дело завершили. Храбро сражались и австрийцы. По всей Адде закипела битва. Упорно отбивали все атаки французы, стойко стояли, пушки у них дымились от скорострелия. Но неожиданны были ходы старого фельдмаршала, казалось, не иссякли его резервы, главный удар перемещался то влево, то вправо, и не выдержала армия Директории, стала стремительно отступать. Сие и были глазомер, быстрота и натиск в натуре.

Скоро приветствовал победителей Милан, за ним Турин. Русские солдаты одерживали победы в центре Европы.

За несколько месяцев от наполеоновских побед в Италии у Директории остались одни приятные воспоминания. Суворовские войска, как гигантская метла, вымели из Ломбардии и бывшей Цизальпинской республики

французские армии. Блестящие победы при Требии, Нови открыли дорогу объединенным русско-австрийским войскам на юг Франции. Суворов написал, что видит из трубы Париж.

Но если его самого победы окрыляли, австрийский двор они пугали. Гофкригсрату все казалось, что Суворов чересчур стремительно продвигается вперед, далеко уходит от Вены. Бонапарт приучил австрийский императорский двор к поражениям и, получив известие о первом выигранном сражении, он торжествовал; после второй победоносной баталии — забеспокоился; третья же победа Суворова вызвала тревогу. Русский генерал воевал не по правилам, обходился без церемоний и ритуалов, долженствующих определить лицо аристократа, благоволил к солдатам, сановитых генералов обижал невниманием, делал невежливые выговоры.

До сих пор всем памятно письмо командующему австрийскими войсками генерал-фельдцейхместеру Меласу по поводу прерванного тем марша из-за плохой погоды. Написал тогда:

«До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода... За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет как эгоист отрешен от должности. В военных действиях следует быстро сообразить — и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тот пусть и остается назади... Глазомер, быстрота, стремительность! — на сей раз довольно». Хотя бы повежливей как-нибудь написал, помягче, командующий австрийцами ведь Мелас-то.

Странно как-то казалось: генерал могущественной монархии, воюющей против республики, якшается с мужиками, пусть даже с солдатами, печется о них больше, чем должно для графа. В их обществе себя чувствует уютно, знает почти каждого в лицо, ведет беседы у костра, ест кашу из походного котла. Австрийские генералы брезгливо морщились, отворачивались в сторону от худенького фельдмаршала, боялись его острого взгляда и резкого слова. Не любили.

А русские солдаты души не чаяли в своем командире, шли за ним в любую битву, непогоды им были нипочем. Правда, так они еще никогда далеко не заходили. Красивая вроде страна, зеленая. Но какая-то растре-

воженная, печальная сия Италия. Их, русских солдат, здесь хорошо встречают. Поселения и города проходили быстро, не задерживались, не бедокурили — командир Александр Васильевич крепко-накрепко запретил. Хотя хлеба, крупы часто не хватало, ждали подвоза. Устали солдаты, притомились, домой бы пора.

У ночного костра сомкнулись в пирамиду ружья, улеглись сверху на барабан несколько часов подряд выстукивающие походную дробь палочки, рядком забугрились заплечные ранцы. А солдаты еще не угомонились, не зашлись мужским крепким храпом, сидели, подшивали пуговицы, чистили бляхи, тихо переговаривались, считали раны, у кого больше.

— А мне в измаильскую ямину от пули попал ноне француз штыком.

— А и пошто мы так мучаемся-то, Петрович? — негромко спросил у крепкого седого гренадера, прижигающего рану, русоволосый молодой солдат.

— Пошто! Пошто! За Александра Васильевича батюшку.

— А он пошто?

— А он за честь.

— А что-то за честь така?

— Эх ты, дура, честь — это когда ты в физиономию себе плевать не даешь да слово держишь.

— Ну уж ты скажешь. Кто это графу плевать будет?

— Кто, кто? Французы, да всякая немчура, да басурманы, да, может, из наших кто завидует и боится.

— А слово он перед кем держать должен? Тоже перед ними?

— Ну вот, опять пальцем в небо. Да словом-то он перед всеми тверд: перед царем, неприятелем, солдатами.

— Неужто и перед солдатами?

— Перед солдатами наперед всего. Ведь сколько у нас да австрияк генералов? А с кем солдаты и в огонь и в воду? За кого жизнь отдадут не думая? За него и с ним пойдут хоть к черту на рога, поскольку он своему слову хозяин. Солдат за ним, как за каменной стеной, он в обиду не дает, все горести и радости с нами разделяет. Котлом не брезгует нашим. А ты слыхал, дурья голова, чтобы помещик со своим холопом рядом сел и есть стал? Не слыхивал и скоро не услышишь.

— Да ведь мы, чай, и не крепостные.

— Вот потому и не холопы, что он с нами, — Петрович вздохнул и с теплотой в голосе закончил: — Потому и люб нам наш орел Александр Васильевич. А ты, Максим, песню бы спел, — обернулся он к казаку, присаживающемуся к их костру.

Тот потянул из-за плеча широкий кожаный мешок, развязал его и вытащил оттуда бандуру. Подождал, когда все затихнут, и ласково тронул струну, соединив ее звук с песней:

Вид Килии до Измаилова
Покопани шанци;
Ой, вырубалы турки новодонцив
У середу вранци.

Старые солдаты опустили головы, дыхнуло горячей битвой, но уже смутно помнили упавших во рвы и на дунайское дно товарищей. А казак вел дальше:

А черноморци, храбри запорожци,
Через Дунай переиздылы.
Воны ж тую проклятую измаиловскую орду
З батареи збылы.

Да, жестокая была битва, кровавая. Многих унесла. С кем завтра придется встретиться в том мире, куда уходят после битв погибшие солдаты?

СОЛДАТЫ ОСТАЮТСЯ

Клебер, гигант Клебер лежал на земле и плакал. Его плечи сотрясались от мужских всхлипов. Он уткнулся носом в пожухлую траву и судорожно хватал ее левой рукой. В правой была зажата бумажка. Не бумажка, а последний приказ Бонапарта, который командующий не решился огласить публично. Да он больше и не командующий, а морской странник, надеющийся на фортуну. Вчера вечером на фрегате «Мюирон», отдав себя воле случая, он отбыл во Францию. Раздетая, оборванная, безденежная армия была брошена в одночасье. Ветераны италийских и австрийских походов, гордость Франции, ее боевые солдаты и офицеры, его, как считали они, личные друзья остались здесь, в раскаленных песках, в окружении турок, англичан, буйных и не уничтоженных

мамлюков Мурада. В море молчаливой и враждебной стихии феллахов.

— Как мог! Как мог он! — поднял лицо от земли Клебер. — Я доложу Директории о наших поражениях, о наших потерях.

Он знал, конечно, что Наполеон слал реляции о победах и пленных, когда таковых и не было. «Государственный человек должен уметь лгать», — говорил Бонапарт не раз. О поражениях народ и так узнает, но ведь можно их покрыть, как в картах козырями, и тогда кто вспомнит о первоначальных поражениях, кто не оправдает жертвы. Разве что родные погибших, но их можно уверить, что они погибли не в результате оплошности и недосмотра командующих, а за победу, обеспечив ее торжество, и тем немного успокоить их. Клебер, правда, не мог не признавать военного таланта своего старшего командира. Месяц назад он обнял его после блестящей победы над турками под Абу-Бакиром, в годовщину морского поражения недалеко от этих мест. Клебер, постоянно относившийся с подозрением к Наполеону, на этот раз не сдержал восхищения и воскликнул: «Вы гений, вы велики, как мир!»

Наполеон не лгал, когда послал Директории телеграмму: «Абу-Бакир одна из прекраснейших битв, которые только удавалось мне видать. Из высадившейся армии врага не ушел ни один человек». Не лгал, но уже тогда знал, что обречен. И, пустив вперед себя ком славы, доверил тайну Мармону: «Я решился возвращаться во Францию. Положение в Европе принуждает меня к этому великому шагу. Наши армии терпят поражение, и бог весть куда уже проникли теперь наши враги. Италия утрачена: пропала награда за столько усилий, за столько пролитой крови. И что могут сделать эти бездарности, стоящие во главе правительства. Ведь это одно только невежество, безрассудство да взяточничество! Я, один я, все нес на своих плечах и поддерживал это правительство моими беспрерывными успехами... С моим удалением все должно было пойти прахом. Не ждать же нам окончательного разрушения. Во Франции в одно время узнают о моем возвращении и об истреблении турецкой армии под Абу-Бакиром. Мое присутствие ободрит павших духом, внушит войскам утраченную самоуверенность, возродит у благонамеренных граждан надежду на будущее».

Клебер не знал всего этого, но он уже знал, что на два фрегата «Мюрион» и «Каррэр» погрузили тяжелые орудия и драгоценности Востока, две сотни отборных гвардейцев охраняли их, а также командующего и его наперсников — Мармона, Лана, Мюрата, Бертье, Бертолле, Монжа.

Вечером 24 августа 1799 года фрегаты пустились то ли в бегство, то ли на спасение своего отечества.

Нельсону и его помощнику Смиту в голову не могло прийти, что гроза Азии, командующий экспедицией может бросить свою армию. Не могло прийти это в голову и Клеберу. И, лишь прочитав последний приказ, который гласил: «Солдаты, известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим», — он все понял. И впервые в жизни плакал, плакал на глазах этих двух симпатичных иностранцев. Он плакал от бессилия, от потери веры, от нищеты, одни долги по жалованью его войска достигли четырех миллионов. Он был унижен как военный, умеющий смотреть опасности в лицо. Он был унижен как гражданин, гражданин республики, провозгласившей братство своим принципом. Он был унижен как соратник, другом он себя не решался называть и до этого.

Наконец Клебер встал, вытер тыльной стороной кулака слезы и, вздохнув, сказал:

— Солдаты остаются. Будем сражаться. А вам? Вам-то я желаю безопасного пути.

Клебер уже давно знал, что Милета и Селезнев уезжают на шхуне ее отца, чтобы продолжить дело революции на Ионических островах.

ОНИ НИЧЕМУ НЕ НАУЧИЛИСЬ

Шхуна как-то очень резво развернулась, стала сворачивать паруса и медленно заскользила по удобной и уютной бухте.

— Смотри, как здесь красиво, — повела рукой Милета. — Тут я провела свое детство в имении отца. Тут я получила первые уроки свободы от Мартинигоса. — Го-

лос Милеты дрогнул, и Селезнев понял, как дороги для нее эти воспоминания. О Мартинигосе, его благородстве и мужестве он слышал от своей пылкой спутницы уже не раз. Шхуна пришвартовалась, и через несколько минут они ступили на родные для Милеты камни мостовой. Она сбросила с головы платок, и, шагнув к оливковому дереву, обняла его.

— Моя дорогая земля! Как долго ждешь ты освобождения! Где те воины, что спасут тебя? Как я рада, что снова иду по твоим дорогам.

Селезневу такое обращение не показалось ни напыщенным, ни странным. Он уже привык к пылким речам своей спутницы, ее резким переходам от задумчивости к бурной деятельности и суете. Она жестом подозвала к себе стоящего и глазеющего на них мальчишку, сказала:

— Побеги к дому господина Мартинигоса. Ты знаешь его? Ну так вот. Скажи ему, что я хочу с ним встретиться... Нет, стой... Скажи ему, что приехала Милета и она будет находиться в доме своего отца.

Мальчишка стремглав помчался вдоль улицы. А они тихо стали подниматься по извилистой дорожке к высокому дому, построенному на выступающей над бухтой скале.

— Мы жили здесь редко. Отец не любил этот дом и этот остров. А мне он казался прекрасным. У меня впервые здесь появились друзья. Я тут стала понимать, сколь порочны себялюбие и тирания, неуемная страсть к богатству и власти. Странно, почему же закрыты ворота? Да и окна? — Они обошли дом, подошли к главному подъезду. На всех окнах крест-накрест были прибиты доски, на воротах висел большой замок.

Милета нерешительно постучала. Никто не откликнулся. Селезнев стал стучать кулаками. Прислушались, было тихо. Снизу по дороге, ведущей к дому, поднимался вместе с живо жестикулирующим человеком капитан шхуны, доставившей их из Египта. Он подошел и немного растерянно, что никак не соответствовало его лицу, стал рассказывать:

— Вот он говорит, что все слуги покинули этот дом, кто ушел в горы, кто возвратился в деревню. Французов здесь больше нет, их выгнали русские. Ваш отец жив, хотя некоторые нобили и погибли.

— Какие русские? Откуда они здесь?

— Да с осени прошлого года вместе с турками, госпожа.

— Вместе с турками? Ах да, мне об этом уже сказал наш друг Селезнев. Что это за противоприродный союз?

— Нет, сударыня, они освободили нас от французов.

— А чем тебе-то грозили французы? — спросил капитан у суетливого грека.

— Ну мне-то особенно ничем. Это вот ее папашу, — он кивнул на Милету, — чуть не повесили. Вы не бойтесь, он жив. Крестьяне только сожгли у него два дома да два разграбили в городе. А меня французы не грабили, — он хитро ухмыльнулся. — Я сам парень не промах. Но все-таки они заставили платить непомерные налоги. Даже один раз бросили в тюрьму и не выпустили, покуда родственники не собрали залог. Сейчас лучше, за нас заступается русский адмирал. Он простил тех, кто не пожалел имущество нобилей, кто вернул себе то, что у них отбирали годами.

— Однако французы замутили и тебе голову, — раздражился капитан, — как можешь ты покушаться не на свое добро, как можешь говорить такие речи? Ведь за это недолго и в тюрьму или на казнь.

— Э, сударь, времена другие. Сейчас старого не вернешь, — он вздохнул, — хотя и в новом мало хорошего.

Милета с удивлением, страхом и надеждой слушала этот разговор. Что-то произошло очень важное на ее родине. Как отразится это в ее судьбе? В ее дальнейшей жизни?

— Попробуем все-таки войти в этот дом. Нам надо где-то жить. Ведь есть же там крыша.

Капитан и Селезнев надавили на калитку, она не поддавалась. Нашли место, где можно было преодолеть стену, и вскарабкались туда. Селезнев соскочил внутрь, огляделся. Подошел к калитке, открыл засов. Сосредоточенная и молчаливая, шагнула Милета в родной двор. Не такой виделась ей раньше встреча на Закинфе. Не так хотела она возвратиться домой.

— Однако калитка была закрыта изнутри, значит, здесь кто-то есть?

— Не обязательно, сударыня. Ведь можно же преодолеть стену и способом господина Селезнева.

Но действительно, дверь маленькой халупки около дома отворилась, и оттуда, ковыляя, вышел седой старик.

Он низко поклонился Милете. Подошел и поцеловал край ее одежды.

— Дорогой Рицос, ты, как всегда, молчишь. Но как мне не хватало твоего молчания. — И, обращаясь к Селезневу, сказала: — Ему столько же лет, как и отцу, но он совсем седой. Его жизнь не была легкой и безоблачной.

Селезнев тем временем осмотрелся.

Дом был разбит, двери вышиблены, окна без стекол, со стен все было содрано, лишь на одной — оборванное полотнище.

— Где же мы будем ночевать? — сокрушенно проговорила Милета. Немой Рицос показал на свою хибару.

— Спасибо, дорогой человек, ты всегда был верен мне! — немного высокопарно, но искренне поблагодарила она.

Весь вечер она вместе с Рицосом приводила в порядок хижину, чистила и мыла окна, подметала пол. Селезнев даже подивился ее умению. Видел он, что она постоянно прислушивалась, не хлопает ли калитка, не заходит ли кто во двор. И когда ее лицо засветилось радостью, он понял, что пришел наконец тот, кого она ждала, о ком часто рассказывала в Египте. Да, это был Мартинигос. Гроза нобилей, друг народа своего острова. Его можно было бы назвать идеальным красавцем, если бы не небольшой рост. Селезнев заметил, что Мартинигос был в сандалиях на высоких каблуках, и все равно он был чуть ниже Милеты. Мартинигос нежно поцеловал ее руку и внимательно посмотрел на них. Она, казалось, не выдержала его взгляда и повела ладонью в сторону Селезнева.

— Знакомься, это мой друг. Он русский. Мы вместе искали свободу в египетском походе. — Она замолчала и, вглядываясь в Мартинигоса, добавила: — Он, как и я, устремился со своей родины вслед войску свободолюбивой Франции, но это оказалось не войско свободы. Это был мираж. Мираж, который мы часто видели в пустынях Египта.

Мартинигос слушал внимательно и, когда Милета кончила, сделал кивок головой Селезневу.

— А вы познакомьтесь с моим другом Циндоном. Мы не разочаровались ни в чем. Мы будем бороться до конца.

Они не заметили, как зашел и скромно стал у дверей гигантского сложения человек. Его громадные руки об-

нимали толстую суковатую палку, и он спокойно смотрел на быстрого и экспансивного Мартинигоса.

— Циндон — популяр, вожак простого народа. Он был и рыбаком, и плотником, растил хлеб и плавал в далекие страны. Турки и нобили его боятся. Русские, ваши земляки, — он наклонился к Селезневу, — уважают. — Весной, когда нобили убили крестьянина в деревне Пигодаки, он дал понять, что так больше продолжаться не будет. Запылали их имения, сгорела в кострах фамильная мебель.

Милета посмотрела на Циндона, и тот, желая подтвердить то, что сказал Мартинигос, громко сказал:

— Да, сударыня. Мы и этот дом разгромили в наказание нобилям.

— А как же граф Сикурас?

— Да он-то жив. Снова будет заседать в сенате, снова заносчив и неприступен. Снова богат и снова требует наказания всех, кто покушался на привилегии нобилей. Я знаю ваше родство. Знаю ваши взгляды и с сожалением говорю, что они. все нобили, ничему не научились.

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

Евгений СИНИЦЫН

ПРОКОФЬЕВЫМ ЗАВЕЩАННОЕ СЛОВО

* * *

И звезды смертны иногда,
Поэзия — бессмертна.

Спорили, курили, пили кофе...
(До чего же час застолья мал!)
Александр Андреевич Прокофьев
нам под вечер Тютчева читал.

Знаю — это редкая удача,
помнятся и месяц, и число...
Русский стих,
по-тютчевски прозрачный,
лился по-прокофьевски светло.

И забытой музыке внимая,
мы в тот вечер слышали едва,
как шумит гроза в начале мая
за окном гостиницы «Москва»...

А когда лежало на ладони
слово,
не признавшее забав, —
на далеком синем небосклоне
звезды умирали,
отсияв...

* * *

Луна, словно репа,
А звезды — фасоль.

Мы с тобой на небо глянем,
взор подымем к облакам —
только истинный землянин
огород увидит там!

Не берусь строкой несмелой
утверждать наверняка...
Это все — тоска по делу,
по земле своей тоска.

Хорошо, пока ты не был
там, где дела нет для рук.
Ну а если будет небо —
слева, справа и вокруг?..

И в отчаяньи свирепом
всем назло хочу я, чтоб
там росли фасоль и репа,
брюква, тыква и укроп!

Чтоб не чувствовать утрату
жизни, созданной людьми:
чтобы выйти, взять лопату —
и воскреснуть,
черт возьми!

* * *

А мы песенные сплошь!

И не только песенные —
а и сплошь былинные, —
мы проходим весело
через годы длинные! —
Ивняком и тальником,
пустырями, штольнями —
через дали дальние,
через долы дольные,
через рощи,

через рожь
я иду,
и ты идешь
под шальными ливнями:
все мы — песенные сплошь,
все мы — сплошь былинные!..

СВЕТ ОКОН

Зеленый Град,
спасибо за приют,
за нежность
торопящихся минут,
за все, что есть,
за все, чем стал богат, —
благодарю тебя,
Зеленый Град!

Над памятью моей — зеленый дым,
клубятся подмосковные леса...
А был ли я когда-то молодым?
А слышал ли другие голоса?

Из прошлого
ни год, ни день, ни час
обратно я уже не позову...
А молодость
пришла — и пролилась
грибным дождем
на пыльную траву.

Когда случится:
не видать ни зги,
и нет пути,
и камень на душе —
Зеленый Град,
скорее мне зажги
свет окон
на десятом этаже!

Не только для меня они горят...
Но ты их непогодою не тронь.
Но ты их береги,

Зеленый Град —
зеленый брат,
зеленый мой огонь!..

* * *

Мне казалось — нет конца потерям,
убывает
все, чем дорожу...
Понимаешь, Женька,
я растерян,
милая,
себя не нахожу.

Понимаешь,
это как стихия:
навалилось,
кругом голова...
Губы, от волнения сухие,
шепчут позабытые слова...

Будут вербы мокрые качаться,
будут тучи к горизонту плыть...
Я не знал, что есть такое счастье:
просто видеть,
просто рядом быть,
просто знать,
что в мире этом грустном
и тебе когда-то повезет —
кто-то выйдет,
тонкой веткой хрустнет,
душу одинокую спасет...

* * *

Это было в июле, в июле —
когда звезды в рассветах тонули...

Это было в июле погожем,
защищенном от сумрачных зим,
на другие июли похожем
только именем светлым своим.

Остывали вечерние зори
на ветру, улетающем прочь...
И дурманяще пахла грозою
оглушенная птицами ночь.

Это было в июле, в июле:
мы друг другу в глаза заглянули
и оставили в них до рассвета
доброту восходящего лета.

А когда поднималось светило
над июлем твоим и моим —
может, сердцем и ты ощутила
холодок наступающих зим?..

Значит, снова вернутся печали
с маетой от зари до зари...
Значит, снова о нас заскучали
и твои и мои декабри.

Но не дрогнет луна в карауле
и — уйдут в бесконечность года...

Это было в июле, в июле —
когда звезды в рассветах тонули.
Это было... не помню когда.

ПОЭЗИЯ

Леонид РЕШЕТНИКОВ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ

Я возвращался к ним не потому,
Что годы те и вправду были сладки.
Припомню мамину холщовую суму,
Между тетрадей лук зеленый
с грядки —
На завтрак — прядку, на обед —
две прядки.

И все ж та жизнь была, как день
с утра,
Из света вся — насквозь,
без промежутка,
Как чистый лист — без тени
от пера,
Как белый снег в полях —
до первопутка.

Без ложных строк и без окольных
троп,
Без многих, расползающихся розно,
Дорог,

Как рассыпающийся сноп:
Все зерна — в грязь, и нагибаться поздно.

Огонь звезды вечерней поостыл,
Конь приустал бренчать подковой ржавой.
Вода стучит о пляшущий настил,
И тускло над последней переправой...

Подумать только,
Сколько сил взяла
Та жизнь...
Пусть не крутился как юла —
Все ж по кружной летела колесница...
Но вот какой тогда уж ни была —
А будущему помогла сложиться!

ДОРОЖНОЕ

Средь леса, под рокот машинный,
Подняв ветровое стекло,
Услышал я крик петушиный,
Сквозь морось увидел село.

В просвете прорубленной грани,
Всего в расстоянье версты,
Вздымались, как пики в тумане,
Антенн самодельных шесты.

Но долго и после кружилась
Дорога меж елей седых,
То будто являя к нам милость,
То вдруг ударяя под дых,

Кружила вкруг ям и заплота,
Водила в виду у села.
Сквозь гиблую пропасть болота
Машина, как лодка, плыла.

А рядом — то крик петушиный,
То радиопесня лилась...
Как будто бы в прятки с машиной
Играло село, веселясь.

НОЧЬ

Вступает ночь в свои пределы
И гонит свет полдневный прочь.
Но, чтоб земля не сиротела,
Свои включает свечи ночь.

На небосклоне затвердедом
Она вбивает гвозди звезд
И чистит их тряпицей с мелом,
Чтоб мнился солнцем каждый гвоздь.

И, наконец, чтоб зрила в этой
Среде
Свой путь любая тварь,
Луну возносит над планетой,
Как бы держа в руке воздетой
Над миром поднятый фонарь.

КОЛЛЕГЕ

Стареет все
И все летит, как цвет
С увядших яблонь на луга и воды, —
Воззрения, оружие и моды.
Лишь вечных истин негасимый свет,
Не старясь, светит сквозь века и годы.

Не мельтеши
И книжкой не маши,
Как пугало весной средь огорода,
Но будь собой,
И только так пиши,
Как мать певала над тобой в тиши,
Что и сейчас от полноты души
Поет душа бессмертная народа.

Даль ОРЛОВ

Рис. В. Иванова

МЫ ИЗ «КИНОПАНОРАМЫ»

3

Как обычно бывает...

А также о наших героях, причудах монтажа и этих записках

В 6-й студии Останкина мы вели запись моих «подводок» — текстов перед каждой следующей страничкой «Кинопанорамы» для передачи, которая должна была выйти в эфир накануне 40-летия Победы. Слепил глаза свет двух прожекторов, а между ними с трудом угадывался темный кружок объектива съемочной камеры. Туда, в объектив, я и говорил о фильмах, поведавших людям правду о великом подвиге нашего народа, о счастье Победы и горечи невосполнимых потерь.

«Подводки» часто записываются отдельно от самих «страничек», вот как сейчас. Основные куски передачи были сняты раньше. Потом все соединится. Поэтому я знаю, что в самой передаче после моего вступительного слова на экране появятся наши герои — известные режиссеры, сценаристы, операторы, компози-

Окончание. Начало в № 6.

торы, сделавшие о войне прекрасные фильмы и сами являющиеся ветеранами Великой Отечественной.

Встреча с ними и беседа проходила в стенах Союза кинематографистов СССР, в просторном фойе, где на стене укреплена мемориальная доска с именами погибших на войне.

И вот сейчас, в 6-й студии, я называю имена участников передачи, представляю со всеми титулами и званиями: народный артист СССР, лауреат Ленинской премии кинорежиссер Григорий Чухрай — бывший десантник; народный артист РСФСР, тоже бывший воин-десантник, кинорежиссер Яков Сегель; народный артист РСФСР Василий Ордынский — командир пулеметного взвода; народный артист РСФСР, лауреат четырех Государственных премий СССР, бывший фронтовой кинооператор Владислав Микоша; заслуженный деятель искусств РСФСР, доктор искусствоведения, профессор, сценарист и киновед Семен Фрейлих — бывший войсковой разведчик.

При монтаже режиссер уведет мой голос за кадр, а в кадре зрители увидят участников передачи сначала у себя дома — они собираются, потом у подъезда нашего союза, потом в гардеробе снимут пальто... Я их встречаю.

Всех приглашенных мы заранее просили прийти с боевыми наградами.

И вот глазам моим открывается необычайное, торжественное и возвышенное зрелище. Люди, которых я хорошо знаю, привычные, славные, истинные кинематографические работяги, выступающие с трибун пленумов, съездов и совещаний, знакомые по многим поездкам по стране и за рубежом, по съемочным площадкам и просто так, по жизни, вдруг оказываются преображенными, от их бесчисленных орденов и медалей буквально исходит сияние.

А на лицах — смущение.

Почему награды носят только по большим праздникам? Скромность, да. Но эти, кажется, и в праздники не надевают. Во всяком случае, я не видел. А «Кинопанораме» не отказали.

Спасибо им. Как важно в передаче, посвященной Дню Победы, подчеркнуть еще раз, показать, как говорится, воочию изначальную связь реальной действительности и искусства, единство личности творца, значение жизненной школы для художника, в данном случае — школы борьбы за свободу Отечества, для последующих творческих свершений. Каждое их произведение отмечено собственным художественным обликом, но все они корнями уходят в единую нравственную почву, у них одна гражданская позиция, и потому фильмы их — не только явления собственно искусства, но всегда и события общественной жизни. Они учат жить. В них сосредоточен опыт создателей. Как без слов указать на этот опыт? Надо попросить их надеть боевые ордена...

Без наград пришел только Владимир Басов, народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР, режиссер и артист, ветеран Великой Отечественной. После перенесенной недавно тяжелой болезни он двигался плохо, одна рука почти бездействовала.

— Видишь, — сказал он мне тихо, — веселил, веселил людей, а теперь вот, в таком виде...

Казалось, совсем недавно приглашали мы Владимира Павловича в «Кинопанораму», когда представляли поставленный им

фильм «Факты минувшего дня» по роману Юрия Скопа «Техника безопасности». В те дни он звонил и бурным баритоном приглашал:

— Пришли бы как-нибудь в гости, пообщаться!..

Во время нынешней записи он не спешил вступить в разговор, никого не прерывал, выжидал как бы. А потом заговорил исповедально и проникновенно. О трусости и храбрости, о каждодневном героизме солдата. Говорил о смысле человеческого бытия, о счастье делать счастливыми других людей и о том, что земной мир прекрасен потому, что он неповторим и незаменим. И уберечь его должны все мы, солдаты...

Артист поразительного комедийного дарования, сейчас Басов был предельно серьезен. И думалось: насколько же приблизили его неожиданную болезнь испытания пороховых лет?.. И почему испытания мирной жизни — а их тоже, оказывается, предостаточно — не обходят ветеранов, не делают для них исключений?..

Знаю людей, которые болеют как бы с удовольствием. Не скупясь, делятся с окружающими своими трудностями, чуть что, особенно на работе, бегут за бюллетенем. И окружающие им невольно сострадают — не повезло человеку со здоровьем...

Но есть люди, которым болезнь «не идет», как бы немыслима в соединении с их обликом. Таким представляется мне Владимир Басов. И не он только. Перебираю в памяти знакомых ветеранов войны — почему-то недосуг им жаловаться на болезни.

Впрочем, я, наверное, отвлекся...

На ту встречу в Союз кинематографистов СССР приехали и другие ветераны: народные артисты СССР Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий Сергей Бондарчук, первый секретарь правления Союза кинематографистов Украины Тимофей Левчук, лауреат Ленинской и Государственных премий Станислав Ростоцкий, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР сценарист Сулико Жгенти и заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, композитор, бывший боевой летчик Леонид Афанасьев.

Зрители нашу передачу видели, слышали участников, повторять не буду. Но кое-что при монтаже выпало. Например, Станислав Ростоцкий рассказывал о бое, в котором под вражеским танком потерял ногу. Его вынесла из-под огня молоденькая медсестра, оказала первую помощь, спасла. А Сергей Бондарчук напомнил эпизод из своего фильма «Они сражались за Родину», где с одним из героев произошел точно такой же случай. Роль этого солдата сыграл сын Станислава Ростоцкого — Андрей, тогда начинающий, ныне известный актер.

Связь поколений...

Окончательно махнув рукой на строгую хронологию в изложении событий, не по хронологии, а по логике ассоциаций, вспоминаю, как мне довелось быть свидетелем двух премьер фильма Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие»: вечером 8 мая в Восточном Берлине, и днем 9 мая — в Западном, в 1973 году... Надо было слышать, как отвечал режиссер на вопросы западных корреспондентов в ходе пресс-конференции, состоявшейся сразу после просмотра. Каждое слово видного советского художника, ветерана и инвалида войны, звучало неопровержимо...

А лет через семь, когда я еще вел киностраничку в Московских теленовостях, мы пригласили в передачу молодого актера

Андрея Ростоцкого. Он тогда проходил срочную службу в армии и явился на запись в военной форме. Так и выступил — в форме солдата.

Связь поколений... Память о войне священна. Прошло сорок лет после Победы, минут новые десятилетия, но дети, и внуки, и правнуки благодарно будут склонять головы перед вечным огнем славы, которой покрыли себя в жарких боях с фашизмом их отцы, деды, прадеды...

Сияя орденами, они сидели рядком перед телекамерами. Такие внешне непохожие, но при всем том будто солдаты одной роты, одного разведвзвода, породненные в одних походах, приобретшие черты сходства в общих испытаниях.

— Поколение — это не те люди, которые просто одновременно живут на земле, — говорил Семен Фрейлих, — а те, кто поглощен одной идеей, одновременно действует. Великая Отечественная война сделала нас поколением. Каждый из нас как личность оказался в новых соотношениях с Историей и Народом... Миллионы оказались в окопах. И ты среди них. И от того, как поведут себя эти миллионы, зависит то, как дальше пойдет История. Значит, и ты — История, значит, и ты — Народ...

И еще в той «военной» передаче я сказал несколько слов о фильме «Победа» режиссера Евгения Матвеева, снятом по одноименному роману Александра Чаковского. Это была совместная постановка мосфильмовцев и кинематографистов ГДР.

В предшествующих передачах сообщалось, как шли съемки, выступали создатели. Теперь работа была завершена, фильм выходил к зрителям. Очень своевременно выходил. Ведь сегодня в мире много недобрых охотников исказить историю второй мировой войны, ее итоги, принизить вклад в победу советского народа и Советской Армии. Лжесвидетельств такого толка по вполне понятным причинам особенно много стало появляться в период подготовки к празднованию сорокалетия разгрома гитлеровского фашизма. Хотя и до того их было немало.

Документально точная, исторически достоверная лента Евгения Матвеева (сценарий он написал вместе с Вадимом Труниным) отстаивает правду, в ней торжествует истина. Шаг за шагом воспроизводя ход Потсдамской конференции глав правительств трех великих держав — СССР, Англии, США — в 1945 году, перебрасывая действие на тридцать лет вперед, в Хельсинки, где проходило Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, скрепленный сюжетной линией взаимоотношений советского журналиста Воронова (его сыграл Александр Михайлов) и американского — Брайта (Андрей Миронов), фильм показал подлинную расстановку исторических сил в послевоенной Европе, внес свой вклад в разоблачение происков тех, кто пытается помешать торжеству мира и безопасности на нашей планете.

Демонстрация фильма «Победа» началась со дня всесоюзной премьеры. То есть кинокартина была показана в Москве, Ленинграде, в столицах союзных республик, в городах и селах — одновременно, в один день, 19 апреля 1985 года.

И тут надо обратить внимание на то, что и предыдущий фильм Евгения Матвеева — «Особо важное задание» — тоже начинался всесоюзной премьерой. Четырьмя годами раньше. Но об этом дальше, а пока хочется вспомнить, как познакомило и сблизило нас с Евгением Семеновичем все то же телевидение.

В 1979 году в стране широко отмечалось 60-летие советского кино. В крупнейшем павильоне ВДНХ, бывшем «Монреальском», и на территориях, прилегающих к нему, была развернута грандиозная выставка. О юбилее кино сообщали газеты, радио, телевидение, проводились праздничные мероприятия в кинотеатрах, Дворцах культуры, в клубах и парках. Праздник удался на славу. Кульминацией его стало 27 августа. В 1919 году В. И. Ленин подписал в этот день декрет о национализации кинофотодела в стране. И вот теперь появился Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором значилось: «День советского кино праздновать ежегодно 27 августа».

Заблаговременно к этому событию стал готовиться и журнал «Советский экран». На очередной планерке было предложено опубликовать беседу с космонавтами Владимиром Ляховым и Валерием Рюминым, которые находились в это время на орбите и вскоре выходили на рекорд по продолжительности пребывания человека в космосе. Но чтобы опубликовать такую беседу, понятно, надо было ее провести. И, представьте, беседа состоялась.

А предварительно я звонил Евгению Семеновичу, рассказал о намеченном событии, просил его быть нашим специальным корреспондентом в ходе космической связи. «Как я могу отказаться! — воскликнул он. — Спасибо за доверие!..»

Если вы откроете 15-й номер журнала за 1979 год, то в нем прочитаете: «В одну из суббот конца июня специальный корреспондент «Советского экрана», народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР, секретарь правления Союза кинематографистов СССР Е. С. Матвеев и главный редактор журнала Д. К. Орлов вышли на прямую связь с космическим комплексом «Салют-6» — «Союз-34»... Стрелки часов на мониторе в одной из студий Останкинского телецентра напротив столика с микрофонами отсчитывают время: минуты, секунды... Все вроде обычно, но как велико волнение! В студии находятся сотрудники Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР... Предстоящая встреча космонавтов с кинематографистами — это один из участков их большой и многогранной научной работы, связанной с изучением рационального использования свободного времени космонавтов в экстремальных условиях длительного полета. В наушниках слышится: «ЦУП вызывает «Протонов». ЦУП — Центр управления полетом, «Протоны» — позывной наших космонавтов. На экране появляется цветная «картинка» — мы видим В. А. Ляхова и В. В. Рюмина!..»

Евгений Семенович оказался партнером для беседы великолепным: легким и находчивым. Мы сообщили космонавтам о новостях кино, о предстоящем празднике, они в ответ назвали киноленты, которые имеются на борту, фильмы, которые любили с детства, сказали и о том, что сами сейчас много работают с кинокамерой, готовя репортажи для Земли.

— Володя, Валерий! — обратился к ним Матвеев. — Что бы вы пожелали читателям, всем нам, кинематографистам?

В эфире зазвучал голос Ляхова:

— В день 60-летия советского кино нам хочется пожелать всем работникам этой прекрасной области искусства творческой удачи. А всем читателям — большого, огромного счастья и исполнения всех мечтаний. Создавайте больше фильмов, которые бы про-

шли проверку временем, чтобы они и через десятилетия смотрелись так же, как и в наше время.

Я был счастлив: лучших слов, лучшего приветствия для украшения праздничного номера журнала и желать было нельзя! Но беседа шла дальше, Евгений Семенович поведал и о своей новой тогда роли — Емельяна Пугачева в одноименном фильме А. Салтыкова, и о своих поездках по стране, о встречах со зрителями и о том, что приступил как режиссер к съемкам картины «о героическом подвиге нашего народа в тылу во время войны, там речь пойдет об авиационном заводе, где делались знаменитые «штурмовики», от которых трепетал наш враг». (Сегодня ясно, что речь шла о будущем фильме «Особо важное задание».) Потом Матвеев вдруг глянул на меня как-то сбоку, пронзил выразительным взглядом и выдохнул, чуть отвернувшись от микрофона:

— Все! Я иссяк... Говорите вы!..

Действительно, велико было напряжение. Недаром Матвеев сказал тогда космонавтам: «Там, где вы находитесь, я еще никогда «не звучал».

Время летело быстро, и наступил момент, когда аппарат с космонавтами стал уходить из зоны видимости и слышимости. Сеанс связи закончился. Мы достали носовые платки, чтобы вытереть разгоряченные лица. И тут к нам подошла девушка из группы «психологического обеспечения» и, поблагодарив сердечно, сообщила, что космонавты очень довольны беседой. И если, добавила она, вы не устали, то они хотели бы продолжить разговор на следующем витке. Новая связь — через полтора часа. ЦУП тоже присоединяется к просьбе.

От такой высокой оценки сил у нас, конечно, прибавилось.

Пока Ляхов и Рюмин в неведомых далях огибали Землю, мы с Матвеевым пили кофе. Затем разговор был продолжен. Матвеев прочитал монолог Нагульнова из «Поднятой целины» — исполнение сопровождалось смехом на орбите. Потом мы говорили о важности создания большого фильма о труде космонавтов. Чувствовалось, что у космонавтов отличное настроение, доброе самочувствие, они много шутили, а в заключение мы пожелали друг другу счастья и непременной удачи.

Запись беседы потом «прокручивали» семьям космонавтов. Им она тоже понравилась.

В телепавильоне, откуда мы с Матвеевым выходили «в высокие сферы», было много народа — работающего и любопытствующего. Были там, оказывается, и представители «Кинопанорамы». Они мне потом в этом признались...

Между прочим, Евгений Семенович Матвеев однажды сам очень интересно провел один из выпусков «Кинопанорамы». После этого я уже в качестве ведущего пригласил его в студию для разговора о фильме «Особо важное задание».

Представить новую ленту пришли не только режиссер и исполнитель роли рабочего-бригадира Герой Социалистического Труда Николай Афанасьевич Крючков, но и дважды Герой Советского Союза космонавт Георгий Тимофеевич Береговой. Почему он? Да потому, что первую Звезду Героя он получил еще в годы войны, когда бил врага, летая на тех самых штурмовиках, которые делали на Уральском заводе труженики тыла, о самоотверженной работе которых и повествовал этот фильм. Кто видел тот вы-

пуск, наверняка запомнил образный и по-военному точный рассказ Берегового о легендарной машине. В сюжетную структуру фильма «Особо важное задание» включено много персонажей. Один из них, неодушевленный, — самолет, буквально ожил в описаниях летчика и космонавта Берегового.

А в паузе, пока в видеокамере меняли рулон с пленкой, опять зашла речь о фильме про космонавтов, о нужности его и о трудностях, которые поджидают его возможных создателей. «Да вы сами приходите в Центр подготовки космонавтов, — приглашал нас Береговой, — я вам все покажу, расскажу...»

Кто знает, жизнь и работа продолжаются, и, может быть, участники той встречи и соберутся когда-нибудь вместе, чтобы конкретно обсудить «космический» замысел, коль скоро эта волшебная по красоте и смыслу тема несколько раз уже поманила их за собой. А не соберутся они, так непременно соберутся другие. Ибо идея, как говорится, носится в воздухе, а говоря точнее — даже и выше, в безвоздушном пространстве — в космосе...

И еще была одна встреча с Матвеевым, и тоже в «Кинопанораме». В той, в которой мы рассказывали об откликах зрителей на фильм «Особо важное задание». Он ведь вызвал самую восторженную реакцию: письма шли в газеты, журналы, на «Мосфильм», режиссеру домой и, конечно, на телевидение. Не отозваться было нельзя.

И вот со всем нашим съемочным хозяйством приезжаем к Евгению Семеновичу домой. В кабинете сразу стало тесно. Мы с хозяином притулились у письменного стола, на котором внушительными пачками разложены письма от зрителей. Некоторые из них я предварительно посмотрел: прекрасные письма!

Матвеев поблагодарил авторов за добрые слова в своей адрес, коротко рассказал о работе над картиной. Потом взял одно из писем, что лежало поближе, и стал вслух читать... Читал, и вдруг голос его пресекся, а на глазах появились слезы. Женщина рассказывала о своей жизни, о том, что пришлось ей пережить девочкой в тылу, когда мать работала на заводе, а в дом пришла похоронка об отце, погибшем смертью храбрых...

Читать без горечи этот искренний рассказ было просто невозможно. Но и продолжать съемку, посчитала работавшая тогда со мной редактор, тоже было нельзя. Хотя почему — непонятно. Разве предосудительно волнение того, кто сделал фильм о народном подвиге и горе, разве бы осудили телезрители режиссера за эти праведные слезы?..

После небольшого перерыва работу продолжили. Матвеев дочитал начатое письмо, а я взял другое. Смыслом своим и тональностью оно было сродни первому. Стал я читать, и живо предстало мое детство в сибирском тылу, бледная, в чем душа держится, маленькая сестренка, мать, с утра убегавшая в райком на работу, а потом плачущая по ночам — не шли с фронта вести от отца, но тут уже у меня голос осекся, а из глаз побежали слезы.

Снова остановили съемку. Но теперь с полным основанием: ведущий телепередачи ни при каких условиях не должен терять самообладания. С этим не спорят.

В конце концов все сладилось. Передача та вышла в эфир, вызвав новый поток писем.

...Надеюсь, читатель простит мне мои отступления. Эту главу я начал с рассказа о подготовке всего одной передачи, правда, далеко не обычной — посвященной 40-летию Победы. И вот сколько всколыхнула она воспоминаний...

Но, собственно, так всегда и бывает. За каждым сюжетом «Кинопанорамы», за каждым ее выпуском — своя череда мыслей, сопоставлений, чувств тех, кто передачу готовит. А сама она складывается и конструируется по собственным законам, которые и диктуют отбор необходимого для каждого конкретного случая.

Это и думалось показать. То, что зритель видит, — он видит. А в записки хотелось включить еще и то, что осталось за кадром. Осталось за кадром, но в жизни было. А если было, то, значит, и с кадром связано.

Наверное, не менее подробными могли бы получиться рассказы о встречах с Сергеем Герасимовым, Сергеем Бондарчуком, Григорием Чухраем, Вячеславом Тихоновым, Никитой Михалковым, многими другими, кто составляет сегодня славу нашего советского кино. Но об этом, может быть, в другой раз.

4

Возвратясь из дальних стран...

А также о встречах на московской земле с гостями советских кинематографистов

Выпуски «Кинопанорамы» записывают на магнитную пленку. После повторного показа их некоторое время хранят, а потом размагничивают. По чистой ленте делают новую запись. Более долговечно то, что зафиксировано на обыкновенной пленке обыкновенным киноаппаратом.

Знаю, что в архиве «Кинопанорамы» есть уникальные сюжеты (их как зеницу ока бережет Ксения Маринина). В целом же все вылетает в эфир — в прямом и переносном смысле слова. Очень жаль. Если бы прокрутить все выпуски за два с лишним десятилетия — какая вереница лиц и личностей прошла бы перед глазами, а с ними события, вошедшие в историю киноискусства.

Но бывало и так, что сюжет снимался, а по тем или иным причинам даже в сокращенном виде в передачу не входил...

На XIII Московском международном кинофестивале я в течение добрых полутора часов беседовал со знаменитым итальянским режиссером Джузеппе де Сантисом. В одном из холлов гостиницы «Россия» передо мной, удобно расположившись в глубоком кресле, сидел 66-летний человек, один из основоположников неореализма, создатель лент «Горький рис», «Нет мира под оливами», «Рим, 11 часов», «Дайте мужа Анне Дзаккео», снявший в начале 60-х годов первый советско-итальянский фильм «Они шли на Восток».

Джузеппе де Сантис, не обращая внимания на нестерпимый жар, источаемый осветительными приборами, худой, подтянутый, подкрепляя слова точными жестами, говорил об искусстве, о своем творческом пути, о нынешней ситуации в кинематографии Италии. Я долго не решался спросить, почему он много лет не снимает, — мало ли какие могут быть причины... Вдруг ему

будет неприятен мой вопрос. Но собеседник так располагал к доверительности, что я спросил.

Он внимательно, по-деловому выслушал вопрос и сразу ответил:

— А кому я нужен сегодня в Италии со своими крестьянами и безработными! Я знаю только их жизнь и о другом говорить не могу. Но это теперь не находит у нас спроса. С легкой и талантливой, конечно, руки Феллини на экран пришел средний класс, жизнь, заботы, эмоции мелкой буржуазии. Феллини увлек за собой других режиссеров. Наверное, демократические традиции неореализма остались в своем времени...

Подумалось, что столь прямое суждение будет представлять несомненный интерес для зрителей, не говоря уже про специалистов кино. А ведь де Сантис всю беседу провел в той же открытой, откровенной манере. Но ни минуты из нее режиссеру Добросельской не удалось тогда, к сожалению, включить в «Кинопанораму».

Или был в ходе Всесоюзного кинофестиваля в Вильнюсе выезд группы «Кинопанорамы» в Паневежис, в гости к народному артисту СССР Донатасу Банионису. Этой встрече времени в телепередаче было уделено много. Но как хотелось бы шире передать еще и саму атмосферу этого уютного дома, этой семьи. Из-за камеры за нашим разговором наблюдала жена Баниониса, актриса Паневежисского театра, потом появился маленький внук... Мне кажется, что, рассказывая о видных актерах, режиссерах, надо не скупиться на сведения и об их человеческих пристрастиях, о симпатиях и антипатиях, о том, что называется личной жизнью, — что читают, чем увлекаются, помимо основной работы. А то ведь существует этакое представление: «Знаем, мол, мы этих артистов, про их личную жизнь!..»

Я же уверен, что, если достойный пример, надо его показывать. Авторитет известного представителя творческой среды, его популярность делают для зрителя убедительными и его мысли о жизни, работе, об отношении к окружающим. Культура поведения, быта, личное достоинство, стремление к самосовершенствованию и самообразованию, продемонстрированные известным человеком, коль скоро он всем этим наделен, способны помочь доброму делу воспитания и могут пробудить желание подражать. Возможности искусства как средства нравственного и идейного воздействия на людей безграничны.

Если актриса хороша собой, молода, снялась уже в полутора десятках фильмов, у нее крепкая семья и она хорошая мать — разве об этом лишне сообщить зрителям? Или если актеру семьдесят, а он выглядит на пятьдесят, если он не пьет, не курит, купается зимой в проруби — разве это не пример? Если другой популярный актер любит книги, у него уникальная библиотека, а известная актриса подобрала на улице искалеченного щенка и выходила его, — так ли это незначительно? Ведь мы, пропагандируя кино в «Кинопанораме», не только ради кино как такового должны это делать, а и ради общей пользы тех, к кому оно обращено. Ради внедрения в сознание зрителей лучших представлений о морали, гуманизме, человеческом достоинстве. В том случае, когда звезды экрана подают соответствующий пример, грех этого не заметить.

Давно, например, мечтаю рассказать в «Кинопанораме» об актерах, занимающихся спортом. Наши исполнители с точки зре-

ния физической формы иной раз уступают своим зарубежным коллегам. Как выглядел Жан Маре в старом фильме «Призыв судьбы», когда он появился на пляже!.. А Ален Делон, Бельмондо, Пол Ньюмен? Примеров много. Ясно, что такая поистине спортивная форма возможна только у людей, по часу-полтора ежедневно занимающихся тренингом, не переедающих, не отравляющих себя алкоголем.

Каких трудов стоило нам с режиссером Павлом Любимовым найти исполнителя на главную роль в фильме по моему сценарию «Быстрее собственной тени» — найти актера, которого можно было бы выдать за молодого спортсмена, претендующего на звание рекордсмена мира! В конце концов нашли, в Киеве, Анатолия Матешко. Но сколько искали!

К сожалению, немногие актеры у нас занимаются спортом. А ведь им есть с кого брать пример. Без помощи каскадеров всегда работает Александр Абдулов; постоянный посетитель бассейна Наталья Фатеева; Никита Михалков — заядлый теннисист, каждое утро он пробегает 10 километров, навесив на запястья свинцовые вериги; Сергей Шакуров не порывает с акробатикой и футболом; Суйменкул Чокморов — мастер спорта по волейболу, а один из любимейших актеров В. Шукшина, Алексей Ванин, — по борьбе; имеет разряд по конному спорту Андрей Ростоцкий.

Но дружба с физкультурой и спортом — только одна грань профессиональной готовности труженика кино. А возьмите взаимоотношения с другими искусствами — с музыкой, например. Как выразительны в этой области Людмила Гурченко, Зинаида Кириенко, Нонна Мордюкова, Евгений Шутов, Ольга Остроумова, Валерий Золотухин, Игорь Скляр. Но можно говорить не только о музыке. Сергей Бондарчук — великолепный резчик по дереву, прекрасно рисует Александр Митта. Талантливыми литераторами проявили себя Леонид Филатов, Людмила Гурченко, Валерий Золотухин, Евгений Стеблов, Александр Ширвиндт, Георгий Бурков. Равноправно приняты в профессиональную среду литераторов режиссер Эльдар Рязанов, актеры Екатерина Маркова и Владимир Рецептер — они члены Союза писателей СССР.

Все это, между прочим, тоже возможные сюжеты для следующих передач. Правда, в той или иной форме «Кинопанорама» затрагивала некоторые из этих тем, но, как правило, мимоходом. А было бы интересно проследить, как дополнительные навыки, таланты названных и не названных здесь кинематографистов помогают их профессиональной деятельности.

Дело будущего...

Вспоминая огорчения и касаясь упущенного, не хотелось бы умолчать и о неожиданных подарках судьбы. Когда рассчитываешь на малое, а неожиданно получаешь весьма значительное. Бывает и так...

На том же XIII Московском международном кинофестивале, когда я познакомился и говорил с Джузеппе де Сантисом, а кроме того, с актерами Нино Манфреди и Альберто Сорди — итальянская делегация была весьма представительной, — состоялась еще одна встреча.

В первые дни фестиваля стало известно, что приехавший в Москву выдающийся американский кинорежиссер Стэнли Кра-

мер собирается сделать важное заявление. О чем? Пресса была заинтригована. Все с нетерпением ждали пресс-конференцию.

А пока Стэнли Крамер был неуловим. Он давно к нам не приезжал, а значит — встречи со старыми друзьями, всякого рода протокольные мероприятия, ну и, конечно, требовала внимания ретроспектива его фильмов, которая входила в программу внеконкурсного показа. Одним словом, о том, чтобы заполучить его, так сказать, монопольно для «Кинопанорамы», приходилось только мечтать.

Я обедал в ресторане для прессы, когда подбежал запыхавшийся администратор нашей группы Станислав Звозников:

— Скорей, там, на балконе, Крамер сидит, свет мы уже поставили, — выпалил он.

Я ринулся по коридорам гостиницы «Россия» вслед за Звозниковым.

Стэнли Крамер действительно сидел на просторном балконе, откуда открывался прекрасный вид на Москву-реку, а вокруг суетились мои коллеги по «Кинопанораме». Оказывается, первой его обнаружила, конечно же, Ксения Маринина. Крамер отдыхал. Она быстро поставила его в известность о проблемах передачи, попросила разрешения занять минут на пятнадцать, и Крамер неожиданно легко согласился.

Камера, свет и все необходимое появились перед ним мгновенно. Когда я вбежал, Крамер уже говорил. Подсев рядом, я представился, извинился, что без галстука. Сам режиссер был при полном параде — хоть сейчас на дипломатический прием. Беседа продолжилась.

— Кинематограф, — говорил Стэнли Крамер, и надо помнить, что это говорил один из крупнейших деятелей современного мирового кино, — должен донести до каждого, что сейчас человечество стоит перед выбором: либо мы будем жить все вместе, либо все мы погибнем. Я сам был участником второй мировой войны, у меня четверо детей, и я хочу, чтобы им никогда не пришлось взять в руки оружие, чтобы они не чувствовали страха перед завтрашним днем, перед ядерной катастрофой, которая может стать реальностью, если все люди доброй воли не объединятся в борьбе за разоружение...

Собственно, в этих словах, как выяснилось на следующий день, и заключалась суть того заявления, которое намеревался сделать Стэнли Крамер на московской земле.

— Я хотел сказать это во всеуслышание именно здесь, в Москве, потому что, заяви я это у себя дома, в Америке, мало бы кто меня услышал. Вот почему я приехал сюда, несмотря на то, что дальние путешествия для меня совсем не простое дело: в этом году мне исполняется все-таки семьдесят лет, жена моя сейчас тяжело больна, но, имея свою цель, я все-таки не посчитался ни с чем и приехал.

Он вспоминал, как двадцать лет назад был членом жюри III Московского международного кинофестиваля, как в 1973 году получал здесь приз за фильм «Оклахома, как она есть». Он подчеркнул, что придает особо важное значение своему выступлению по Советскому телевидению, выразил надежду, что к словам его с большим вниманием отнесутся и в США.

Отвечая на вопросы, Стэнли Крамер четко и недвусмысленно выразил свою гражданскую позицию художника и гуманиста.

Подробно, находя самые душевные и теплые слова, рассказал он о своей работе с такими выдающимися актерами, как Вивьен Ли, Марлен Дитрих, Спенсер Треси, Марлон Брандо, Максимилиан Шелл.

Итак, стало ясно, что, если ограничивать себя рамками «Кинопанорамы», посвященной целому фестивалю, в передачу попадут только клочки от этого замечательного разговора, от монолога-признания большого прогрессивного кинохудожника. Вот почему в голове Марининой мгновенно выстроилась идея полнометражной, самостоятельной передачи, о чем тут же она дала мне знать. В самом деле, это определялось и масштабом художника, и тем, что многие фильмы Стэнли Крамера советские зрители хорошо знали: «Нюрнбергский процесс», «Скованные одной цепью», «Пожнешь бурю», «Безумный, безумный, безумный мир», «Благословите детей и зверей», «Корабль дураков», «И споткнется бегущий», — они в разное время шли в нашем прокате.

— Господин Крамер, спасибо вам! — поблагодарил я режиссера. — Беседа получилась столь содержательной и продолжительной, что возникает возможность создания целой передачи для Советского телевидения о вашем творчестве. Как вы отнесетесь к этому предложению?

Крамер выразил полное согласие.

— Но для этого, — продолжал я, — необходимо использовать в передаче фрагменты из ваших фильмов. Вы не станете возражать, если мы процитируем некоторые ваши картины?

Тут необходимо пояснение. Существует порядок, согласно которому приобретенная для проката в стране та или иная кинокартина может показываться только в течение определенного времени, обусловленного в договоре с продюсером. Закончился срок — фильм не только нельзя показывать в кинотеатрах, но даже фрагменты не могут быть использованы ни в каких видах зрелищ для массовой аудитории. В «Кинопанораме» в том числе. Чаще всего в условиях буржуазного авторского права владельцем кинопроизведения считается не создатель его, режиссер, а продюсер — человек, плативший деньги за постановку. В случае с Крамером несколько иная ситуация: он сам продюсер своих лент. Надо было оценить всю меру его благорасположения, когда в ответ на нашу просьбу он улыбнулся и сказал:

— Используйте. В суд я на вас не подам!

И все рассмеялись — каждый понимал, о чем идет речь.

На следующий день состоялась пресс-конференция Стэнли Крамера, которую все ждали с таким нетерпением. Из присутствующих на ней только я один, наверное, знал, что скажет режиссер.

А в конце января 1984 года в эфир в первый раз (потом были повторения) под рубрикой «Мастера мирового экрана» вышла передача, посвященная творчеству выдающегося американского кинорежиссера, друга нашей страны, человека прогрессивных убеждений, за которые он мужественно борется в течение уже нескольких десятилетий, Стэнли Крамера.

На закрытии фестиваля в киноконцертном зале «Россия» был показан давний, но отнюдь не устаревший фильм С. Крамера «На далеком берегу». В нем рассказано о трагической судьбе нескольких человек, оставшихся в живых после того, как Земля

оказалась объятой атомной катастрофой. Фильм-трагедия, фильм-предупреждение.

В нашу передачу было включено признание режиссера, которое он сделал, объясняя конкретную причину, побудившую его создать это произведение. В свое время он рассказывал: «Мой девятилетний сын учится в школе — это в Калифорнии. В один прекрасный день приносят мне из этой самой школы письмо с вопросом: «Как, по Вашему мнению, будет лучше в случае атомного нападения — чтобы Ваш сын оставался в школе? Или Вы предпочитаете забрать его сразу после объявления тревоги домой?» Когда получишь письмецо вроде этого, то остается только одно: снять такую картину, как «На берегу».

Уезжая тогда из Москвы, Стэнли Крамер оставил чистую магнитную пленку. «Когда сделаете передачу, перепишите ее и пришлите мне», — попросил он. Мы выполнили его просьбу.

Став ведущим «Кинопанорамы», я словно бы расширил и продолжил свою журналистскую работу. Хотя я закончил филологический факультет МГУ, а не факультет журналистики, меня всегда манила к себе именно живая литературная деятельность — еще в студенческие годы. Мне нравилось писать нечто оперативное, встречаться с новыми людьми, ездить, узнавать. А главное — газета приучила не дремать, поворачиваться, внимательно смотреть по сторонам: нет ли чего интересного для дела? Тогда — для газеты, теперь — для «Кинопанорамы». И конечно, для журнала «Советский экран», коль скоро я имею к нему в последние годы прямое отношение.

Так, приехав в 1981 году на кинофестиваль в Западный Берлин как корреспондент журнала, я, конечно же, взял интервью для «Кинопанорамы» у члена жюри, известной нашей актрисы Ирины Купченко. Подводя итог смотру, она сообщила нашим телезрителям, что призом «Серебряный медведь» за лучшую мужскую роль был награжден советский актер Анатолий Солоницын — за создание центрального образа в фильме Александра Зархи «Несколько дней из жизни Достоевского».

Запомнилась поездка в Индию на VIII Международный кинофестиваль в Дели. Я писал о нем и в «Советском экране», и в журнале «Искусство кино», повторяться не хочу. А вот о том, как там была снята страничка для «Кинопанорамы», рассказать, наверное, следует. Эта история весьма красноречиво свидетельствует и о характере бытования кинематографа в Индии, и о том, как порой бывает, когда во что бы то ни стало хочется раздобыть для «Кинопанорамы» эффектный материал...

Совершая долгий ночной перелет Москва — Дели, не смыкая глаз, «дуясь» в русские шашки с армянским режиссером Генрихом Маляном, народным артистом СССР и, как оказалось, человеком с поистине спортивным характером, я лелеял мысль собрать в Дели перед кинокамерой всех представителей семьи Капуров и с ними побеседовать. Только осуществить эту идею, к сожалению, не пришлось. По приезде выяснилось, что Радж Капур в Дели приехал, его брат Шаши тоже, а всех остальных дела разбросали по разным концам Индии и мира.

Получил я эти огорчительные для себя сведения на приеме, который устроил для гостей фестиваля старший в династии Капуров — Радж, знаменитый и любимый у нас в стране «Бродяга».

Забегая вперед, скажу, что свою идею мне удалось частично

осуществить через два года в Москве на нашем фестивале, куда Радж Капур приехал с тремя сыновьями: Риши. Рандиром и Радживом. С главой семьи мы встретились как старые знакомые, обнялись, потом все уселись рядком, и каждый Капур произнес несколько слов в микрофон. Это были признания в любви советским кинозрителям, а актер Риши Капур сказал, что он мечтает, чтобы его в Советском Союзе узнали и полюбили так же, как отца...

Тогда в Дели я сосредоточил внимание на Шаши Капуре, поскольку почта «Советского экрана» мне подсказывала: он у нас в стране также очень популярен. В прокате шло немало фильмов с его участием.

Шаши по-настоящему красив, спортивен, образован и интеллигентен. Общаться с ним одно удовольствие.

Для равновесия в индийском сюжете нужна была еще и женщина. Без колебаний выбор был сделан в пользу Шабаны Азми, очень серьезной молодой актрисы, любимой зрителями и у нас и в Индии. Молодой-то молодой, но к тому времени она уже снялась в двух десятках фильмов и примерно в стольких же одновременно снималась. Такая занятость объясняется и популярностью исполнительницы, и, конечно, масштабами местного кинопроизводства. В 1984 году, например, было снято 833 полнометражных художественных фильма!

А вот цифра, характеризующая популярность творчества Шаши Капура. В один из моментов своей карьеры он «держал в руках» 150 (!) договоров. Когда я его спросил, не слишком ли это много, Шаши с присущим ему юмором ответил, что просто ему «хотелось посмотреть, сколько договоров одновременно может иметь такой средний актер, как я...».

На приеме у Раджа Капура при содействии представителя Совэкспортфильма Евгения Бегинина мы договорились об интервью для «Кинопанорамы» с Шабаной Азми. Условились и о месте встречи: кинотеатр «Плаза» (там показывали фильмы внеконкурсной программы), перед входом, сразу после утреннего сеанса.

Наивность своего плана мы не осознавали даже тогда, когда вместе с оператором Владимиром Степановым и собственным корреспондентом Гостелерадио СССР в Дели Эдуардом Сорокиным заблаговременно прибыли к месту встречи. Огромная молчаливая толпа, с трудом оттесняемая от подъезда кинотеатра полицейскими с длинными бамбуковыми палками в руках, затопила широкий тротуар и часть улицы. Выгрузив из машины аппаратуру, мы протиснулись с нею на свободный пятачок у подъезда, освобожденный для нас стараниями стражей порядка. Толпа любопытных была настроена дружелюбно, и интересовали ее, конечно, не мы, а звезды, которые должны были появиться после конца просмотра.

Впрочем, и на нас обратили внимание. В один из моментов, прорвавшись сквозь оцепление, ко мне подскочил худой маленький человек в рубашке до пят и, ткнув в меня пальцем, восторженно выкрикнул: «Грегори Пек?!» Полицейский, пригрозив палкой, оттеснил его на место.

Мы ждали Шабану Азми. Режиссерская наша идея заключалась в том, чтобы запечатлеть беседу с актрисой здесь, перед кинотеатром, в обстановке улицы, под открытым небом. Таков был замысел. Все предвещало его успешное осуществление; голу-

бое небо есть, кинотеатр на месте, людей много, даже больше, чем требуется... Осталось дождаться Шабану...

Чем ближе был конец сеанса, тем меньше и меньше становился тот свободный островок, на котором мы ютились. Вскоре мы трое взялись за руки и заботились только о том, чтобы не дать никому наступить на сложенные на тротуаре серебристые ящики и кожаные кофры с оптикой, камерами, магнитофонами.

Сеанс закончился. Толпа отпрянула куда-то в сторону, и я увидел в просвете между головами лицо выходящего из подъезда киногеничнейшего красавца в белом костюме Дени Дэнгсонгпа. Он ловко нырнул в машину и уехал. Слегка ослабевшее давление на нас тут же усилилось. Сквозь толпу плотно окруживших его людей, полусогнувшись и любезно улыбаясь, пробирался к своей машине Шаши Капур. Вот он достиг цели, подарил последнюю улыбку сквозь закрытое стекло автомобиля и тоже исчез.

Кто там еще выходил из кинотеатра, нас уже не интересовало. Мы ясно видели, что люди взбираются на капот и крышу нашего очень симпатичного казенного «фордика»...

В такой обстановке работать невозможно, правильно оценил ситуацию Сорокин. Надо уходить, сказал он. Если сможем...

С Шабаной Азми встретились лишь через день и во внутреннем дворике отеля, где она остановилась, без помех записали интервью. Правда, изо всех окон вокруг гроздьями свисали головы любопытных, но в кадр они не попадали. В ответ на рассказ о наших злоключениях у «Плазы» она весело смеялась...

В интервью для «Кинопанорамы» Шабана Азми с удовольствием вспоминала свои поездки на московские и ташкентские кинофестивали, говорила, что и она, и ее отец, известный в Индии поэт, человек, близкий к коммунистической партии, с восхищением следят за успехами советского народа, высоко ценят советское киноискусство, проникнутое духом гуманизма, идеями братства и мира.

Думается, читателям также будет интересно подробнее познакомиться с интервью, данным в те же дни Шаши Капуром. Оно прошло в телепередаче, но, как и всегда, в несколько сокращенном виде. Думается, стоит привести его полностью. Шаши Капура мы снимали, кстати, в одной из комнат кинотеатра «Плаза», без всяких постановочных изысков, ибо получили уже некоторый опыт общения «на людях» со звездами, которые здесь, в Индии, не просто авторитетны — их без преувеличения можно назвать кумирами миллионов.

Ведущий. Шаши, давайте сначала разберемся в родословной Капуров. Капуров много. Раджа Капура наши зрители хорошо помнят по таким, например, известным в свое время фильмам, как «Бродяга», «Господин 420». Вы его младший брат?

Ш. Капур. Да. Нас у отца, Притхвираджа Капура, трое. Все — сыновья. Я — младший. Мой отец приехал в Бомбей после окончания университета в конце 20-х годов. Основал здесь театр, снимался в немых фильмах. Когда три его сына выросли, то тоже пришли в театр, а после в кино. Потом сыновья женились, их дети получили образование и тоже оказались в кино. У меня два сына. Один из них, Кумал, сейчас снимается в главной роли. Другой мой сын, Карн, хочет быть оператором. Дочь пока

учится в школе. Кстати, Кумал отлично плавает, он занимался под руководством советского тренера.

Ведущий. А Риши Капур? Он как актер чрезвычайно у нас популярен.

Ш. Капур. Это мой племянник, сын Раджа. У Раджа своя студия в Бомбее. Шаари Капур, наш средний брат, владелец нескольких кинотеатров, прокатчик. Такая у нас семья. Все работают — кто на студии, кто в театре. В настоящее время я сам занимаюсь постановкой фильма. Главную роль в нем играет моя жена Дженифер. Кроме того, я недавно открыл в Бомбее свой драматический театр, в котором идут Брехт, Шекспир, пьесы по сюжетам «Махабхараты» и, конечно, по сюжетам из современной нашей жизни.

Ведущий. Как вы понимаете смысл своей работы в искусстве? Ведь не только ради денег все это делается...

Ш. Капур. Когда умер отец, он не оставил нам никакого наследства: ни богатства, ни денег, ни драгоценностей. Он оставил нам надежды и доброе имя. А еще — большие знания о кино, о театре, об универсальности нашей гуманной профессии. Нет, это не бизнес и не деньги... Для меня искусство — это прежде всего посол добра и доброй воли, главное в искусстве — способность объединять людей разных наций и разных стран.

Ведущий. Что бы вы хотели сказать о традиционных связях индийских и советских кинематографистов?

Ш. Капур. Они насчитывают уже не одно десятилетие. Но сегодня, мне кажется, здесь обозначился новый этап. Я приветствую и новые совместные фильмы, такие, например, как «Приключения Али-бабы и сорока разбойников», и расширение взаимного проката фильмов, и укрепление нашей дружбы по всем направлениям.

Через три года я опять оказался в Индии. На этот раз довелось побывать не только в Дели, но и в Мадрасе, и в кинематографической Мекке страны — в Бомбее. Побывал на студии у Раджа Капура. Он, заметно недомогавший, был, как всегда, приветлив при встрече. Потом распорядился поставить на аппарат старый хроникальный фильм о первом посещении делегацией индийских кинематографистов Советского Союза. Там, на экране, он оставался совсем молодым, таким, каким запомнился миллионам зрителей по «Бродяге». Когда зажгли свет, Радж вытирал слезы.

В один из дней вместе с узбекским режиссером Эльером Ишмухамедовым мы были приглашены в дом к Шаши Капуру. Квартира его занимает половину верхнего этажа небоскреба, откуда открывается бесконечный вид на океан. Познакомились с его сыном Кумалом и с дочерью. Все они только что вернулись из Англии, где Дженифер, их мать, перенесла тяжелую операцию. В рабочем кабинете Шаши показал мне висящую на стене цветную репродукцию с портрета маслом. На картине был изображен немолодой осанистый человек, сидящий в три четверти оборота, с умным выразительным лицом.

— Мой отец, — пояснил Шаши, — Притхвирадж Капур. А портрет писал советский художник, приезжавший в Индию в конце пятидесятых годов, я был мальчишкой, помню... Очень удачная работа, похож. У нас она размножена миллионными тиражами на открытках, марках, в репродукциях. А вот имени

художника не знаю. Мне говорили, что оригинал хранится в одном из московских музеев. Если бы удалось найти автора, я бы заказал ему копию, и она была бы установлена в Национальной галерее Индии. Вот уже много лет ищу — и все безрезультатно.

Я вызвался сделать все возможное, чтобы помочь ему в этом.

— Если что-то выясню, расскажу в Ташкенте на кинофестивале, — пообещал я.

Шаши собирался приехать на фестиваль вместе с Дженифер, если она будет хорошо себя чувствовать. Это был бы в какой-то степени символический визит — ведь в 1984 году исполнялось ровно тридцать лет с момента той встречи, которую мы видели отображенной в хронике, показанной на студии Раджем.

Потом хозяин ушел к гостям, а я, оставшись один в кабинете, принялся внимательно изучать репродукцию. Действительно, разобрать имя автора было невозможно...

По приезде в Москву вместе с молодым сотрудником «Советского экрана» Олегом Сулькиным мы сели на телефоны. Поиски в Музее Востока, в Пушкинском музее, в Третьяковке ни к чему не привели. Может быть, оригинал портрета находится в частном собрании? Или он не в Москве, а в Ленинграде, скажем? И вообще, жив ли автор, ведь столько лет прошло! Ни на один из этих вопросов ответа нет до сих пор. А как бы хотелось иметь!

Ведь найди мы оригинал портрета одного из крупнейших представителей индийской культуры, выдающегося деятеля театра и кино, главы династии славных и любимых у нас Капуров — Притхвираджа Капура, мы бы получили еще одно яркое свидетельство братских культурных связей между нашими народами. Ну а я, как ведущий «Кинопанорамы», получил бы в руки сюжет, который наверняка бы понравился зрителям.

Может быть, кто-то из читающих эти строки имеет сведения об исчезнувшем оригинале? Тогда, пожалуйста, откликнитесь!

...Так создаются сюжеты для «Кинопанорамы». Иногда осуществить задуманное удается, иногда нет. Но поиск материала надо вести постоянно, не упуская малейшей возможности его найти. Ведь каждые два месяца надо выходить к зрителям с новой программой! Так однажды забрезжила перспектива снять интересный сюжет для передачи, запланированной к выходу в эфир в дни открытия XIV Московского фестиваля. В связи с делами по его подготовке я полетел тогда в Мексику.

За последние десять лет я направлялся туда в третий раз. Накапливались впечатления, появлялись знакомства, и, естественно, я смотрел много новых мексиканских фильмов. Их в стране, если считать только художественные, выходит в год около тридцати. Каждый визит за океан не был похож на предыдущий. Вот и у этого особенность: помимо прочих дел, надо найти время и подготовить сюжет для «Кинопанорамы». О чем? В Москве с режиссером Ксенией Марининой решили, что разбираться мне надо будет на месте.

Сразу после приземления (дорога заняла больше двадцати часов, и день поменялся местом с ночью) состоялось летучее совещание. Началось оно с того, что мы с представителем Совэкспортфильма Алексеем Расторовым составили план работы на ближайшие дни, а потом к нам присоединились собственный корреспондент Гостелерадио СССР в Мексике Игорь Горанский и

кинооператор Юлий Кун. Выяснилось, что единственным днем, свободным от просмотров и деловых встреч, будет воскресенье. Вот в этот день и решили поработать для «Кинопанорамы».

Несколькими машинами мы выехали в южном направлении от Мехико и спустя часа полтора уже поднимали колесами пыль в городке Тананго дель айре, что в переводе означает «Тананго на ветру». Действительно, выжженная солнцем местность неутомимо продувается здесь ровными ветрами. Украшение горизонта — два полуспящих вулкана. Они разместились рядом друг с другом, нахлобучив на свои усеченные конусы снежные шапки. У вулканов оказались «простые», «легко» запоминающиеся названия. Один — Истаксиуатль, другой — Попокатепетль...

Еще три километра проселка — и взору открылось нечто вроде приземистой каменной крепости: старинное мексиканское поместье, тщательно отреставрированное. По-местному называется асиенда. Стены, амбары, жилые строения, часовня сложены из бурого крупного камня. А у ближней к нам обводной стены стояла внушительных размеров круглая тарелка антенны.

У ворот нас поджидал худощавый, с неторопливыми жестами человек лет сорока пяти, в парусиновых брюках и простой сорочке — Висенте Сильвио, хозяин асиенды, которая с этой минуты стала постепенно открывать нам свои тайны.

Тяжелые ворота и чугунные запоры раздвигались как бы нехотя, пропуская нас внутрь поместья. В центральном доме, где мы сразу принялись искать место для съемки, обнаружились длинные залы, погруженные в прохладный светлый полумрак, заполненные коллекцией предметов, поражавшей сочетанием старины и экзотики: седла и конская утварь, оружие и орудия труда, произведения искусства периода майя и ацтеков и призы за победы в кино- и телефестивалях, шахматные наборы из обсидиана и морские раковины величиною с добрый бочонок, модели парусников и древние скульптуры слонов, выполненные из пересохших крашеных дощечек... Одним словом, это был и музей, экспонаты для которого явно собирались со всей Мексики, и, похоже, хранилище уникального реквизита для исторических фильмов.

Теперь объясню, куда же мы все-таки попали. Для этого надо сказать несколько слов о хозяине асиенды — о Сильвио Висенте. Он — внук Висенте Ломбардо Толедано, выдающегося деятеля мексиканского и международного рабочего движения, ставшего в 1938 году председателем Конфедерации трудящихся Латинской Америки, а в 1945-м — вице-председателем Всемирной федерации профсоюзов, бывшего лидера Народной партии Мексики, члена Всемирного Совета Мира. Он был видным философом-марксистом, блистательным оратором. Любил, например, выступать на площадях перед церквами в дни религиозных праздников. Тогда церкви оказывались пустыми: все торопились услышать самого Висенте Ломбардо Толедано. «Когда он говорит, церковь молчит», — констатировали святые отцы.

Так вот. Висенте Сильвио верен заветам своего деда. Он получил философское образование, но целью своей жизни поставил создание студии по выпуску телевизионных фильмов, отстаивающих идею национальной и государственной самостоятельности Мексики, поддерживающих прогрессивные движения в странах

Латинской Америки в пику политической и экономической экспансии северного соседа. Человек не очень богатый, он сумел-таки добиться своего, и асиенда, куда мы приехали, чтобы подготовить страничку для «Кинопанорамы», — это и есть та самая студия. Огромные каменные амбары превращены здесь в павильоны, внутренность старинной церковки преобразована в тонстудию с поразительной по чистоте акустикой, есть монтажные, съемочная и звукозаписывающая аппаратура — по самому последнему слову техники. Имеется уютная гостиница, столовая, бар — так что группе, приехавшей снимать фильм, есть где жить и питаться. Есть свой небольшой автопарк, конюшня, а вокруг раскинулись поля — урожай с них идет на стол живущих и работающих в асиенде. Электричество здесь свое, вода — тоже. И, между прочим, нет телефона. Связь с внешним миром осуществляется только по рации. Вот такой своеобразный «Наутилус», только не в океане, а на суше, причаливший к подножию вулканов, вздыбленных над оранжевыми просторами Мексиканского нагорья.

— А сами вы фильмы ставите? — спросил я Висенте.

— Нет, — ответил он, — я не режиссер, я — продюсер.

— Вот это все, что вокруг, созданное здесь, — именно было вашей целью, вы об этом мечтали?

— Да, я этого хотел и счастлив, что это есть. Нам бывает трудно, средств не хватает. Но я оптимист. Мы делаем свое дело, оно прекратиться не может.

— На какую территорию можете вы передавать свои фильмы?

— Там, на вулкане, — он показал на вершину Попокатепетля, — установлен ретранслятор, он принимает наш сигнал и может передать его в любую точку страны. У въезда вы видели антенну — у нас есть спутниковая связь.

— Но, Висенте, наверное, ваша работа не так уж для вас безопасна. Она может кому-то не нравиться...

— Да, — просто согласился он. — У меня есть охрана, — и добавил: — невооруженная...

Жена Висенте — бывшая актриса, оставившая карьеру, чтобы быть с мужем в его деле. У них четверо детей. Живут здесь же, в асиенде. Я видел их комнаты с чугунными решетками в окнах.

Так живет и работает Висенте Сильвио, крупнейший представитель, а многие его называют и зачинателем, независимого частного телевидения на Латиноамериканском континенте.

То, что я рассказал об асиенде и ее обитателях, естественно, никак не могло уложиться в нашу телестраничку. И все же, пусть не прямым показом, а косвенно, впечатления от увиденного должны были сказаться в том особом душевном настрое, в котором я находился, обращаясь к кинокамере, направляемой Юлием Куном. (Игорь Горанский в это время самоотверженно выполнял функции звукооператора.) Я говорил о том, что эти места овеяны кинематографическими легендами и традициями. Здесь работал Сергей Эйзенштейн, когда снимал свой фильм «Да здравствует Мексика!». Здесь, в асиенде, специальной табличкой помечено место, с которого великий художник Диего Ривера писал одну из своих картин. Сотрудничество с ним много дало Эйзенштейну в постижении национального искусства. Сю-

да приезжал Владимир Маяковский, которого мы по праву причисляем и к кинематографическому цеху. Сергей Бондарчук снимал на просторах Центральной Месы «Мексику в огне» — первую часть экранной эпопеи «Красные колокола». Я рассказал также и о том, что по телевидению Мексики в честь 40-летия Победы над гитлеровским фашизмом прошла демонстрация фильма-эпопеи Юрия Озерова «Освобождение», и вообще, как я узнал, мексиканцы стали чаще знакомиться с советскими фильмами.

Эту мысль охотно подхватил кинорежиссер Гонсало Мартинес.

— Это действительно так, ты прав, — сказал он. — Недавно в Национальной синетеке прошла ретроспектива советских фильмов. Зал был переполнен. Смотрели «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Арсенал», «Земля», «Чапаев», «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «Детство Горького», «Человек с ружьем», «Летят журавли», «Дон-Кихот», «Судьба человека», «Баллада о солдате», «Дама с собачкой», «Гамлет», «Живые и мертвые», «Обыкновенный фашизм»... И другие фильмы смотрели. Например, три фильма Никиты Михалкова: «Раба любви», «Обломов» и «Пять вечеров»... Передай поздравление Никите — огромный успех!..

Гонсало Мартинес был одним из тех деятелей мексиканского кино, кого я пригласил участвовать в «Кинопанораме». Вот почему он тоже оказался в асиенде. Сюда приехали также известная актриса Бланка Герра и режиссер Серхио Ольхович.

Гонсало давал интервью на русском языке. Дело в том, что в 1968 году он закончил в Москве Всесоюзный институт кинематографии. Последующие годы он много и продуктивно работал, стал ведущим режиссером и сценаристом Мексики, как драматург и постановщик художественных и документальных лент выходил победителем национальных фестивалей и конкурсов. Наше с ним знакомство началось несколько лет назад, во второй мой приезд в Мехико, затем продолжилось на московских и ташкентских кинофестивалях. Но именно сейчас мы как-то особенно сблизились. И, конечно, не только благодаря «Кинопанораме», а еще и в результате совместных размышлений и разговоров о возможном его фильме из времен майя и испанских конкистадоров, о месте в истории страны жестокого Кортеса-завоевателя, «черного героя», как назвал его Гонсало, явно захваченный этой темой. В последние месяцы он разрабатывает ее вместе с советским драматургом Эдвардом Радзинским, недавно тоже побывавшим в Мексике и от которого я привез Гонсало привет...

О совместной работе с советскими кинематографистами рассказал мне и режиссер Серхио Ольхович. Его проект ближе к реализации, поскольку сценарий уже написан. Автор сценария — лауреат Ленинской премии, один из создателей знаменитой «Баллады о солдате», Валентин Ежов.

Все эти связи, совпадения, думается, не случайны. Обнаруживая их, всегда радуешься росту авторитета советского кино, укреплению творческих контактов между деятелями искусства разных стран, и, право, благодаря им далекая Мексика становится ближе. И совсем не случайно оказалось, что Гонсало Мартинес собирался поехать в Москву в качестве члена жюри XIV Международного кинофестиваля, а красавица Бланка Герра, которая тоже, как я сказал, приехала в гости к Висенту Силь-

вио, а в данном случае еще и в гости к «Кинопанораме», была членом жюри предыдущего нашего фестиваля и снова собиралась в Москву. Пока я говорил с режиссерами, она, ожидая своего интервью, играла в тени развесистого дерева с черной, без единой шерстинки собакой местной породы, зверем поразительно ласкового нрава.

С Бланкой Геррой мы начали беседу на лужайке перед домом, где разгуливали ленивые павлины, иногда подававшие свой истошный голос. Потом мы углубились в прохладу дома и расположились в креслах на фоне стеклянных витрин, наполненных мексиканскими раритетами. Бланка говорила свободно, охотно, подробно. О своих родителях, о детской мечте стать актрисой, об учебе в университете. Она не баловень судьбы. Все, что умеет — а умеет Бланка Герра и петь, и танцевать, играть на музыкальных инструментах, ей подвластны и роли тонкого психологического рисунка, — результат последовательной и трудоемкой профессиональной подготовки. Добавлю, что она плоть от плоти народного мексиканского характера, со всем присущим ему темпераментом и глубиной чувствований. В сочетании с поистине выигрышной внешностью все это и выдвигает ее сегодня на ведущее место среди мексиканских кинозвезд.

Беседуя с нею, я одновременно прикидывал, фрагменты из каких фильмов мог бы использовать режиссер для иллюстрации нашего разговора, для характеристики разных граней творческого облика актрисы. Ну, конечно, это трагический образ крестьянки из фильма С. Бондарчука «Красные колокола». Это, видимо, и современная роль в ленте «Мотель», приобретенной нашим прокатом. Сюда можно добавить новую ленту, увиденную мною в тот приезд, — «Продавец лотерейных билетов», где она создала образ страдающей жены обаятельного нищего недотепы, на которого нежданно-негаданно обрушилось относительное богатство. И это, наконец, фильм «Ориноко», пусть не глубокий по содержанию, но в полной мере выявляющий хореографические и вокальные возможности популярной и разнообразно-неожиданной в своих творческих проявлениях исполнительницы.

Выдам секрет: договариваясь о встрече и о съемках, я просил Бланку Герру что-нибудь еще спеть, а может быть, и станцевать для зрителей «Кинопанорамы». Она мягко, но непреклонно отказалась.

— Так, без подготовки, я буду выглядеть глупо, — сказала она.

Настаивать я не стал. Кинозвезды лучше знают, в каких ситуациях как они выглядят.

После окончания беседы, когда мы снова вышли на лужайку к павлинам, она вдруг вернулась к тому разговору:

— Я специально подготовлю несколько номеров и с ними приеду в Москву... Так будет лучше...

Потом с вулканов на асиенду спустилась ночь. Висенте Сильвио остался один у тяжелых ворот с прощально поднятой рукой. Алексей Расторов гнал нашего восьмицилиндрового металлического зверя, а я, сидя рядом, думал о том, что вот, с помощью добрых людей, подготовлена еще одна страничка «Кинопанорамы». Она промелькнет в потоке телеинформации минут за пятнадцать. Но в моем сердце и памяти останется уже навсегда.

5

Резонанс...

А ТАКЖЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как-то в журнале «Советский экран» было опубликовано интервью с актрисой Ириной Купченко. Среди многих вопросов, заданных ей, был и такой: «Мешает ли вам популярность, когда, скажем, вас узнают на улице?» — «Нет, не мешает, — ответила она, — меня не узнают...»

По-моему, прекрасный ответ. Достойный и с юмором.

Интересно, что в том же духе высказалась мексиканская актриса Бланка Герра: «Меня не узнают на улицах. Я ведь играю такие разные роли...»

Вот именно! Мастера — они и есть мастера. А у ведущего всегда одна роль — ведущего. Его узнают? Особенно если на голове нет кепки? Бывает...

Но иногда принимают за другого. Например, за своего знакомого, с которым долго не виделся. Кто-то может вдруг подойти, пожать руку, даже приобнять и, дипломатично не называя по имени, произнести что-то вроде: «Ну как ты, ничего? Что поделываешь?..»

Незнакомые люди часто здороваются со мной, решив, видимо, что мы «где-то встречались»...

Был один случай, когда узнаваемость помогла. В Алма-Ате администратор гостиницы предоставила номер. Потом, правда, выяснилось, что она приняла меня за одного из политических обозревателей, ведущих «Сегодня в мире». Удача с гостиницей — случай редкий, если не единственный...

Да, все относительно. Когда-то в течение нескольких лет, «Кинопанораму» вел кинокритик Георгий Капралов. И вот однажды, когда я уже был ведущим передачи, приехал в Сочи, где киногруппа студии имени М. Горького снимала по моему сценарию фильм «Лидер». Вечером зашли с товарищами в ресторан поужинать. Какая-то женщина, проходившая мимо нашего столика, громко сказала приятельнице, показав на меня: «Смотри, вон сидит режиссер Капралов!»

Вот и цена известности: Капралов, оказывается, не критик, а режиссер, а я не Орлов, а Капралов!

Один из бравших у меня интервью журналистов обратил внимание на то, что среди драматургов я единственный, чье лицо всем известно. Но, сказал я, есть для драматурга более приятная известность, например, Шекспира. Моя же известность «кинопанорамная», телевизионная. Хотя драматургом я стал отнюдь не благодаря «Кинопанораме»...

Однако просто отмахнуться от телевизионной известности, только отшутиться по этому поводу никак нельзя. Она накладывает большую ответственность. И тут я переключаюсь на тон совершенно серьезный.

Миллионы телезрителей, слушающие голос говорящего с экрана ведущего, воспринимают его не только как полномочного полпреда передачи, посвященной кино. Они видят в нем и своего представителя в киномире. Они сверяют свои мысли и впечатления о фильмах и актерах с его мыслями и впечатлениями, вопросы,

которые он задает, это как бы и их вопросы, и они правы, когда ждут от ведущего зрелых, точных и обязательно содержащих в себе элемент новизны размышлений и суждений.

Мало того, они следят за его манерой говорить, держаться, общаться с собеседниками, они даже требовательны к его внешности, одежде — тут мелочей нет. Ведь зрители и судят тебя, но и наверняка готовы у тебя чему-то поучиться. Речь-то в «Кинопанораме» идет об искусстве, а значит, всегда о человеке, о его нравственном мире, о духовной наполненности жизни, о том, что взывает к самосовершенствованию, к истине, к прекрасному. В этом именно особенность «Кинопанорамы» (у передачи «В мире животных», скажем, или «Очевидное — невероятное» особенности свои, как и свои собственные трудности).

Определенная часть зрителей жаждет получить от «Кинопанорамы» прежде всего информацию. Какие фильмы снимают, кто снимается и кто снимает. Расскажите о том-то, покажите то-то... И множество вопросов и просьб. Так, например, коллектив Одесской телефонной станции интересуется: «Дублируют ли голоса таких артистов, как В. Артмане и И. Калныньш в фильме «Театр» и в других лентах, а также В. Кикабидзе в фильме «ТАСС уполномочен заявить...».

Или семья Кравцовых и Сосиных из Душанбе, которым понравился фильм «Д'Артаньян и три мушкетера», просят пригласить на «Кинопанораму» артистов М. Боярского, И. Старыгина, В. Смехова и В. Смирнитского, чтобы узнать у них о творческих планах. Лена и Маша из Красноярского края (других сведений они о себе не сообщили) интересуются, где и как снимался фильм «Собака Баскервилей». Семья Гривцовых из Ферганы просит походатайствовать о показе фильмов с участием Аллы Ларионовой и Николая Рыбникова: «Такие прекрасные актеры, а на экранах их совсем не стало видно...» Федоров из Канска и Цатурова из города Железнодорожный Московской области недоумевают, почему нет нового фильма об А. С. Пушкине, и настаивают, чтобы «Кинопанорама» приняла соответствующие меры.

Что тут ответишь? Как говорится, спасибо за доверие, но многое из того, о чем просят в письмах, не только не входит в функции «Кинопанорамы», но и полностью лежит за пределами ее компетенции. Однако реально выполнимые просьбы телезрителей обязательно учитываются при планировании и составлении передач. Пусть не все без исключения, пусть не всегда сразу, но обязательно. Знать, кто и что интересует зрителей, чрезвычайно важно. Письма, приходящие на телевидение в адрес «Кинопанорамы», в этом смысле — хорошая подсказка, всегда помощь.

Но и содержание передач самым активнейшим образом влияет на характер последующей почты.

Вот пример. Стоило нам провести «Кинопанораму», посвященную немому кино, рассказать о Госфильмофонде СССР, как посыпались письма, содержащие просьбы поведать не только о «первом русском фильме «Понизовая вольница», не только о тех актерах и актрисах, что были упомянуты в передаче, но и о других немых фильмах, и о других исполнителях, запомнившихся нашим корреспондентам по походам в кинотеатры в детстве и юности. Письма шли в основном от пожилых людей.

Бывают и казусы. Так, мы рассказали однажды о «харьковской

находке»: молодой киномеханик из Харькова Владимир Миславский, помогая товарищу ремонтировать погреб, обнаружил в земле коробки со старой кинопленкой. Вскоре выяснилось, что ему в руки попали два неизвестных до того фильма Жоржа Мельеса, называемого специалистами основоположником французского кино, и один фильм Гриффита — американского и мирового классика экрана.

Вскоре поступило письмо от второклассника Миши Б., который сообщал, что нашел во дворе «обрывок кинопленки, не очень длинный, примерно 3—4 метра», и просил прислать корреспондента: не новый ли киноклад он нашел... Мы мальчика поблагодарили, но корреспондента посылать не стали.

Часто в посланиях телезрителей содержатся не только предложения и просьбы, но и поистине исповеди, предельно искренние рассказы о себе, о своих взглядах на жизнь, на собственную работу или учебу, на литературу, искусство. Такие письма читаешь с особенным волнением, ведь они лучшее доказательство того, что «Кинопанорама» воспринимается не только как узкопрофессиональная передача, касающаяся разных ракурсов кинодела, но она еще и задевает душу человеческую, говорит что-то нравственному и эстетическому чувству своих друзей-зрителей.

Письма приходят разные. Бывает, что по одной и той же передаче зрители высказывают противоположные мнения. Но каждое письмо — портрет автора. И это очень интересно.

Вот, например, взволнованное послание от Антонины Николаевны Стефановой из Орла. «К вам я обращаюсь как к ведущему «Кинопанорамы», — пишет она, — которую я люблю и всегда смотрю. Мне нравятся женщины-героини, которых вы показываете и о которых рассказываете... Вам, как мужчине, может быть, трудно понять меня, но, поскольку кино является самым доходчивым искусством во всех вопросах, я обращаюсь к вам... Сколько есть картин об охране природы, животного мира и т. д. Только нет ничего об охране женского достоинства... Сколько есть прекрасных простых женщин, любящих свою Родину, честно работающих, воспитывающих детей. Пусть у них нет наград, а они живут, выполняя свой долг работницы и матери, среди тревог и волнений...» И далее из-под пера Антонины Николаевны буквально выплескивается гимн во славу советской женщины, нашей современницы, перед образом которой, конечно же, еще в долгу кинематографисты.

Благородный и трогательный образ автора встает за этими взволнованными строками.

Артистов часто в интервью спрашивают: как они относятся к письмам зрителей? И всегда артисты отвечают, что не представляют без них своей жизни и работы. Поддержка зрителей вдохновляет, умножает силы. Я не артист, но судьба распорядилась так, что и я теперь получаю зрительские письма. И как ведущий «Кинопанорамы», и как сценарист фильмов, и как сотрудник журнала. Подтверждаю: да, они вдохновляют, придают уверенность. В частности, убеждают в том, что, как ни трудно «кинопанорамное» дело, как ни отрывает оно от письменного стола, но оно нужно твоим далеким неведомым друзьям, которые вечерами, закончив дневные хлопоты, включают телевизоры, и ты им говоришь: «Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодняшний выпуск

«Кинопанорамы» мы начнем с рассказа о фильме...» И вечер мы проводим вместе в разговорах о кинематографе, о его творцах и тружениках, о жизни. И спорим, и соглашаемся друг с другом — одним словом, беседуем...

Заканчивая эти записки, с огорчением отмечаю, что очень о многом рассказать так и не успел. Например, о встречах в «Кинопанораме» с замечательными нашими композиторами Яном Френкелем, Исааком Шварцем, Владимиром Шаинским, Алексеем Рыбниковым или о тех, например, кто детьми снимался в фильмах «Чук и Гек», «Тимур и его команда», «Судьба человека», а потом в кино не остался, пошел другой своей дорогой...

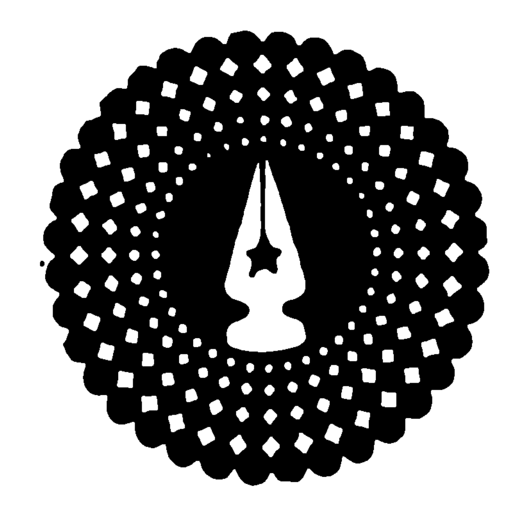
А беседы с Олегом Янковским и Натальей Гундаревой, или выпуск «Кинопанорамы», который был целиком посвящен кинематографу для детей и юношества, — тогда в ходе подготовки мы провели с Роланом Быковым диспут перед телекамерами, и он не вошел в передачу...

А сколь содержательны были встречи с режиссером Сергеем Колосовым и актрисой Людмилой Касаткиной, создателями первого советского многосерийного телефильма «Вызываем огонь на себя»... Или поездки с известными узбекскими режиссерами Шухратом Аббасовым и Эльером Ишмухамедовым, с первым — в Мексику и на Кубу, со вторым — в Индию, по делам Ташкентского международного кинофестиваля...

А еще не рассказал о встречах с Альберто Сорди, с Нино Манфреди, с испанским певцом Митчелом. И о наших кинозвездах не рассказал — Иннокентии Смоктуновском, Алексее Баталове, Всеволоде Санаеве, Лидии Смирновой, Кларе Лучко, Владимире Гостюхине... О звездах балета Екатерине Максимовой и Владимире Васильеве — они снялись в прекрасном телевизионном фильме-балете «Анюта». Сколько, наконец, было оставивших глубокое впечатление встреч с нашими молодыми кинематографистами, с теми, кто делает первые шаги в искусстве. Ведь и о них постоянно рассказывается в нашей передаче...

И все же надеюсь, что, познакомившись с этими записками, читатель сможет лучше представить, как делается «Кинопанорама».

●

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

СТРАТЕГИЯ УСКОРЕНИЯ: ПОИСК, КАЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Николай ТКАЧЕНКО

НА ПЕРЕЛОМЕ

ДЕЛА И ПРОБЛЕМЫ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМБИНАТА «КУБАНЬ»

> Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша.
>
> А. П. Чехов

— Вот он — хлеб! Наш, кубанский... Тимашевской пшеницы сильных сортов!

Ломач встал из-за стола, неторопливо обошел его почти по всему кабинету. Затем своей сильной пятерней пахаря вмял пышную пахучую булку в полированную крышку стола...

За стеклами чернела ночь. В широкой зеркальной столешнице отражались плоские лампы, вделанные в потолок, а также часть директорского кабинета, где нас было двое, а вообще-то могли поместиться все 89 человек. Ровно столько, сколько насчитывается в совете агропромышленного комбината «Кубань», первого и пока единственного в стране.

Свежеиспеченная буханка под ладонью генерального директора вмялась, съежилась в бесформенный комок. Но не про-

шло и минуты, взошла, огладилась, снова залоснилась румяным бочком.

— Вот он, хлеб! — приподнято и как-то празднично повторил Ломач. — Первой выпечки на сыворотке! По-старинному, по-казачьи. Вкуснейшая вещь. Не черствеет. А ведь сущий отход — сыворотка... До сих пор в канализацию льют... Пекарню отремонтировали наконец. Свою. Четыре месяца пришлось людей агитировать! Не брались. Дескать, зачем, есть городская, хватает. Но печет-то не так! Скажете, мелочь, еще ежедневная тонна хлеба при том, что ворочаем мы десятками миллионов? — продолжал Ломач. — Нет, не мелочь! Для нас этот хлеб — наше лицо.

За словами генерального директора, мне показалось, пряталась какая-то сильная и в то же время простая истина, которую он, Ломач, усвоил очень давно, накрепко и глубоко, но которую не спешит выкладывать и разъяснять с ходу, как всякий много переживший и передумавший человек. И как хлебороб, крестьянин, досконально знающий землю. Мне было известно, что на пост генерального Ломач пришел с должности начальника краевого управления сельского хозяйства. До этого был председателем колхоза лет пятнадцать. А до председательства сам пахал, боронил, сеял, ремонтировал технику, собирал и разбирал моторы в колхозной мастерской.

— Сейчас началась коренная ломка всего старого и отжившего в сельском хозяйстве, — заговорил снова Ломач. — Ломка не только экономическая, но прежде всего, на мой взгляд, психологическая... Вот теперь хлеб закупаем на золото. Почему? Недостаточно производим. Успокоились, поотстали. Посадили себя на паек «что бог пошлет». А бог — погода и государство. Погода отнимет, государство возвратит. Привыкли к его дотациям, денежным компенсациям и вроде как бы сели на шею ему. Что же, и вправду сельское хозяйство убыточная отрасль? Ведь наш покупатель ни один продукт по настоящей цене не покупает: в полтора, два, три раза дешевле себестоимости! Истинной цены мясу, молоку, хлебу горожанин не знает.

— Не знает он, Михаил Михайлович, к сожалению, и изобилия также.

— Да, пока... Так вот — началась ломка. Повторяю: ломка прежнего сознания, устоявшихся стереотипов в экономике, руководстве. Поэтому главный принцип в работе нашего комбината — полный отказ от государственных дотаций, переход на самоокупаемость производства, развитие его за счет полученной прибыли. Наш девиз — сельское хозяйство должно и может быть рентабельным, высокоразвитым, интересным для занятого в нем человека! Но все это возможно при введении мощных индустриальных ресурсов, максимальной отдаче сельскохозяйственной науки, внедрении лучших достижений научно-технического прогресса. Такие задачи предъявила нам сама жизнь. О чем справедливо говорилось на состоявшемся XXVII съезде партии и что нашло поддержку в решениях главного форума коммунистов страны.

Тут надо сказать, что картина скорого всеобщего преобразования сельскохозяйственного производства, обрисованная Ломачом, создается в его хозяйствах уже сегодня. В этом я убедился, объехав с десяток колхозов, откормочных комплексов, ферм, заводов

комбината «Кубань». Не все еще, правда, до конца осознано, продумано, пригнано и притерто, но новации вдохновляют. А рутина, свившая себе гнездо на бездушном отношении к делу, резко рвет гармонию в налаживающемся процессе зарождающегося свежего мировоззрения и конструктивных взаимоотношений тружеников на земле.

В новом сельскохозяйственном укладе полновесно выявляется истинный хозяин земли — агроном, полевод, животновод, экономист, инженер. Плюс — и новый хозяин, привлеченный к продукту угодий и ферм. Это рабочий-переработчик на элеваторах, мясокомбинатах, молочных, консервных и сахарных заводах, продавец в магазинах, соединенных в одной технологической линии «поле — переработка — продажа». Труд земледельца разом утратил привившуюся было за долгие годы к нему анонимность. Это когда продукция уходила, растворялась, удорожалась, «присваивалась» на самых различных уровнях неполноценной структуры многочисленных посредников, подрядчиков, смежников, работающих рядом с земледельцем, но только не рука об руку... Это был целый ряд министерств, управлений, объединений, ведомств, цели и интересы которых по отношению к труженику полей и ферм зачастую были корыстны. Поистине получалось — «один с сошкой, семеро с ложкой».

Земледелец обкладывался целой системой нелепых условностей, санкций, проверок, штрафов... Продукция по дороге к прилавку пропадала, теряла свои потребительские качества, нередко сгнивала в многочисленных ведомственных складах, перевалочных базах, хранилищах так называемых посредников. Индустрия переработки зачастую не отвечала требованиям времени.

Крестьянин, с изумлением взирая на все это, все больше отчуждался от конечного результата. В нем постепенно начала выветриваться этика кормильца своего народа, страны, государства. Он превратился в их постоянного должника. Часто он просто уходил от земли. Тяжело. Непрестижно. И даже немодно. Чистоплюйское отношение к человеку земли не изжито. Разве не слышим мы и теперь пренебрежительное: «Ну ты, колхозник!» Партия строго пресекает подобные проявления социальной несправедливости, искажения нашего гуманизма. Но в корень должен смотреть прежде всего каждый из нас, граждан социалистического Отечества.

Перелом начался. Настало время покончить с существованием столь бесцеремонно-беспечной практики разбазаривания, перераспределения и доводки сельскохозяйственной продукции до прилавка. На своем XXVII съезде партия решительно призвала крестьян и рабочих, ученых и инженеров в кратчайшие сроки обеспечить самую высокую отдачу от всего, чем располагают сельское хозяйство, индустрия, наука. Воспринимать это следует не иначе, как обращение к нашему разуму, распорядительности, деловой предприимчивости, нашей гражданской совести...

Зазвонил телефон в кабинете Ломача. Местный, не тот, по которому он напрямую набирает Москву. Говорил человек, ответственный за пуск пекарни. Видимо, волновался, сомнения высказывал. Ломач минуту-другую впитывал информацию, слушал, потом начал отвечать:

— Геннадий Васильевич, уважаемый! Уверяю тебя, дай время,

хлеб будет отменный! А сегодня дежи, может, были холодные, тесто не так взошло. Как-никак первый раз... Но через неделю за нашим хлебом очередь будет стоять. Хлеб на сыворотке — первая птичка!.. Нет, Геннадий Васильевич, я в этом усматриваю большее. Вот построил райпо хлебозавод, хлеб, чего говорить, неважный. Остатки непроданные перемешивают, вновь пекут, продают... А мы свой лоток рядом с райповским поставим, и покупатели сами разберутся и скажут, какой надо печь хлеб и какой лучше... Конкуренция? Да! А почему нет? Ради качества! Ради покупателя. Единственное, что надо учесть, — наш хлеб ручной выделки, по старинным рецептам. И он на сегодня лицо нашей фирмы. Хоть маленькое, но лицо! Двадцать копеек — серый, тридцать — белый. Всего-то... Каждый колхозник, приехав в райцентр Тимашевск, скажет: «Вот он, хлебушко наш, постарались!..»

Ломач положил трубку.

— Эх, мне бы сюда с десяток активных штыков! Специалистов с живинкой, фантазией, масштабом! В поле таких хватает. Их не надо учить работать по-новому. Вон, Клепков Михаил, Стормин Анатолий, Николай Волошин — механизаторы. Так у них нет ни одной машины с завода, которую бы они не усовершенствовали! А здесь, в руководящем звене, такого класса специалистов пока нет. Выход единственный: перестраивать экономическое мышление кадров, поднимать его на более масштабный уровень. Мы твердо должны знать и уметь, как получать прибыль. И чтобы каждый из сорока трех тысяч работающих в комбинате принимал в этом участие!

Что же представляет собой агропромышленный комбинат (АПК) «Кубань» в организационном отношении?

Комбинат образован в июне восемьдесят четвертого года. Под одну крышу собраны 26 колхозов и совхозов; 11 заводов по переработке мяса, молока, зерна, сахарной свеклы и конопли; четыре автотранспортных предприятия, столько же строительных и проектная организация; объединения Сельхозтехника, Сельхозхимия и Сельхозэнерго; заготовительная контора и еще ряд других организаций. Всего 56 предприятий. Высшим органом управления комбината является совет. Генеральный директор обеспечивает выполнение решений совета.

Основная задача комбината — производство, заготовка, переработка, хранение, транспортировка и реализация сельхозпродукции и высококачественных продовольственных товаров в районах Краснодарского края. Как уже говорилось, производство основано на дальнейшей интенсификации, хозяйственном расчете и самоокупаемости. В обязанность комбината входят поставки продукции в общесоюзный и республиканский фонды. Часть ее реализуется через собственную торговую сеть по ценам, установленным советом АПК, которые должны возмещать фактические затраты по производству, хранению, переработке и транспортировке, а также обеспечивать необходимые накопления для расширения производства. Это и есть прибыль.

Комбинату вменяется также разработка научно-технических прогнозов по своей проблематике, перспективных и текущих планов внедрения новой техники, достижений науки, передового опыта, современной технологии. Особой графой отмечается предот-

вращение потерь и сохранность продукции на всех этапах сельскохозяйственного цикла. Не пропущен в уставе «Кубани» и пункт по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

В области науки, техники и международного кооперирования комбинат может осуществлять сотрудничество и прямые связи с организациями и предприятиями стран — членов СЭВ, и в частности с Югославией. Налаживается поставка продукции на экспорт в капиталистические страны. Это технический жир, растительное масло, мед, сахар, соления, чай, норковые шкурки. Поступление валюты позволяет комбинату закупать чистосортные семена, различные агрегаты для уборки урожая, автоматизированное оборудование, которого у нас пока не производят.

Талантливых самородков, о которых говорил Ломач, в хозяйствах «Кубани» немало. Но мысль генерального директора определенна и ясна: только научно-технический прогресс, помноженный на массовый энтузиазм земледельца, рабочего, инженера, ученого, сможет перевести сельскохозяйственное производство на рельсы интенсификации в сжатые сроки.

Потребуется плотнее сплести интересы колхоза и совхоза с машиностроительным заводом, сельского агронома с инженером-конструктором-кибернетиком, механизатора с высококвалифицированным заводским лекальщиком, токарем, сборщиком. Ибо теперь без техники, поднятой на более высокий уровень производственного совершенства и надежности, интенсификация агропрома невозможна, а широкая индустриализация сельскохозяйственных процессов немыслима.

Поэтому первыми моими словами в беседе с известным в Тимашевском районе механизатором Николаем Александровичем Волошиным был вопрос о том, какая появилась новая или более усовершенствованная техника у полевода после образования агропрома?

С ответом — пауза... Чуть раньше, по дороге в бригаду Волошина, молодой парторг колхоза имени Георгия Димитрова Анатолий Михуля рассказывал мне, что нет в колхозе такого механизма, в котором бы за тридцать три года работы Николай Александрович не разобрался, не довел его «до ума». Тракторы и комбайны, на которых он и два его сына работают, никогда не простаивают, всегда в образцовом порядке, служат очень долго. Страсть к технике передалась Волошину от отца, коммунара Александра Волошина, великолепного кузнеца, слесаря, токаря, дизелиста, электрика. И просто энергичного, изобретательного человека, организовавшего в 20-м году первую комсомольскую ячейку в коммуне «Всемирная дружба», на базе которой позднее образовался колхоз имени Георгия Димитрова.

Три поколения механизаторов в одном хозяйстве за шестьдесят лет! Внуки легендарного Александра — Евгений и Александр — тоже с техникой, оба механизаторы. В отца или в деда? В обоих.

Николай Александрович, в черной, промасленной робе, откладывает газовый резак, тщательно протирает обитые руки, примеривается с ответом:

— Та пока што нэ дужэ ощутительно с новейшей техникой...

Тридцать три года отданы полю, земле, механизмам. В пятьдесят третьем начинал Волошин прицепщиком в МТС. Строго тогда за технику спрашивали: за пол мку, перерасход горючего, за излишний прогон. Наказывали часто лишением техники. И понятно — ее было мало. На один трактор три механизатора. Сейчас наоборот: на одного механизатора три-четыре машины. Да каких! Дорогущих! По тридцать, по сорок тысяч стоимостью! Нет, раньше не бегали от наказания. Надо было работать. Это теперь, чуть приструнили, сразу: «Уйду из колхоза! В Тимашевку, в Краснодар на завод». И уходят. Дефицит в кадрах. Старых механизаторов все меньше. А техника не всегда в надежные руки попадает. Молодежь неоперенная — как? «За руль и вперед!» Но сначала надо «букварь» изучить: досконально машину познать, перебрать по болтикам. И только тогда за руль... Да, смена поколений в механизаторских кадрах — проблема. Как заинтересовать молодежь, удержать, убедить, что место ее здесь, на родной земле? Механизаторская работа нелегка. Нет такой еще техники, чтобы в галстучке и белой рубашке на ней работать. Несовершенная пока техника, ненадежная приходит. Может, и рановато ее электроникой начинять, если основные рабочие и ходовые узлы барахлят. А с заводского конвейера брак бессовестно гонят.

Факт, конечно, отрадный: государство не поскупилось на средства для сельского хозяйства. С организацией АПК «Кубань» основательно обновился машинно-тракторный парк в хозяйствах: десятки новых тракторов, автомобилей, комбайнов. Но техника эта, к сожалению, еще в кондициях «доагропромовских». Устаревших модификаций, с повторением слабых узлов.

В сельскохозяйственном машиностроении на сегодняшний день появилась масса проблем, связанных с созданием надежной профильной техники, макро- и микроагрегатов, различных навесных машин разнообразных конструкций. Ждут такой техники не только в традиционном полеводстве, но и в рисоводстве (где, к слову сказать, нет ни одной серийной машины), животноводстве, перерабатывающей промышленности. Но по-прежнему земледельца подавляют технологически несовершенным «валом».

Вернемся снова к разговору с Николаем Александровичем Волошиным. Вот его мнение на этот счет:

— Больше машин — больше людей около... потраченного горючего. Это убыток прямой для колхоза. Нужна надежная машина, удобная, мощная, заменяющая многие. Зачем нам сорок комбайнов зерновых, когда надо пятнадцать?.. Не по себе становится, когда техника такая год-другой поработает — и на переплавку. Лет бы восемь хотя бы комбайн отдачу давал!.. Тут вся наша надежда на рабочий класс, конструкторов.

Григорий Григорьевич Задула—механизатор-свекловод в том же колхозе имени Георгия Димитрова. Влюбленный в свое дело, неугомонный, деятельный, он решил выращивать свеклу без применения ядохимикатов. Логика его размышлений проста: да, сейчас человек при помощи химических специй борется с сорняками и одновременно ядами уничтожает птиц, в том числе и певчих, мелких зверушек, многих полезных насекомых. А в будущем не исключены отрицательные изменения и в почвенной микрофлоре. Пришла пора, считает Задула, бороться с самими ядохимикатами.

То есть свести до минимума пагубное их воздействие на живую землю.

Но как это сделать? За счет высокой культуры земледелия — твердое мнение механизатора. Это значит, только средствами агротехники, передовыми агроприемами очистить поля от сорняков, насытить их влагой, накопить в достатке необходимую для земли пищу. А для этого надо заботиться о парах, соблюдении правильного севооборота...

Простая, по-настоящему совестливо-гуманная, хозяйственная по отношению к земле программа пахаря. Но, к сожалению, очень трудная в осуществлении, непопулярная как-то среди нынешних земледельцев. Ведь все вокруг методически, из года в год, впрыскивают в почву колоссальные заряды ядохимикатов. Тут есть над чем задуматься... А главное, над тем, хватит ли сил, средств, орудий труда возделывать землю по-новому: рачительно и праведно? И кто пойдет рядом? Найдутся ли единомышленники, ведь очень тяжело сворачивать с проторенной колеи? И тем не менее у Задулы есть соратники в его новаторском деле. Это товарищи по бригаде. Многие из них — молодежь. В том числе и сын Задулы Евгений. Без применения химикатов работать намного сложней. Новые приемы землепользования потребуют и качественно иной технологии возделывания почвы, более совершенной техники.

Сахарная свекла — вторая по значимости после зерновых на Кубани культура. А свекловодческой техники, комплекса необходимых машин, с помощью которых можно качественно и в срок провести агротехнические работы, пока нет. Не говоря уже об особой технике, нужной Григорию Задуле для его безгербицидной обработки почвы. Страдает свекловодство и от отсутствия хороших семян. Мне не раз приходилось слышать нарекания по этому поводу в адрес ученых. Урожайность ценнейшей культуры, каковой является свекла, в крае не лучшая, и всего лишь три-пять хозяйств выдерживают индустриальную технологию. Трудно поверить, но кубанские свекловоды едут за семенами в Белгородскую, Липецкую, Курганскую области... Два-три сорта, привезенные с Украины, зарекомендовали себя слабо. И даже с применением гербицидов с полей не уходит сорняк.

...Показав технику, принадлежащую бригаде, Задула увел меня в укромный уголок двора в затишек, где мы присели на скамеечку и продолжили разговор о проблемах свекловичного поля.

— Когда свекла всходит, — тихо заговорил Григорий Григорьевич, — ночами не спишь... Нежная культура. Глубокой заделки боится. И мелко заделаешь — тоже нехорошо... Очень большого требует к себе внимания, очень большого... Но одного старания тут мало. Главное — полностью ликвидировать ручной труд. Поля у нас засоренные, на прополку весь народ собирают с тяпками. По жаре, согнувшись, надо обработать каждый кусток... Тяжеленько приходится. Все боятся ее, свеклы. Наука же нам под истинно индустриальную технологию капитально, считай, пока ничего не дала. Спят там, что ли, наши ученые мужики... В Югославии, вон рассказывают, каждый ученый свой оклад подтвердить должен разработкой полезной. А наши ученые, видать, на сытом пайке!

Рассуждения Задулы небезосновательны. Они, строго говоря, объективны. Когда с организацией АПК «Кубань» кинулись за высокопродуктивными гибридами кукурузы, то их в крае просто не

оказалось. Такое положение дел оказалось и со свеклой, и даже с пшеницей. Обратились к югославам (с которыми «Кубань» налаживает деловые отношения) в институт кукурузы, в идентичный комбинат «Белград», основанный на болотистых пойменных землях Дуная в 1947 году.

Наши специалисты считают, есть чему поучиться у «белградцев», и прежде всего внедрению достижений мирового научно-технического прогресса в практику сельскохозяйственного производства.

Как уже говорилось, сорта кукурузы у нас старые, малопродуктивные, выродившиеся. И замены им пока нет. Югославский институт вывел на сегодня 221 гибрид кукурузы различного назначения: на зерно, на силос, для производства пищепродуктов, масла, кукурузных хлопьев... Гибридные семена пользуются спросом во многих странах мира. Или наша пшеница «безостая-1». Неплохой сорт, но со временем он, как говорят специалисты, расщепился, продуктивность его резко упала. Сорт стал в противоречие с агротехникой. Уровень агротехнических работ поднялся, а возможности сорта не дают прироста урожая. Проблема? И очень серьезная! Наши ученые под всякими предлогами уклонились от скрещивания «безостой» с иностранными сортами. А югославы прилили ей другой «крови» и создали великолепную «партизанку». Пользуйтесь, покупайте! Наука интернациональна, мнение югославских селекционеров, ее достижения должны принадлежать всем.

Не лучше, к сожалению, обстоит дело у кубанских земледельцев и с продуктивными семенами сахарной свеклы. Сильных, «индустриальных» сортов, рассчитанных на максимальную механизацию, практически нет. Этот факт глубоко огорчает и заботит Григория Григорьевича Задулу.

— При наших семенах мало вырастает и остается корнеплодов на гектаре. При югославских — сто тридцать тысяч, все как на подбор!.. Разумеется, требуется соответствующая обработка полей. Отсюда и урожай — пятьсот пятьдесят центнеров с гектара. Почти в полтора раза больше нашего...

Заграничные семена покупаются небольшими партиями. Всесторонне изучается положительный опыт. В этом году специалисты «Белграда» возделают как образчик 300 гектаров сахарной свеклы, 300 — пшеницы и 300 — кукурузы. По своей технологии, со своими семенами, техникой, рабочими. Построят нам несколько тарных и консервных заводов. Покажут, что и как надо делать. Ведь ясно сегодня одно: плодородность кубанской земли не используется вровень с лучшими достижениями мирового сельскохозяйственного производства. Достичь этой цели — задача агропромышленного комбината «Кубань».

Алла Ивановна Бычок — звеньевая в межхозяйственном животноводческом комплексе по доращиванию и откорму молодняка. Работает она здесь вот уже семнадцать лет. За ее звеном закреплено 840 телят. Задача звена — довести вес бычков от 40 до 130 килограммов и передать их на площадку крупных привесов. Сдаточный вес каждой головы скота 410 килограммов.

Межхозяйственный комплекс принимает животных от восьми колхозов и совхозов. Откорм обеспечивается за 18 месяцев вместо

полутора-двух лет на местах. На комплексе продуманная система интенсивного откорма, хорошие корма, тщательный уход. Словом, налицо преимущества специализации — промышленного, индустриального откорма.

Звено у Аллы Ивановны слаженное, дружное. Трое новеньких — Варвара Мильцева, Любовь Гордиенко и Вячеслав Дерюга — по словам звеньевой, «пришли трудиться с желанием... не боятся никакой работы, выполняют ее на совесть».

Вот уж год, как коллектив Аллы Ивановны на бригадном подряде. Работа каждого оценивается по коэффициенту трудового участия — КТУ. Здесь не место расхлябанности, обезличке, увиливанию от порученного дела. И звено работает без срывов: ни одного нарушения за минувший год. Звеньевая считает, что в бригадном подряде, как ни в какой другой форме организации труда, узаконена рабочая демократия, проявляются в действии рычаги материального и морального стимулирования. Каждый видит свой труд оцененным другими и старается работать лучше.

...Сегодня на лице Аллы Ивановны тень досады и жалости. На утреннем обходе ветеринарный врач Игорь Голядкин дал заключение: телята простужены. Около полутораста животных, привезенных позавчера из колхоза «Память Ленина», отказались от корма. Звеньевая сбилась с ног, предпринимая решительные меры против массового падежа. Только на следующий день стало ясно, что беда миновала.

Что же произошло? А было так. Перед сдачей на откормочный комплекс колхозные телята несколько суток простояли под дождем, на открытых площадках. Затем ударил морозец. Животные переохладились, простыли. Выявляется это уже на комплексе, куда перевезли телят. Здесь начинают лечить. Все это дополнительные хлопоты, расходы. Но главное в том, что не каждое животное удается спасти. Ведь такие случаи довольно часты. Колхоз за падеж никакой ответственности не несет. Он свое дело сделал: передал гурт на откормочный комплекс. Так растрачиваются лишние средства на ветеринарию, изматываются нервы и здоровье людей, уменьшается доля с таким трудом создаваемой прибыли. А главное — хозяйственная система комбината лишается здравого, хозяйского смысла.

Не готовы еще технически и морально иные хозяйства к циклично поставленному производству. Не притерты еще связки между звеньями единой технологической цепи в АПК. Что же делать? На что ориентироваться хозяйствам, в частности животноводческим?

— Перелом нужен в сознании людей, — считает Алла Ивановна Бычок. — Нет нужной ответственности. А все ведь в конечном счете ложится на наши плечи... Тут важно понять, что в АПК качество и изобилие продукции, себестоимость, прибыль, наконец, куются с самой начальной ступеньки... Всеми и повсеместно!

Шестнадцать лет руководит колхозом «Искра» его председатель Николай Максимович Кабленко. Хозяйство передовое. В некотором роде даже примерное. Скажем, многого стоит опыт колхоза по интенсификации труда механизаторов и предельно рациональной эксплуатации техники. В хозяйстве нет лишних машин и лишних механизаторов. Но разговор у нас с Николаем Максимовичем заострился на другом. На проблеме качественно иного уровня ис-

пользования инженерно-технических работников на селе. Словом, разговор заострился на кадрах.

Сейчас у агропрома появляется, если так можно сказать, собственный рабочий класс, занятый на заводах, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, в строительстве, химизации, ремонте сельхозмашин... Усложнение нарастает. Технологическая начинка сельскохозяйственного производства становится на уровень заводского.

Как же со всем этим совладать? Кто научит людей работать по-новому, использовать современную технику с наивысшим КПД, мало того, научит продвинуть ее глубже в процесс производства, рационализирует ее применение? Следовательно, в складывающейся ситуации нужен принципиально новый агроинженерный уровень мышления. Иначе — особый тип агроинженера: смелого, энергичного реализатора передовых, новаторских идей. Целый класс инженеров новой агропромышленной формации! В сельскохозяйственных вузах, считает Кабленко, до такого уровня постановки задач не дошли. В колхоз по распределению поступают специалисты слабые, не знающие деревенских проблем, люди случайные в сельском хозяйстве, кроме своих, целевых стипендиатов, разумеется. Обычно залетному сразу подавай все блага: хорошую квартиру, приличный оклад. Ответственность же на себя он брать не спешит. Спрашивается, чему новому такой научит полевода, механизатора, животновода? Его самого надо учить заново. Из молодых специалистов, работающих в колхозе «Искра», лишь тройка-пяток настоящих инженеров — с широким кругозором, инициативой, глубоким знанием дела. С ними можно перестраиваться на ускорение. А с другими... с другими коренного поворота на интенсивный путь развития не сделаешь. Тяжелой ношей они на хозяйстве. Отработают кое-как положенные три года и снова уйдут под родительское крыло, чаще в города, откуда пролезали в сельскохозяйственные институты случайно, по стечению обстоятельств, ради диплома о высшем образовании. Эрозия, как говорит Кабленко, инженерной профессии на селе началась не теперь, не сразу. Но, по мнению председателя, пришло время исправить ошибку, всерьез позаботиться о кадрах специалистов, могущих взять на себя всю тяжесть ускорения в сельскохозяйственном производстве. Взять и понести вперед.

Прилавок фирменного магазина АПК «Кубань» в Тимашевске ломится от товаров. Цены здесь, разумеется, выше государственных. Но эти цены близкие к себестоимости. На выбор покупателей копченые колбасы пяти сортов, разное мясо, битая птица, свежие овощи, яблоки, грецкие орехи, копченая и сушеная рыба, мед, знаменитый «краснодарский» чай, соленья, соки, сухофрукты...

Подобных магазинов и ларьков пока несколько в Краснодарском крае. Будет больше. Будет оживленнее торговля. Но и сейчас уже ассортимент и обслуживание в магазинах «Кубани» местное население, приезжие приемлют единодушно. Действительно, «натюрморт» прилавка возрожденческий, изобильный. Возле лотка с хлебом, выпеченным по старинному казачьему рецепту на сыворотке, быстро собрались люди. Берут не по одной — по паре буханок свежей выпечки...

**Тимашевский район,
Краснодарский край**

В. М. ЧЕРДИНЦЕВ,
механизатор колхоза «Рассвет»
Оренбургской области,
дважды Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии СССР,
делегат XXVII съезда КПСС,
член Центрального Комитета КПСС

ПОЛЕ НАШИХ ЗАБОТ

«Партия и впредь будет заботиться о всемерном повышении авторитета честного, высокопроизводительного труда, развитии инициативы и творчества в работе...» С особым вниманием перечитываю я эти слова из новой редакции Программы КПСС. Они созвучны не только моим мыслям, но являются смыслом и целью моей жизни: добросовестно трудиться самому и учить молодых работать честно, радостно, воспитывать в них любовь к хлебной ниве — к земле наших отцов и дедов. Ведь эта земля дает нам силы в самом прямом смысле. Она дает нам главное для жизни — пищу. Мысль эта с годами все чаще посещает меня. Да иначе и быть не может. Возьмем хотя бы такой пример.

Есть магазины, в которые люди приходят каждый день. Над дверями этих магазинов всего четыре буквы: «ХЛЕБ». Уже у входа улавливается ни с чем не сравнимый духовитый запах. На стеллажах пышные караваи, буханки с золотисто-коричневой корочкой, кирпичики, бе-

лые батоны разных форм, булочки, сайки, бублики, сушки... Какое богатство! Какое это радостное приобретение — подойти к прилавку и на выбор купить хлебное изделие!

Тысячи лет тому назад человек научился выращивать хлеб. Это основной, можно сказать, незаменимый продукт питания. Без него не обойтись.

Вся моя жизнь с раннего детства связана с землей, с хлебом. Я механизатор. Профессия эта трудная, но очень почетная в нашей стране. Отец, дед и прадед мои тоже были земледельцами. Многому я научился у старших. И по своему многолетнему опыту знаю, как трудно дается хлеб, как высока его настоящая (не та, что в магазине!) цена.

...В зелени садов стоит наше село Сакмара — одно из старейших в области.

В далекие дни крестьянской войны сюда не раз наезжал со своими соратниками Емельян Иванович Пугачев. Здесь не раз вершил он суд, казнил помещиков и царских сановников.

Весной 1919 года слышала Сакмара не прекращающийся несколько дней грохот боя. Совсем неподалеку, на берегах Салмыша, на склонах Янгизской горы, красные бойцы разгромили корпус белогвардейского генерала Бакича, заслонили собой красный Оренбург. В память о тех героических днях стоит на крутой вершине Янгизской горы обелиск.

Ранней весной, когда еще лежит в овражках снег, ярко цветут в оренбургской степи тюльпаны. Бытует легенда, что особенно густо растут тюльпаны там, где шли самые жестокие бои за Советскую власть, где земля полита кровью бойцов революции.

Теперь на этих полях растет хлеб. И знаменитая Янгизская гора, неподалеку от которой в районном центре Сакмара живет моя семья, теперь свидетель трудовых дел моих земляков — хлеборобов.

По традиции каждый год перед началом весеннего сева приезжаю сюда со своими помощниками. Приезжал с младшими братьями, потом с сыновьями, а теперь — с племянниками. С вершины горы хорошо видны поля нашего колхоза «Рассвет», прибрежные леса, уходящие до горизонта заречные дали. Хорошо постоять тут, у обелиска, словно бы прикоснуться к истории, к подвигу. Вспомнить тех, кто сражался на этом огневом рубеже под красным флагом, подумать о нынешнем дне жизни, окинуть взором поля, которые ждут нас.

С горы ведет дорога в поле, туда, где каждую весну начинается хлебная страда. Надо бережно уложить зерно в теплую, прогретую вешним солнцем землю, вырастить хлеб и убрать его.

На хлебоуборку я всегда выхожу как на праздник. Встаю пораньше, надеваю с вечера наглаженную женой Аграфеной Ивановной белую сорочку, завязываю галстук. Не в спецовке, не в рабочей куртке, а в костюме еду к комбайну, в поле. Хорошо знаю, что проеду два-три круга, и рубашка станет серой, ляжет пыль на лацканы пиджака. Но иначе не могу — начало страды, ее первый день — это особый, торжественный день, хоть и не отмечен он красным листком в календаре. И помощники мои в первый день жатвы садятся в кабины комбайнов не в рабочих спецовках, а нарядные, как женихи. Традиция!

Короткий митинг на полевом стане. И по машинам!

...Покачиваясь, уходят комбайны в хлеба. Ровно гудят моторы.

Как крылья огромной бабочки, лопасти мотовила широкими взмахами захватывают колосья... Радостно смотреть, как, словно золотистый ручей, бежит по полотну бесконечный валок и ложится на ершистую стерню.

Нынешняя жатва у меня — сорок пятая. А мне часто вспоминается пора, когда я впервые сел на комбайн. Все началось с любви к технике в раннем детстве. А детство было не из легких. В 1941 году, когда началась война, мне исполнилось четырнадцать лет, успел закончить шестой класс. Учиться было трудно. Не хватало учебников, тетрадей. В классах было так холодно, что занимались в верхней одежде. Застывали чернила, их приходилось отогревать дыханием или руками. Чернила отогреешь, руки замерзнут.

У сельских ребятишек много разных домашних обязанностей. Когда на фронт ушли старшие, таких забот у каждого прибавилось.

После школы на час-другой мы забегали на машинный двор МТС — у кого там работал отец, у кого — брат. Но ряды мужчин после 22 июня сразу же поредели, и нам хотелось заменить ушедших на фронт механизаторов. Брат мой Мин Макарович радовался моему приходу в мастерскую. Меня тянуло к машинам. Он увлеченно рассказывал мне, какую роль играет та или иная деталь в двигателе трактора или комбайна...

Уходили из села колхозники, рабочие МТС, механизаторы. Озадаченно смотрели на доспевающие хлеба — кто будет убирать?

Очень трудной была первая военная жатва. Комбайны часто ломались, стояли на загонках. Зерно тогда возили на лошадях и быках, комбайнерам иногда приходилось долго ждать, пока появится «гужевой транспорт».

Мне и некоторым моим сверстникам школу пришлось оставить. Надо было идти работать. В те дни всем было трудно. Я пошел в штурвальные к своему старшему брату Мину Макаровичу. Он был опытный комбайнер. Обучал меня строго, никаких поблажек не давал, заставлял самостоятельно делать все регулировки, проводить от начала до конца технический уход, самому находить и устранять поломки. Но вот и брату пришел черед идти на фронт.

В письмах-треугольничках, которые приходили с фронта, брат спрашивал, как ведет себя его комбайн, давал советы, строго наказывал дорожить хлеборобским званием.

Зимой пошел я учиться на курсы в МТС, где обучались только двое мальчишек — я да Колька Зуев. Остальные — женщины и совсем молоденькие девушки, которые в трудную годину решили заменить отцов и братьев.

На следующую жатву я, пятнадцатилетний, уже вышел в поле самостоятельно, как штатный работник машинно-тракторной станции. Вывел на хлебоуборку старенький СЗК — комбайн старшего брата, который где-то далеко сражался с фашистами.

Помощницами у меня были в тот сезон сакмарские девчата Груша Сумкина, Люба Переплетчикова и Настя Сосновцева. Я и себя не жалел, и к ним требовательно относился. Бывало, до слез доходило. Тракторы и комбайны часто ломались, запчастей не было, и мы прилагали все усилия, чтобы техника работала.

С рассвета и дотемна не уходил с поля наш молодежный агрегат. Это сейчас у комбайнов кабины, а тогда надо было вы-

стоять весь день на качающемся, уходящем из-под ног мостике, продуваемом всеми ветрами.

Но мы старались, изо всех сил старались.

С особой теплотой и благодарностью вспоминаю своих наставников — старых механизаторов Григория Дмитриевича Дедова, Ивана Ильича Пономарева. Они дневали и ночевали в мастерских, стараясь в любое время прийти на выручку молодым комбайнерам.

Вспоминая те трудные годы, я иногда думаю: как же мы выдержали тогда? Недоедали, недосыпали, выполняя тяжелую работу. Никаких нормированных дней и часов тогда и в помине не было. Работали столько, сколько требовалось. Уставали так, что, казалось, утром не будет сил подняться. Но поднимались и шли. Мы понимали, что идет война и тем, кто защищает родную землю, во сто крат тяжелее, нежели нам.

Мы нашли свое место в трудный для Родины час и гордились собой, тем, что и наш хлеб оренбургский сражался с врагом.

...Два сына — Григорий и Александр, три дочери — Лена, Таня, Маша. Это наша семья. Все дети получили среднее, а потом и высшее образование. Но никто не изменил родительскому делу, как говорят, отцовскому полю, не подался в город, все живут и работают в селе. Должен подчеркнуть, что мы ни на кого из них не нажимали, никого не уговаривали. У каждого было право выбора. Но все сыновья и дочери выбрали сельские профессии.

Нас часто спрашивают, как вы своих детей воспитывали, поделитесь секретами. А мы с женой Аграфеной Ивановной только посмеиваемся — где их взять, эти секреты, когда нету их у нас. Просто жили, работали. И дети, конечно, сызмальства видели, что отец с матерью трудятся безотказно, на совесть, от зари до зари в деле, и сами старались как-то помочь нам. За это мы похваливали их, поддерживали. Каждому находили работу по силам. Маленьким — полегче, старшим — потруднее. Но с таким расчетом, чтобы не перегружать, чтобы труд не был в тягость. Так и втянулись. Работой детей никогда не испортишь.

Пришло время, стал я обучать механизаторскому мастерству братьев, а потом подросли сыновья. Старший сын, Гриша, еще до школы «освоил» машинный двор колхоза, где механизаторы ремонтировали, готовили к страде комбайны и тракторы. Я старался ответить на любой вопрос, поддержать любознательность сына. И Гриша всегда вертелся рядом, норовил помочь мне. Домой приходил перемазанный, но за это не ругали — делом был занят.

В дни летних каникул Гриша часто приезжал ко мне в поле. И как-то однажды само собой получилось: передал ему штурвал — ненадолго и, конечно, под приглядом. Давно мечтал парнишка об этом, ждал такого момента, а тут, вижу, испугался — вдруг не получится. Но могучая машина была послушна десятилетнему мальчонке, уверенно шла навстречу хлебной волне. Таких, очень приятных для Гриши, да и для меня минут с каждым разом становилось все больше.

После восьмого класса Гриша на каникулах уже работал моим помощником. Наш комбайн уходил со стана рано утром, а возвращался, когда над степью уже опускалась ночь... Днем времени на разговоры не было. А перед сном я анализировал сделанное за день, указывал на ошибки, отвечал на вопросы. Энергии

у Гриши было хоть отбавляй, иногда он излишне торопился, а спешка — плохой помощник в нашем деле. Дал ему совет:

— Много у тебя, сынок, лишних движений. Не суетись. Силы надо с пользой расходовать.

Понял он меня, стал работать ровнее, спокойнее. Так задолго до того, когда в нашей области стало массовым движение «Всей семьей — на жатву», в колхозе «Рассвет» появился семейный экипаж, а затем и звено Чердинцевых.

Уверен, что, только работая рядом со старшими, более опытными, перенимая от них хлеборобскую мудрость, становятся ребята мастерами. Учить любви к земле, хлеборобскому труду надо с малолетства, не жалея на это времени. Почему особенно скоро схватывают ребята хлеборобскую науку в семейных экипажах и звеньях? Да потому, что никто так не гоможет становлению молодого механизатора, как отец, мать, старший брат. В этом убежден на личном опыте, на опыте многих земляков, работающих семьями. А сын всегда охотно разделит трудности с родителями. Это отличная школа, которая, между прочим, не кончается с завершением уборочного сезона, а продолжается круглый год на работе, дома, на отдыхе.

Когда Григорий подрос, подучился, сам возглавил молодежное звено. Не раз выходил победителем в областном соревновании молодых механизаторов. Его избрали членом обкома ВЛКСМ, а затем и Центрального Комитета комсомола, он участвовал в работе XVIII и XIX комсомольских съездов. Был награжден орденом Трудового Красного Знамени и Почетным знаком ЦК ВЛКСМ.

Как-то Григорий пришел домой после пленума Сакмарского райкома комсомола и сказал:

— Сегодня мы учредили приз имени Чердинцева, то есть твоего имени, отец. Его будут вручать каждую осень победителю соревнования. Хочу добиться его...

— Что ж, попробуй, — ответил я. — Только не забудь, что соперников у тебя много. И среди них ребята сильные...

Крепко старался Григорий. Работал на жатве с зари до зари. И постоянно заглядывал в нашу районную газету, которая, как сводки с поля боя, печатала в каждом номере данные о выработке молодых механизаторов.

Отшумела жатва. Подвели итоги. И вот настал торжественный для всей нашей семьи день — в Доме культуры собралась молодая механизаторская гвардия со всего района. И с ними мы — наставники. Григорий сдержал слово — приз был вручен ему. И сделать это попросили меня.

Поднялись мы с сыном на сцену. Передаю Григорию приз, жму ему руку, хочу сказать что-то хорошее... и не могу. Так разволновался, что все слова забыл. Григорий тоже от волнения онемел. Стоим, смотрим друг на друга и молчим, а в зале аплодисменты гремят.

...Я читал: вскоре после рекорда Алексея Стаханова его спросили, что надо было сделать для того, чтобы так резко поднять производительность труда, он ответил очень просто и точно:

— Требовалось одно — порядок.

Порядок на рабочем месте, высокая квалификация, четкая организация труда, строгая дисциплина, бережное отношение к каждой рабочей минуте — все это обеспечило успех.

Порядок. Очень люблю я это хорошее слово. Очень много

оно в себя вмещает, в том числе и порядочность. И меня, и всех ветеранов нашего колхоза, нашего района, области очень радует, что партия решительно, с присущей ей энергией взялась наводить настоящий порядок во всех сферах жизни нашей страны. Хорошо помню апрельский Пленум Центрального Комитета партии, когда все мы — его участники — почувствовали, что наступает пора больших перемен, время крутого ускорения всей нашей жизни.

И в земледелии нам тоже надо наводить порядок, чтобы каждый полной мерой отвечал за свое дело, за свой участок и все вместе за судьбу урожая, за судьбу хлеба.

Не секрет, что высокая культура земледелия зависит от культуры самого земледельца. Можно по-разному подготовить семена, почву, посеять, убрать урожай. Можно на «отлично» и на «посредственно». Но поле не проведешь. Оно воздаст сторицею лишь за высшее качество работы.

Велики требования к нам, механизаторам, прочным должен быть и фундамент наших знаний, точно выверен каждый шаг в поле. Нам нужны новые методы обработки земли, и мы стремимся учиться. И учить молодежь. Обучать молодые кадры землепашцев, среди которых иногда, к сожалению, встречаются еще такие, что во взаимоотношениях с землею ищут сплошную выгоду лично для себя. Нужно терпеливо и настойчиво преобразовывать нашу землю-кормилицу, обустраивать ее, беречь ее здоровье.

Тут много задач, проблем. Но мне хотелось бы осветить одну. В пору моей молодости во многих хозяйствах нашего района и соседних аккуратно проводились лесонасаждения. Лесные ленты делили хлебную пашню на равные прямоугольники, квадраты. Эти зеленые посадки и теперь кое-где сохранились, хорошо защищают посевы от знойных суховеев. Но благородное это дело — посадка лесозащитных полос — в настоящее время как-то подзабыто. А ведь эти лесопосадки не только сберегали посевы от засухи, сохраняли в почве влагу, но и укрепляли почву. На полях меньше было рвов, оврагов, колдобин. А теперь всюду столько оврагов, этих зияющих ран, которые уродуют землю! Десятки, сотни гектаров земли остается непригодной для посевов.

Я помню, как увлеченно мы, школьники, занимались насаждением лесопосадок на полях родного совхоза, соревновались класс с классом, кто больше посадит деревьев.

А почему бы сейчас нашему комсомолу, пионерам, всей молодежи района не объявить войну оврагам. Заровнять их и засеять. Было бы желание. А остальное все найдется: время, энергия, техника.

Кстати, о технике. В настоящее время к хлеборобам поступают новые машины. Такие, например, комбайны, как «Дон-1500» и «Дон-1200». И молодежь самым серьезным образом должна осваивать эту сложную и дорогостоящую технику. Недисциплинированного, равнодушного человека к такому комбайну и близко подпускать нельзя — он скоро выведет его из строя. Думаю, что и новая широкозахватная 17-метровая жатка «Степь» тоже потребует механизаторов высокой квалификации.

Безотказная работа техники прежде всего зависит от ее подготовки к работе. Я никогда не жалею времени на это. Прежде чем выйти в поле, должен разобраться во всем, до последнего винтика, все подтянуть, подладить, отрегулировать. Мы своим

звеном выезжаем в поле только тогда, когда досконально все проверим. А иначе никак нельзя. Ведь если посчитать, то мы почти целый год — 350—355 дней — работаем на урожай, пашем землю, копим влагу, готовим семена, сеем, вносим удобрения, подкармливаем, ремонтируем технику. А убрать все надо за 12—15 дней! Поэтому каждый комбайн должен быть заранее так отремонтирован и отлажен, чтобы потом ходил бесперебойно.

За годы моей работы многие мои помощники — более двадцати человек — стали водить комбайны самостоятельно, сами возглавили звенья. Всегда стремились помочь молодым ребятам в совершенстве освоить профессию комбайнера. Это наш долг, первейшая обязанность воспитывать молодежь, растить механизаторов высокого класса, чтобы потом передать родное поле в надежные руки.

Много хлеба убрал я за свою механизаторскую жизнь. Как-то подсчитали в колхозной бухгалтерии, оказалось — более полумиллиона центнеров зерна намолотил за эти годы. Полтора десятка железнодорожных эшелонов понадобилось бы, чтобы перевезти этот хлеб. В настоящей жатве я работаю уже в счет 2000 года.

Я благодарен своей хлеборобской судьбе. В нашей стране человек труда в большом почете. Щедро отмечен партией и правительством и мой скромный труд. Мне выпало большое счастье участвовать в работе четырех партийных съездов нашей ленинской партии. Дважды земляки избирали меня депутатом Верховного Совета СССР.

Съезды партии — это всегда величайшие вехи в жизни страны, всего нашего народа. Но XXVII съезд по-особому отметился в памяти. Он весь пронизан ленинским духом, новаторством. И как же много должен сделать каждый коммунист, каждый советский человек, чтобы все намеченное стало явью!

Лично у меня такие планы: освоив до тонкостей комбайны типа «Дон», в которых широкое применение нашли автоматика, электроника, гидравлика, хочу создать для начала районный, а потом и областной отряд, который стал бы центром подготовки молодых механизаторов для работы на новейшей, самой современной технике. Это будет моим личным вкладом в дело интенсификации сельскохозяйственного производства, ускорения научно-технического прогресса.

Поле наших забот сейчас огромное. Время поставило задачи поистине эпохального значения. Выполнить их — святая гражданская обязанность каждого из нас: людей и старшего и молодого поколений. Только честный труд всех нас позволит обновить поле всей нашей жизни.

●

Борис КУЛИКОВ

ТЫ И ВСЕ ЖИВОЕ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Было мне тогда двадцать лет. Я только начал печататься, и желание славы, помноженное на обилие сюжетов, заставляло меня частенько, даже придя с вечеринки, просиживать за маранием бумаги часа два-три, а то и больше.

Чтобы не тревожить сон родителей, я переселился в летницу, где стояла койка и стол. Там и писал под унылый лай станичных собак.

Однажды, в середине июня, часа в два ночи, я бился над стихотворением о любви. А ночь была темная и глухая. Долетали лишь тихие голоса редких счастливых влюбленных и заунывное пение сверчков-чурюканов.

Вдруг послышалось злобное рычание, а потом хриплый лай дворняги Барсика.

Я вышел из кухни в теплую звездную тьму.

— Барсик, ты чего, дурачок?

Пес виновато тявкнул.

— Лежи и спи, — приказал я. — Тут стихи не получаются, а ты мешаешь.

Обычно он жалобно повизгивал, жалуясь на свою собачью жизнь на цепи, замолкал и укладывался. А тут опять загремел

цепью, бросился на кого-то, залаял и отскочил, опять взвизгнул.

Озабоченный, я подошел к нему, протянул во тьме руку. Пес лизнул ее теплым шершавым языком и, ободренный моим присутствием, снова ринулся куда-то во тьму, больно задев меня цепью. Гавкая, он припал к земле, клацнул зубами и вдруг, взвыв, кинулся прочь, к будке. Кричал он просто страшно. Именно кричал, как человек, и мне ясно слышались из будки, куда он летом-то и не заходил, его жалобные крики: «Ай-ой! Ай-ой!»

Признаться, робким я себя не считаю. Приходилось в степи дважды встречаться с волками — ни я их не тронул, ни они меня. Приходилось одному блуждать в алтайской тайге, даже ходить ночью на кладбище, где подруга юности назначила мне свидание. Что и говорить, было жутковато (она-то привыкла — жила рядом), но не страшно.

А тут я оробел. Да что же это, думаю, могло так испугать моего бесстрашного Барсика?

Втянув голову в плечи, я попятился к кухне, где на столе лежал коробок спичек, схватил их и вышел наружу.

Барсик продолжал орать в своей будке.

— Замолчи! — раздраженно рявкнул я. — Показывай, что тебя тяпнуло. — И зажег над головою сразу две спички.

Пес, всхлипнув, вывалился из будки и униженно подполз ко мне. Немощное пламя освещало распластанную на земле собаку, груду угля, сарай. Больше ничего я заметить не успел, спички обожгли пальцы и погасли.

— Ну что там у тебя? — деловито спросил я, чиркая о коробок новыми.

Вякнув, пес забил по земле хвостом, пополз на брюхе куда-то во тьму. «Не гадюка ли там?» — только успел я подумать, как сразу же услышал шипение. При мне ядовитая гадюка укусила мальчика — еле спасли. А однажды в подсолнухах я встретил огромного желтобрюха — желтопузика, как его называют на Дону, — с большой шишкой на конце хвоста. Старики потом говорили, что ею он запросто перебивает хребет лошади, а уж от меня бы живого места не оставил.

Шипение сменилось сердитым хорканьем. Мой Барсик, забыв про боль, снова бросился, и я, обретя силу духа, смело шагнул к тому месту, где верный пес бесстрашно воевал с неведомым врагом.

На этот раз зажег целый пучок спичек, наклонился пониже, и первое, что увидел, — окровавленную морду Барсика. Он все-таки улыбался мне. Не думая о змее, я протянул руку, лапнул теплую почву. И вдруг ладонь моя точно коснулась раскаленной плиты. С криком я отдернул руку, сразу же поняв, что неведомый грозный враг был обыкновенным безобидным ежом. Чертыхаясь, я пнул носком чувяка упругий комок, и верный Барсик, решив помочь мне, ударил его лапами. И опять, впрочем, взвыл: «Ай-ой».

Я взял свою кепку, закатил в нее ежа, принес в кухню. Положил на стол. Ужаснулся: на спине ежа зияла рваная рана. Колючки в этом месте были смяты и поломаны. Немало их, наверное, осталось в пасти у Барсика. Все-таки он своими длинными острыми зубами достал обидчика.

Еж будто помер. А рана кровоточила. Где-то я читал, что еж, если умирает, разворачивается, потому что на его спине есть осо-

бая мышца, которая и позволяет ему ощетиниваться. Наверное, мышцу Барсик не поранил, потому что еж оставался в клубке. Только не сопел и не хоркал. Решив, что йод ему не повредит, я вылил на ранку добрых полпузырька. Серый клубок при этом дернулся, то ли от боли, то ли еще от чего, даже не хоркнул, а хрюкнул.

Что с ним делать еще, я не знал. Оставлю, думаю, до утра, родителям покажу, да и подлечится он. Закатил колючий шар под койку и лег спать...

Ночью мне приснилось, что по кухне ходит маленькая свинья, хрюкает и топает копытцами. Проснулся, но сон не уходил — свинья действительно топала и хрюкала. Обалдев, я зажег свет и увидел, что это мой ежик. Недовольно фыркнув, он резво побежал под койку.

Забегая вперед, скажу: в лесу, в поле еж ходит бесшумно. Но по деревянному полу он тупотит, как жеребенок.

За завтраком мать сказала:

— У тебя вечно странности. То котенка притащишь, то кутеночка, а теперь ежика припер. Да еще больного какого-то.

Я объяснил, что к чему. Родители поохали, а отец сказал:

— Пусть у нас поживет, пока не затянется ранка. Ежи мышей хорошо ловят, не то что этот лодырь.

Лодырь — огромный черный кот Уголек, подхалимски мурлыча, терся о ноги и требовательно тряс куцым хвостом. Хвост я ему однажды нечаянно отдавил дверью. Но все мои приятели, видя, какой он благодушный и ленивый, утверждали, что хвост ему отгрызли веселые мыши. Уголек был существом удивительным. Он мог целыми днями спать, вытянувшись во весь свой рост. С Барсиком они были закадычные друзья, ели из одной чашки, зимой даже спали в одной будке. И Барсик всегда его заботливо прикрывал лапами и грел брюхом. Птиц и мышей он почти не обижал, хотя мясо любил, еще больше любил сырую картошку, дыни и зеленую траву. Ко всем относился снисходительно-дружелюбно.

К ежу кот не проявил никакого интереса. Ему, наверное, было все равно: останется ли жить в нашем доме колючий конкурент в ловле мышей или нет.

Остался. Не знаю сам почему. Кухня летом была всегда открыта, но еж и не думал уходить. Чем кормить его, я не ведал. Читал когда-то, что ежи любят яблоки. Бросил я ему и хлеб, и кусочки сала. И даже сам пытался поймать для него мышонка, который по ночам не обращал внимания на спящего кота, бегал, попискивая, по кухне. Молоко, которое я регулярно наливал в блюдечко, с неизменным аппетитом пожирал кот. После этого он долго себя вылизывал, жмурился, играя хищными лапами, проверяя, наверное, много ли силы вливает ему молоко для грядущих мартовских драк. Потом он падал на пол и засыпал.

Я уже подумывал, не занести ли моего колючего квартиранта в лес. Ранка на спине затянулась удивительно быстро. Я ежедневно его осматривал, смазывал ранку йодом (что касается Барсика, то на нем на третий день зажило все «как на собаке» и без моих лекарств), колючки выпрямились, обрели серовато-стальной блеск. Но с ним почему-то мне было жаль расставаться. Ночью я привык к его топанью и деловитому похоркиванью: мне все ка-

залось, что он ловит мышей. Да и просто хотелось понаблюдать за ежиной жизнью.

Я осторожно поглаживал его по мягкому брюшку, и он расслаблялся, хрюкал от удовольствия, прямо как маленький поросенок. Вот и говорят иронически: «Похожа, как свинья на ежа».

Однажды, почесывая его, я нащупал тугие сосцы и открыл для себя, что мой жилец вовсе не особа мужского пола, а ежиха на сносях! Тут я и решил окончательно: оттащу завтра утром, когда пойду на рыбалку, ежиху в лес. Жалко, привык за неделю. Да что делать. Не ест ничего, и чем ее кормить, неизвестно.

С вечера я стал готовиться к рыбалке: осматривать удочки, перевязывать крючки. Уголек радостно терся возле и, подбадривающе тряся хвостом, утробно мурлыкал. Рыбу он любил больше молока, картошки и колбасы. И рефлекс или не рефлекс, а когда мои удочки долго стояли без дела, кот садился возле них и голосом издыхающего от голода жаловался на мою бездеятельность.

Червей я тоже занес в кухню, чтобы утром не забыть, поставил банку рядом с сумкой. Вставать надо было рано — часа в два. Дорога к Салу километров шесть, и мне хотелось немного поспать. Возле речки в колхозном виноградном саду я и думал выпустить ежиху.

Сквозь сон я слышал, как она тупотела, гремела чем-то, фыркала, но вставать не стал. Проснулся в ужасе, что опоздаю на зорю — было четверть третьего. Схватил удочки, ежиху в сумку, банку. И вдруг почувствовал, что банка пуста. А на полу чернела разбросанная земля. Я подумал, что банку перевернул либо кот, либо ежиха. Включил настольную лампу — далеко черви уползти не могли. Но их не оказалось ни под койкой, ни под столом, ни под сундуком, который я отодвинул.

Рыбалка, к которой я так тщательно готовился, похоже, срывалась. И первым это понял Уголек. Он жалобно заорал, затряс злобно хвостом. Горе его было так велико, что мне показалось — из его раскосых желтых глаз вот-вот брызнут слезы.

А ежиха, высунув хитрую мордочку из сумки, смотрела весело на нашу суматоху. Между ее колючек ползал жирный красный червяк. Не успел я червяка снять, как она проворно выхватила его у меня из рук и втянула в себя, точно макаронину.

Так я узнал, чем питаются ежи.

На рыбалку я все-таки пошел. Ежиху, конечно, оставил дома, потому что червей для нее всегда можно было накопать вволю. Обрадованный Уголек провожал меня до околицы. Темь была хоть глаз коли, заря еще и не занималась, дорогу на нашей станичной улице после недавнего дождя разгромили тракторы и тяжелые грузовики, а батарейка в моем фонарике давно иссякла. И падать бы мне, натыкаясь на вывороченные глыбы, плюхаться бы в лужи, если бы всевидящий Уголек не бежал впереди, ободряюще мурлыкая и мяукая. Он и по хорошей погоде всегда провожал меня до околицы, здесь же и встречал. Иногда кот удирал слишком далеко, я натыкался на глыбы, чертыхался. И он останавливался, призывно мяукал.

За околицей по целине, по дну давно высохшего озера, идти было легко и безопасно — ни колеи, ни ям, ни пней, к тому же летняя июльская ночь уже умирала. Не успел я отмахать два ки-

лометра, как уже зачернел силуэт колхозных садов. На востоке небо подкрасилось слабой синькой, потом бело-лиловые полосы стали стирать с черного высокого купола звезды. Когда я дошел до садов, уже глянула заря, стало совсем светло.

Нет ничего на свете прекраснее летнего утра. Воздух за ночь очистился от пыли и гари, настоялся на ароматах полевых и луговых цветов. От него пьянеешь, чувствуешь себя необыкновенно высоким и сильным.

Спорят о долгожительстве пастухов. Кто говорит, что не надо есть мяса, кто, наоборот, утверждает, что долгожительству как раз способствует мясо молодого барашка. Не берусь с ними спорить и не открою сокровенного, если скажу, что, по-моему, чабаны, пастухи живут долго как раз потому, что всегда и первые лучи солнца, и утренний чистый воздух — их.

Один старик хохол, послушав мои рассуждения о долгожительстве, философски заключил:

— Мясо, масло — це бурда. Солнце, воздух и вода — вот це да!

Летнее утро, особенно июльское, прекрасно еще и тем, что с восходом солнца раскрывают свои венчики многие полевые и луговые цветы. На полянках можно заметить резвящихся зверьков. Правда, благодаря химии сейчас в степи почти не осталось ни сусликов, ни кротов, ни ласок. А тогда я любовался скачущими друг перед дружкой тушканчиками, земляными зайцами, как у нас их называют. Вот встал возле норки серым столбиком суслик, поклонился заре, свистнул, и ему откликнулся другой.

Из-под ног с треском вырвались куропатки, всполошенно пронеслись метров двадцать, попадали серыми мягкими камнями в высокую сочную траву, затихли. Запоздалый перепел вдруг спросонья начал твердить «спать пора», но над ним посмеялись и сорока, сорвавшаяся с сухого сучка старой груши, и важная ворона — карга, своим «кра!» осудила. Перепел пристыженно умолк.

Я уже миновал сад (в легком тумане, поднимавшемся от воды, неровно вырисовывались заросли камыша и чакана, окаймляющие с двух сторон Сал), как остановился пораженный.

В ближайшем кусте терновника вдруг ударил... соловей! Я ведь знал, что в это время соловьи уже не поют, потому что соловьихи вывели птенцов. Но это пел соловей, пел так заливисто, так печально, что все вокруг, казалось, замерло. Он на секунду умолк, набирая, наверное, побольше воздуха в свои маленькие легкие, и опять разразился длинной трелью. Зачарованный, слушал я, забыв о том, что уже вовсю играет заря, что вот-вот по верхушкам деревьев брызнут лучи солнца.

Соловьиное пение — удивительное и необъяснимое чудо. Одни натуралисты говорят, что соловей поет для своей любимой, другие — отпугивает соперника, третьи — якобы для того, чтобы заявить о своем участке леса.

Но в тот момент, слушая позднего певца, я рисовал себе такую картину: гнездо соловьихи разорили злые мальчишки или разбойная сова — вот и поет с горя сирота-соловей, в надежде, что прилетит к нему на его зов такая же горемычная вдова, чтобы заново построить гнездышко и продолжить свой удивительный и беззащитный род...

Обычно на пение одного соловья немедленно откликается дру-

гой. Передразнивают его от зависти и легкомысленные славки, недаром их называют пересмешниками. На этот раз старый сад сочувственно молчал. Лишь ястреб откуда-то вынырнул, прилетел, закружился над кустом. Соловей умолк, затаился...

Вздохнув, я перебросил с плеча на плечо удочки и поспешил к Салу. Надо сказать, что эта узкая, густо поросшая по берегам речка, наверное, самая уникальная в мире. Казаки шутят, что она длиннее Миссисипи вместе с ее притоком Миссури, что, как бы ты ни пытался уйти от Сала в левобережной донской степи, он тебя все равно настигнет. Действительно, Сал берет свое начало где-то в калмыцких степях и петляет так, что в некоторых местах течет по направлению к своим истокам, пока не впадает вблизи моей родной станицы Семикаракорской в Дон.

О происхождении его имени спорят. Говорят, что так он называется потому что в нем соленая вода. Но ведь не Соль же его зовут, и не Сало, а Сал. Говорят, будто бы первоначальное его имя Сальница. Название такой речки встречается в «Слове о полку Игореве», но Сал ли это?

В то июльское утро я узнал еще одну фольклорную, так сказать, версию имени этой уникальной реки. Я все время повторяю «уникальной», не подкрепляя пока никакими вескими аргументами это хлесткое определение.

А уникален Сал вот чем. В нем во все века водилось неимоверное множество раков самых крупных и самых, как утверждают гурманы, вкусных в мире. Да что там гурманы! Я переловил раков тысячи и в старицах, и в озерах, и в Дону, и в речках с такой же соленой водой, как и в Салу. Могу авторитетно заявить: по вкусу они трава травой, если сравнивать их с сальскими. Обилие же раков в этой реке, особенно до строительства Цимлянского водохранилища и оросительной системы, было такое, что рваным четырехметровым бреденьком мы, мальчишки, за полтора-два часа налавливали их, пучеглазых, пять-шесть чувалов и сдавали в столовую по тридцать копеек (старыми деньгами) за килограмм. Наши раки занимали европейские рынки, где их ценили выше любых других.

Сал, как я уже говорил, течет по степи, берега невысокие, и даже в небольшое половодье он разливался от хутора до хутора. Поэтому казачьи хутора — Кузнецовка, Балабинка, Романов, Сусат, Мостовской — исстари расположились подальше от проворной речки на холмах. Сообщение между ними и станицей в ту пору было на лодках. Половодье кончалось, Сал входил в берега, а в степных озерах — Ушиновском, Рудневом, Грушах — оставалась вода и зашедшая на нерест рыба. Здесь гнездились тысячи уток, гусей, чаек, лысух. К осени вода в озерах убавлялась, и мы, мальчишки, ходили туда ловить рыбу. Было ее не только в озерах, но и в ложбинках, в степных балках, в воронках от бомб, в старых ямах дотов и дзотов сказочное множество. Ловили большими плетеными корзинками — сапетками по-нашему. В сапетке выдавливалось дно, и получалась легкая удобная накидка.

Впрочем, мы, мальчишки, ходили ловить рыбу чаще всего и вовсе без накидок. Просто мутили ногами воду, рыбы высовывали головы, чтобы хватить воздуха, вот тут мы и хватали их. Щук не брали. Узнавали их по мордам и безмозглым черепам. Не брали и окуней — их плохо чистить. Выбирали сазанов, линей, карасей, сомят, лещей. Конечно, много рыбы за лето поги-

бало. И тут осуждать некого. Но часть ее все-таки перезимовывала в бочагах озер. Перезимовывал и малек, который с вешними водами скатывался в Сал. Потому и в самом Салу в непролазных чакановых зарослях то и дело слышался треск сазанов, хлюпанье сомов. А были сомы такие, что утягивали гусят и даже взрослых уток. Это вовсе не досужие вымыслы стариков — видел сам.

Но я отвлекся от моего рассказа. Вот всегда так бывает: хотелось написать просто о еже, а занесло куда-то в сторону.

К Салу я пришел, как уже говорилось, зарею. Хороших мест для рыбалки с берега на этой речке очень мало — не подступишься из-за камыша и чакана. А здесь, куда я пришел, рыбколхоз когда-то вырыл канал для закачки воды в пруд, растительность, конечно, на небольшом участке уничтожили, насосами углубили дно. Сюда часто бегали станичные мальчишки, да и взрослые приходили порыбачить. Так что рыбу прикормили, и в искусственном омуте всегда ожидала нетерпеливая таранка, жадные окуни, сонные лини.

Я-то подумал, что пришел первым. Но ошибся. На утоптанном бережку, подстелив под себя пучок сухой травы, сидел сутулый худой человек. Услышав мои шаги, он досадливо обернулся. Но, узнав меня, улыбнулся.

Узнал и я рыбака — Саша Трубадур. Не знаю, кто и почему дал это прозвище Александру Ильичу Булькину — вот не Булькой же прозвали его — Трубадуром, но прозвище прилипло к нему, он на него давно уже не обижался, хотя совсем не понимал, что это такое — Трубадур. Ему этот самый Трубадур представлялся главным трубачом духового оркестра, веселым и хорошим человеком (так он мне сам как-то объяснил мудреное слово).

Александр Ильич Булькин был в станице фигурой заметной. Он считал себя мастером на все руки — брался класть печи, лудить самовары, паять кастрюли, делать духовки (короба, как у нас их называют), колоть свиней, шить шапки, обивать кадки (кадушки по-нашему). Но печки его дымили, и хозяйки, ругая Сашу на чем свет, перекладывали их сами, пайка в кастрюлях отлетала на другой же день, кадки, сколько их ни замачивай, все равно текли, короба немедленно прогорали. Я до сих пор не могу понять, почему щербатого, землистого лицом, сутулого неудачника все-таки приглашали что-либо сделать, а женщины любили — женился он раз пять. Наверное, в каждом селе, станице есть такой Саша Трубадур, от которого не польза, а смех, и все-таки его считают мастером, а он всегда куражлив, строг с клиентами.

Где он работал постоянно, никто не мог точно сказать. То ли в какой-то чучельной мастерской (на базаре он иногда продавал чучела ястребов, похожих на кукушек), то ли в заготживсырье — он стрелял бродячих собак и собирал макулатуру, то ли сторожил в какой-то конторе. Днем его можно было увидеть с удочками, накидкой, сеткой — шел на рыбалку. Вечером встретить с капканами — подался ловить сусликов. Впрочем, и в рыболовстве, в охоте он был таким же неудачником, как в кладке печей, но считал себя и в этом деле большим специалистом и на советы не скупился.

— Доброе утрецо, — протянул он мне шершавую сухую руку.

— Как дела? — спросил я, сбрасывая рюкзак.

— Нема ни хрена делов, — кивнул он на застывшие поплав-

ки. — Должно, перед дожжом она, рыба, не хочет жрать. Я вот заметил, — сколько лет уже рыбалю, слава богу, переловил ее ой-ой-ой! — как перед дожжом — не клюет. — Он смачно сплюнул в воду. Поплавки закачались.

— Дождь же третьего дня был, — усмехнулся я, разматывая удочку.

— А она, зараза, как раз на третий день и не жрет! — обрадовался Саша. — Почему? Законный вопрос. — Он значительно улыбнулся, достал папиросу «Прибой», прикурил. — А ответ простой. — И, наслаждаясь моей неосведомленностью, неторопливо попыхтел дымком. — После дожжа всякие червяки, жуки, мотыльки с водою в речку скатываются. Рыба их и хватает. Вот она другой день пирует, а на третий спит под кустами, переваривает, значит.

Он еще что-то плел мне о повадках рыб, но я слушал вполуха. Червей просить у него не хотелось, да и раз у Саши клева нет, значит, на них сегодня почему-то рыба не ловится.

Насадил катышек хлеба, закинул. Трубадур заиграл улыбочкой.

— Ну, на хлеб ты возьмешь! — И, видя, что меня не проняло, обрушился: — Какой же дурак в июле на хлеб ловит! Зараз только червя подавай, раковую шейку, а еще лучше — опарыша. А зараз только пацаны одни на хлеб ловят, так ты ж не пацан...

И осекся на полуслове, потому что поплавок мой дрогнул, закачался и как бы нехотя пошел в сторону.

Представьте: пройти ночью по степи шесть километров, прийти на место, услышать, что рыба не клюет, и вдруг — клюнуло сразу же! А вокруг — тишь, спокойствие, густой от трав и цветов воздух, подкрашенное зарей таинственное, темноватое зеркало утопающей в тростниках речки. Ликование мое, если вы рыбак, поймете. И ладно, какая там рыба клюнула, большая или маленькая (большая, конечно, лучше бы), главное — клюнула!

Вздрагивающей рукой я схватил удилище.

— Не спеши, — прошипел Саша.

Поплавок пошел увереннее, и, хотя Саша опять прошипел «не спеши», я подсек.

Это была небольшая красноперка. Я ничуть не разочаровался, а Саша обрадовался.

— На хлеб ты и будешь эту гадость тягать, — полез опять за папиросами.

— А вы что на червя? — ехидно спросил я, кивая на неподвижные поплавки.

— А я сазанов, — хмыкнул Саша. — Вчерась тут сосед мой, Афоня Маркин, старик, — ты его знаешь — тринадцать штук хватанул. Каждый кило по три.

Саша Трубадур, конечно, по привычке приврал. Старик Маркин — он мне сам говорил — поймал всего четыре сазана, и самый большой из них был кило девятьсот. Но поймал же! На червя, правда...

А я подсек еще с десяток таких же красноперок, и клев прекратился.

Встало солнце большое, умытое. Сразу же пригрело как следует — пришлось снять пиджак и сапоги. Саша покосился на меня, пожаловался на радикулит и остался париться в своем обтрепанном военном кителе и в болотных сапогах.

Со мною он не разговаривал, глаз со своих поплавков не

спускал и, хотя каждую мою удачу встречал презрительной улыбкой, все-таки потихоньку заменил на одной из трех удочек червя на хлеб.

Молча мы просидели с полчаса, наконец он не выдержал:

— Вот зараза! Не хочет жрать, и все... И у тебя... на хлеб не клюет?

— Не клюет.

— А чего без червей пришел?

— Да ежиха их съела.

— Ижиха? — удивился он. — Игде ты ее взял?

Я рассказал, пожаловался, что не знаю, чем кормить.

— Да спросил бы меня! — обиженно полез он закуривать. — Мол, Александр Ильич, так и так. Я же про ожиков все знаю. (Слово ёжик он произносил на особый манер, с твердым ӧ, напоминающим немецкий звук о.)

— Во-первых, ожики любят яблоки.

— Не ест она яблоки.

— И правильна! Она же на сносях, дурной ты. Баб, наоборот, когда они с пузами, тянет на кислое и соленое, а ожиков наоборот.

— На сладкое, что ли?

— На сладкое. На конхветы, халву, сахар, — не моргнув глазом, брехал он. — Молоко давай.

— Не идет.

— Правильно! Не будет. По той же причине. А самая наипервейшая еда у ожиков — змеи. Особенно ядовитые. Поймай ей змею, тогда поглядишь.

— Да где же я ее поймаю? — удивился я. — Укусит еще.

— Магарычевое дело, — подмигнул Трубадур. — Значит, я тебе в момент гадюку поймаю. И меня она не укусит. Секрет знаю. Ни за какие деньги его не скажу, — выжидательно поглядел он на меня.

К его «секрету» я интереса не проявил, и он вздохнул. Хотел что-то сказать еще, но в это время один из поплавков его удочек закивал, он схватил удилище, поплавок нырнул, он подсек так резко, что упал на спину, — оказалось, удилище было не то. С перекошенным лицом вскочил, опять схватил удилище и снова не то, а поплавок на поверхности не показывался. Я в азарте бросился к его удочке, подсек и почувствовал, что попалась крупная рыбина. Удилище согнулось дугой, леса с жужжанием резала зеленоватую воду.

— Дай, дай, — выхватил он у меня удилище. Дрожа от возбуждения, заликовал. — Есть. Есть. Сазан. Большой, сукин кот... Подсачек, подсачек давай! — шипел он. И я бестолково метался возле, повторяя:

— Не тяни, не тяни так, сорвется!

— Не боись, — выдавливал Саня, волоча рыбину к берегу, — подсачек, подсачек давай!

— Да нету его у меня, нету.

— Ррыбак... Без подсачка ходишь...

— А вы-то!..

— Я и без подсачка возьму!

Он уже подвел сазана к берегу, приподнял ему голову. Рыбина очумело хлопнула толстыми губами и замерла на боку. Саша проворно сунулся к ней, прицеливаясь корявыми пальцами схва-

тить за глаза, но, то ли поскользнулся, то ли сазан вдруг попытал счастья из последних сил, только рыбина встрепенулась, рванулась от берега и пропала в воде.

Саня ухнул обеими руками в воду, ломая кустики осоки и поднимая со дна муть.

— Игде? Игде? — дрожащим голосом кричал он. — Игде сазан?

— Ушел, — угрюмо сказал я и поплелся к своим удочкам.

— Ушел? — взвился Трубадур. — И все ты, все ты! — тыкал он в меня мокрой в черном иле пятерней. — Не тяни! Не тяни!

— При чем тут я?

— А при том. Не умеешь рыбалить, не подавай советы. Шутки — килов на шесть, а то и семь сазаняка ушел!

— В нем от силы килограмма два было, — усмехнулся я.

— А ты не мерь, не мерь. Мой сазан, не твой.

— Ну и бери его, — позлорадствовал я.

Саня, бормоча ругательства, кое-как смыл лицо и руки, выполз на берег, дрожащими пальцами размял папиросу.

— На хлеб, сукин кот, взяла. На хлеб! Это надо же! Его бы сразу, пока не очухался, и тянуть прямо на берег, дак ты же советчик чертов...

— Сами же говорите, килограммов на семь... Леска бы не выдержала.

Саню этот аргумент убил, и он больше меня не ругал, только шипел что-то, часто прикуривал папиросу и вздыхал... Потом, через полчаса, решительно встал, начал сматывать удочки.

— Не будет делов... Распужали рыбу. Побегу-ка в степ, капканы проверю.

Он ушел, непонятный и неудачливый человек, а я, поймав еще с десяток красноперок и решив, что Уголек будет доволен и таким уловом, тоже пошел домой...

Я медленно брел по нарядной июльской степи, дышал вволю чистым пьянящим воздухом, слушал крики птиц и попискивание степных зверьков и думал, что как же повезло нам, людям, родиться и жить на этой прекрасной и доброй земле.

Мертва Луна, мертвые красные ветры овевают дряхлое безжизненное лицо Марса, кровавые жаркие смерчи бушуют на укутанной раскаленными ядовитыми газами Венере, вечный холод царствует на гигантах Юпитере и Сатурне... И только наша удивительная планета вся с материнской щедростью и лаской отдает себя людям — своим сыновьям. А мы, благодарные ли мы сыновья?

А что же моя ежиха? Прожила она у меня еще неделю, и так мы подружились, что она бегала по двору за мною. Впрочем, это, может, оттого, что я ее кормил. И молоко она пила, и червей ела, и сама что-то выкапывала в огороде — медведок, наверное. Но когда она начала деловито рыть угол кухни и таскать туда солому, какие-то тряпки, мать категорически потребовала отпустить ее на волю. Да и я решил, что вольному зверьку на воле будет лучше.

Отнес ее к Салу, на то место, где всегда рыбалил.

Поначалу ежиха не хотела от меня уходить — вопросительно глядела бусинками умных глазок, потом шумно вздохнула и потрусила в траву...

Я попрощался с нею навсегда и, конечно же, не предполагал, что еще раз увижу ее при обстоятельствах совершенно комических.

В конце августа ко мне приехал поэт Борис Примеров. Мы прихватили с собою одеяла, продукты и решили пойти на рыбалку с ночевкой. На том же месте у Сала вечером развели костер, испекли в золе недавно пойманных таранок и окуней, покалякали о том о сем. На ночь я поставил среди зарослей чака три раколовки и удочки на крупную рыбу — хотелось горожанина Бориса Примерова угостить раками и хорошей ухой. Спать легли поздно.

Августовская ночь прохладна, к заре же и вовсе дрожь пробирает — выпадает холодная роса. На рассвете мы подкатились друг к другу и с криком вскочили. Мне показалось, что кто-то ошпарил мой бок кипятком. Что-то нечленораздельное выкрикивал и Борис, по своему обыкновению размахивая руками, бегал вокруг погасшего костра.

— Чтой-то? Что-то такое? — бестолково спрашивал я, почесывая горящий бок.

— Ты меня чем-то уколол, — пожаловался наконец Примеров.

— Я? — удивился я. — Может, репьи откуда-то взялись?

— Какие там репьи, — морщился Примеров, — меня будто змея укусила.

Я осторожно приподнял одеяло и ахнул. В нашей постели сидела... ежиха! Это была моя ежиха, я угадал ее сразу потому, что она меня ничуть не испугалась, даже потерлась хитрой мордочкой о палец и радостно заблистала глазками.

Случайно ли она заползла к нам — тепло привлекло — или узнала меня почему-либо (по запаху хотя бы), но нашла же!

На мягком брюшке чувствовались тугенькие сосцы — значит, славный род добрых ежей прибавился.

Мы накормили нашу знакомую червяками, и она, почистив лапками мордочку и чихнув, озабоченно посеменила в густую траву...

...Много лет прошло с той золотой юношеской поры. Конечно, тогда манили сверкающие дали! Сколько было в сердце молодой отваги, душа стремилась вширь и ввысь, и мотало меня по городам и весям от Балтики до Камчатки, бывал я на великих стройках Сибири, в знойной Кушке и на холодном Таймыре, изнывал от жажды в Каракумах и тонул в коварном море Беринга, косил хлеба на Кустанае и в Кулундинской степи, рухнул ночью вместе с комбайном в четырехметровый канал и, придавленный восьмитонной махиной, слышал с ужасом, что мотор работает, и чувствовал — льется на меня горючее, ясно сознавал, что, если не выберусь, сгорю здесь заживо, плакал без слез, кричал, зовя на помощь, и так как ее не было, каким-то нечеловеческим усилием согнул в бараний рог придавившую мою голову баранку, высадил ногами боковое стекло, выбрался!

Сейчас я редко езжу на дальние расстояния — и годы не те, и болезни одолевают, но главное понял я, везде: и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке люди одинаковы. Есть плохие, есть хорошие, хороших, ей-богу, значительно больше; и это вовсе не мое открытие.

И как бы ни разнилась природа, она тоже всюду несчастна по-своему.

Я видел грандиозные пожары в сибирской и камчатской тайге, видел, как бездумно на Камчатке в районе Козыревска вырубают реликтовые лиственницы, видел, как неумный плуг на целинных землях рушит и развевает в прах гумус — плодородный верхний слой, как на Дону из-за неправильной эксплуатации оросительных каналов десятки гектаров плодороднейших земель превращаются в покрытые осокой и камышом болота. Видел и не молчал, боролся. Но все равно один совхоз ухлопал огромную сумму денег, желая осушить озеро, на котором веками гнездились утки и лысухи, отдыхали перелетные казарки и жили лебеди, в камышах были хатки ондатры, а в черной, подернутой зеленой ряской воде обитало невидимое количество линя, красноперки и сазана. Много было здесь и лягушек. Июньскими ночами их стройный хор сотрясал прибрежную станичную округу. Увы, голос мой в защиту этого озера остался гласом вопиющего в пустыне.

Теперь на месте озера зловонное болото. И живут там жуки-плавунцы да простейшие инфузории. Лебеди и гуси минуют его, ондатры были хищнически истреблены, из рыб остались неприхотливые карасики.

И думаю я: рискнул бы директор того совхоза осушить большое озеро (ради чего?) за свои кровные деньги? Думал ли он, что своим волевым решением (за государственный счет!) нанесет огромный вред природе, лишит ребятишек удовольствия половить накидками сазанчиков, лишит птиц гнездования и отдыха, а охотника (хотя лично я против охоты) в урочное время встретить зорю?

Ретивому директору хотелось на месте озера сделать культурное пастбище, хотя рядом непаханой солончаковой земли — завались! И никто не щелкнул его по носу, а еще лучше — никто не дал ему по шапке, не потребовал назад зря загубленные деньги.

Вы скажете, что в масштабе страны это мелочь, но из копеек складываются рубли, сотни, миллионы. А как подсчитать моральный урон, вызванный разрывом вековечной цепи: ты и все живое?

Научно-технический прогресс несет нам не только радость познания и легкого труда. Он вызывает такие экологические сдвиги, последствия которых мы еще в должной степени оценить не в силах. Недаром наша партия и правительство, наша общественность принимают энергичные меры к защите матери-земли, матери-природы.

Недаром за рубежом появилось мощное движение «зеленых», для которых экологические вопросы слились с вопросами политическими.

Но ярые «преобразователи» природы не унимаются и у нас. Несколько лет тому назад я с ужасом прочитал бредовый проект осушения самого рыбного в мире моря — Азовского! Автор энергично предлагает перегородить дамбой Керченский пролив, Дон пустить в Волгу, а море выпарить! Тогда-де на плодородном дне бывшего моря с площади, равной трем миллионам гектаров, можно будет собирать стабильные урожаи риса.

Статья была опубликована в порядке дискуссии. Но мне совершенно очевиден бредовый и вредительский замысел такого,

с позволения сказать, проекта. Мы получим много риса? А рыбы? А куда девать сотни пионерских лагерей, пансионатов, санаториев, раскинувшихся по берегам нынешнего Азовского моря? А как изменится климат на Дону после этого «выпаривания», что станется с великой былинной рекой Доном-батюшкой?

...Ко мне в гости из города приехали сокурсница с мальчиком лет шести. Шустрый мальчик тут же схватил на руки кошку, стал гладить ее и нянчить.

— Брось кошку! — закричала мама.

— Но почему?

— У нее глисты и блохи.

— А я хочу с ней играть...

Мама вырвала из рук пушистую Мурку и швырнула ее подальше. Сынок заревел.

— Сейчас же вымой руки!

Руки он вымыл, но начал гладить добродушного кобелька Барсика. Барсик от удовольствия улыбался, мальчик награждал его лестными эпитетами: «Барсик умный, Барсик добрый, он не кусается».

— Не трожь собаку, у нее глисты! — приказала мамаша и прогнала ничего не понявшего Барсика.

Сын заревел снова, но через несколько минут мы увидели его, кормящего из ладошки ручного петуха Ваську.

Мама немедленно закудахтала и швырнула в петуха огрызком яблока, прикрикнув на сына.

— Ты что, хочешь куриных вшей набраться?

Мальчик заревел, а я не выдержал.

— Послушай, Таиса. Ну что ты дитя отваживаешь от животных? Что ты плетешь о каких-то глистах, блохах и вшах? Вспомни себя, меня. Ведь в детстве и спали с кошками и собаками, и собаки в хатах грелись, и куры...

— То раньше было. От бескультурья, тесноты. Может, потому и болею я, да и ты вон не пышешь здоровьем.

Эх, Тайка, Тайка. Ничем ты не болеешь, здорова и красива, а если иной раз и покалывает правый бок, то ешь поменьше жирного да сладкого. А животные тут ни при чем. И неизвестно еще, что хуже: прыгнет ли на твоего мальчика блоха с кошки или вша с курицы (на человеке, кстати, эти насекомые не приживаются) или навсегда отворотишь ты его от общения с меньшими братьями, вырастишь расчетливым альтруистом и механическим человеком.

А ведь есть они, эти «механические люди», потерявшие любовь ко всему живому.

Как-то мне показали одну районную газету, вся четвертая полоса которой призывала население отстреливать собак и кошек и сдавать их шкуры в заготкожсырье. За определенное количество убитых домашних зверей предлагались ковры, мотоциклы и даже... автомобили! Говорят, в этом районе механические люди устроили такую пальбу, что многих ранили, а стайки несчастных животных разбежались по степи. Представляю, сколько было там слез маленьких любителей Мусек и Бобиков, сколько истерик, покалеченных душ.

Зато район (пусть потом вышестоящие организации и осудили и запретили эту бойню) одним махом выполнил план по пушнине, которой, увы, в стране остро не хватает.

Пушнины не хватает, но вот парадокс: несколько лет тому назад был введен налог на матку нутрию. Огромный налог — до пятисот рублей! Многие нутриеводы немедленно истребили своих зверьков, те же, у которых правдами и неправдами нутрии остались, взвинтили цены на шапку до 200 рублей!

Неужели мы забыли горькие уроки времен «волевого» руководства, когда неожиданно ввели налоги на всю домашнюю живность.

Теперь налоги отменены, но, отвыкнув от ухода за скотом, новое поколение заводит его неохотно.

Не так ли будет с нутриями, другими пушными одомашненными зверями?

Сейчас получила большое хождение так называемая теория единого поля. Суть ее вроде бы в том, что все в природе взаимосвязано. Нарушение малейшего звена не вызывает серьезных экологических изменений, но нарушение глобальной связи, глобального равновесия приведет к катастрофе.

Увы, мы уже присутствуем при сем. Мы уже видим, как хищно отбирают у нас плодородные земли пустыни и болота, как, что ни год, свирепствуют голод и болезни в странах Африки и Азии, как участились и ожесточились ураганные ветры, наводнения и засухи. Нет, не активное солнце здесь виновато, не свет и радиация далеких звезд, не гнев несуществующего Высшего Разума. Виноваты мы сами, забывшие, что нельзя рвать не только связь времен, но и кровной пуповины с матерью-природой...

Я и сейчас изредка хожу на рыбалку. Увы, больше нет могучих разливов Дона и его притоков, да и притоки многие стали хилыми ручейками, а то и суходолами. Нет разливов, а значит, и не остается в колдобинах и ериках рыба. Все глуше по утрам и вечерам хоры лягушек, все меньше в ночном воздухе быстрых теней летучих мышей и бесшумных теней сов и филинов. Не кричат тоскливо болотные выпи — их перебили, решив, что они вредные, не висят над степью, высматривая кузнечиков, шустрые копчики, потому что и кузнечиков-то почти не стало.

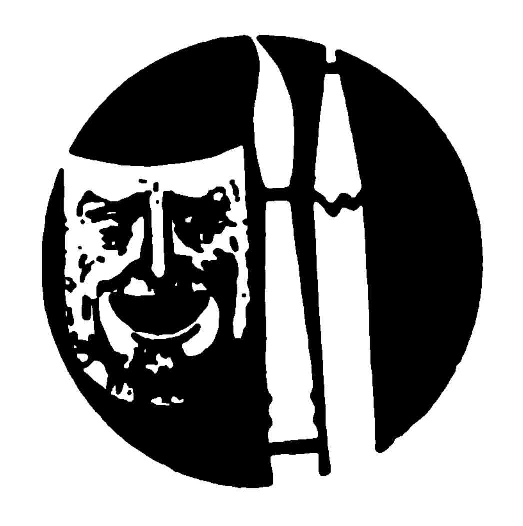
Знаменитые сальские раки больше не идут на экспорт — они гниют заживо, умирают от обилия ядохимикатов, сбрасываемых с полей без всякой очистки в ближайшие реки.

Перевелась ребячья радость — всеядная красноперка, исчезли огромные сомы, их место занял бич европейских водоемов — маленький, прожорливый американский сомик. Что ловить? Сидишь часами, вспоминаешь прошлые рыбацкие удачи, живописные луга и поля, полноводные реки и клянешь себя, что и сам когда-то, радуясь прогрессу, «преобразованию» природы, смотрел на себя как на борца с нею, а не как на ее сына, друга.

Но утешаешься мыслью, что золотая цепь «ты и все живое» еще не лопнула окончательно, еще можно общими усилиями спаять страшную трещину, скрепить заново цепь, чтобы внуки наши, как мы в далеком детстве и счастливой юности, любовались бы и гордым полетом орла в небе, и наслаждались бы пением весенних птиц и поздних перепелов, и забавой с доверчивыми лесными и степными зверюшками.

Не это ли все заставляет любить нас все живое, а вместе с ним и самих себя?

●

ИСКУССТВО

Виталий ПАРХОМЕНКО

РОК-Н-РОЛЛ И КЛАССИКА

Ленинградская газета напечатала четыре рецензии на один спектакль — случай в нынешней практике нечастый. Три рецензии из четырех восторженные, за вычетом канонических предпоследних абзацев, где, как обычно, ободряющей скороговоркой пишется, что «в спектакле еще есть над чем поработать». Если учесть, что критическое пиршество развернуто в честь не самого именитого в городе театра, а спектакль — для молодежи, есть основания сравнить прочитанное с увиденным.

Итак, Театр имени Ленинского комсомола — А. Колкер, «Овод». Рок-мюзикл. Либретто А. Яковлева. Пониже, четвертой строчкой, — «по мотивам романа Этель Лилиан Войнич». В главной роли Михаил Боярский.

В свете последнего обстоятельства социологические доводы, которыми рецензенты укрепляют свои эстетические выводы, выглядят вполне наивными. «Видеть огромный зрительный зал Театра имени Ленинского комсомола забитым до отказа на каждом представлении «Овода» — это не частая радость», — делит-

ся с нами этой радостью критик Э. Яснец. Критик Э. Фрадкина тоже «испытала ни с чем не сравнимое радостное чувство сопричастности с залом, которое возникает, если происходящее на сцене задевает за живое... Значит, достигнуто главное — театр сумел «достучаться до сердца» самой трудной и самой взыскательной аудитории».

Между тем, как известно, «чувство сопричастности» возникает и в других местах. Во Дворцах спорта, например. И «происходящее на сцене» иногда так «задевает за живое», что подростки во время вакханалии заезжей рок-группы ломают в зале казенную мебель или после, у служебного входа, еле сдерживаемые милицией, скандируют имя «идола». Другое, конечно, дело, если для ощущения чувства сопричастности надо не столько воздействовать на центры, отвечающие за конечность, сколько на языке художественных образов попытаться объясниться с аудиторией о смысле жизни.

Правда, «достучаться до сердца» в «Оводе», оказывается, можно куда более доступными приемами, нежели приемами трагедии, к каким прибегла автор подлинника Э. Л. Войнич. Да еще добиться при этом куда большего — нет, не эффекта даже, а художественного результата! Из романа, как заверяют нас критики, композитор и либреттист оказались «способны взять самое главное и дать высокое обобщение» (Э. Фрадкина), а музыка А. Колкера, оказывается, «выплескивает наружу то, что существует в романе глубоко внутри... Благодаря именно музыкальной партии образ Монтанелли приобретает здесь подлинно трагический масштаб» (Е. Моряков).

В общем, явно недоработала в свое время Этель Лилиан Войнич. Смысл романа запрятала, что и не доберешься; образ Монтанелли получился так себе — без масштаба и трагизма, а самое-то главное — высокое обобщение не дала! И только теперь благодаря усилиям «композитора и либреттиста» «Овод» получил законченные формы и стал наконец доступен широким кругам молодежи потому, что разговор с ней ведется теперь «на близком для нее музыкальном языке».

Так чтó же «выплескивает наружу» рок-мюзикл «Овод»? Непосвященных в таинства как рока, так и мюзикла указанные критики, как говорится, просят не беспокоиться, ибо этот спектакль, предупреждают нас, надо оценивать «прежде всего как произведение музыкального жанра» (Э. Фрадкина) и не надо оценивать «в основном только в плоскости соотношения с романом» (Э. Яснец). Иначе говоря, то соображение, что спектакль идет все-таки в драматическом театре и поставлен все-таки по роману, никак не может служить пропуском для тех, кому неведома «эстетическая природа» рок-мюзикла.

Вот как просвещает профанов музыковед Э. Фрадкина: «Если учесть, что характеристика Ривареса опирается целиком на стилистику рок-музыки, то в сопоставлении с темой Монтанелли, состоящей, как пишет она, из «интонаций католической мессы», «органных аккордов», возникает драматургический конфликт двух музыкальных идей. В этом столкновении Риварес одерживает победу над Монтанелли». Бедные Гендель, Бах и другие авторы католических месс и «органных аккордов», чью музыку стилизовал А. Колкер... Положенный на рок-музыку Овод — Ри-

варес, как на санках «американских гор», взлетает на ней куда выше высоты органа!

Еще масштабнее заявления Э. Яснеца. Оказывается, А. Колкер еще в 60-е годы в свои «песенные композиции» «вводил элементы роковой музыки» (жаль, что не указывается, в какие именно: «Стоят девчонки», «Чудо-кони», «Туман»?), а его «первый советский мюзикл «Свадьба Кречинского» насыщен... «тяжелым роком».

Бесстрашно стремление рецензентов доказать, что нынешний «Овод» значительно улучшен по сравнению с «Оводом» прежним. «Кто такой Овод? — спрашивает нас Э. Фрадкина. — Только ли знакомый каждому литературный герой, или в нем заключено нечто большее?» И почему рок-мюзикл приспел как нельзя кстати? А потому, мол, что людей, испытавших подобное, можно встретить повсюду и всегда. Как-то неудобно вслух объяснять, что «литературный герой» именно потому и герой, что заключает в себе «нечто большее», чем в каждом, «кого можно встретить»; что классика потому и классика, что... Впрочем, судя по рецензии, можно не сомневаться, что одноименный рок-мюзикл обречен стать классикой. Для этого есть основания. Например, колкеровская песня Джеммы, утверждает критик Э. Фрадкина, «по целомудренной чистоте музыкального образа... перекликается с песней Сольвейг».

Настойчивое желание критика внушить читателю, что мировая культура обогатилась еще одной непреходящей ценностью, толкает ее на гимнический стиль изложения, при котором какие-либо сомнения в величии того, что́ возвеличивается, конечно же, неуместны: «Это очень талантливый актер... артист богатых возможностей и большой перспективы. Ему подвластны роли характерные и трагические. Он прекрасный певец. Безупречны его музыкальная интонация, владение сложными ритмами». Просто готовые строчки для статьи в энциклопедию. О ком это? О Шаляпине? Нет, это о М. Боярском, которого, негодует на непосвященных Э. Фрадкина, «иногда воспринимают весьма поверхностно».

И все-таки пока рок-мюзикл «Овод» не попал в переиздания истории отечественного театра, попытаемся понять, что́ же происходит в этом спектакле с точки зрения смысла и верности духу романа, коль скоро они имеют одно и то же название.

...Сцену заволакивают клубы эстрадного «дыма». В темноте начинается увертюра, в которой, как и на протяжении всего спектакля, оглушительно, однообразно и назойливо будет доминировать бас-гитара вкупе с извлеченными из синтезатора резкими и пронзительными взвизгами. Под этот аккомпанемент массовка, в программке обозначенная как «цирк», синхронно задергается в аэробике.

И начинается нечто странное... Толпа выплевывает из себя уродливого горбуна в черном фраке. Его бьют, пинают ногами, а он со зловещей ухмылкой «поет арию» (все номера идут под фонограмму) о том, что в каждом из нас сидит двойник и ждет своего часа, а конец, мол, у всех один... Массовка, как клоунаду, разыгрывает и сцену расстрела. Некто в таком же фраке, только постройнее, сначала падает, потом вскакивает и, подхватывая «арию», так сказать, утверждает в качестве лейтмотива заявленную горбуном тему двойничества. Этот некто срывает с глаз по-

вязку, а у зала — аплодисменты. Улыбка М. Боярского говорит о том, что все было «понарошку».

Согласно канону для зрелищ с «идеей клоуна» пролог свою задачу — «сообщить ощущение, что мир — это цирк» («К понятию гения» П. Палиевский) — выполняет. Неясно только, при чем тут роман Войнич, в котором бродячая труппа появляется лишь однажды и вызывает у героев определенное отношение: «Отпечаток пошлости лежал здесь на всем». В спектакле же «цирк» — это и гарибальдийцы, и весь народ Италии...

Происходит и вторая подмена — двойника. В романе Овод говорит Мартини: «Помните немецкую легенду о человеке, который умер, встретившись со своим двойником?.. я тоже встретил своего двойника в прошлую поездку в Апеннины». Овод имеет в виду Монтанелли, и в этом, если вспомнить их последнюю встречу в тюрьме, — глубокая художественная логика.

А горбун из бродячего цирка вызывает у Овода совсем иные чувства. Это горькие воспоминания о своих скитаниях по Латинской Америке, об унизительной работе клоуном — «горбуном» в эквадорском цирке. Когда Джемма удивляется, почему Овода так взволновало кривлянье горбуна в пошлом представлении, он отвечает: «Неужели вам никогда не приходило в голову, что у этого жалкого клоуна есть душа, борющаяся человеческая душа...»

В спектакле ленинградского театра горбуну души не положено. Зловещая и злорадная тень Овода, карикатурно копирующая его действия, навязчиво декларирует тезис о тщетности благородства и героизма, о том, что черное начало в человеке и вне его все равно одерживает верх. И действительно, горбун все время появляется на переднем плане сцены, впереди Овода...

Так происходит третья — и главная — подмена. Подмена героя. Не в том дело, что обликом Овод — М. Боярский весьма отличается не только от Овода в известных гравюрах Саввы Бродского, но и тем более от «Портрета молодого человека» итальянского художника Франчабиджо, который висел в доме у Войнич. Разнятся концепции.

В романе Джемма впервые видит не узнанного ею Ривареса — Овода: «...в этом человеке прежде всего бросалась в глаза склонность к франтовству и почти нескрываемая надменность». В спектакле это не первое впечатление, а качества, присущие герою органически, в теперешнем их выражении. В романе Овод до предсмертного письма не открывается Джемме. В спектакле в первую же их встречу он с вызовом, с угрозой намекает о том, что был уже однажды отвергнут ею. Во время второй встречи, в полном согласии с веком возросших скоростей, он уже тискает Джемму в объятиях и осыпает поцелуями.

На сцене вообще происходят удивительные вещи. Как помнится, в романе о возможном предательстве предупреждает Овода влюбленная в него цыганка Зита. Герой, «с удивлением глядя на нее», отвечает: «Ты вообразила бог знает что!» В спектакле цыганки Зиты нет. То есть она напечатана в программке, но вычеркнута. От руки. Видимо, была обузой. Обременяла собой такую легкую и ясную концепцию. Нет цыганки, зато есть «Тайная вечеря».

Овод — М. Боярский с издевкой обращается к сотоварищам Джеммы по либеральному комитету (впрочем, в спектакле это

группа карикатурно-кукольных персонажей): «Ну, кто меня поцелует?!» Потом мечется между ними, на истерической ноте выкрикивая: «Меня предали! Кто из вас Иуда?!» Странная даже в мюзикле для атеиста и революционера прихоть — изображать себя Христом... Кликушеству, как мы знаем, свойственна непоследовательность. Вот и герой М. Боярского чуть позже выкрикивает в зал свою программную песню, в которой такой рефрен: «Ну кто же так бессовестно солгал... что ходит в белом венчике из роз Иисус Христос?!»... Что ж, еще одна примета в мюзикле, характерная для направления с «идеей клоуна», разоблаченного в свое время П. Палиевским в уже цитированной нами статье «К понятию гения», — стремление утвердиться за счет других.

У Войнич Овод публикует умные и злые фельетоны, направленные против папской власти и ее злоупотреблений. Даже в принципе отвергающие сатиру члены комитета признают, что предложенный им Риваресом памфлет «написан не глупо», а политическая часть его «превосходна». У либреттиста А. Яковлева Оводу вместо прозы уготована «поэзия». М. Боярский берет гитару и, конвульсируя в рок-н-ролле, выдает такие вот куплеты: «На домах висят знамена, маршируют эскадроны, в магазинах макароны, а вокруг одни шпионы. Па-па! Па-па-а-а!»...

А вот и печатные оценки всей этой оглупляющей героя пошлости. «Еще один важнейший смысловой мотив спектакля: поэт-публицист с гитарой в руках» (Э. Фрадкина). «Образ Ривареса — Боярского, воителя и барда свободы с гитарой в руках, невольно ассоциируется с образом чилийского поэта и певца Виктора Хары» (Э. Яснец). (?!)

Улавливаете, какой ряд выстраивается? А. Колкер, «перекликающийся» с Григом, М. Боярский, «ассоциирующийся» с Виктором Харой... «Несмотря на крайнюю простоту этого приема («присоединения». — *В. П.)*, действие его все еще остается в силе. Никто не станет ведь возражать всякий раз по пустякам из-за каких-то безответственных упоминаний», — писал когда-то П. Палиевский.

Последовательная дегероизация, антиисторичность закономерно приводят спектакль к внутренне мелкому, слезливому финалу, далекому от очищающего душу и дух возвышающего катарсиса у Войнич, трагический герой которой, сознательно жертвуя собой во имя идеи, вместе с тем неимоверно страдает оттого, что не может спасти душу своего духовного отца.

Овод — М. Боярский и Монтанелли — Р. Громадский, беспокоясь каждый за себя, в результате короткого обмена репликами приходят к выводу, что компромисса достигнуть не удастся. Ползая по сцене на коленях, они чувствительно поют дуэт и плачут... Затем следует «покаянная» ария Монтанелли, в искренность которой тоже трудно поверить. И не только из-за мелодраматического вокального надрыва, а и потому еще, что до «прозрения» этот персонаж (даже неловко называть его романным именем) на полном серьезе утверждал в своих куплетах: «Боже, ты — это я!»

И снова бьет в уши бас-гитара... От «клоунской» сцены расстрела до «всамделишной», отдающей «оперной» фальшью, на всем протяжении спектакля не покидает ощущение, что все происходящее на сцене вне времени и пространства.

Влечение режиссуры молодежных театров к «мюзиклизации» шедевров складывается в жутковатую метафору: понурая очередь из музыкальных классиков к двери, из-за которой доносятся звуки рок-музыки. Бодрый голос из динамиков: «Кто следующий на амплу... на адаптацию то есть?! Готовьтесь!» Классики вздрагивают и теснее прижимаются друг к другу. Но тут к ним подходит критик, этакий адепт адаптации, и успокаивает: «Операция безболезненна. Она удлинит вам жизнь и сделает привлекательными. Разве вы не хотите нравиться молодым?..»

Не достать билетов и на спектакль другого ленинградского театра — Молодежного, когда там идет «Сирано де Бержерак». Представление имеет весьма косвенное отношение к одноименной пьесе Ростана, ибо теперь это — «эксцентрическая опера по мотивам»... В соответствии с этим диковинным в сценической истории «Сирано» жанром постановщик Е. Падве и либреттист А. Тер-Гукосов решительно, как в занятую местность, вторгаются в природу пьесы. Героическое заменяется в спектакле пародийно-шутовским, романтическое — скабрезным, драматическое — эксцентрическим.

Как и в «Оводе», здесь главенствует обязательный для перелицовок подобного рода прием: все ранее бывшее серьезным теперь как бы «понарошку». Артисты в прологе разминаются на глазах у зрителей, надевают сценические костюмы, гримируются... «Закулисье» вырастает в принцип, в некое «зазеркалье», со своими законами, своим отношением к жизни как к цирку; к творившим до тебя классикам — как к «материалу», поводу для рок-мюзиклов и рок-опер.

И здесь адаптация проведена весьма целенаправленно. Исключена, например, сцена осады Арраса, где Сирано проявляет себя как герой и патриот, отсутствуют эпизоды ростановской пьесы, в которых Сирано представал истинным и надежным другом для близких по духу людей, урезаны до минимума его пылкие и пламенные монологи. Теперь это изгой, «одинокий и непонятый гений» среди тупой толпы обывателей с карикатурными рожами. Знакомая концепция, не правда ли?.. У Ростана герой яростно борется со смертью — здесь принимает ее как избавление. Стилизованный хорал сменяется рок-н-роллом и аэробикой...

Но хоть и написано уже в афише — «по мотивам», однако полной уверенности, что ампутация классики найдет полное одобрение, видимо, еще недоставало. Необходима была восторженная статья критика, и она вскоре появилась на страницах ленинградского журнала «Нева»: «Такие зрелища служат поэтическими примерами. На них воспитывается юное чувство». Критику Д. Золотницкому очень нравится, что изуродованный театром текст классической пьесы подвергается в спектакле пародированию и осмеянию, что уже первый монолог «заставлял терять всякие надежды на то, что со сцены прозвучат цветистые рифмы времен наших бабушек», что «красивые поэтизмы здесь вышучивали». Перечисляя «капитальные эксперименты» в сфере классики, Д. Золотницкий относит к ним и «оправданно дерзкие студийные опыты Ефима Падве с его почти что уже музыкантской командой в Молодежном театре».

Трудно разделить с критиком эти восторги. Когда «юное чувство» воспитывается на произведениях, искаженных адаптацией и коллажем, то есть на дайджестах, на «капитальных эксперимен-

тах», граничащих с кичем, вряд ли оно окажется способным откликнуться на Искусство, требующее душевных и умственных усилий. Муляж культуры — дайджест (понятие, кстати, этимологически связанное также с обозначением переваривания пищи) — можно «потребить», восприятие же искусства требует затрат иной энергии, нежели та, что расходуется посетителями варьете.

Внедрение поп-арта на отечественную и особенно молодежную сцену вызывает понятную тревогу деятелей культуры. Многим, я думаю, памятно «письмо в редакцию» Василия Ивановича Белова, опубликованное в октябрьском, за прошлый год, номере «Молодой гвардии», в котором он справедливо подчеркивает, что «разрушение эстетики, поощряемое массовыми эстрадными зрелищами (добавим от себя — и определенным кругом критиков), обусловлено размыванием четких нравственных критериев».

А вот что пишет в газете «Советская культура» народный артист СССР Георгий Степанович Жженов: «Балдеют» от поп-музыки на дискотеках. Теперь, оказывается, «балдеют» и в драматических театрах. Более того, некоторые театры, чтобы угодить спросу, изо всех сил стремятся ставить такие спектакли, чтобы и у них в зале этот процесс происходил. Когда такие попытки делаются, я подымаю обе руки и кричу: «Ребята, стоп! Давайте заниматься своим делом, а не подражать другим».

Но «рок-н-ролл на классике» не только безобра́зит и безо́бразит подлинник, не только портит неокрепший эстетический вкус — для самого театра он чреват утратой критериев и потерей умения выстраивать «жизнь человеческого духа» роли.

В Молодежном театре, большую часть афиши которого составляют музыкальные представления, идет и спектакль «Из записок молодого человека» по роману Ф. М. Достоевского «Игрок». Автору инсценировки и режиссеру Е. Падве «с его почти что уже музыкантской командой» явно не хватило «дыхания», сценического мастерства и культуры, чтобы донести до зала глубину и рельеф классического текста. Этому мешает и давно ставший штампом, а здесь превалирующий в мизансценах прием «косвенного общения» партнеров (в то время как у классика и любят и ненавидят «глаза в глаза»), и манера игры исполнителя главной роли, которая, может быть, хороша для изображения «трудных» подростков в пьесах Хмелика, но никак не героев Достоевского, и музыкальное оформление, состоящее из назойливо повторяемых четырех тактов свинга «под Дейва Брубека».

И снова — адаптация. «Игрок» Достоевского идейно продолжает его «Зимние заметки о летних впечатлениях», где писатель, говоря о нравственной и социальной проблемах «заграничных русских», высказывает надежду, что в новом поколении явится «другой Чацкий», который поймет, что «уголок для оскорбленного чувства не в Европе, а может быть, под носом, и найдет, что делать, и станет делать». В романе Достоевского сохраняется надежда на воскрешение Алексея Ивановича — главного героя произведения. В спектакле Е. Падве этой надежды герою не дано. Алексей Иванович лакейски принимает от англичанина подачку, и мистер Астлей, снисходительно улыбаясь, заканчивает спектакль...

А где-то еще одного классика готовят к адаптации и слагается очередной панегирик во славу рок-н-ролла.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай БУХАНЦОВ

ИСПЫТАНИЕ НРАВСТВЕННОСТЬЮ

Достижения прозы последних лет с особой силой подтверждают ту истину, что нравственные искания современника, являющиеся неоспоримым фактом сегодняшней жизни, становятся художественно значительными и содержательными, когда они даны в тесной связи героя с жизнью народа, с его трудовым созиданием. Процесс обретения героем своего трудового призвания становится, по существу, процессом становления человеческой личности, основой его общественного и гражданского самосознания. Яркий свет такого видения жизни озаряет не только, скажем, чисто производственные конфликты и сцены, но и семейно-бытовые, глубоко личные отношения героев. При всей индивидуальной неповторимости художественных почерков налицо глубинная общность поисков и открытий многонациональной нашей прозы, отрадное стремление писателей запечатлеть нравственно-этические поиски героев в русле быстротекущего нашего времени.

Настоящее искусство начинается с умения художественно убедительно постичь

подлинную человеческую сущность: созидательное начало и человечность. Роман Анатолия Клименко «Окраина», например, многоплановое произведение, в котором автор старается проследить жизнь ряда семей сибиряков, постичь их нравственную сущность на самых крутых перекрестках времени: Великая Отечественная война, послевоенная действительность и наша современность. В произведении выписано множество героев. Но автору более всего удались образы женщин-тружениц: Катерины Кондратьевой, Клавы Шаровой, Зои Ильиной — людей нелегкой судьбы. Вот Катерина вырастила и воспитала чужих детей, и она гордится ими: Игорь — кадровый военный, Сергей — передовик производства, а затем — воин-танкист. Ксюша — скромная и мужественная девушка, посвятившая свою жизнь борьбе за здоровье людей...

Неотъемлемым содержанием жизни Катерины и ее подруги Клавы всегда оставался труд. Именно благодаря умению самозабвенно трудиться Клава стала главным конструктором завода. В их лице мы видим лучшие черты современных наших работниц, людей чистой совести и высокой нравственности, доброты и сердечности. Они умеют постоять за себя и правду нашей жизни.

Разные тематические горизонты освещены в романах ингушского прозаика Ахмета Бокова «Юрский горизонт» и книге повестей эстонского писателя Юри Туулика «Абрука». И если у А. Бокова показан труд нефтяников-буровиков, то у Ю. Туулика — жизнь рыболовецкого колхоза «Сааре Калур». Но проникнуты они одной авторской мыслью, что сегодня всем нам необходимо глубоко перестроиться и ответственно относиться к своему непосредственному делу. Именно эти вопросы рассматривались и широко обсуждались на недавнем XXVII съезде партии. Смысл психологической перестройки состоит в том, чтобы в сознании каждого нашего труженика жило высокое чувство хозяина страны, чтобы он мог сегодня уверенно заглянуть в светлый завтрашний день. И ведь не секрет, что главным двигателем прогресса, его душой был и остается человек труда.

Так, например, в романе А. Бокова испытываются на прочность нравственные качества человеческого характера. Мы узнаем, сколь непросто идет сражение нефтяников с юрой. «Где-то очень глубоко, как утверждают геологи, проходит более низкий горизонт отложений — юрский. К нему стоит протянуть руки, запустить буры поглубже... А там кладовые ценнейшего сырья...» И писатель показывает, как люди по-разному относятся к своим обязанностям, осваивая эти сверхглубинные нефтяные пласты.

Запоминается начальник управления буровых работ Темирханов, за плечами которого большой производственный и житейский опыт и который в отличие, скажем, от начальника объединения Муратова хорошо знает свое дело, одержим работой, чувствует перспективу в добыче нефти. На мой взгляд, эти качества характера сближают Темирханова с Чинковым из романа Олега Куваева «Территория». Вернее сказать, само наше беспокойное время, открывающее широкие возможности для творческой инициативы и самостоятельности, роднит их. Настойчивая мысль Темирханова отыскать нефть на сверхглубине связана с определенным риском и немалыми материальными затратами. Муратов — перестраховщик и не желает даже заглянуть в завтрашний день

республики. Темирханову возражает и главный инженер управления Фролов, с которым приходится не так-то просто бороться, хотя их разногласия «всегда были деловыми». И все же Темирханов сумел занять принципиальную позицию и получить поддержку коллектива рабочих.

Для лучших героев эстонского прозаика Юри Туулика, как и для Темирханова, героя романа А. Бокова, важно осознать, что человек ценен не только тем, что умеет трудиться, но еще и тем, что́ он за личность, какова его нравственная отдача обществу. Именно эту проблему обостренной нравственной ответственности ставит Ю. Туулик в повести «Вороненок». Прозаик сумел подойти к этому важному и актуальному вопросу с искренней болью и гражданской заинтересованностью. Вроде бы хорошо, что Леэмет — герой повести вытащил за день из сетей пятнадцать тонн салаки, но разве менее важно то, какими глазами смотрит на тебя после работы маленький мальчик Марэду?.. Трагикомический финал повести вырастает до символического обобщения, поучительного и предостерегающего нас...

Показательно и то, что герои Ю. Туулика схожи с героями «Плотницких рассказов» и «Вологодских бухтин» В. Белова. И не только склонностью, скажем, к философско-бытовым обобщениям, юмором, а в первую очередь тем, что типы эти народные, и их мысли и чувства подлинные, проверены самой жизнью.

Рассказы и повести Ю. Туулика обычно построены в форме монологов. Каждый монолог — это своеобразное открытие характера героя, его судьбы: ведется ли, например, монолог от лица вдовы, старого рыбака или подростка-школьника — всюду мы встречаем приметы жизни и быта маленького острова Абрука. И не просто открываем черты характеров героев, но и узнаем нравственные, этические оценки разных перипетий жизни. Оттого и становится все это для нас постижением бытия.

Именно нравственный урок проходит и герой повести Вячеслава Шапошникова «Тихие дубовые гривы». Николай — так зовут героя — работает диспетчером в мурманском порту, однако вся его личная жизнь, его духовное становление по-настоящему обретают четкие моральные ориентиры лишь с приездом домой, в родное село, — он открывает для себя извечную и простую истину: «Да, все-таки нигде не чувствуешь себя так хорошо, как на родине». Герой понимает, что он нужный специалист на своем производстве, и он искренне гордится своей профессией. Но только здесь, в разговоре с родными и близкими, в тесном общении с природой, с простыми и мудрыми тружениками земли Николай глубоко осознает смысл слов пчеловода дяди Миши: «Нельзя человеку ходить в должности да профессии, ибо человек-то не затем на свет произведен, чтоб только одну свою машину знать...» С этих памятных дней в характер Николая навсегда вошла «новая бережная чуткость ко всему», и, как признается герой, мол, отныне «все меня касается...». Николай по-новому сумел взглянуть и на свою личную жизнь, и на отношение к товарищам по работе.

Подобный урок нравственной чуткости проходит и инженер-строитель Борис Краснов — герой рассказа писателя из Узбекистана Рауля Мир-Хайдарова «Чигитай, тупик-2». Так случилось, что Борису пришлось осваивать свою профессию на сол-

почной узбекской земле, где, как известно, издавна бытует особое чувство уважения к пожилым людям — хранителям житейской мудрости, богатого трудового опыта. И профессиональное и духовное становление герой проходит именно среди этого народа. Повседневное общение с местным населением помогло герою не впасть в отчаяние в минуты семейного разлада, а главное — помогло глубже постигнуть простую и важную истину: «Надо строить хорошо, качественно, с учетом национального колорита». Почему? Да потому, понимает герой, что стандартизация в строительстве неизбежно ведет к стандартизации мышления, к стандартизации духовных интересов современников... И еще одно существенное открытие пришло здесь к герою — представителю самой мирной профессии на земле: «Надо строить так, чтобы оно не вызывало грусти и сожаления о прошлом...» Мир-Хайдаров сумел, на мой взгляд, убедительно проследить характер нашего современника, созидателя по натуре, показать, что настоящее призвание в труде нравственно возвеличивает человека, способствует его духовному возмужанию и гражданской устремленности. И мы, читая рассказ, убеждаемся, что именно в напряженных буднях стройки, «в сложных обстоятельствах проверяются на прочность и выносливость характеры людей, проверяются на главном — на деле, на сделанном».

Именно конкретным делом проверяется нравственная зрелость героев таких произведений, как романы Х. Меляева «Беркуты Каракумов», В. Пронина «Особые условия» и М. Сарсекеева «Взрыв».

Нынешние социально-экономические преобразования существенно и интенсивно изменяют и психологию человека труда, влияют на характер его поведения. В своем романе «Беркуты Каракумов» туркменский прозаик Ходжанепс Меляев как раз и сумел по-новому, с учетом наших представлений об НТР исследовать не только чисто производственный конфликт, но и конфликт нравственный. Герой его романа Мерген Мергенов — человек совестливый, способный глубоко постичь и осмыслить не только то, что его непосредственно окружает, но и сделать себя «объектом наблюдения». Согласимся, что не так-то просто сегодня художественно убедительно запечатлеть черты такого героя, а заодно и приметы времени, понимание самой сути идей НТР, нравственных и гражданских аспектов, открывающих наши грандиозные, поистине революционные планы и задачи.

Итак, в романе Х. Меляева говорится, в частности, о том, как Мерген Мергенов — вчерашний выпускник Бакинского нефтяного института — приезжает в свои родные края, в Туркмению, и с первых же дней получает трудовое «крещение». На буровой установке, куда его временно назначили мастером, случилось ЧП — перехват в скважине, на глубине двух с четвертью километров грунт зажал сверло... Вот как зримо писатель передает эти напряженные минуты, в которые Мергену необходимо было принять правильное решение: «Теперь казалось, будто и рев дизелей, и змеиное шипение насосов слышу не снаружи: это все у меня в голове. И не металлическое сверло, а несчастную мою голову сдавили земные пласты на глубине две тысячи двести двадцать один метр. Больше нечего и мечтать, что выполним план по буровой проходке. Придется забыть о премиальных для газовиков, а люди трудятся в беспощадную жару, в адском пекле.

И все порицания, осуждения, обсуждения посыплются на мою голову. На любом собрании станут напоминать: «А вот на тринадцатой буровой, где мастер Мергенов, был перехват». Словом, всегда, везде — и на техсовете, и на партсобрании будут об меня ломать палки...»

И когда Мерген решительно, с известным риском для себя, отдает распоряжение буровикам, то и читатель как бы невольно становится участником происходящего, тревожится и радуется, лишь только устраняется непредвиденная авария:

«Во мне также все тряслось и грохотало. Но сейчас я видел лишь показания картограммы.

А вдруг...

Первыми радость ощутили руки, вцепившиеся в рычаг: он вздрогнул! И радость проникла в сердце, разлилась по телу. В то же мгновение изменился шум, пропали в нем напряжение и ожесточенность. Оцепеневшие было люди задвигались, зашевелились, бросились к рабочим местам; тут я ощутил прикосновение к щеке холодных и влажных губ: это был Анатолий. Я улыбнулся, передал ему рычаг».

Характерно, что на буровой работает, по сути дела, многонациональный коллектив: здесь и русский, бурильщик Анатолий Чернов, и его товарищи — цыган Будулай, туркмен Шорхат Багиев и многие другие рабочие. Основной нравственный конфликт происходит между Мергеновым и начальником участка Аллаяром Шировым, человеком самолюбивым и нечистым на руку. В романе постоянно чувствуется стремление прозаика узнать истоки потребительского отношения к жизни и проследить в этом случае историю падения героя. Так, Аллаяр Широв был определен «по знакомству» начальником участка, дело свое не любил, жил узкособственническими интересами. И конечно же, свежий и деловой подход Мергена к выполнению своих обязанностей он встречает в штыки. Это уже потом, на заседании парткома, где Широв попытается опорочить Мергена, старый рабочий Торе-агу мудро и открыто скажет:

«...Вот когда ты работал на тринадцатой буровой, там долота были в избытке, а в то же время Алимирза не мог достать хоть одно новое долото. Отчего ты не заявил о своих излишках, не помог товарищу, а? Постой, постой, не перебивай! Слушай старшего... Может, замышлял таким манером опередить Алимирзу? Но ведь буровая скважина досталась Алимирзе не в наследство от папаши. И он и ты работаете не на свой карман, а на государство. Нельзя смотреть только себе под ноги, дорогой!»

Мерген не страшился никакой работы: когда возвращается из больницы прежний мастер тринадцатой буровой, он, как этого требуют обстоятельства, идет на смену и честно работает простым буровиком, также проявляя при этом способности и смекалку. Именно Мерген высказал первым идею об усовершенствовании глиномешалки, о необходимости сделать ее более производительной.

Его же противник — Аллаяр Широв — после серьезного разговора в парткоме хотя и был освобожден от обязанностей начальника участка, однако не переставал всячески «мстить» Мергену. Но Мерген в своем непоколебимом противостоянии Аллаяру оказался неодиноким: рядом с ним, что называется, плечом

к плечу, встали старый и опытный рабочий Торе-агу, комсомольский вожак Шохрат Башиев, чуткая и мужественная девушка-геолог Наргуль и многие другие рабочие-буровики.

В романе, на мой взгляд, удачно выписаны сцены трудовых будней, радость рабочих, завершивших напряженную и трудную работу, когда из земных недр ударил долгожданный природный газ.

«Наша буровая номер тринадцать все равно счастливая, самая счастливая!

И, будто в подтверждение, из земных недр с гулом вырвался на свободу, на солнце и ветер мощный фонтан газа и воды: ведь напоследок мы гнали в скважину только воду. Газированная вода взлетала к небу и сыпалась сияющими брызгами, все кругом наполнялось запахом газа, но никто не пожелал отойти подальше от вышки; стояли и, улыбаясь, глядели на вышку и на фонтан: так влюбленные после долгой разлуки глядят и не могут наглядеться друг на друга... Часа через два вода кончится, пойдет чистый газ, и мы сможем его подожечь: голубое пламя засветится, и увидят его даже с отдаленных буровых вышек. Точно осколок солнца упадет в Каракумы!»

Не менее впечатляюще в романе показана и картина единоборства людей с природной стихией в тот момент, когда необходимо было «укротить» загоревшуюся вышку, «приручить» вырвавшийся на свободу газ, а точнее — прикрепить «первентер» для отвода газа — опять же! — по предложению Мергена. Сражение с огнем в знойной пустыне походило на настоящее поле боя.

«Пятьдесят пятая напоминала линию фронта, — отмечает писатель. — Люди в огнеупорных костюмах, темных очках и кожаных наушниках, похожие на танкистов, суетились возле пожарных машин. Рядом стояли автомобили «Скорой»... Егор Степанович поднес микрофон к губам:

— Внимание... Морозов, начали!

Пенистая струя ударила в основание газового столба... Вот это да! Вода, попавшая под большим напором в железную трубу, из которой шел газ, тут же превратилась в густые клубы пара, смешанные с дымом. На песке, то красневшем, то черневшем у подножия трубы, образовалось озеро.

— Выключить реактивные моторы!

Огромная огненная дуга вытянулась в сторону моторов, установленных в кузове грузовика. Огненный змей, разрубленный на куски, извивается, спасаясь от воды и ветра, корчится в черном дыму и уходит в небо. Кажется, все, погибло пламя, но вот новый напор газа возрождает его, и опять идет борьба трех стихий...»

Мужество, нравственная чистота, одержимость работой нашли своеобразное отражение в непростых судьбах героев романа Виктора Пронина «Особые условия». В центре авторского внимания — образ Николая Панюшкина, начальника строительства нефтепровода на Сахалине. Здесь важно отметить то, что через дела и судьбы людей писателю удалось затронуть наиболее актуальные нравственные вопросы времени, которые приходится решать современным строителям. Повышенное чувство ответственности, стремление по-настоящему стать общественно полезной личностью — эти грани в характере героев, по существу,

являются неотъемлемыми для советского человека. Своим умением сфокусировать внимание на проблемах, казалось бы, чисто деловой этики В. Пронин не просто продолжает традиции нашей производственной прозы с ее пытливой аналитичностью к нравственным истокам характера, но и старается всерьез говорить о сложности современного бытия.

Николай Панюшкин — человек сильного характера, глубоко преданный делу, он взыскателен не только к другим, но прежде всего к самому себе.

Сюжет романа на первый взгляд прост: на Остров, где трудятся рабочие под началом Панюшкина, выезжает представительная комиссия во главе с секретарем райкома по промышленности Мезеновым. Она-то и должна решить в определенной степени вопрос с нефтепроводом, строительство которого приостановилось вследствие пронесшегося над Островом тайфуна.

Думая о нефтепроводе, Панюшкин говорит: «Задача в том, чтобы закончить работу. И я ее закончу». И далее автор как бы делает вывод: «Панюшкин спешил, хотя знал, что победа, если она будет, станет его последней победой...» Панюшкин — наш современник, умеет мыслить по-государственному, и это определяет его вклад в производительность общественного труда в целом. Панюшкину уже по возрасту трудно совершить трудовой подвиг в тех «особых условиях», которые он сам принял за норму жизни. И в этом своем нравственном порыве он поистине являет достойный пример для нашей молодежи. Вот как герой размышляет в минуту откровения:

«Признайся, Коля, ты все тот же веснушчатый паренек... но теперь ты вынужден играть роль старика, притворяться стариком, потому что твоей оболочке все-таки пятьдесят восемь. Но ведь тебе только двадцать, Коля, только двадцать! Вот, Коля, в чем твоя беда — ты вынужден в двадцать лет уходить на пенсию только потому, что твоей физиономии под шестьдесят. Ты умрешь в двадцать пять, а все будут думать, что хоронят глубокого старика. Похоронят влюбленного и восторженного, полного надежд и заблуждений, будут думать, что зарывают пустую и холодную развалину...»

В романе просматривается герой, которому свойственно стремление к глубокому постижению смысла жизни, к нравственному совершенствованию. И ценно то, что писатель не «замкнул» ни Панюшкина, ни других своих героев лишь сферой производства, он показал их в самых разных ситуациях и отношениях друг к другу. Тем самым мы получаем как бы дополнительный материал, позволяющий судить об истинности характеров, скажем, Званцева и Жмекина, Чернухо и Мезенова, Белоконя и Тюляфтина, да и многих других персонажей романа. Собственно, и сама предыстория жизни героя, которого мы встречаем уже в солидном возрасте на Острове, дает возможность понять, глубже почувствовать, чем жил Панюшкин задолго до назначения его на этот объект. Роман «Особые условия» актуален по теме, интересен по содержанию, его главный герой настойчиво ищет ответ на вечный вопрос: зачем человек живет на земле и какова мера его нравственной ответственности перед временем?

Мы сегодня хорошо понимаем, насколько важно в литературе художественно зримо, психологически убедительно показать непростые характеры героев — людей труда, нравственные запро-

сы современного рабочего человека. Казахскому писателю Медеу Сарсекееву, как мне представляется, удалось по-своему это сделать в романе «Взрыв».

В этом отношении интересна и повесть горьковского прозаика Василия Осипова «Карьера». В отличие от М. Сарсекеева В. Осипов не сосредоточивается на производственно-технологических процессах. Автора в первую очередь интересуют нравственные принципы, определяющие роль и место человека в эпоху НТР. Проблема эта крайне сложна и еще недостаточно освещена в нашей прозе. В. Осипов пытается решить ее, сделав главным героем повести фигуру, прямо скажем, незаурядную — главного инженера завода Окурова. Волевой, целеустремленный, отличный организатор, Окуров много делает для своего предприятия. Однако вся деятельность Окурова служит одной цели — его интересует только собственная карьера. Механизированная линия? Превосходно! Взята еще одна ступенька в той лестнице, которая должна привести его к ответственному посту в столице. Нужны новые ступеньки? И он придумывает: решив, что некий Виктор Фролов — сын его высокопоставленного покровителя из главка, Окуров устраивает его заместителем начальника отдела по конструированию нестандартного оборудования. Против этого резко возражает начальник отдела Крутиков — Фролов явно не годится ему в заместители (в конце концов выясняется, что Фролов всего лишь однофамилец высокого покровителя), — и Окуров, воспользовавшись первым удобным случаем, заставляет Крутикова уйти на пенсию. Но что любопытно: чем ближе Окуров к своей заветной цели, тем очевиднее для читателя становится его нравственная несостоятельность.

Наверняка не оставит читателя равнодушным и драматическая история другого героя этой повести — Егора Сомова. Фрезеровщик-виртуоз, Сомов был когда-то единственным мастером на весь завод, мастером самого высокого класса. Вкладывая всю свою душу в работу, он порой ночей не спал, обдумывая, как сделать какую-нибудь сверхсложную деталь. Но вот улучшилась техника, пришла на завод автоматика — и оказалось, что теперь с этими деталями без особого труда справляется вчерашняя десятиклассница, нажимая кнопки... Хорошо это, что и говорить, современно, но как быть с тем же Егором Сомовым, вдруг оказавшимся вроде бы и не у дел?.. Этого писатель не решил, не вник в дальнейший ход дела!

Исследуя нравственный облик современника, показывая его гражданское возмужание, писатели интересуются прежде всего миром труда, отраженного в личности. Но взаимоотношения людей, как известно, не ограничиваются только производственной или служебной деятельностью. Разговор о духовном росте сегодняшнего героя вряд ли будет полнокровным, если мы исключим из нравственного арсенала такую преобразующую человека силу, как, скажем, любовь, его семейно-бытовые отношения. Разумеется, любая крайность не в силах выразить всю полноту нашего жизнеустройства, но особенно тревожно наблюдать, когда в произведении предстает авторская заданность — своеобразный «вызов» светлым понятиям нравственности, совестливости, чистоте интимных отношений мужчины и женщины в наши дни. С одной стороны, можно приветствовать глубокий интерес к морально-этическим проблемам жизни, но с другой — приходится с со-

жалением отмечать достаточно серьезные просчеты писателей, сосредоточивших свое внимание на столь злободневных вопросах нашего времени.

Так, молодой азербайджанский прозаик Натиг Расул-Заде в рассказе «Светит, но не греет» показал характер молодой современной женщины, мысли которой о семье и любви не могут оставить нас равнодушными. Героиня рассказа Валида — «молодой, но очень талантливый» архитектор, как привычно отзываются о ней сослуживцы, пытается понять и объяснить сложность своей семейной жизни. «Что же мне не хватает?.. — задается она вопросом и отвечает: — Любви? Но что это такое? Не постель же? Или, может, это вечные ссоры и обиды, недолгие дни примирения, напряженное ожидание взрыва, новой ссоры, скандала по пустякам между двумя надоевшими друг другу, мучающими друг друга людьми? Жить так — это любовь?.. Все ссорятся...» — делает вывод Валида.

Сверстница Валиды, журналистка Вероника, — героиня повести Виктории Токаревой «Длинный день» — на столь решительный шаг: взять ребенка и уйти от нелюбимого мужа! — не решается. В одном из эпизодов повести мы становимся свидетелями откровенного разговора Вероники с подругой Эммой:

«Однажды, кажется, в тот же вечер, Вероника спросила у Эммы: «Какие обязательства выполняет твой муж?» — «Деньги и мясо, — ответила Эмка. — А твой?» Вероника подумала и ответила: «Ночует дома». — «И все? — поразилась Эмка. — А зачем он тебе?»

Что ж, действительно, было чему удивиться, если Владимирцев — муж Вероники, инженер-конструктор, вернувшись с работы, каждый раз садится в кресло и читает очередной том Диккенса. Героиня даже прозвище ему придумала: «Сидадуха». Когда в их семье тяжело заболел ребенок, все заботы о дочери взяла на себя Вероника. Это она пробилась, что называется, всеми правдами и неправдами к столичному хирургу Егорову, после встречи с которым, отмечает писательница, «Вероника вернулась домой, и первое, что она сделала, — выпила вина». Ну а после второй встречи с Егоровым (уже в ресторане Дома журналистов), вернувшись, как пишет автор, «Вероника легла в постель. Алеша обнял ее. Она закрыла глаза и представила, что рядом Егоров...».

Не менее расположенным к такого рода отношениям почувствовал себя и Егоров: едва он, как говорится, прилег на кровать, как «вошла Вероника и тронула его за плечо. «Чего?» — спросил Егоров и сел на кровати... «Мы еще молодые. У нас есть большой кусок жизни. Можно прожить его в счастье». — «Я уже не молодой, — поправил Егоров. — Но счастья все равно хочется». Они вышли из его квартиры, чтобы оказаться на нейтральной территории. Егоров расстелил свой плед. Они легли рядом... Егоров обнимал Веронику и одновременно с этим думал: почему надо было ложиться в грязь?

Далее в повести мы находим слова Чехова: «Женись по любви или без любви — один результат». И, как бы в подтверждение ироничной фразы писателя, автор демонстрирует нам историю семейной жизни Егорова, в свое время женившегося по любви, и его друга Маркина, который был просто вынужден жениться. И вот каков итог их семейной жизни:

«Маркин женился не по любви, а потому, что его Лидка была беременна. Егоров женился на своей Ирине по страстной любви. Он любил ее до умопомрачения в прямом смысле этого слова. До затмения мозгов. Маркин ему завидовал. Лидка знала, что муж ее не любит, и, чтобы удержаться, почти каждый год рожала ему детей. А егоровская Ирина не хотела тратить красоту и молодость, и единственного сына пришлось вымаливать и выпрашивать ценою слез и унижений. Он любил ее долго, лет пятнадцать, а разлюбил в один день. Во вторник еще любил, а в среду проснулся свободным от нее...»

Читая повесть, невольно приходишь к выводу: сегодня на иных любовных и семейно-бытовых «бастионах» крайне неспокойно и неуютно. И невольно хочется спросить: отчего так происходит?.. Может, действительно, для настоящей любви и семейного счастья вообще уже не осталось места на земле?..

К сожалению, приходится признать, что некоторые новые произведения, связанные с изображением семейно-бытовых проблем, не могут не тревожить нас.

Именно картины злободневно-бытовых реалий встречаем мы, например, в рассказе Бориса Василевского «Номинси», с таким многозначительным подзаголовком: «Исследование в трех частях».

Лирический герой этого рассказа, наш молодой современник, от лица которого и ведется повествование, заявлен автором как незаурядная личность, одержимая литературным трудом. Многие места рассказа Б. Василевского подкупают психологической верностью проникновения автора в «муки творчества» начинающего литератора, осознания им ответственности перед временем за избранный путь в жизни. Но все это — частный разговор, нас же сейчас интересует движение его души по нравственной шкале ценностей, его этико-моральные параметры. Герой Б. Василевского предстает человеком утонченного интеллекта, однако вот, например, как он думает о чувствах молодой жены к нему: «Рано или поздно окончательно она поймет, что не найдет со мной того счастья, которое ей надобно...»

Отсюда, естественно, и сам герой не находит для себя в отношениях с женой того восторга чувств, о которых мечтал еще будучи студентом. А раз так — спасение одно: испытать «свои страсти» с другими, случайно встреченными женщинами. И решение героя автор оправдывает, ссылаясь на жизнь Александра Македонского, Юлия Цезаря и даже... Пушкина. В своем дневнике герой доверительно признается: «Какой школьный учитель не доказывал, что Александр Македонский или Юлий Цезарь руководствовались страстями и поэтому были безнравственными людьми?..» И разумеется, герой решительно не соглашается со школьными учителями, тем более, имея прямую причастность к художественному творчеству, зовет себе на помощь именно Пушкина, который, дескать, «имел право на «цинизм», — даже не право, а естественную потребность в нем, как нельзя постоянно сидеть на самой вершине и дышать только — пусть самым чистым, но разреженным воздухом».

Герой, вспомнив о Пушкине, в первой части рассказа незамедлительно отправляется на свидание, а потом — в загс с девушкой, заранее отчетливо зная, что «они все равно расстанутся». Почему? Оказывается, «брак холостит душу». И конечно же,

ради того, чтобы прикоснуться к запретному, герой приходит к весьма любопытному для нас выводу: «Любимая женщина — не падение, для этого должна быть чужая, случайная женщина». И вскоре, разумеется, встречает наш интеллектуальный герой такую женщину, дабы тут же уверовать, что он все-таки по-настоящему любит свою жену... Узнав о его поступке, жена бежит из дома, задав на прощание ему всего лишь один вопрос: «А как бы ты отнесся ко мне, если б узнал, что у меня тоже был кто-то, кроме тебя?..»

В психологических ретроспекциях, в монологах героя автор настойчиво проводит мысль: именно случайная связь с чужой женщиной помогла герою поверить, что он глубоко и неизменно любит отныне только свою жену... Расставшись с ней, герой почти каждый вечер теперь спешил к ней во двор, «осторожно подходил он к светящемуся в углу двора окну, в котором занавески не доставали до подоконника и в эту щель можно было видеть только ее колени, край халата...». Жена время от времени «жалела» его, и тогда их «семейная драма» открывалась новой сценой: «Они вдруг оказывались лежащими рядом на тахте». Словом, вот так, выходит, испытывается на прочность истинная любовь нашего времени молодыми супругами!.. Приходится сожалеть, что способный прозаик не только воздерживается от элементарного осуждения подобных поступков своих героев, более того, всем строем повествования он старается почему-то убедить современного читателя, что ничего особенного и тревожного в семье молодых не происходит...

Эти произведения лишь малая частица той огромной издательской продукции, поступающей в руки читателя и, естественно, призванной формировать эстетический вкус и морально-нравственные нормы бытия. Но, как солнце в капле воды, так, думается, и в них в определенной степени отражается стремление многих современных писателей как можно пристальнее показывать этико-нравственные ценности героев нашего времени. Тем более они особенно заметны рядом с творческими открытиями и исканиями тех писателей, которые изображают сегодня действительно цельные характеры людей труда, их светлые нравственные ориентиры в жизни и быту.

Ставя высокие, ответственные задачи перед писателями, народ и партия ждут, естественно, и большей отдачи. «Только литература — идейная, художественная, народная — воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени», — говорилось на XXVII съезде КПСС.

Социальная значимость и воспитательная роль художественного слова неисчерпаемы и незаменимы в незатухающей борьбе за чистоту личности, за укрепление неприкосновенного запаса нравственных сил для нового поколения.

●

Юрий ПРОКУШЕВ

ОГОНЬ И ВЕТЕР РОССИИ

К 50-ЛЕТИЮ ВАЛЕНТИНА СОРОКИНА

В последнее время все чаще читаешь на страницах литературных журналов и газет статьи о том, как слабо расходятся поэтические книги, снижаются их тиражи, а главное — падает интерес к современной поэзии. В самом деле, к одним поэтическим новинкам читатель равнодушен, к другим тянется всем сердцем. Причем касается это не только поэтов, которых мы постоянно видим на телеэкране в альманахе «Поэзия», в передаче «Вокруг смеха» или в документальном кино и о которых чаще всего «шумит» критика. В не меньшей степени это относится к ряду поэтов, которых критика и телевидение явно не балуют вниманием, но которых хорошо знают и ценят читатели за правду жизни, правду чувств в стихах.

Вновь подумалось обо всем этом, когда, будучи в Белгороде, Курске, Орле, а затем в Новгороде и Калинине, я тщетно пытался приобрести в книжных магазинах хотя бы одну из книг близкого мне поэта, автора более двадцати поэтических сборников. Два последних из них были выпущены сравнительно недавно и в московских книжных магазинах разошлись за несколько дней. Имя этого поэта — Валентин Сорокин.

Читатель, я тебе не угождал,
Не потакал, не очень суетился.
Бесславием и славой не делился,
Не каялся, не плакал, не бранился,
Я шел к тебе! И шаг свой утверждал.

Ни зависти, ни злобы и ни страха,
Ты прикоснись — мокра моя рубаха,
В поту, в пыли, в крови, в огне дорог,
Пока поднялся к Музе на порог,
Не раз была для нас готова плаха.

. . . .

Читатель, я тебя не променял
На быстрый шум,
на суету витийства,
На блеск фанфар победных олимпийства
И вещего крылатого российства
Не предал и нигде — не перенял!

Только глубинно-народный, по-настоящему истинно совестливый поэт, для которого «вся жизнь — в стихах», в беззаветном служении матери-Родине словом, творчеству которого чужды конъюнктурно-сиюминутные «компромиссы», имеет высокое гражданское, нравственное право на такой исповедально-открытый разговор с читателем-другом.

У Валентина Сорокина, как истинного художника, постоянно мучительное беспокойство за действенность, наступательность слова поэта, отзывчивость его в людских сердцах. Ведь сло́ва поэта — суть его дела́. Отсюда чувство высочайшей личной ответственности в стихах за все, чем живет мир сегодня, что́ ожидает его Родину, народ завтра. Отсюда же постоянные и тревожные раздумья и сомнения поэта: смог ли он своим словом в чем-то помочь людям в трудный час, смог ли одарить их души надеждой и добротой, полнее открыть им вечную красоту земли, смог ли, наконец, помочь людям зорче разглядеть лик окружающего зла и недоброты? Одним словом, смог ли он, поэт, сделать их жизнь радостнее и счастливее? Для отечественной поэзии это всегда было высшим гражданским предназначением, высшим нравственным началом.

За полвека жизни поэтом Валентином Сорокиным сделано немало. При всем том сам поэт и поныне крайне сдержан в оценке своего пути, действенности слова, огня души:

Не знаю, сколько мне
Отмерено судьбой
При солнце и луне
Шагать своей тропой.
Но верю — мгла меня
В полях не засосет,
Высоким ветром дня
Огонь мой вознесет;
Он так пылал-горел,
Неукротим и скор,
Пусть мира не согрел,

Зато светил в простор.
И может, в миг тревог,
Когда в округе мреть,
Кому-нибудь помог
И выжить и прозреть.

А может, это и хорошо и знаменательно, что поэт так скромно судит о своей музе, ее служении людям, что по временам ему кажется, что он только сейчас все полнее познает тайну русского слова, что «перед всем и перед всеми» он «в долгу». Пусть будет так! Валентин Сорокин в поэзии — посланец рабочего класса. Рабочий человек привык делать свое дело основательно, без излишней шумихи, трезво оценивая успехи, видя ясно недостатки. Он всегда нацелен на большее. Он — за все в ответе и знает, что самоуспокоенность, излишнее «ячество», а тем паче — самореклама могут легко загубить любое серьезное дело.

Как порой не хватает этой нравственной трудовой закалки, опыта народной жизни, совестливости и скромности тем, кто, случается, «налегке» приходит в литературу, в ее «цех поэзии». Вот и пускают они всю жизнь в стихах мыльные пузыри. Для серьезного новаторского поэтического труда, пророческого прозрения действительности у них нет времени и сил.

Когда думаешь о поэтической судьбе Валентина Сорокина — нелегкой, но крылато-прекрасной, дерзкой, еще раз убеждаешься: у поэта должна быть своя биография, в том числе и трудовая, рабочая. «В том семействе могучем всем бы надо побыть. И работе обучат, и научат, как жить», — справедливо-мудро заметил однажды выдающийся русский поэт Ярослав Смеляков.

Поэтическая юность Валентина Сорокина озарена огненными всполохами металла. «Когда мне исполнилось семнадцать лет, явился в мартеновский цех к огню. И простоял возле мартена около десяти молодых весен», — скажет поэт о себе позднее. «И двигались составы через дали, гудел мартен вулканом наяву. И пламя, поднимаясь на Урале, захлестывало крыльями Москву».

Здесь, на родном рабочем Урале, как сталь, закалялся характер поэта, здесь он становился и мужал как личность. В годы бесхлебного военного детства, в дружной многолюдной семье, осененной и крестьянским серпом, и рабочим молотом, проходил будущий поэт свои первые университеты жизни. С отроческих лет он познавал нелегкий крестьянский труд и навсегда проникся великой любовью к земле, к степным просторам и древним Уральским горам. Несколько позднее, в ремесленном училище, приобщился будущий поэт к огненному делу металлурга. Здесь же, на Урале, среди людей труда и ратных подвигов, встретил Валентин Сорокин многих героев своих стихов и поэм: «Уральский край, сыны твои — герои, вовеки не сотрутся их следы. Они воскреснут, подвиги утроив, как витязи — над волнами беды!.. Я на колени перед ними встану, я не могу забыть их, не могу; губами красну ягоду достану на их святом, нерадостном лугу».

Здесь, на Урале, в заводской многотиражке впервые сталевар Сорокин напечатал свои юношеские стихи. И, может быть, самое главное, что именно здесь, в братской семье уральских металлургов, Валентин Сорокин научился смотреть на мир, оценивать его глазами человека труда, познавать и раскрывать в слове сложные явления действительности с незыблемых партийных

позиций самого революционного класса современности — рабочего класса России.

Мне говорить о Родине — как петь,
Как миллион товарищей иметь.
Кровь русская недаром пролилась
И на востоке пламенем взялась,
На западе знаменами взошла,
На севере снега зарей зажгла.
На юге заалела, занялась,
Кровь русская недаром пролилась.
Мне говорить о Родине — как петь...

Чтобы так написать, надо так же прожить жизнь, полную значения и смысла, радости и борьбы, любви и веры. Есть своя судьба у поэта — будут свои стихи: «В мартене, где камень огнем изрубцован, где стены оглохли от рваного гула, я помнил про участь Алеши Кольцова, меня как невольника к солнцу тянуло».

«Огонь» — так крылато назвал Валентин Сорокин одну из своих трагически-пронзительных и вместе с тем озаренно-романтических поэм.

Я стоял у огня,
Плавил кремний и резал,
Потому у меня
Руки пахнут железом...
Я стоял у огня
Между тьмою и светом,
Потому у меня
Возле сердца планета.
Я стоял у огня
В миг рожденья булата,
Потому у меня
Путь-дорога крылата.

«Огонь» — так назовет Валентин Сорокин и одну из своих ударных книг — книгу поэм, утвердившую его в современной литературе как одного из крупнейших мастеров эпического жанра.

Ныне особенно очевидно, что вся поэзия Валентина Сорокина, как негасимый огонь жизни и памяти народной, огонь доброты и совестливости, огонь надежды и любви к людям: «Бьются их души во мне и багрянятся. Жить мне и петь мне, бороться и раниться». Это огонь, в котором сгорает людская злоба и обывательская мещанская сытость, ибо «где огонь, там, жаром осиянны, и дела и помыслы чисты». Это огонь пролетарского народного гнева к врагам Советской Отчизны, всего человечества — атомным маньякам, воинствующему расизму, черной фашистской нечисти; огонь братской солидарности и веры в человеческий разум.

Огонь поэзии Валентина Сорокина высвечивает в далях нашего героического прошлого бессмертные имена легендарных сынов Русской земли: «К звезде полей я прикоснусь рукой: ведь мне судьбу делить покуда не с кем. Здесь Грозный спит, здесь опочил Донской, здесь отдыхает после битвы Невский».

Так рождаются очень современные исторические поэмы Валентина Сорокина. Многие из них широко известны и с интересом приняты читателем. Вспомним такие, как «Евпатий Коловрат», «Волгари», «Пролетарий», «Дуэль», «Дмитрий Донской»... Прошлое, история проходят в них через сердце поэта. Обретая живые, реальные черты, они наполняются пафосом современности. Оживают в слове неповторимые, бессмертные лики тех, кто по воле народа творил в веках подлинную судьбу России: Коловрат, Донской, Разин, Пугачев, Пушкин, Достоевский, Толстой...

Отсюда — то душевное волнение, то чудо поэзии, то потрясение, когда чувствуешь, что становишься как бы соучастником тех исторических событий, о которых рассказывает языком поэзии Валентин Сорокин. Главное для него в поэмах: выход из Истории в современность и дальше — в будущее. Отсюда обращение к тем событиям русской истории, к тем социальным, нравственным конфликтам, тем историческим личностям, которые прежде всего определяли формирование и развитие русской нации, русской общественной мысли, русской государственности, как в далеком, так и более близком прошлом нашей Родины. Поэт радостно-одержимо, со светлой патриотической гордостью прославляет исторические свершения соотечественников. Вместе с тем в каждой из поэм он воинственно непримирим к недругам России. Его разящее Слово справедливо и беспощадно, как благородный меч воина-защитника Родины.

Несомненно, самобытность исторического эпоса Валентина Сорокина составляет его пронзительный лиризм, напряженность чувств души поэта, обжигающий нас своим огнем высокий эмоциональный настрой повествования. Все это идет от предельной искренности поэта — одной из характерных особенностей его таланта.

Вновь и вновь зорко вглядывается Валентин Сорокин в героические страницы прошлого, открывая в слове для себя, а значит, и для нас, читателей, подчас незаслуженно забытые, светлые, святые имена наших замечательных соотечественников — поборников разума и свободы, без которых ныне не было бы таких нас, а значит, и такой России.

...Поэт на берегу великой сибирской реки. Когда-то здесь, «во глубине сибирских руд», печально и горько звенели каторжные цепи декабристов. Но ни каторга, ни многолетняя ссылка не смогли сломить свободолюбивый дух декабристов. Их бессмертный нравственный гражданский подвиг и сегодня покоряет и потрясает людские сердца. В скорбном молчании склонив голову, поэт долго стоит у могильных холмов, где вечным сном спят герои 25 декабря, поверяя свою жизнь их жизнью.

Стоят во мгле чугунные кресты
Среди холмов над гневною рекою,
Зовущие вершины непокоя:
Отсюда до бессмертья — полверсты.
Мы подличаем, ссоримся, спешим
И хвастаемся глупыми делами.
А вот они звенели кандалами;
Их святоносный дух несокрушим!
Россия, величавые сыны

В твоей земле сибирской опочили;
Кресты мое сознанье омрачили;
Могилы декабристов — будто сны.
Здесь вольный ветер, облаков гурьба,
Здесь замолчит любая знаменитость,
Призванье — это не грызня за сытость,
А равная безумию борьба.

Поэтическая душа богата и глубинна. Она в постоянном движении и обновлении. Огонь ее ярко освещает лик нашего времени, нашей социалистической Родины, ее героические деяния, ее святое ленинское знамя. Еще в двадцатые годы один великий поэт открыто провозгласил: «Я — всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю — атакующий класс», а другой столь же открыто утверждал: «Но и тогда, когда во всей планете пройдет вражда племен, исчезнет ложь и грусть, — я буду воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названьем кратким «Русь».

Это были Маяковский и Есенин — любимые поэты Валентина Сорокина. Для него «эти поэты — братья по революционному подъему народного духа. Пусть они, — замечает он, — не похожи формой и ритмом стиха, пусть они различаются по восприятию новой жизни на земле, но говорили они и пели одно: правду, свободу, звали в будущее... Образно можно сказать так: если Маяковский — басовая труба Революции, то Есенин — ее щемящая скрипка».

Валентин Сорокин верен святой традиции первопроходцев и зачинателей советской поэзии Владимира Маяковского и Сергея Есенина. Мир его поэзии многомерен, светел, противоречив, как сама жизнь. От лирических стихов о любви и природе до его эпических поэм и баллад мир этот озарен главной правдой нашего века — правдой Ленина, правдой Октября. «Пали за Революцию истинные работники, деды мои, отцы мои, братья мои прекрасные, мы навсегда срастаемся с вашими судьбами ясными!»

В центре мира его поэзии, как солнце, — Россия, ее судьба, ее прошлое, настоящее, будущее. «Я, покуда враз не обессилю, вижу в том призвание свое: жить в России и ценить Россию, защищать Россию, суть ее!»; «Я много проехал чужих обаятельных стран, и солнце смеялось, и ухали каменно грозы. Но эта бессонница, этот родимый туман струится и падает словно бы вздохи с березы».

Сколько прекрасных стихов и песен сложено о России! Кажется, все уже давным-давно сказано и пересказано. Случается, что заштампованные, потускневшие слова и образы кочуют, к сожалению, из одного стихотворения в другое. Но вот приходит новый истинный поэт со своими звуками и красками, своим видением родной природы, деяний народных и создает свой неповторимый образ Родины:

Не в глазури, так в камне мы ярко воскреснем,
Светло-русый простор мы броней оградим.
Журавлиную Русь, величавую песню
Никому осквернить и распять не дадим!

В каждой из поэм Валентина Сорокина: «Летят журавли», «Орбита», «Обелиски», «Дорога», «На Пахре», «Дом» и многих других

встает перед нами светлый образ России: с ее необъятными степными просторами; с березовыми рощами, зелеными дубравами; с уральскими древними горами и неповторимой красотой Байкала; с сибирской тайгой и с отцом-Океаном, омывающим ее северные и дальневосточные берега; с древними российскими городами, соборами, крепостями, с Куликовым полем и Бородином; с новыми городами, рожденными нашим временем, с заводами-гигантами, плотинами электростанций, стальными магистралями БАМа, лабораториями ученых, с авиацией, космосом, с хлебным полем России, — всем, что дала Родине поэта Советская власть. Важно подчеркнуть, что, пристально вглядываясь в лик родной земли, поэт-коммунист Валентин Сорокин рассказывает не только о том, что радует глаз, взор поэта охватывает и то, что отзывается в его душе и сердце тревожной болью: «Моя деревня где, что здесь жила веками, — в земле, или в воде, иль стала облаками? Но через сотни верст, заброшенный и древний, я вижу тот погост исчезнувшей деревни». Видит поэт и бездумно разрушенные древние памятники отечественной культуры — соборы, храмы. А с какой скорбной тревогой, горькой иронией и гражданской озабоченностью говорит Валентин Сорокин о разрушении людьми гармонии красоты природы, нерадивом отношении соотечественников к земным богатствам России. Особая печаль, горькая, грустная дума поэта о невосполнимых потерях и утратах Родины, происшедших в пору военного лихолетья:

А на холмах под Вязьмой пушки, пушки,
И танки наши в гари и пыли,
И древнее рыдание кукушки,
Как будто плачет чья-то мать вдали.
А на холмах под Вязьмой густо, густо
Лежат солдаты мертвые в траве.
И тишина, и в мире страшно пусто,
Лишь крик кукушки тает в синеве.

Так возникает в поэзии Валентина Сорокина образ России — овдовевшей, осиротевшей на войне, России, потерявшей в войне с гитлеровской Германией миллионы своих сыновей и дочерей. И мы — все живые — у них в неоплатном долгу. «Беречь Россию не устану, она — прозрение мое, когда умру, то рядом встану я с теми, кто берег ее».

Образ России, просторы которой в могильных холмах, крестах и обелисках вечной памяти и ратной славы: «Холмы российские, курганы, мне плакать хочется навзрыд, нет, ни один из вас туманом от взоров наших не закрыт!» И не только на земле российской нет «угла, где б не лился торжественный свет обелиска», где бы не покоился вечным сном русский солдат — освободитель Европы.

Ветер взмыл в облака,
от дождей отряхнулся шершавых,
И опять — обелиск нашим воинам
в центре Варшавы!
Ветер взмыл в облака,
до свиданья, дорожные сваи,
И опять — обелиск
в середине славянской Софии!

Только любя самозабвенно свой народ, свою родную землю, можно по-братски жить жизнью других народов, жить заботами и тревогами всего мира. Образ России в поэзии Валентина Сорокина неотделим от образа всего нашего многонационального Отечества.

Украина, Белоруссия, Грузия, Таджикистан, Узбекистан, Башкирия, Якутия, Татария... — к жизни братских народов постоянно обращено сердце поэта. Вспомним также прекрасные циклы стихов Валентина Сорокина о революционной Кубе, свободолюбивой Индии, героическом народе Палестины.

Валентин Сорокин — поэт с чувством высочайшей гражданской ответственности за судьбы мира и, я бы сказал, воинственной, наступательной партийности. Путь его никогда не был усыпан розами. Полагаю, что в сути своей это знаменательно. Характер человека, особенно личности незаурядной, талантливой, поэтически-одухотворенной, мужает и утверждается в борьбе с трудностями. «Поэту не только нужны, а необходимы потрясения», — неоднократно справедливо подчеркивал Василий Федоров — один из крупнейших современных поэтов, добавляя при этом с присущей ему прямотой и ясностью суждений: «Сытая жизнь опасна. Она — убаюкивает. И — не только поэтов». Именно он, Федоров, первым по-настоящему разглядел и оценил самобытный поэтический дар молодого уральца. Именно он пригласил Валентина Сорокина приехать к нему в Москву, помог ему напечататься в столичных журналах, а затем сам стал редактором его первой книги. На всю жизнь Валентин Сорокин сохранил сыновнюю благодарность своему «крестному отцу» в литературе — Василию Дмитриевичу Федорову. В своем творчестве, жизни он свято верен нравственным, художественным, гражданским заветам своего учителя.

Было бы несправедливо умолчать о старших товарищах Валентина Сорокина, кто по-доброму поддержал его на Урале, когда он делал свои самые первые шаги в литературе: прекрасном, стойком душой, высоконравственном русском поэте Борисе Ручьеве и отзывчивой сердцем уральской поэтической Ярославне — Людмиле Татьяничевой.

Мир поэзии Валентина Сорокина нравственно прекрасен и духовно чист. Его стихи озарены светом социальной справедливости и доброты. В них даже в самые трудные мгновения жизни, а таких в судьбе поэта было немало, никогда не было места временным настроениям, не было намека на духовную сытость и слепоту чувств, на лицемерную фальшь и «красивую» полуправду; не было сглаживания острых углов жизни. С годами сильнее становится прозрение поэта, растет философское понимание той горькой истины, что «вечно в жизненной круговерти рядом с вороном — соловьи. есть соперники у бессмертья. Есть разбойники у любви»; что сколько в жизни «неправд, сколько обид, сколько боли — со дня рождения до часа креста, а я-то хотел, чтобы, как белое снежное поле, судьба моя была бы чиста. А я-то хотел нараспашку... — Здравствуй, брат, садись, я рад! — Но маками огненными брызнули на рубашку жизни горе и раны утрат». Потрясения, какие поэт пережил, не сломили совестливость его души, не убили светлой веры в жизнь. Бойцовский характер Валентина Сорокина выдюжил и закалился в «жизненной круговерти».

В зрачках бандита или браконьера,
На линии от мушки до курка —
Поэт всегда, как воин, у барьера,
Недаром виден он через века!..

«Хочу быть ветром» — так крылато и выразительно назвал Валентин Сорокин одну из своих новых книг стихов. «В тихие и редкие селенья прилетает ветер-дуновей. Напои скорей стихотворенье синим светом Родины моей».

Ветер жизни — ветер поэзии. Представим на мгновенье: не стало ветра на земле. Все замрет в своем движении, все в конце концов погибнет. Отшумят леса, остановят свой вечный бег облака, под жарким солнцем, без ветра, зачахнут цветущие сады, поникнут золотистые нивы. В знойном неподвижном воздухе, замедлив свой полет, рухнут камнем на землю птицы...

Светлым ветром любви, любви к Родине, природе, человеку наполнены строки стихов этой новой книги Валентина Сорокина, несомненно, на сегодня лучшей его книги и одной из примечательнейших в современной поэзии. Сколько в ней радости бытия, как романтически-одухотворена в ней песнь любви.

С каждым годом в стихах поэта о природе художественно-философски полнее, глубиннее, образно выразительнее раскрывается красота гармонии единения Человека с Природой.

Всегда желанна и радостна встреча с поэзией, в которой все дышит сердечной добротой, любовью к природе и человеку; с поэзией, где все свое — незаемное, первичное, все отлито в живое, правдивое русское слово, в которой родное, национальное неотделимо от судеб других народов; поэзией, в которую войдя однажды, хочется идти и идти по ее неоглядному живому строчечному полю...

Среди забот, среди трудов упорных
Не часто мне в пути светило солнце.
Когда сомкну глаза свои покорно —
Земля отчизны стоном отзовется.

И ты прости — заветом нерушимым
Я осенен и болью многолюдной:
В России жить, —
как двигаться к вершинам,
А умереть, подобно песне чудной!

В заключение хотелось бы заметить, что, как всякое живое дело, как всякий огонь — поэтический огонь в душе Валентина Сорокина, случалось, временами горел не столь ярко, а то и затухал. Поэзия — не конвейер, хотя и конвейер временами останавливается. Но каждый раз огонь поэзии Валентина Сорокина вновь набирал силу, мужал и мудрел, и разгорался еще прекраснее, в последнее время — особенно.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИНТЕРЕСЫ МОЛОДЫХ

На III съезде комсомола В. И. Ленин после своего выступления получил из зала записку: «Товарищ Ленин! Скажите, почему в деревне нет колесной мази?» В зале многие удивились и засмеялись. Однако В. И. Ленин заметил, что вопрос этот имеет прямое отношение к непосредственным задачам комсомола и партии. Коммунист, сказал он, должен суметь ответить на вопрос об отсутствии на селе колесной мази и помочь в налаживании ее производства. Его интересы не могут быть отделены от насущных нужд трудящихся. «Повседневная пропаганда и агитация, — писал Владимир Ильич, — должны носить действительно коммунистический характер».

Эти слова особенно актуальны сегодня, когда происходит резкое ускорение и усложнение процессов общественного развития, ставящих перед нами целый ряд вопросов и проблем, требующих быстрейшего и наиболее оптимального решения. И их выполнение невозможно без сознательного, творческого подхода к делу, чему призвана способствовать пропагандистская работа, доносящая до миллионов людей правду о перспективах движения вперед и путях преодоления возникающих трудностей.

Один из разделов первого выпуска сборника «Спрашивайте — отвечаем. В помощь пропагандисту» посвящен вопросам социалистической экономики. Вопросам экономии и бережливости придается у нас в стране сейчас все большее значение. «Борьба за экономию и бережливость стала в центр внимания нашей хозяйственной политики не потому, что вдруг обнаружились «нехватки» и мы стали «беднее», напротив, образно говоря, главная причина как раз в обратном — в нашем богатстве, в том, что в результате развития советской экономики резко возросли масштабы производства. Имен-

---

Спрашивайте — отвечаем: В помощь пропагандисту. М., «Молодая гвардия», вып. 1, 1984; вып. 2, 1985.

но поэтому возросло значение каждого процента потерь, идет ли речь о сырье или энергии, о транспортных издержках или о нормах расхода материалов и выборе технологии, о затратах труда или материалов», — говорится в сборнике. Юноши и девушки, пришедшие на производство, хотят знать о том, что́ такое рачительное хозяйствование на своей земле, что́ они могут оставить грядущим поколениям, ибо природа небезгранична и, бездумно хозяйничая сегодня, мы обделяем своих собственных детей, которым предстоит жить и работать завтра.

Стремление молодежи к творческим началам в труде просматривается и в следующих вопросах: что же представляет собой производственная бригада и каковы преимущества бригадного подряда, в чем суть встречного планирования? Улучшение внутризаводского планирования, технологии, организации производства и труда — эти важные задачи, ставящиеся во главу угла при переходе к бригадной организации труда, находят среди молодых рабочих горячих сторонников, так как способствуют быстрейшему воспитанию чувства сопричастности. Основная особенность так называемого «калужского варианта» — закрепление за каждым первичным рабочим коллективом технологически законченных работ — особенно важна для молодых рабочих, ибо дает возможность видеть реальное воплощение дела своих рук.

О стремлении осознанно определиться в большом и сложном мире, понять себя и окружающих свидетельствуют и вопросы, задаваемые молодыми философам и социологам. Так, понятие «партийность» очень многогранно. Первое — принадлежность человека к определенной политической партии, говорится в сборнике. Второе, более широкое, — это идейность, определенная социальная направленность мышления, мировоззрения, научного или художественного творчества, общественной деятельности человека, выражающая интересы определенных социальных групп, классов. Именно этот смысл имеют в виду марксисты, утверждая: каждый человек неизбежно проявляет партийность в оценке явлений общественной жизни. «...Сущность человека, — писал К. Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Каждый человек связан с интересами и духовными ценностями определенных общественных групп и ориентируется на них.

В. И. Ленин писал об этом: «Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»... В политике не так важно, **кто** отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, **кому выгодны** эти взгляды, эти предложения, эти меры».

Как противопоставление политической инфантильности и воинствующему мещанству, при которых происходит замыкание на собственную персону, звучат вопросы, волнующие всех нормально и ясно мыслящих людей на планете. Прежде всего это вопросы о мире, необходимость сохранения которого в наше время особенно актуальна. В чем

заключаются цели и задачи эстафеты «Память» молодежи социалистических стран? На встрече руководителей союзов молодежи социалистических стран во время празднования 60-летнего юбилея СССР было сказано, что она «должна превратить актуальные и для нашего времени уроки истории в личные убеждения молодежи и тем самым внести вклад в укрепление интернациональных связей между нашими народами, укрепление мира на земле». Молодежь интересует деятельность СССР и всех миролюбивых сил планеты за создание безъядерных зон. Эти вопросы звучат особенно злободневно, если вспомнить политическую практику стран капитализма, чему посвящен один из разделов сборников. Отвечая на вопрос, что́ такое агрессия, авторы статьи пишут: «Агрессия — это любое незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или народа (нации). Агрессия считается тягчайшим международным преступлением против мира и безопасности, ее понятие включает в себя в качестве обязательного признак первенства (применение государством вооруженной силы первым)». В качестве примеров приводятся агрессии США против Вьетнама и Гренады, США и Израиля против Ливана.

При подобной политике, отмечается в сборнике, неминуема тесная связь между военщиной и капиталистическими монополиями. Авторы сборника приводят высказывание экс-президента Д. Эйзенхауэра, который еще в 1961 году отмечал, что военно-промышленный комплекс, «политическое, экономическое и даже духовное влияние которого ощущается в каждом городе, в каждом штате, в каждом федеральном учреждении... вольно или невольно может приобрести неконтролируемое влияние».

Одной из составных частей ВПК, как убедительно показано в сборнике, является сионистский капитал. Им контролируются такие гиганты военно-промышленного комплекса США, как «Дженерал Дайнемикс корпорейшн», «Локхид Эйркрафт» и многие другие поставщики вооружений Пентагону. Как отмечал член руководства Коммунистической партии Израиля Вольф Эрлих, «руководители сионистского движения в США, будучи неотъемлемой частью монополистической буржуазии в этой стране, являются ее компаньонами, и даже активными компаньонами, в определении стратегии империализма. Их богатство, организация и руководящее положение позволяют оказывать неограниченное влияние на определение американской политики».

Капитализм, чувствуя свою историческую обреченность, использует все возможные средства для поддержания своего господства. Одним из наиболее действенных является отказ от буржуазных демократий как государственной формы классового господства буржуазии и замена их террористическими диктатурами, которые зачастую становятся фашистскими диктатурами.

Буржуазия мобилизует все свои силы на борьбу за собственное существование. Отсюда и проблематика сборни-

ков, касающаяся всех основных тенденций политического развития капиталистических стран за последние годы.

Одной из примет нашего времени стало стремление правящих кругов стран капитала подчинить историческую науку делу непосредственного обслуживания классовых потребностей, отказавшись от ранее внешне исповедуемого принципа объективизма научного творчества. Как следствие этого — значительное увеличение числа фальсификаций, прежде всего затрагивающих историю Советского Союза — страны, первой начавшей строить социализм. Предпринимаются попытки извратить все ключевые моменты становления СССР.

Авторы сборника основной акцент сделали на критике буржуазных фальсификаторов, поскольку празднование 40-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне и 80-летия революции 1905—1907 годов в России еще больше активизировало интерес молодежи к этим событиям и послужило дополнительным толчком появления многочисленной читательской почты с вопросами, связанными с критикой западных историографов.

Еще в 1878 году Ф. Энгельс писал: «Россия — это страна, которая, я думаю, в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль». События первой русской революции блестяще подтвердили этот революционный прогноз. На историческую арену вышел пролетариат, отныне определяющий ход мирового прогресса.

В ходе революции возникли Советы рабочих депутатов — зачатки будущего социалистического народовластия. В Советах В. И. Ленин увидел качественно новый тип государственной власти, которая исходит непосредственно от трудящихся масс. Именно свою власть защищали советские люди в годы Великой Отечественной войны. Этому посвящен один из разделов второго выпуска сборника. Раздел охватывает все основные этапы борьбы против фашистской Германии и милитаристской Японии, но особенное внимание уделяется переломным сражениям Великой Отечественной войны — битве под Москвой и Сталинградской битве.

Под Москвой впервые за войну у фашистской Германии была вырвана стратегическая инициатива. Был развеян миф о непобедимости германской армии. Сталинградская битва внесла решающий вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Ее значимость по достоинству оценил весь мир. Так, говоря о победе советских войск под Сталинградом, президент США Ф.-Д. Рузвельт отмечал: «Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

Не забывая о жертвах и уроках Великой Отечественной войны, молодежь планеты все активнее борется за мир. Большая роль в этом отводится ее регулярным форумам — Всемирным фестивалям, двенадцатый из которых прошел в 1985 году в Москве. Антиимпериалистический, антивоенный заряд фестивалей — вот их отличительная черта, о чем хорошо рассказано в одном из разделов сборника. В Призыве к молодежи мира, принятом на первом заседа-

нии Международного подготовительного комитета по проведению XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, есть такие слова: «Уроки минувшей войны не должны быть забыты... Против войны надо бороться, пока она не началась!»

Сборники «Спрашивайте — отвечаем», открывая собой большую серию подобного рода емких и актуальных информаций, сослужат хорошую службу всем, кто интересуется проблемами истории и современного социального развития.

Ю. ЛУБЧЕНКОВ

Я ЭТИМ ВРЕМЕНЕМ ЖИВУ

Трудные испытания выпадают на долю героев этих книг. Повести и рассказы охватывают большой период жизни: с 30-х годов до сегодняшних дней. В годы войны и трудное послевоенное время проявляются и испытываются характеры героев: нравственное превосходство над врагом, патриотизм, верность идее.

Литературный путь С. Баруздина наметился еще в довоенные годы, когда десятилетним мальчиком в 1936 году он пришел в литературную студию Московского городского Дома пионеров по направлению Надежды Константиновны Крупской, бывшей в те годы заместителем наркома просвещения. Ознакомившись в редакции «Пионерской правды» со стихами и рисунками московского школьника, юнкора Сережи Баруздина и почувствовав в нем литературное дарование, Надежда Константиновна вызвала к себе в наркомат юного стихотворца, побеседовала с ним и передала ему записку следующего содержания для директора Дома пионеров: «Направляю Вам талантливого мальчика Сережу... Прошу определить его в литературный кружок... С коммунистическим приветом. Н. Крупская». Минуло два года, и стихи Сережи Баруздина появились на страницах «Пионера», «Дружных ребят», «Пионерской правды», стали звучать по радио... Много лет спустя, будучи уже известным писателем, Баруздин вспоминал: «Как много дали эти недолгие предвоенные годы занятий в студии, встречи с такими людьми, как Крупская, Чкалов, папанинцы, генерал Карбышев, общение с писателями Арк. Гайдаром, С. Маршаком, С. Михалковым, Л. Кассилем».

Детство, отрочество Баруздина и его сверстников внезапно оборвала война. В 1941 году С. Баруздину было четырнадцать. В первые дни войны мальчик идет работать катошником в типографию «Московского рабочего», туда, где слово обретает реальную плоть, где пахнет типографской краской и свежевыпущенными газетами... «А попутно, — вспоминает писатель, — рыли траншеи на Чистопрудном бульваре, дежурили по ночам на московских крышах, тушили немец-

С. Баруздин. Само собой. Повести. М., «Советская Россия», 1985.

С. Баруздин. Пора листопада. Повести и рассказы. М., Воениздат, 1986.

кие зажигалки...» Из многих наград Родины, полученных писателем в разные годы жизни, самой дорогой, по его признанию, является медаль военных лет «За оборону Москвы».

В пятнадцатилетнем возрасте, прибавив себе годы, Баруздин оказался рядовым артиллерийской разведки. Войну начал комсомольцем, закончил коммунистом. «Если говорить о войне, — вспоминает писатель, — то, конечно, она сформировала меня как человека и как литератора. И она остается и всегда останется моей главной темой и в книжках для самых маленьких, и для взрослых — вчерашних мальчишек и девчонок...» Не стихает в сердце, в душе писателя эхо войны, отзываясь в строках его прозы и стихов:

Не было
И горше нет войны,
Той, что завершилась
В сорок пятом.
Слышишь ты ее?
И мне слышны,
Тридцать лет слышны
Ее раскаты.

Воспоминанья о войне,
Нет, это вовсе не по мне.
Я этим временем живу,
Живу во сне и наяву.

Однако чем объяснить, что первый этап творчества Баруздина-художника связан со становлением его как детского писателя? Почему он, начинающий в те годы литератор, жизнь которого была опалена войной, в своих стихах и прозе обратился к детям? Сам писатель объясняет это тем, что душа солдата, совсем юного (войну Баруздин закончил в девятнадцатилетнем возрасте), устала от войны, от ратного солдатского труда и потянулась к живой, теплой, мирной жизни, населенной детьми, птицами, зверями...

Сергея Баруздина — детского писателя — мы узнали в конце 50-х годов, когда он создал цикл детских книг «Большая Светлана» («Про Светлану», «Светлана-пионерка», «Светлана — наша Сейдеш»). В этих трех книгах Баруздин зорким взглядом художника проследил жизнь человека до того момента, когда, обретя профессию, он выходит на самостоятельную жизненную стезю.

Как справедливо заметил С. Сартаков, С. Баруздин «видит жизнь светло и светло о ней рассказывает. И в прозе, и в стихах. Общее, что сближает и все книги Сергея Баруздина, и всех его читателей, — это прежде всего призывы к доброте...». И в самом деле, раскройте любую из детских книг Баруздина, будь это «Стихи о человеке и его словах», «Стихи о человеке и его делах», «Стихи о человеке и его вещах», или рассказы для детей — все они пронизаны высоким нравственным чувством, активным стремлением привить маленькому человеку совершенно конкретные понятия о зле и добре, о войне и мире, об уважении и любви к труду, внушить мысли о почитании старших, о преданности своей стране, воспитать в ребенке нравственные нормы поведения советского человека, пробудить интернациональные чувства, и обо всем этом рассказывается ясным, доступным детскому восприятию языком. Баруздин своим словом умеет объяснить ребенку, что такое любовь к земле, к Родине, к человеку, к зверям, к птицам — ко всему живому и умеет внушить, что без этой

любви ему не прожить. Не случайно одна из статей-исследований о творчестве Баруздина называется «Мастерская доброты».

Кто из читателей — уже не одного поколения — не знакомился в детские годы с замечательным баруздинским зоопарком «Рассказы о животных», в которых проступает все та же «лелеющая душу гуманность» к ежикам и лошадям, перепелкам и верблюдам, полосатым якам и белкам... Так же как и цикл рассказов о двух слонах Рави и Шаши, подаренных советским детям Джавархарлалом Неру, давно вошедших в классику детской анималистики. Очень важны для воспитания наших детей три публицистические книги Баруздина, ныне, в преддверии 70-летия Октября, выходящие в Детгизе вторым изданием,— «Страна, где ты живешь», «Страна Комсомолия», «Шел по улице солдат».

Сергей Баруздин вспоминает, что первую свою книгу — роман о войне «Повторение пройденного», о пережитом за четыре военных года, о необычайно раннем взрослении своих сверстников — он замыслил тотчас же после Победы. Но книга вызревала долго, трудно и писалась на протяжении десяти лет. Дело не шло, пока автор не попытался изложить события не от третьего лица, как это было первоначально, а от первого, наполнив сюжетную канву восприятием и переживаниями юного бойца. И строки заговорили... «Повторение пройденного» определило и дальнейшее своеобразие Баруздина — военного писателя: слияние личного опыта с документальным началом, которые в своем единстве рождают представление о народном героико-патриотическом характере, закаляющемся в огне войны. Последующие произведения С. Баруздина, из которых наиболее значительными стали «Повести о женщинах», выдержавшие не одно издание, книга «Само собой», удостоенная Государственной премии РСФСР, сборники повестей и рассказов «А память все зовет...», «Тишина над полем», «Пора листопада», стихотворные сборники разных лет, проникнутые чувством исповедальной искренности, составляют художественное полотно о Великой Отечественной войне.

Писатель, духовной сердцевиной творчества которого всегда оставалась тема личной причастности народному подвигу, С. Баруздин и в новых своих вещах проецирует характеры тех, кто воевал, на нашу современность, на наши дни, в гуще которых мы живем, тем самым соединяя единым, цельным характером разные исторические грани изображаемого. Человеческая ценность и обаяние его героев, наших современников, которых мы узнаем по многим присутствующим в их характерах приметам времени, будь то художник Алексей Горсков из повести «Само собой» или скромная служащая Елизавета Павловна из одноименной повести, определяются тем нравственным потенциалом, который сформировала в них война. В повести «Пора листопада» писатель попытался ретроспективно, через образы партизан и сельских жителей окрестных деревень, воссоздать грозное время Великой Отечественной, потребовавшее от каждого советского человека максимума

физической и духовной отдачи.

«Жизнь дается не без счета, а по дням и по часам. Птицу судят по полету, человека — по делам», — как-то сказал писатель, и эти строчки особенно примечательны в канун 60-летия со дня рождения С. Баруздина. Четыре фронтовых года, ставших своего рода университетом для писателя, дали ему духовную закалку на всю жизнь.

Каждый писатель талантлив своими героями. Герой С. Баруздина — это одухотворенное им наше время, обращенное к читателю самыми разными гранями, работающее на наш завтрашний день. Смысл своих творческих усилий писатель формулирует в таких словах: «Нести людям добро и правду, без устали напоминать им, сколько чудес таит в себе детство и как ужасна война, как прекрасны дела советских людей и как важно ценить каждый миг нашей жизни!.. Это, думается мне, и детям важно знать, и взрослым помнить...»

Л. ГАГАУЗ

ДАР ПОЭТА

Кому не известны такие стихи, как «У нас в общежитии свадьба», «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...», «Огней так много золотых на улицах Саратова», «Ну что ж сказать, мой старый друг...», «На тот большак, на перекресток», «Давно не бывал я в Донбассе», «Почему ж ты мне не встретилась...», «Ты надела праздничное платьице», — ставшие популярными песнями. И не только в нашей стране. Конечно, участвовали в создании песен и композиторы Сигизмунд Кац, Никита Богословский, Кирилл Молчанов, Марк Фрадкин, Оскар Фельцман. Но написал эти поистине замечательные строки Николай Доризо.

В годы войны Доризо написал «простенькую», как он сам считает, песенку: «Любимая, далекая дочурка черноокая, нежно Мишку укрой, скоро кончится бой, твой отец вернется домой». Но она так точно выразила людское настроение, что люди сочли ее народной.

В чем секрет успеха песен Доризо? Ответить на этот вопрос, мне кажется, не сможет и сам поэт. Но то, что есть у него талант угадывать народные чаянья и сокровенные думы, это несомненно. Подумать только, ведь в тридцать лет написана им песня, в которой пожилой человек сожалеет, что не встретилась ему раньше, в «года далекие», девушка, которую он с таким опозданием полюбил: «Почему ты мне не встретилась, юная, нежная...».

Новая книга Н. Доризо «Звенья» открывается стихами, в которых поэт как бы возвращается к этой известной песне теперь, когда ему не тридцать, а вдвое больше.

О, как ты поздно, молодость, пришла,

Николай Доризо. Звенья. Стихи. М., «Советский писатель», 1986.

Почти на тридцать лет
ты опоздала,
Всю жизнь мою тебя мне
не хватало...
О, как ты поздно, молодость,
пришла!

Свежесть мироощущения рождает настоящие стихи. Но ведь именно это ощущаем мы, люди того поколения, к которому принадлежит поэт.

Есть в книге и стихи, посвященные Пушкину. Пушкин стал для Николая Доризо героем его пьес в стихах и памятных эссе, которые написаны убедительно и увлекательно, и так же афористичны и мудры, как лучшие его песни и стихи. Живой и пытливый, склонный к философичности дар поэта неизменно опирается на свойственную ему органическую народность.

«Как много фамилий, как мало имен. Поэтов у нас изобилие! И как нелегко перейти Рубикон, чтоб именем стала фамилия». Николай Доризо этот Рубикон перешел давно. И радует, что он не успокаивается на достигнутом, что работает в полную силу. Книга «Звенья» — это его бесспорная удача.

Александр **ТВЕРСКОЙ**

Первая страница обложки журнала: Сталь идет. В кислородно-конверторном цехе завода имени Дзержинского (г. Днепродзержинск). Фото И. Потапова.
Четвертая страница обложки журнала: Занятия со студентами из Никарагуа и Кампучии в Астраханском рыбном институте проводит доцент В. В. Решетняк. Фото А. Бутеева.

Сдано в набор 30.04.86. Подп. в печ. 09.06.86. А08167.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 104.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

«СОКОЛ-404»

Радиоприемник «СОКОЛ-404» уверенно принимает радиопередачи в диапазонах длинных и средних волн. Отличается повышенной выходной мощностью, расширенным диапазоном воспроизводимых частот, увеличенной энергоемкостью источников питания.

К радиоприемнику можно подключить внешнюю антенну и головные телефоны.

Спрашивайте «СОКОЛ-404» в магазинах, торгующих радиоприемниками.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251